

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВТУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 19

ВИТЕБСК 2015

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2015 • Том 19

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 23.04.2015 г.

Редакционная коллегия:

А.В. Егоров (*главный редактор*),
М.А. Слемнев (*зам. главного редактора*),
В.Ю. Боровко, П.А. Водопьянов, Е.В. Давлятова, А.Н. Дулов, В.С. Елисеев,
А.П. Косов, О.В. Лапатинская, И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, М.А. Можейко,
С.А. Моторов, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий, И.Р. Чикалова, В.М. Шорец

Редакционный совет:

София Абрамович (*Польша*), Зина Гимпелевич (*Канада*),
Эрик Екабсонс (*Латвия*), И.А. Королева (*Россия*), А.А. Михайлов (*Россия*),
В.Н. Никитин (*Россия*), Н.Л. Пушкарева (*Россия*), Т.А. Ященко (*Украина*)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

В54

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – Т. 19. – 170 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2015

Оглавление

Contents

История

Агееў А.Р. Спаборніцтва і супрацоўніцтва Віцебска і Магілёва ў працэсе стварэння настаўніцкіх інстытутаў у пачатку XX стагоддзя .....

Величко Н.В. Присоединение Франции к англо-американскому курсу по германскому вопросу в 1947–1948 гг. ....

Моторова Н.С. Роль управлений по делам земского хозяйства в развитии системы здравоохранения на территории белорусских губерний (1903–1911 гг.) ...

Здоровцева О.В. Православная традиция в контексте секуляризации российского общества в начале XX века ..

Николаева И.В. Социокультурные изменения и общественные настроения в повседневной жизни населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны ...

Сливенко В.А. Формирование новой системы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов УССР в 1920-е гг. (по материалам милиции Екатеринославщины) .....

Шевкун П.В. Эволюция коммуникативной роли православной церкви на территории Беларуси в 1772–1825 гг. ....

Шейн С.С. К вопросу взаимоотношений Ольвии с некоторыми полисами Эгейского и Средиземноморского регионов в античный период .....

Пастэрнак Г.М. Дзейнасць Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры па ўвекавечанні памяці аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны (1966–1991 гг.)

Хомяк М.В. Социальное и правовое положение низшего духовенства в Галицкой Руси в конце XIV – начале XVI в. К постановке проблемы .....

Кулинок С.В. Организационно-распорядительные документы в системе разведдокументов руководящих органов партизанского движения: виды, структура, информативность .....

History

Aheyev A.R. Competition and Cooperation between Vitebsk and Mogilev in the Process of Creating Teachers' Colleges in the Early Twentieth Century .....

Velichko N.V. France's Joining the English and American Policy on the German Issue in 1947–1948 .....

Motorova N.S. Role of Administrations on Local Economy in the Development of Health Care System on the Territory of Belarusian Provinces (1903–1911) .....

Zdorovtseva O.V. The Orthodox Tradition in the Context of the Russian Society Secularization in the Early 20th Century ....

Nikolayeva I.V. Social and Cultural Transformations and Public Everyday Life Moods of Vitebsk Region Population in the Post Occupation Period of the Great Patriotic War .....

Slivenko V.A. Building a New System of Professional Training of the Police of the Soviet Ukraine in the 1920s (on the Document Basis of the City Police of Ekaterynoslav) .....

Shevkun P.V. Evolution of the Communicative Role of the Orthodox Church on the Territory of Belarus in 1772–1825 .....

Shein S.S. On the Issue of the Relationship of Olbia with some Polises of the Aegean and Mediterranean Regions in Ancient Times .....

Pasternak G.M. Activity of Belarusian Voluntary Society on Preservation of Monuments of History and Culture on Commemorating Events and Heroes of Great Patriotic War (1966–1991) .....

Khomiak M.V. Social and Legal Status of the Lower Rank Clergy in Galician Russia in the late XIV – early XVI century. On the Statement of the Issue .....

Kulinok S.V. Organizational and Administrative Documents in the System of Intelligence Documents of Partisan Governing Bodies: Types, Structure, and Information Content .....

Косов А.П. Политика США в отношении Китая в период президентства Дж.Ф. Кеннеди .....

85

Киселев А.А. Массовые беспорядки и городская полиция в белорусских губерниях в 1905–1907 гг. ....

93

Философия

Слемнев М.А. Диалектическое измерение феномена фрактальности .....

101

Рудковский Э.И. Глобализирующийся социум и идеология .....

106

Гончарова А.А. Соотношение языка и мышления в схоластической философии .....

111

Романов О.А. К проблеме уточнения границ тематического поля социальной философии и философии истории .....

118

Филология

Крикливец Е.В. Сравнительное изучение русской и белорусской литературы: теория и практика .....

127

Дзядова А.С., Васильева Т.А. Чалавек праз прызму семантычных дыялектызмаў у гаворках Віцебшчыны .....

133

Лавицкий А.А. Медиаконцепт «Славянский базар» в коммуникативном пространстве региональных и центральных газет Беларуси .....

139

Здольников В.В. «Василий Тёркин» в контексте жанра. К 105-летию А.Т. Твардовского .....

147

Шевцова Л.И., Яцына А.А. Образ вечного Рима в «Римских элегиях» и «Письмах римскому другу» Иосифа Бродского .....

154

Барбук С.Г. Порядок следования компонентов в моделях, состоящих из двух глаголов .....

162

Kosov A.P. The U.S. Policy towards China during John F. Kennedy Presidency .....

85

Kiselev A.A. Major Riots and the City Police in Belarusian Provinces in 1905–1907 .....

93

Philosophy

Slemnev M.A. Dialectical Dimension of the Phenomenon of Fractality .....

101

Rudkovski E.I. Globalizing Society and Ideology .....

106

Goncharova A.A. The Interrelation between Language and Thinking in Scholastic Philosophy .....

111

Romanov O.A. On Revision of the Borders of the Subject Field of Social Philosophy and Philosophy of History .....

118

Philology

Kriklivets E.V. Comparative Study of Russian and Belarusian Literatures: Theory and Practice .....

127

Dziadova A.S., Vasilyeva T.A. Man Through the Prism of Semantic Dialectisms in Vitebsk Region Sayings .....

133

Lavitski A.A. The Media Concept of Slavianski Bazaar in the Communicative Space of Regional and National Belarusian Newspapers .....

139

Zdolnikov V.V. «Vassily Terkin» in the Context of the Genre. On the Occasion of A.T. Tvardovski's 105th Anniversary .....

147

Shevtsova L.I., Yatsina A.A. The Image of Eternal Rome in «Roman Elegies» and «Letters to Roman Friend» by Joseph Brodsky .....

154

Barbuk S.G. Order of Components in Models Consisting of Two Verbs .....

162

УДК 37(091)“19”

Спаборніцтва і супрацоўніцтва Віцебска і Магілёва ў працэсе стварэння настаўніцкіх інстытутаў у пачатку XX стагоддзя

Агееў А.Р.

Установа адукацыі «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова», Магілёў

У артыкуле паказваецца спаборніцтва Віцебска і Магілёва за права адкрыцця настаўніцкага інстытута ў 1908–1910 гг. і супрацоўніцтва ў 1913 г.

Мэтай артыкула з’яўляецца апісанне і асэнсаванне працэсу ўзнікнення першых настаўніцкіх інстытутаў на тэрыторыі нашай дзяржавы – Віцебскага і Магілёўскага, выяўленне прынцыпаў выбару гарадоў для адкрыцця інстытутаў і механізмаў перадачы назапашанага педагагічнага вопыту ў пачатку XX стагоддзя.

Матэрыял і метады. Даследаванне ажыццяўлялася з прымяненнем метадаў апісальна-аналітычнага і гісторыка-параўнальнага аналізу. Пры напісанні артыкула выкарыстоўваліся дакументы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі і Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва.

Вынікі і іх абмеркаванне. Аналіз крыніц дазволіў аўтару выявіць механізм перадачы назапашанага педагагічнага вопыту пры ўтварэнні новых навучальных устаноў на прыкладзе ўзаемадзеяння Віцебска і Магілёва пры адкрыцці ў 1913 г. Магілёўскага настаўніцкага інстытута. Паказваецца, як дырэктар Віцебскага інстытута К.І. Ціхаміраў аказаў метадычную і практычную дапамогу свайму магілёўскаму калегу У.М. Тычыніну, чаму спрыялі іх добрыя адносіны і сумесная дзейнасць у Віцебску, у якім да свайго прызначэння ў Магілёў Тычынін адпрацаваў 20 гадоў. Перапіска дырэктараў Віцебскага і Магілёўскага інстытутаў каштоўная не толькі фіксацыяй тагачаснага ўзаемадзеяння навучальных устаноў, але і апісаннем рэальнага стану спраў у Віцебскім і іншых настаўніцкіх інстытутах.

Заклучэнне. У выніку выяўленага ўзаемадзеяння Віцебск стаў першым, а Магілёў другім горадам на сучаснай тэрыторыі Беларусі, у якіх былі адкрыты і паспяхова дзейнічалі настаўніцкія інстытуты. Па ўзоры Віцебскага настаўніцкага інстытута зацвярджаліся правілы і праграмы для паступлення, вучэбныя праграмы і іншыя дакументы Магілёўскага інстытута.

Ключавыя словы: Віцебск, Магілёў, Віцебскі настаўніцкі інстытут, Магілёўскі настаўніцкі інстытут, У.М. Тычынін, К.І. Ціхаміраў, вучэбныя праграмы, правілы і праграмы для паступлення.

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 5–12)

Competition and Cooperation between Vitebsk and Mogilev in the Process of Creating Teachers' Colleges in the Early Twentieth Century

Aheyeu A.R.

Educational establishment «Mogilev State A.A. Kuleshov University», Mogilev

The article deals with the competition between Vitebsk and Mogilev for the right to open the Teachers' Institute in 1908–10 and cooperation in 1913.

The purpose of this work is a description and understanding of the process of emergence of the first teachers' colleges in our state – Vitebsk and Mogilev ones, identifying principles for selecting cities for the opening of institutions and mechanisms for the transfer of accumulated teaching experience in the early twentieth century.

Material and methods. The study was carried out using the methods of descriptive and analytical, historical and comparative analysis. This article is based on documents of the National Historical Archives of Belarus and the Lithuanian State Historical Archives.

Findings and their discussion. Analysis of sources allowed the author to identify the mechanism of transfer of accumulated teaching experience in creating new schools giving an example of the interaction between Vitebsk and Mogilev while opening Mogilev Teachers' Institute in 1913. The head of Vitebsk Institute K.I. Tikhomirov is shown to provide methodological and practical assistance to his Mogilev counterpart V.M. Tychinin. This happened due to their good relations and cooperation in Vitebsk, where Tychinin had worked for 20 years before his appointment to Mogilev. The article contains the correspondence between the heads of Vitebsk and Mogilev institutions which is valuable not only as a means of fixing the interaction between the educational establishments, but also as the description of the real situation in Vitebsk and other teachers' institutes.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: aheyeu@tut.by – А.Р. Агееў

Conclusion. As a result of the interaction described Vitebsk became the first and Mogilev the second city on the territory of modern Belarus, where teachers' institutes were created and successfully operated. Following the example of Vitebsk Teachers' Institute regulations and programs for admission, as well as curriculum and other documents were approved in Mogilev Institute.

Key words: Vitebsk, Mogilev, Vitebsk Teachers' Institute, Mogilev Teachers' Institute, V.M. Tychinin, K.I. Tikhomirov, curriculum, regulations and programs for admission.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 5–12)

Першыя главы станаўлення педагагічнай адукацыі Беларусі ўжо напісаныя. Але да фундаментальнага даследавання, выяўлення заканамернасцяў і шматлікіх асаблівасцяў, стварэння грунтоўных біяграфій устаноў і першых педагогаў, ацэнцы педагагічных поглядаў апошніх і ўнёску ў працэс узнікнення вышэйшай школы, што толькі і дае мажлівасць грунтоўнага асэнсавання гістарычных працэсаў, беларуская гістарыяграфія, па вялікім рахунку, толькі прыступіла. Адным з важных сюжэтаў станаўлення педагагічных навучальных устаноў краіны з'яўляюцца адкрыццё і дзейнасць настаўніцкіх інстытутаў у пачатку XX стагоддзя. Магілёў і Віцебск у ім звязаны непасрэдна – яны і спаборнічалі, і супрацоўнічалі. Канкурэнцыя і сумесная праца гарадоў паспрыялі нараджэнню другой і трэцяй па ўзросце вышэйшай навучальнай установы нашай краіны. Нягледзячы на святкаванне ВДУ імя П.М. Машэрава і МДУ імя А.А. Куляшова стагоддзя гісторыі сваіх устаноў у 2010 і 2013 гадах і выхад у свет юбілейных выданняў, гэты цікавы і важны сюжэт сумеснай гісторыі пакуль толькі згадваўся некалькімі радкамі і далёкі ад свайго асэнсавання.

Мэтай артыкула з'яўляецца апісанне і асэнсаванне асаблівасцяў працэсу ўзнікнення першых настаўніцкіх інстытутаў на тэрыторыі нашай дзяржавы – Віцебскага і Магілёўскага, выяўленне прынцыпаў выбару месцаў для адкрыцця інстытутаў і механізмаў перадачы назапашанага педагагічнага вопыту пры ўтварэнні новых навучальных устаноў на прыкладзе ўзаемадзеяння Віцебска і Магілёва ў пачатку XX стагоддзя.

Матэрыял і метады. Даследаванне ажыццяўлялася на аснове прынцыпу канкрэтна-гістарычнага і комплекснага даследавання з прымяненнем метадаў апісальна-аналітычнага і гісторыка-параўнальнага аналізу. Пры напісанні артыкула выкарыстоўваліся апублікаваныя крыніцы, дакументы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі і Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва.

Вынікі і іх абмеркаванне. У канцы XIX – пачатку XX стагоддзя Віцебск і Магілёў былі аднымі з буйнейшых гарадоў Паўночна-

Заходняга краю Расійскай імперыі. У іх адпаведна з дадзенымі першага ўсеагульнага перапісу насельніцтва 1897 г. пражывала 66 і 43 тыс. чалавек. У сувязі з развіццём прамысловасці, паляпшэннем транспартных сувязяў і ростам гандлю гарады пашыралі свае межы. У 1913 г. у Віцебску пражывала ўжо 109, а ў Магілёве – 70 тыс. жыхароў. У гарадах паступова павялічвалася колькасць адукаваных людзей, фарміраваўся ўсё больш шырокі слой культурнай эліты. І Віцебск, і Магілёў былі губернскімі цэнтрамі і мелі шматлікую адміністрацыю. Рост насельніцтва і эканомікі падмацоўваў амбіцыі эліт у розных праявах грамадскага жыцця, у тым ліку ў сферы адукацыі.

Навучальныя ўстановы Віцебскай і Магілёўскай губерняў у пачатку XX стагоддзя падпарадкоўваліся кіраўніцтву Віленскай навучальнай акругі. У межах гэтай навучальна-адміністрацыйнай адзінкі Расійскай імперыі ў той час назіраўся моцны недахоп кваліфікаваных настаўнікаў. Ён быў выкліканы перш-наперш хуткім пашырэннем сеткі пачатковых школ і неразвітай сістэмай падрыхтоўкі педагагічных кадраў. У Віцебскай і Магілёўскай губернях не было педагагічных навучальных устаноў для падрыхтоўкі настаўнікаў няпоўных сярэдніх школ. У выніку ў 1909 г. у Магілёўскай губерні з 988 настаўнікаў народных вучылішчаў 560 (56,7%) не мелі педагагічнай адукацыі, а ў 1913 г. – 1381 настаўнік (73%) з 1889. Падобнай была сітуацыя і ў Віцебскай губерні, дзе налічвалася каля 1800 настаўнікаў, з якіх вышэйшую адукацыю мела каля 150 чалавек. Віленскі настаўніцкі хрысціянскі інстытут, які штогод выпускаў 30 настаўнікаў для вышэйшых пачатковых вучылішчаў, быў не ў стане забяспечыць патрэбы краю. На ўсёй сучаснай тэрыторыі Беларусі ў 1905 г. былі чатыры настаўніцкія семінарыі з колькасцю навучэнцаў 515 чалавек у асноўных класах, у іх ліку Полацкая. Пяць аднагадовых курсаў пры гарадскіх вучылішчах (50 навучэнцаў) у 1908 г. пераўтварылі ў двухгадовыя. Лічылася, што такія курсы рыхтуюць настаўнікаў на ўзроўні настаўніцкай семінарыі. Вялікае месца ў папярэньні на-

стаўніцкіх кадрў пачатковай школы займалі іспыты на званне настаўніка [1, с. 384–385].

Настаўнікаў для сярэдняй школы прысылалі з Масквы і Санкт-Пецярбурга, бо свайго ўніверсітэта ў Віленскай навучальнай акрузе не было, як і ўвогуле на тэрыторыі сучаснай Беларусі не існавала вышэйшых навучальных устаноў ці ўстаноў па падрыхтоўцы настаўнікаў для сярэдняй школы. Царызм баяўся распаўсюджвання рэвалюцыйнай заразы ў непакорным краі, які пасля падзелаў Рэчы Паспалітай тройчы ўздываўся на паўстанні супраць расійскага панавання, і з асцярогай ставіўся да планаў адкрыцця ў ім універсітэта, бо студэнцтва заўсёды актыўна ўдзельнічала ў вызваленчым руху. Пасля паўстання 1863–1864 гг. нават быў закрыты Горы-Горацкі земляробчы інстытут. Тым не менш, жыццё выводзіла праблему пашырэння і паляпшэння сістэмы падрыхтоўкі настаўнікаў у разрад першачарговых. Пытанне аб адкрыцці ўніверсітэта ў Віцебску, Магілёве або Мінску неаднаразова ўздывалася ў канцы XIX – пачатку XX ст., прычым найбольшую актыўнасць праяўлялі ўлады і грамадскасць Віцебскай і Магілёўскай губерняў. Праекты стварэння іншых вышэйшых навучальных устаноў таксама даўно абмяркоўваліся грамадскасцю Беларусі, але вышэйшая расійская бюракратыя блакіравала іх рэалізацыю.

Нягледзячы на няўдалыя спробы адкрыць універсітэт у 1903 і 1906–1907 гг., карысць ад праведзенай падрыхтоўчай работы была. Ва ўмовах немажлівасці ўтварэння вышэйшай навучальнай установы кіраўніцтва Віленскай навучальнай акругі хадайнічала перад Міністэрствам народнай асветы аб адкрыцці ў акрузе яшчэ аднаго настаўніцкага інстытута. Для выбару месца размяшчэння новай навучальнай установы быў праведзены своеасаблівы тэндэр. Выдаткі на ўтрыманне інстытута брала на сябе казна (да 50 000 руб.), а наём памяшкання (да 5 000 руб.) павінны былі пакрыць мясцовыя крыніцы. Важнай умовай таксама з’яўлялася выдзяленне бясплатнага зямельнага ўчастка пад будаўніцтва інстытута. Губернскія і гарадскія ўлады ў Віцебску і Магілёве атрымалі паведамленні з адпаведнымі прапановамі.

Вельмі аператыўна і адказна спрацавалі ўлады Віцебшчыны. На пасяджэнні вучылішчага савета Віцебскай дырэкцыі народных вучылішчаў 8 студзеня 1908 г. Віцебскі гарадскі галава Косаў і старшыня губернскай земскай управы Матвееў абяцалі хадайнічаць у сваіх установах

аб выдзяленні на ўтрыманне інстытута па 3 000 руб. штогод. Вучылішчная камісія Віцебскай гарадской управы рашуча падтрымала праект. Суліма-Самуйла і Косаў прапанавалі бязвыплатна па ўчастку зямлі пад будучае будаўніцтва інстытута. Пасля абмеркавання гэтага пытання 12 сакавіка 1908 г. гарадская дума хадайнічала аб адкрыцці ў Віцебску настаўніцкага інстытута і паставіла выдзяляць па 2500 руб. штогод на яго ўтрыманне. Віцебскае земства абяцала 3000 руб. штогод [2, с. 4–5].

Уладныя ўстановы іншых губерняў таксама выказалі свае прапановы і меркаванні аб магчымай дапамозе пры адкрыцці інстытута. Відаць, найбольш канкрэтныя і перспектыўныя яны былі з Віцебску і Магілёва. У выніку 18 лютага 1909 г. Папячыцель Віленскай навучальнай акругі паведаміў гарадскім уладам горада Магілёва, што ў сувязі з павелічэннем школьнай сеткі Міністэрства народнай асветы прыняло рашэнне адкрыць у Віленскай акрузе яшчэ адзін настаўніцкі інстытут у Віцебску або ў Магілёве ў залежнасці ад таго, які з гэтых двух гарадоў акажа Міністэрству народнай асветы больш істотную матэрыяльную падтрымку з гарадскіх сродкаў у здзяйсненні гэтага намеру. Папячыцель прасіў паведаміць: 1) ці змога горад бязвыплатна выдзеліць частак гарадской зямлі пад будаўніцтва праектаванага інстытута; 2) ці прыме горад удзел у яго будаўніцтве, або ці змога за свой кошт забяспечыць памяшканнем інстытут да пабудовы ўласнага будынка; 3) на якую штогадовую субсідыю са сродкаў горада можа разлічваць міністэрства? [3, арк. 61].

Паміж Віцебскам і Магілёвам пачалося сапраўднае спаборніцтва за новую навучальную ўстанову. Улады абодвух гарадоў разумелі, якую вялікую культурную, асветніцкую і навуковую карысць будзе мець адкрыццё настаўніцкага інстытута. Яно давала надзею ў хуткім часе пры спрыяльных абставінах усё ж давесці яго да тыпу вышэйшай навучальнай установы. Прапановы і праекты пераўтварэння настаўніцкіх інстытутаў у вышэйшыя навучальныя ўстановы таксама перыядычна агалошваліся ў педагагічным друку.

На сходзе Магілёўскай гарадской думы ў красавіку 1909 г. гарадскі галава Сямкоўскі паведаміў аб лісце спадара Папячыцеля. Пасля абмеркавання было вырашана адвесці бязвыплатна ўчастак зямлі для будаўніцтва інстытута, а на яго ўтрыманне штогод выдзяляць 1000 руб. на працягу першых

10 гадоў з дня яго адкрыцця. Але з-за фінансавых абмежаванняў горад не змог ні знайсці сродкаў на будаўніцтва інстытута, ні забяспечыць яго памяшканнем. Праўда, матэрыяльную падтрымку праекту абяцала губернскае земства, якое пазней будзе штогод выдаткоўваць 1 000 руб. на ўтрыманне Магілёўскага настаўніцкага інстытута. У завочнай спрэчцы двух гарадоў фінансавая перавага была на баку Віцебска, які быў гатовы да большых “жертв”. Яго кіраўніцтва згаджалася штогод выдзяляць па 5 000 руб., аб чым даведзіліся ў Магілёве. Сем гласных Магілёўскай гарадской думы напісалі ліст Магілёўскаму гарадскому галаве, у якім прапаноўвалі прынесці больш значную фінансавую ахвяру, бо Віцебск гатовы да вялікіх фінансавых выдаткаў. Зноў магілёўскія ўлады абмяркоўвалі гэтую праблему ў маі 1910 г., але дадатковых крыніц фінансавання знайсці так і не змаглі [3, арк. 62–67].

Пазіцыі віцяблян узмацніла вызваленне вайскоўцамі былых казарм па вуліцы Гогалеўскай. Вялікі каменны будынак быў аддадзены горадам для размяшчэння шэрагу навучальных устаноў. У выніку настаўніцкі інстытут у 1910 г. быў адкрыты ў Віцебску. А ў магілёўскіх газетах, у тым ліку 4 і 10 верасня ў штодзённай грамадска-палітычнай і літаратурнай газеце “Могилевский вестник”, былі апублікаваны аб’явы аб уступных іспытах у Віцебскі настаўніцкі інстытут з 20 верасня. Планавалася, што інстытут будзе рыхтаваць спецыялістаў не толькі для Віцебскай, але і для іншых губерняў Віленскай навучальнай акругі. Праваслаўныя юнакі ад 16 да 25 гадоў усіх саслоўяў з Магілёўскай губерні, якія скончылі настаўніцкую семінарыю і мелі не менш чым двухгадовы настаўніцкі стаж, атрымалі магчымасць для паступлення ў новую педагогічную навучальную ўстанову.

Параза ў спаборніцтве з Віцебскам стала ўдарам па надзеям магілёўскай культурнай эліты, але намаганні не былі для магілёўцаў дарэчнымі. Губернскія і гарадскія ўлады натхніліся ідэяй адкрыцця інстытута. Яны не змірыліся з няўдачай, рабілі пэўныя захады, у тым ліку ў снежні 1912 г., дзеля таго, каб дамагчыся адкрыцця інстытута ў горадзе. І праз тры гады летам 1913 г. было канчаткова зацверджана рашэнне адкрыць 1 ліпеня ў горадзе Магілёве настаўніцкі інстытут з гарадскім пры ім вучылішчам. Пры прыняцці рашэння ўлічваліся абяцанні магілёўскіх уладаў, дадзеныя пад час канкурэнцыі з Віцебскам. Кі-

раўніцтва Віленскай навучальнай акругі хадзілі аб пацвярджэнні абяцаных раней горадам інстытуту субсідый і адвядзенні ўчастка зямлі пад будаўніцтва вучэбнага корпусу, што і зрабілі ў тэрміновым парадку гарадскія ўлады. Ужо другога жніўня Магілёўская земская ўправа паведаміла аб пералічэнні 500 руб. на ўтрыманне інстытута ў другім паўгоддзі 1913 г. Праз афіцыйныя і прыватныя газеты васьмі губерняў (Магілёўскай, Віцебскай і суседніх) было апублікавана паведамленне аб адкрыцці інстытута і пачатку ўступных экзаменаў чацвёртага верасня 1913 г. [4, с. 11].

Інстытут стаў першай адмысловай педагогічнай установай з трохгадовым тэрмінам навучання ў Магілёўскай губерні. Ён павінен быў рыхтаваць настаўнікаў для вышэйшых пачатковых вучылішчаў і лічыўся сярэдняй навучальнай установай. Дырэктарам інстытута быў прызначаны стацкі саветнік У.М. Тычынін. Перад ім стаялі тэрміновыя і складаныя задачы па фармаванні штата новай установы, стварэнні яе матэрыяльнай базы, складанні нарматыўных і метадычных дакументаў, арганізацыі навучальнага працэсу і г.д. Вырашаць іх дапамагалі жыццёвы досвед, арганізацыйныя здольнасці педагога, вопыт кіравання навучальнымі ўстановамі і ... помач з Віцебску.

У архіўнай справе “Справочные сведения Витебского и других институтов по разным институтским вопросам” захаваліся фрагменты перапіскі дырэктараў Магілёўскага і Віцебскага інстытутаў У.М. Тычынна і К.І. Ціхамірава, дзе першы з іх просіць шматлікіх парадаў і дапамогі ў кіраўніка Віцебскага інстытута [5]. Прыкладам, дзевятага жніўня 1913 г. Ціхаміраў у адказ на запыт ад пятага жніўня тлумачыў Тычынну парадак забеспячэння ільгот па праходжанні воінскай павіннасці, а 18 жніўня – штатны расклад гарадскога пры інстытуце вучылішча, выкладанне Закона Божага, гімнастыкі, спеваў і графічных мастацтваў. Выконваючы абавязкі дырэктара Віцебскага інстытута 23 жніўня пісаў у Магілёў: “Имею честь сообщить Вашему Высокоородию, что 1) в Витебском учительском институте классных наставников нет; 2) Секретарю педагогического совета дается вознаграждение 120 руб., а библиотекарю 60 руб. в год из специальных средств; и 3) в городском при институте училище принимают всех вероисповеданий и национальностей”. Тычынін 29 жніўня “покорнейше” просіць даслаць праграмы і правілы для ўступных іспытаў на званне настаўніка гарад-

скога або вышэйшага пачатковага вучылішча, а ўжо другога верасня атрымлівае тлумачэнні на запыт.

З Магілёва ў Віцебск 31 жніўня адсылаецца ліст з пытаннем, ці не знойдзе Ціхаміраў магчымым выслаць прыблізны расклад сачыненняў для першага класа даверанага яму інстытута? Да адказу ад 13 верасня была прыкладзена вынятка з пратакола педагагічнага савета Віцебскага настаўніцкага інстытута па пытанні “о назначении домашних письменных работ воспитанникам института”. З яе вынікае, што ў 1912/13 навучальным годзе выхаванцам першага класа былі прызначаны чатыры хатнія пісьмовыя работы: тры па рускай мове і адна па геаграфіі. Тэрмін для напісання першай работы – з 15 верасня па 31 кастрычніка, другой – з 1 лістапада па 15 снежня, трэцяй – з 8 студзеня па 28 лютага, чацвёртай – з 1 сакавіка па 20 красавіка.

Шостага верасня з Віцебска быў адасланы ліст, які суправаджаў каштоўны на той момант для магілёўцаў дакумент – брашуру “Правила и программы для поступающих в Витебский учительский институт...”. Першыя чатыры старонкі змяшчалі правілы для тых, хто паступаў; пятая–восьмая – праграмы прыёмных іспытаў па прадметах: Закон Божы, руская мова, гісторыя рускай славеснасці, арыфметыка, алгебра, геаметрыя, гісторыя, геаграфія, прыродазнаўства і фізіка; а на апошніх дзвюх старонках для жадаючых паступіць давалася дадатковая інфармацыя аб тэрмінах падачы дакументаў, вільготах па ваенным абавязку, узросце тагачасных абітурыентаў і іншых пытаннях.

Перасылаліся з Віцебска таксама сакрэтныя характарыстыкі на настаўнікаў, якія паступалі на работу ў Магілёўскі інстытут, у якіх ледзь не галоўнай была заўвага аб тым, што прэтэндэнт ні ў чым заганным у маральным і палітычным плане не заўважаны. Ціхаміраў дасылаў і характарыстыкі на былых выхаванцаў Віцебскага інстытута, якія прэтэндавалі на працу ў Магілёўскім інстытуце.

Такой высокай інтэнсіўнасці перапіскі з калегамі Віцебскага інстытута спрыяла пазіцыя канцэлярыі Папячыцеля Віленскай навучальнай акругі. Шматлікія запыты ад Тычыніна, відаць, напружвалі, а можа і пужалі, канцэлярыстаў, якія палічылі за лепшае пераадрасаваць яго пытанні ніжэйшым установам. У адказ на запыт Тычыніна ад 16 жніўня правіцель канцэлярыі не даў канкрэтнага адказу і рэкамендаваў звяртацца ў іншыя настаўніцкія інстытуты: “С возвращением сего Канцелярия Виленского

учебного округа имеет честь уведомить г. Директора Могилевского учительского института, что о выяснения возбужденных вопросов по городскому при институте училищу следует обратиться к гг. Директорам Виленского и Витебского учительских институтов”.

Запытам у Віцебск таксама спрыялі асабістае знаёмства і добрыя адносіны У.М. Тычыніна з К.І. Ціхаміравым, іх сумесная дзейнасць як педагогаў і навукоўцаў у Віцебску. Справа ў тым, што да свайго прызначэння ў Магілёў Тычынін ужо быў дасведчаным арганізатарам школьнай адукацыі ў Беларусі і 20 гадоў прапрацаваў у Віцебску.

Ураджэнец Арлоўскай губерні па заканчэнні курса мясцовай духоўнай семінарыі і працы ў Праддечаўскай земскай школе працягнуў навучанне ў Маскоўскай духоўнай акадэміі, а ў 1888 г. са ступенню кандыдата багаслоўя Тычынін паступіў на службу ў Арлоўскае епархіяльнае жаночае вучылішча. Там адпрацаваў два з паловай гады, пасля чаго Уладзімір Мікалаевіч развітаўся з Арлоўшчынай і ў 1891 г. пераехаў у Віцебск. Тут 17 кастрычніка ён быў прызначаны настаўнікам у Віцебскае мужчынскае духоўнае вучылішча, а праз пяць гадоў 31 студзеня 1897 г. стаў ягоным наглядчыкам. Праверкі паказвалі ўзорны стан спраў у навучальнай установе. У справаздачы па рэвізіі 1899 г. Тычынін характарызуецца як здольны, старанны і распарадчы наглядчык вучылішча. Невыпадкава ў 1911 г. ужо вядомага на Беларусі педагога прызначылі дырэктарам Свіслацкай семінарыі [6, с. 138–140].

У Віцебску Тычынін таксама актыўна ўдзельнічаў у грамадскім жыцці. Уладзімір Мікалаевіч абіраўся і зацвярджаўся членам савета і членам рэвізійнай камісіі па праверцы грашовых сум Віцебскага Свята-Уладзіміраўскага брацтва, членам рэвізійнага камітэта па праверцы грашовай справаздачнасці Таварыства ўзаемадапамогі настаўнікам і настаўніцам народных школ Віцебскай губерні, заснаваў і быў скарбнікам Таварыства дапамогі навучэнцам Віцебскага духоўнага вучылішча, якім патрэбна дапамога, членам рэвізійнай камісіі па праверцы грашовай справаздачнасці Віцебскага аддзялення Місіянерскага таварыства і г.д. Актыўна ўдзельнічаў Уладзімір Мікалаевіч у дзейнасці Імператарскага праваслаўнага палесцінскага таварыства, якое было створана ў 1882 г. указам імператара Аляксандра III для садзейнічання праваслаўнаму паломніцтву ў Святую зямлю, навуковаму палесцізнаўству і гуманітарнаму

супрацоўніцтву з народамі краін біблейскага рэгіёна. Ён стаў пажыццёвым супрацоўнікам і скарбнікам Віцебскага аддзялення гэтага таварыства [7].

Хаця Тычынін і Ціхаміраў адначасова пражывалі ў Віцебску нядоўга, але відавочна, што неаднойчы перасякаліся па службовых і грамадскіх справах. Так, напрыклад, яны ўваходзілі ў рэдакцыйны камітэт “Полоцко-Вітэбскай старіны”, якую выдала Віцебская вучоная архіўная камісія ў 1911 г. [8]. Камісія не мела свайго памяшкання, таму з 1910 г. яна, яе архіў, бібліятэка і музей былі размешчаны ў будынку настаўніцкага інстытута, што яшчэ больш спрыяла іх стасункам. Ціхаміраў быў членам праўлення Таварыства ўзаемадапамогі народным настаўнікам, у якое ўваходзіў Тычынін, і г.д. Не дзіўна, што большасць адказаў на запыты Магілёўскага інстытута прыйшлі менавіта з Віцебскага, а не з іншых настаўніцкіх інстытутаў. Хаця ў архівах знаходзяцца і нешматлікія адказы таксама з Віленскага і Смаленскага інстытутаў, Пінскай жаночай гімназіі, Полацка-Кульнеўскай настаўніцкай семінарыі.

Магчыма, перапіскі з Віцебскам спрыялі і асабістым абставінам: тое, што Тычынін і Уладзімір Іванавіч Ціхаміраў (брат Клаўдзія) у 1887–1888 гг. вучыліся ў Маскоўскай духоўнай акадэміі, а мажліва нейкія сантыменты ў Клаўдзія Іванавіча выклікалі ўспаміны аб працы інспектарам народных вучылішчаў Магілёўскай губерні ў 1895–1903 гг., да таго ж абодва папрацавалі дырэктарамі Свіслацкай семінарыі. Можна дапусціць, што проста Ціхаміраў, які гадаваўся ў сям’і праваслаўнага святара, быў найбольш адказным у параўнанні з тымі, да каго Тычынін звяртаўся з просьбамі аб кансультацыях. Трэба ўлічваць і тое, што Ціхаміраў ускосна паспрыяў кар’еры Тычыніна, бо пасля яго прызначэння дырэктарам настаўніцкага інстытута на ягонае месца ў Полацкую настаўніцкую семінарыю прызначылі дырэктара Свіслацкай семінарыі стацкага саветніка Сакалова, а вызваленую пасаду ў Свіслачы заняў Тычынін. Амаль аднагодкі па нараджэнні, мігранты з велікарусскіх губерняў, калегі па адукацыі (скончылі духоўныя акадэміі), па прафесіі і па рабоце, папалечнікі па сваіх навуковых захапленнях крывануўствам, блізкія па педагагічных поглядах настаўнікі – здаецца, усё спрыяла ўсталяванню сяброўскіх узаемаадносін Тычыніна і Ціхамірава. Тым не менш, мы дакладна не ведаем, ці склалася ў заснавальнікаў настаўніцкіх інстытутаў сяброўства, хаця добразычлівая танальнасць

перапіскі і дазваляе зрабіць падобнае дапушчэнне, але і пералічаных перасячэнняў біяграфій было б звышдастаткова, каб сумленна адказаць на лісты з Магілёва. Якія б ні былі прычыны, але перапіска Магілёўскага і Віцебскага інстытутаў захавалася найбольш поўна, і з яе бачна, што самыя значныя каштоўныя парады былі атрыманы менавіта з Віцебску.

У друку аб адкрыцці Магілёўскага настаўніцкага інстытута падкрэслівалася, што ён у сваіх першапачатковых дзеяннях асноўваецца на Палажэнні аб настаўніцкіх інстытутах 1872 г. і Правілах Маскоўскага і Віцебскага інстытутаў 1911 г., прычым уступныя ў інстытут экзамены будуць праводзіцца ў дачыненні да праграм Маскоўскага, Віленскага хрысціянскага і Віцебскага настаўніцкіх інстытутаў. Праўда, да пачатку заняткаў меліся правілы і праграмы паступлення ў Віцебскі і Маскоўскі настаўніцкія інстытуты, а з Віленскага хрысціянскага яны былі абяцаныя, але не дасланыя. Таму ў рэальнасці яны былі зацверджаны педагагічным саветам 28 жніўня 1913 г. менавіта па ўзоры Віцебскага і Маскоўскага інстытутаў [9, с. 22].

Дзейнасць і вучэбныя праграмы настаўніцкага інстытута ў Магілёве таксама былі заснаваны на Палажэнні аб настаўніцкіх інстытутах 1872 г., Правілах Маскоўскага і Віцебскага інстытутаў 1911 г. Напрыклад, выкладчык гісторыі і географіі М.Р. Руднеў, калі распрацоўваў праграмы і падбіраў падручнікі па гісторыі (аўтары прафесары Карэеў і Віпер), кіраваўся практыкай і трохгадовым вопытам Віцебскага настаўніцкага інстытута. Географію таксама прадугледжвалася выкладаць на першым годзе навучання па праграмах, выпрацаваных у Віцебскім настаўніцкім інстытуце [10, с. 18]. Падобнай была практыка выкарыстання ўзораў Віцебскага інстытута і па шэрагу іншых дысцыплін.

Звяртаючыся з просьбай да Папячыцеля Віленскай навучальнай акругі аб павышэнні казённых стыпендыяў гадаванцам інстытута са 150 да 200 руб. у год, педагагічны савет Магілёўскага інстытута 17 верасня апеляваў да практыкі Віцебскага і Віленскага настаўніцкіх інстытутаў, у якіх з найвышэйшага дазволу яны павялічыліся на трэцюю частку. Савет меркаваў з-за дарагоўлі ў Магілёве і дзеля ўраўнавання магілёўскіх выхаванцаў з магчымасцямі віцебскіх і віленскіх выхаванцаў усіх 35 прынятых навучэнцаў залічыць на гадавую стыпендыю ў 200 руб. з выдачай штомесячна па 20 руб. за выключэн-

нем чэрвеня і ліпеня. Вызначаючы памер аплаты за вучобу магілёўцы зноў-такі абаяпіраліся на аплату ў памеры 25 руб. у Віцебскім і Віленскім інстытутах. Педагагічны савет Магілёўскага інстытута таксама не бачыў неабходнасці рабіць яе большай за 25 руб. [11, арк. 8, 23].

Кансультацыі з Віцебскам не прыпыніліся і пасля адкрыцця Магілёўскага інстытута. Клаўдзій Іванавіч Ціхаміраў ветліва, цяпліва і грунтоўна адказваў на ўсе пытанні, якія цікавілі дырэктара новай установы. Так, шостага кастрычніка Тычынін задаў шмат пытанняў аб выкладанні новых замежных моў у Віцебскім інстытуце. З адказу выявілася, што ў ім выкладаліся французская і нямецкая мовы, пры гэтым найбольш навучэнцаў навучаліся нямецкай мове. Заняткі вяліся па два ўрокі на тыдзень працягласцю па 50 хвілін кожны. Іх выкладалі педагогі з іншых навучальных устаноў з дазволу Папячыцеля акругі. Узнагароджанне яны атрымлівалі з платы за навучанне гэтым прадметам па 60 руб. за гадавы ўрок. Прычым заняткі навучэнец мог пакінуць, але плату за навучанне абранай мове павінен быў унесці. Заняткі не давалі ніякіх праў навучэнцам, экзамены па ім не здаваліся, адзнакі ў атэстат не ўносіліся. Ціхаміраў лічыў, што “ушербнымі для других предметов занятия новым языком не являются”, “занятия языком безусловно полезны”, а “весь вопрос в том, достаточно ли аккуратно ими занимаются” [12, арк. 17–18, 21–22].

У лістападзе Ціхаміраў раскрываў асабліваці вядзення бухгалтэрыі Віцебскага інстытута, у тым ліку з рэшты не выдаткаваных за год сродкаў. Гэтае пытанне было актуальным і надалей. Шматлікія недахопы ў працы з рэшткамі крэдытаў былі ўласцівы вучэбным установам акругі. Тычынін атрымліваў лісты ад губернскай Казённай палаты і канцылярыі Папячыцеля Віленскай навучальнай акругі аб парадку выдаткавання ў 1914 г. грошаў за 1913 г., але сістэма падавалася яму складанай, а неабходнасць пералічэння часткі невыдаткаваных на заробкі і стыпендыі грошаў у даход міністэрству неабгрунтаванай. Спакуса выдаткаваць не выкарыстаныя летась грошы на патрэбы ўстановы была вялікай, але ён баяўся з-за адсутнасці вопыту нарабіць памылак, аб чым шчыра пісаў свайму калегу ў Віцебск, і атрымаў адтуль неабходныя тлумачэнні аб выдаткаванні сродкаў па Віцебскім інстытуце ў 1910 годзе, аб запытах у міністэрства, у тым ліку і копію дадатку да каштарысу Міністэрства

ва асветы па зарплате Віцебскага інстытута. З апошняга вынікае, што дырэктару на 1913 г. быў запланаваны гадавы аклад 2 000 руб., штатным выкладчыкам – 1 200, настаўніку чарчэння і гімнастыкі – 500, эканому – 400, а пісьмавадзіцелю (пісару) 300 руб., што ў суме складала 12 950 руб. На канцтавары выдаткоўвалася 9 100, на бібліятэку – 500, а на стыпендыі 50 казённых стыпендыятаў 10 000 руб. Усяго ў суме атрымліваўся бюджэт 32 550 руб., ды яшчэ 650 рублёў прадугледжвалася для аплаты звышштатным настаўнікам [13, арк. 33, 42–43, 48–49, 57–58].

Дапамог Віцебскі інстытут Магілёўскаму і кадрамі. Адным з двух першых настаўнікаў гарадскога пры інстытуце вучылішча стаў выпускнік першага выпуску Віцебскага настаўніцкага інстытута Мітрафан Пігулеўскі. Ён быў размеркаваны на працу настаўнікам Навагрудскага гарадскога вучылішча Мінскай губерні. Але адразу падаў прашэнне аб прадстаўленні яму месца настаўніка гарадскога пры Магілёўскім інстытуце вучылішча. Дырэктар Віцебскага інстытута на словах і пісьмова даў просьбіту самую пахвальную характарыстыку. Ціхаміраў пісаў, што Пігулеўскі быў самым лепшым вучнем выпуску, што “при отличных способностях, он отмечался редкой аккуратностью, усердием к делу и исполнительностью; нравственных качеств – безупречных...” Аб поспехах найлепшага выпускніка 1913 года сведчыць і ягоны атэстат, у якім па ўсіх дзесяці прадметах выстаўлены выдатныя (5) адзнакі пры выдатных паводзінах. Нягледзячы на супраціўленне Дырэктара народных вучылішчаў Мінскай губерні Пігулеўскі быў пераведзены ў Магілёў і сумленна выконваў тут свае абавязкі [14, арк. 8–11].

Заклучэнне. У межах Віленскай навучальнай акругі ў пачатку XX стагоддзя ў сувязі з хуткім пашырэннем сеткі пачатковых школ і па прычыне слабаразвітай сістэмы падрыхтоўкі педагагічных кадраў назіраўся моцны недахоп кваліфікаваных настаўнікаў. Адкрыццё настаўніцкіх інстытутаў стала значным крокам у паляпшэнні падрыхтоўкі педагагічных кадраў у дарэвалюцыйнай Беларусі. Пры іх стварэнні Міністэрства народнай асветы выкарыстоўвала спаборніцтва губерняў і гарадоў за новыя навучальныя ўстановы для больш хуткага і з найменшымі выдаткамі для казны іх станаўлення. Віцебск і Магілёў спаборнічалі за права адкрыцця інстытута ў 1908–1910 гадах. Пры гэтым віцебскія ўлады былі гатовы пайсці на большыя матэрыяльныя ахвяры і выйгралі спаборніцтва.

Канкурэнцыя з Віцебскам дапамагла Магілёву праз тры гады летам 1913 года паспяхова адкрыць настаўніцкі інстытут. Перад ім стаялі складаныя задачы стварэння новай установы. Дапамога былога канкурэнта спрыяла іх паспяховаму вырашэнню. Дырэктар Віцебскага інстытута К.І. Ціхаміраў аказваў метадычную і практычную дапамогу свайму магілёўскаму калегу. Гэтаму садзейнічалі іх добрыя адносіны і сумесная дзейнасць як педагогаў і навукоўцаў у Віцебску, у якім да свайго прызначэння ў Магілёў 20 гадоў працаваў Тычынін.

Не дзіўна, што менавіта па ўзоры Віцебскага настаўніцкага інстытута зацвярджаліся правілы і праграмы для паступлення, вучэбныя праграмы настаўніцкага інстытута ў Магілёве, вырашаліся многія метадычныя і гаспадарчыя пытанні. Перапіска дырэктараў Віцебскага і Магілёўскага інстытутаў каштоўная не толькі фіксацыяй тагачаснага ўзаемадзеяння навучальных устаноў, але і апісаннем рэальнага стану спраў у Віцебскім і іншых настаўніцкіх інстытутах краіны.

У выніку апісанага спартыўна-адукацыйнага Віцебск стаў першым, а Магілёў другім горадам на сучаснай тэрыторыі Беларусі, у якіх былі адкрыты настаўніцкія інстытуты. За непрацяглы час настаўніцкія інстытуты былі адкрыты ў Віцебску (1910), Смаленску (1912), Магілёве (1913) і Мінску (1914). У 1916 г. на тэрыторыі сучаснай Беларусі былі 3 настаўніцкія інстытуты (187 навучэнцаў), 9 настаўніцкіх семінарыяў (каля 1000 навучэнцаў), 7 двухгадовых педагогічных курсаў (288 навучэнцаў). Праблема недахопу кадраў кваліфікаваных настаўнікаў пачала паступова вырашацца.

Літаратура

1. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.
2. Солодков, А.П. Витебский учительский институт: создание и деятельность (1910–1918) / А.П. Солодков, В.В. Акунович, А.Л. Дединкин, А.Н. Дулов // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2010. – № 1(55). – С. 3–11.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2258. – Воп. 1. – Спр. 1. Дело об учреждении института.
4. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова: мінулае і сучаснасць / А.Р. Агееў [і інш.]; пад рэд. В.І. Вішнеўскага. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. – 260 с.
5. НГАБ. – Ф. 2258. – Воп. 1. – Спр. 9. Справочные сведения Витебского и других институтов по разным институтским вопросам.
6. Агееў, А.Р. Праца першага дырэктара Магілёўскага настаўніцкага інстытута У.М. Тычынінна ва ўстановах духоўнага ведамства / А.Р. Агееў // Рэлігія і грамадства – 7: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2012. – С. 138–140.
7. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 567. – Воп. 17. – Спр. 987. Личное дело Тычинина.
8. Полоцко-Витебская старина. Издание Витебской ученой архивной комиссии / ред. комитет: В.А. Кадыгровов, пред. комиссии, В.Н. Тычинин, С.С. Коммисаржевский, К.И. Тихомиров и др. – Витебск: Типография насл. М.Б. Неймана. – Кн. 1, 1911. – 191 с.
9. Гісторыя Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (1913–1940 гг.): дакументы і матэрыялы / аўт.-склад.: А.Р. Агееў, К.М. Бандарэнка, В.П. Клімковіч; пад агульн. рэд. К.М. Бандарэнкі. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2008. – 216 с.
10. Агееў, А.Р. Пачатак станаўлення гістарычнай адукацыі ў Магілёўскім педінстытуце (1913–1933 гг.) / А.Р. Агееў // Гістарычны факультэт. Да 75-годдзя ўтварэння. – Магілёў: УА “МДУ імя А.А. Куляшова”, 2010. – С. 15–24.
11. НГАБ. – Ф. 2258. – Воп. 1. – Спр. 22. Протоколы педагогического совета Могилевского учительского института.
12. НГАБ. – Ф. 2258. – Воп. 1. – Спр. 9. Справочные сведения Витебского и других институтов по разным институтским вопросам.
13. НГАБ. – Ф. 2258. – Воп. 1. – Спр. 2. Ассигнование кредитов по содержанию института и городского при нем училища.
14. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 567. – Воп. 17. – Спр. 740. Митрофан Пигулевский.

Паступіў у рэдакцыю 16.03.2015 г.

УДК 94(44)«1947/1948»:327

Присоединение Франции к англо-американскому курсу по германскому вопросу в 1947–1948 гг.

Величко Н.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова», Витебск

В 1945 – начале 1947 г. германская политика Франции предусматривала децентрализацию и даже дегерманизацию немецкого государства. Однако такой радикальный подход встречал по разным причинам противодействие как со стороны США, так и со стороны СССР. В результате с середины 1947 г. Франция вынуждена была пересмотреть германскую политику. В данном исследовании рассматривается поэтапное присоединение Франции к англо-американскому курсу по возрождению Западной Германии в форме Федеративной Республики Германия.

Цель – проследить процесс переориентации политики Франции в германском вопросе от радикальной позиции к более умеренному англо-американскому курсу.

Материал и методы. Для написания данного исследования были использованы материалы французского ежегодника «L'année politique», документы единой референтуры по Германии третьего европейского отдела МИД СССР (фонд 82) из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) («Информация о Германии (хроники важнейших событий)») и документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) («Копия записки Я. Малика, П. Федотова – О представлении протоколов первого этапа американо-англо-французских переговоров в Лондоне об уровне германской промышленности, руководстве рурскими шахтами и контроле над ними»). Основные методы – сравнительный анализ, описательный и исторической ретроспекции.

Результаты и их обсуждение. К 1947 г. общественное мнение и часть политических деятелей изменили свое отношение к решению германской проблемы путем присоединения к англо-американскому блоку. Ж. Бидо также постепенно склонялся к новой политике сотрудничества с Великобританией и США с целью сохранения контроля над Германией. Неудобства политики изоляции французской зоны обозначились очень четко. Англо-американские действия в Бизонии беспокоили французское руководство, так как мнение последнего не принималось в расчет. Во Франции существовало несколько мнений относительно противодействия планам США и Великобритании. С 22 по 27 августа 1947 г. в Лондоне состоялась трехсторонняя конференция по германскому вопросу, на которой позиция Франции несколько смягчилась. Р. Массигли признал необходимость германского возрождения, но при условии, если последнее не будет происходить в ущерб возрождению Европы в целом. Усиление западной солидарности облегчило выработку соглашения по Германии. Эрнст Бевин предложил созвать в Лондоне трехстороннюю конференцию, чтобы изучить новый статус Бизонии, возможность учреждения Тризонии и обсудить проблемы политической организации Западной Германии. Лондонские рекомендации вызвали протест политических партий, печати, общественного мнения, правительства и парламентского большинства во Франции. 8 июня 1948 г. Ж. Бидо в Совете министров выдерживал четырехчасовую критику в свой адрес. Лондонские соглашения были одобрены Национальной ассамблеей с некоторыми оговорками большинством в один голос.

Заключение. Провал французских требований, предшествующих Лондонским переговорам в ноябре 1947 г., позволил, наконец, Кэ д'Орсэ проводить разумную германскую политику. Франция осознала, что решение германской проблемы содержится в равноправном вхождении Западной Германии в Европейское сообщество. В рамках Брюссельского пакта Ж. Бидо предложил создать экономический и таможенный союз пяти стран-участниц договора. К этому союзу могли присоединиться и все европейские страны. Кроме того, Ж. Бидо ратовал за учреждение европейского парламента. Его преемником на посту министра иностранных дел и последователем его внешнеполитического курса с 26 июля 1948 г. стал Р. Шуман. С этого времени германская политика Франции была направлена на франко-германское примирение в рамках Европейского сообщества.

Ключевые слова: германский вопрос, Кэ д'Орсэ, Бизония, Тризония, Лондонские переговоры, лондонские рекомендации, французская зона оккупации, Совет министров иностранных дел (СМИД), Рурский угольный бассейн, Рейнская область.

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 13–20)

France's Joining the English and American Policy on the German Issue in 1947–1948

Velichko N.V.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

In 1945 – early 1947 German policy of France called for decentralization and even dегermanization of the German state. However, such a radical approach met, for various reasons, opposition from both the United States and the Soviet

Адрес для корреспонденции: e-mail: ninakosmach@mail.ru – Н.В. Величко

Union. As a result, since the middle 1947 France was forced to revise the German policy. This study examines the gradual accession of France to the English and American policy on the revival of West Germany in the form of the Federal Republic of Germany.

The goal is to consider the process of reorientation of French policy on the German issue from the radical position to a more moderate English and American policy.

Material and methods. To do this research materials of the French yearbook «L'année politique», documents on a single German Referenture of the Third European Department of the USSR Ministry of Foreign Affairs (Fund 82) of the Foreign Policy Archives of the Russian Federation (AVP Code) («Information on Germany (chronicling the major events)») and the documents of the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) («A copy of the note by J. Malik, P. Fedotov – Representation of protocols of the first phase of the US-British-French talks in London on the level of German industry, the Ruhr mines and control over them»), were used. The main method is the method of comparative analysis, descriptive method and historical retrospection.

Findings and their discussion. By 1947, public opinion and some politicians changed their attitude to the solution of the German problem by attaching to the English and American block. J. Bidault also gradually inclined to the new policy of cooperation with the United Kingdom and the United States in order to maintain control over Germany. Disadvantages of the policy of isolation of the French Zone became very clear. The English and American actions in Bizone troubled French leadership, since the opinion of the latter was not taken into account. In France, there were several views to counter the US and the UK plans. From August 22 to 27, 1947 London hosted the tripartite conference on the German issue, at which the French position was somewhat mitigated. R. Massigli recognized the need for the revival of Germany, but on condition that the latter would not occur to the detriment of the revival of Europe as a whole. Strengthening of Western solidarity facilitated the development of agreements on Germany. Ernest Bevin proposed to convene a tripartite conference in London to explore the new status of the Bizone, the possibility of establishing Trizone and issues of political organization of West Germany. London recommendations caused protest on the part of political parties, the press, public opinion, the government and the parliamentary majority in France. June 8, 1948 J. Bidault in the Council of Ministers four hours withstood criticism. London agreements were approved by the National Assembly with some reservations with the majority of one vote.

Conclusion. The failure of the French requirements prior to the London talks in November 1947 finally allowed Ke d'Orse to pursue sound German policy. France realized that the solution of the German problem is contained in peer joining by West Germany the European Community. In the framework of the Brussels Pact J. Bidault proposed the creation of an economic and customs union of the five countries participating in the agreement. This alliance could be joined by all European countries. In addition, J. Bidault advocated the establishment of the European Parliament. R. Schumann became his successor as foreign minister and follower of his foreign policy on July 26, 1948. Since then, German policy of France was aimed at the French and German reconciliation within the European Community.

Key words: German issue, Quai d'Orsay, Bizone, Trizone, London talks, London recommendations, the French Occupation Zone, the Council of Foreign Ministers (CFM), Ruhr coal basin, the Rhineland.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 13–20)

В 1945 – начале 1947 г. германская политика Франции предусматривала децентрализацию и даже дегерманизацию немецкого государства. Однако такой радикальный подход встречал по разным причинам противодействие как со стороны США, так и со стороны СССР. В результате с середины 1947 г. Франция вынуждена была пересмотреть германскую политику. В данном исследовании рассматривается поэтапное присоединение Франции к англо-американскому курсу по возрождению Западной Германии в форме Федеративной Республики Германия.

После провала Московской конференции в апреле 1947 г. и непринятия Советским Союзом «плана Маршалла» экономическое и политическое возрождение Германии стало неизбежным. Германская политика Франции, определяемая Шарлем де Голлем и проводимая Жоржем Бидо с согласия подавляющего большинства политических партий и с учетом общественного мнения, требовала радикального пересмотра. Ее было необходимо адаптировать к новым условиям: окончательный разрыв

с СССР, необходимость укрепления Западной Европы на международной арене и непосредственное участие Германии в восстановлении европейской экономики.

В современной отечественной и российской историографии данная проблема изучена слабо. В трудах советских историков германская политика Франции изучалась лишь в контексте формирования отношений между западными державами и СССР, которые привели к развязыванию «холодной войны» [1–3]. В связи с этим основной упор при изучении данного вопроса делался на труды французских историков Поля Жербе, специалиста по международным отношениям в Европе Альфреда Гроссера, директора центра германистики Раймона Пуадевена, директора издательства «Немецкие дипломатические архивы» во Франции Жака Бариэтти, Мориса Вайса.

Цель статьи – рассмотреть процесс переориентации политики Франции в германском вопросе от радикальной позиции к более умеренному англо-американскому курсу.

Материал и методы. Для написания данного исследования были использованы материалы французского ежегодника «L'année politique», документы единой референтуры по Германии третьего европейского отдела МИД СССР (фонд 82) из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) («Информация о Германии (хроники важнейших событий)») и документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) («Копия записки Я. Малика, П. Федотова – О представлении протоколов первого этапа американо-англо-французских переговоров в Лондоне об уровне германской промышленности, руководстве рурскими шахтами и контроле над ними»). Теоретико-методологической основой данной работы стали современные представления о принципах, функциях, методах и методике исторического исследования. В частности, при написании статьи автор опирался на принципы системности, объективности и историзма. При проведении исследования применялись как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедуктивный, исторический, логический), так и специально-исторические методы. В основу работы был положен системно-структурный анализ. Основные методы – сравнительный анализ, описательный и исторической ретроспекции. Метод сравнительного анализа предполагал сопоставление позиций ведущих политических партий Франции и их лидеров по германскому вопросу в 1945–1949 гг. С помощью метода исторической ретроспекции прослеживалась трансформация германской политики французских властей под влиянием позиций ведущих политических партий и общественного мнения.

Результаты и их обсуждение. К 1947 г. общественное мнение и часть политических деятелей изменили свое отношение к решению германской проблемы путем присоединения к англо-американскому блоку. Ж. Бидо также постепенно склонялся к новой политике сотрудничества с Великобританией и США с целью сохранения контроля над Германией. Однако это было непросто. Американский главнокомандующий генерал Люциус Клей, подчиняющийся непосредственно военному командованию, действовал, не принимая в расчет мнение государственного департамента. Его целью было скорейшее возрождение Западной Германии. Это полностью соответствовало намерениям его британского коллеги генерала Бриана Робертсона. 17 декабря 1947 г. США

и Великобритания заключили соглашение, по которому США брали на себя большую часть финансовых расходов английской зоны оккупации. Таким образом, США постепенно заняли доминирующую позицию в Бизонии.

Спротивление со стороны Франции было бесполозным. Ее положение в Германии являлось слабым. По сравнению с Бизонией французская зона оккупации испытывала острый долларовый дефицит. Уровень жизни немецкого населения французской зоны оккупации был значительно ниже, чем в Бизонии. Франции было необходимо улучшить продовольственное снабжение в своей зоне. Неудобства политики изоляции французской зоны обозначились очень четко. Англо-американские действия в Бизонии беспокоили французское руководство, так как мнение последнего не принималось в расчет. Во Франции существовало несколько мнений относительно противодействия планам США и Великобритании. «Рене Массигли считал необходимым объединить французскую зону оккупации с Бизонией и таким образом осуществлять непосредственное влияние на политику США и Великобритании. Заместитель директора Центральной Европы Жоффруа де Курсель и большинство военных утверждали, что Франции необходимо было как можно выгоднее заключить договор о присоединении к Бизонии и создании Тризонии» [4, с. 279–280]. В конечном итоге было решено до Лондонской конференции в ноябре 1947 г. избегать любых мер, которые могли бы препятствовать четырехстороннему договору по Германии. Несмотря на это, Великобритания и США предложили создать орган управления Руром. В ответ на это 7 июля 1947 г. Франция заявила, что право выносить решения об условиях контроля над Рурским бассейном и промышленным потенциалом Германии принадлежит Союзному контрольному совету (СКС) [5, с. 146].

Тем временем генералы Л. Клей и Б. Робертсон объявили о создании германского Экономического совета Бизонии. Он был сформирован из представителей немецких земель, чтобы разрабатывать директивы по экономической реконструкции Бизонии для военного правительства. Первое собрание Экономического совета состоялось 25 июня 1947 г., а 12 июля главнокомандующие Бизонии объявили о массовом сокращении демонстраций, передаче управления угольными шахтами немцам и повышении ежегодного произ-

водства стали с 5,8 млн тонн до 10,7 млн. Таким образом представлялась перспектива развития металлургической промышленности Бизонии, возможности которой были очень значительными. Это был удар по французским планам замены германской тяжелой индустрии на французскую.

С 22 по 27 августа 1947 г. в Лондоне состоялась трехсторонняя конференция по германскому вопросу. Советская делегация отказалась от участия в конференции, так как это, по мнению СССР, противоречило Потсдамским соглашениям. В записке Я. Малика и П. Федотова В.М. Молотову «О представлении протоколов первого этапа американо-англо-французских переговоров в Лондоне об уровне германской промышленности, руководстве рурскими шахтами и контроле над ними» указывается, что «обращают на себя внимание следующие моменты переговоров:

1) в то время как французские представители в своих выступлениях ссылались на то, что вопрос об уровне промышленности всей Германии и режиме шахт Рура подлежит обсуждению и решению Совета министров иностранных дел, американский делегат в своем выступлении полностью игнорировал этот вопрос, а английский представитель упомянул о нем лишь для того, чтобы тут же заявить, что англо-американская делегация не может дать обязательства, что во время четырехсторонних переговоров установленный для объединенной зоны уровень промышленности может быть существенным образом пересмотрен,

2) в качестве контрдовода против высказанных французских опасений относительно последствий значительного подъема уровня германской промышленности, американский представитель выставил «угрозу беспорядков в Германии» как опасность, которая неминуемо возникнет в случае, если не будет поднят уровень германской промышленности и, следовательно, жизненный уровень немецкого народа» [6, с. 98–99].

Позиция Франции, которую представлял Рене Массигли, несколько смягчилась. Он признал необходимость германского возрождения, но при условии, если последнее не будет происходить в ущерб возрождению Европы в целом. Франции удалось добиться того, чтобы увеличение немецкого промышленного производства было подчинено росту угольных и коксовых экспортных поставок.

V сессия СМВД Великобритании, США, Франции и СССР состоялась, как и было за-

планировано, в Лондоне в ноябре 1947 г. Советская делегация продолжала настаивать на формировании центрального немецкого правительства. Однако ни США, ни Великобритания не были расположены к подобному диалогу. Франция возобновила свои требования относительно политической независимости Рура и Рейнской области, репараций с текущего производства без увеличения немецкого промышленного потенциала. Ж. Бидо продолжал сопротивляться созданию центрального немецкого правительства, однако уже не настаивал на репарациях с Германии. В.М. Молотов снова потребовал 10 млрд долларов репараций с текущего производства. Маршалл был против, так как подобное требование предполагало значительные издержки со стороны Бизонии. На Лондонской сессии СМВД Ж. Бидо согласился с предложением немецкого экономического единства и увеличением производства стали до 11 млн тонн в обмен на гарантии безопасности и роста угольных поставок. Также Ж. Бидо отказался от своего бывшего требования экономического и политического отделения Рура от Германии и лишь предложил создать на его территории специальный режим контроля [7, с. 251]. В ответ на французские уступки США и Великобритания согласились на создание организации, ответственной за распределение стальной и угольной продукции между внутренним потреблением и экспортом.

Лондонская сессия СМВД закончилась 15 декабря 1947 г. Дж. Маршалл объявил о бесполезности дальнейших переговоров с СССР и попросил перенести на неопределенный срок заседания СМВД. 16–17 декабря состоялись трехсторонние франко-англо-американские переговоры по германскому вопросу. Дж. Маршалл настаивал на слиянии трех западных зон Германии. Ж. Бидо особенно не возражал, однако стремился извлечь из этого определенную выгоду. Его предложение заключалось в образовании федеративного режима в Западной Германии и установлении международного контроля над Руром [5, с. 253].

Не считаясь с мнением главнокомандующего французской зоны оккупации генерала Пьера Кёнига, 7 января 1948 г. генерал Б. Робертсон и генерал Л. Клей решили реформировать Экономический совет Бизонии. Отныне структура этого органа мало чем отличалась от парламентского правительства. Она предполагала законодательный орган – Ассамблею, состоящую из 104 членов (половина которой избиралась пра-

вительствами немецких земель), и исполнительный орган – Административный совет. Кроме того, в нее вошли и другие органы государственного управления: Верховный суд, статистическая служба, центральный банк, патентное бюро. За два года своего существования этот парламентский орган, располагавшийся во Франкфурте-на-Майне, выработал и представил на голосование 117 законов, многие из которых были приняты [4, с. 280].

Париж опротестовал создание парламента Бизонии и потребовал расширения полномочий немецких земель. Вашингтон и Лондон заявили, что франкфуртский парламент не является прототипом правительства Западной Германии. Это временная мера, касающаяся только Бизонии. Франция не имеет права участия в системе контроля Бизонии, так как она отказалась к ней присоединиться. 15 января 1948 г. госсекретариат США одобрил действия генерала Л. Клея и направил в Париж ноту сожаления. 9 февраля 1948 г., несмотря на новые протесты Парижа, предусмотренная система управления Бизонией вступила в действие.

Между тем обещания, данные французам на Лондонской конференции, начали постепенно претворяться в жизнь. Было подписано франко-англо-американское соглашение об увеличении коксовых экспортных поставок пропорционально росту угольного производства Бизонии. Второе соглашение от 28 февраля 1948 г. предусматривало постепенное присоединение Саарского угольного бассейна к экономике Франции до 1 апреля 1949 г. Таким образом, проблема угольного обеспечения Франции потеряла свою остроту.

Эрнст Бевин предложил созвать в Лондоне трехстороннюю конференцию, чтобы изучить новый статус Бизонии, возможность учреждения Тризонии и проблемы политической организации Западной Германии. Париж усмотрел в этом предложении хорошую возможность защитить собственные интересы. Но Москва 16 февраля 1948 г. изъявила свой протест против мер, принятых в Бизонии, и беспокойство по поводу конференции по германскому вопросу трех держав. Чтобы не провоцировать СССР, было решено использовать термин «переговоры» вместо «конференция», тем более что эти «переговоры» предполагались на уровне послов, а не министров.

Лондонское собрание созывалось также с целью подготовки военного союза между Францией, Великобританией и тремя страна-

ми Бенилюкса. Еще 22 января 1948 г. Э. Бевин, делая акцент на советской угрозе, предложил создать Западный союз, предполагающий военное и экономическое сотрудничество. Ж. Бидо и министры иностранных дел Бенилюкса одобрили это предложение. Переговоры с целью заключения союза начались тотчас же и значительно ускорились после событий в Праге 25 февраля 1948 г., в результате которых к власти в Чехословакии пришли коммунисты. 17 марта 1948 г. в Брюсселе между пятью западными странами был заключен пакт по созданию Западного союза, немедленно обратившегося к американской помощи [8, с. 329].

Усиление западной солидарности облегчило выработку соглашения по Германии. Первая стадия переговоров в Лондоне проходила с 23 февраля по 6 марта 1948 г. Представители стран Бенилюкса были приглашены присоединиться к Франции, Великобритании и США и принять участие во всех переговорах, которые не касались оккупационного статуса Германии.

26 февраля Рене Массигли представил французскую программу относительно Рурского угольного бассейна. Она была ограничена установлением международного режима наблюдения за управлением Руром и распределением угольной продукции [4, с. 284]. Р. Массигли был поддержан только бельгийским представителем. Посол США Льюис Дуглас заявил, что французская программа больше не соответствует действительности. Нельзя допустить, чтобы Германия стала плацдармом для распространения советской угрозы.

США и Великобритания предложили выборы в Учредительное собрание. Франция уточнила, что депутаты Учредительного собрания должны быть избраны правительствами земель. 6 марта подписали коммюнике, в котором предусматривались федеративная форма правления для Германии, наличие центрального немецкого органа управления, сохранение прав земель в целях восстановления германского единства. Американцы считали, что экономическое слияние трех зон не должно задержать учреждение немецкого временного правительства, которое планировалось сформировать в течение двух или трех месяцев.

Американская помощь французской зоне оккупации в рамках «плана Маршалла» являлась постоянным средством давления на французское правительство. Ни Л. Клей, ни Б. Робертсон не чувствовали себя связанными решениями, принятыми в Лондоне, и почти

не считались с французскими рекомендациями по реорганизации немецких границ.

Главкомандующий советской зоны оккупации Германии маршал В.Д. Соколовский, опровергнув решения трехсторонней Лондонской конференции, 20 марта демонстративно вышел из СКС Берлина, председателем которого он являлся. Все межсоюзнические органы контроля над Германией прекратили свое существование. Исключение составляла только Комендатура города Берлина, но и она была упразднена 1 июля. 31 марта маршал В.Д. Соколовский решил поставить под военный контроль любые отношения между западными зонами Берлина и Германии. США предложили создать временное правительство Германии до 1 августа и организовать выборы в Учредительное собрание до 1 ноября 1948 г. Французские протесты в Вашингтоне остались безрезультатными. Соглашение от 2 апреля определило ряд мероприятий по слиянию трех западных зон оккупации. Оно предусматривало транспортную, банковскую, денежную, таможенную реформы и реформу внешней торговли.

Вторая стадия Лондонских переговоров проходила с 20 апреля по 2 июня 1948 г. Между французами и англо-американцами продолжали существовать разногласия по поводу центрального немецкого правительства. Французская программа была конфедеративной. США настаивали на выборах в Учредительное собрание на основе всеобщего голосования. 28 апреля 1948 г. состоялось предварительное собрание глав правительств немецких земель. В любом случае они подчинялись директивам главкомандующих в выработке основных положений конституции. 3 мая главы земельных правительств французской зоны оккупации высказались против выборов будущего парламента на основе всеобщего голосования. Они ратовали за назначение правительствами земель (ландтагами) коллегии выборщиков.

В конечном счете был найден компромисс. Главкомандующие должны были назначить министров, ответственных за созыв Учредительного собрания. Его депутаты избирались от каждой немецкой земли на основе существовавшей избирательной системы. Для учреждения новых немецких органов управления необходимо было слияние трех западных зон. Органам военного управления следовало гарантировать безопасность и продолжать мероприятия по разоружению и демилитаризации Гер-

мании. Система международного контроля над Руром предполагала участие в ней Франции, США, Великобритании, стран Бенилюкса и Германии. Рурский угольный бассейн оставался в политической системе Германии. Эти правительственные рекомендации были сформулированы в коммюнике 7 июня 1948 г.

Лондонские рекомендации вызвали протест политических партий, печати, общественного мнения, правительства и парламентского большинства во Франции. Уступки Франции казались чрезмерными. Французы были против западногерманского правительства, создание которого незамедлительно повлекло бы за собой советскую угрозу. Они ратовали за отказ от Тризонии, даже ценой эвакуации французской зоны оккупации. Однако у Франции не было средств для проведения независимой германской политики. Ж. Бидо советовал правительству согласиться с созданием западногерманского государства, так как Франция нуждалась в помощи США для восстановления своей экономики [9, с. 78]. Премьер-министр Франции Робер Шуман требовал гарантий безопасности возрождения немецкого государства и протестовал против централизованной власти в Германии. Он был недоволен лондонскими решениями и обвинял Ж. Бидо в недостаточной твердости при отстаивании французских позиций в германском вопросе. Премьер-министр заявил, что Франция проводит не собственную германскую политику, а следует американскому курсу в этом вопросе.

8 июня Ж. Бидо в Совете министров выдерживал четырехчасовую критику в свой адрес. Рене Майер упрекал его в отсутствии контроля за угольной продукцией Рура, Жюль Мош, представлявший социалистов, – в усилении разрыва между западными странами и СССР, член Народно-республиканского движения Пьер Пфлемлен – в отказе от принципа федерализации Германии [4, с. 288]. Однако Совет министров все же решил передать Лондонские соглашения на рассмотрение в Национальную ассамблею. На следующий день Ж. Бидо защищал Лондонские договоренности перед комиссией французского министерства иностранных дел. Коммунисты оставались враждебными по отношению к Германии, правые партии также не верили в существование мирной Германии в послевоенной Европе. Социалисты, радикалы и представители Народно-республиканского движения высказались в пользу обновленной Германии,

но посчитали недостаточными гарантии безопасности Франции. Лондонские соглашения были одобрены Национальной ассамблеей с некоторыми оговорками большинством в один голос.

Из шести оговорок, сформулированных Национальной ассамблеей, только одна, требующая интернационализации Рура, не была одобрена США и Великобританией. Оставшиеся пять оговорок касались принципов, которыми должно было руководствоваться в своей работе будущее правительство Германии:

- участие Франции в контроле германского промышленного потенциала;
- длительный оккупационный режим для Германии с целью обеспечения безопасности Франции и выплаты всех репараций;
- недопущение возрождения авторитарного и централизованного Рейха;
- поиск окончательного решения четырьмя державами-победительницами германского вопроса;
- активные действия по экономической и политической организации Европы [4, с. 289].

В 1948 г. в западных оккупационных зонах была проведена денежная реформа: 20–21 июня рейхсмарка была заменена на немецкую марку. На это Советский Союз ответил введением в своей зоне оккупации восточно-германской марки и блокадой Западного Берлина. Совместные действия по обороне Западного Берлина не смягчили разногласий между властями Бизонии и французской зоны. Генерал П. Кёниг был нерасположен принимать участие в собрании глав ландтагов 1 июля, так как это разрушало последнюю надежду на четырехстороннее соглашение по германской проблеме. Однако Ж. Бидо дал ему формальные инструкции. «1.7.1948 г. Во Франкфурте-на-Майне в здании американского штаба открылась конференция союзных главнокомандующих и премьер-министров земель трех западных зон Германии. Генерал Клей сделал премьер-министрам заявление об основных принципах будущей конституции Германии; генералы Робертсон и Кёниг сообщили премьер-министрам решение трех военных губернаторов по вопросу об изменении границ земель и о будущем оккупационном статусе» [10].

Министры, ответственные за созыв Учредительного собрания, были противниками выборов на основе всеобщего голосования.

Они считали, что члены Парламентского совета, избранные правительствами немецких земель, должны составить проект Основного закона (конституции) Германии. Основным законом должен был быть ратифицирован ландтагами, а не в результате народного референдума. «7–10.7.1948 г. В гор. Кобленц (Французская зона) состоялась конференция 11 премьер-министров земель западных зон Германии, которая выработала так называемые “контрпредложения” по документам военных губернаторов о политической реорганизации Германии» [10, л. 21].

26 июля 1948 г. министры образовали экспертную комиссию из юристов и политических деятелей, которая впоследствии получила официальное название «Конституционный конвент». 23 августа 1948 г. комиссия подготовила проект конституции, ставший основой для обсуждения в специальном органе – Парламентском совете. Он состоял из 65 депутатов, избранных ландтагами земель, и 5 представителей с совещательным голосом от Западного Берлина. Принципиальная разница между Конвентом и Советом состояла в том, что первый разрабатывал и излагал теоретические проблемы, а второй занимался поиском компромиссов и принимал политические решения. Конвент предложил Совету свое название будущего временного государства – «Союз германских земель». Возглавил работу Совета бывший обер-бургомистр Кельна 72-летний Конрад Аденауэр.

Заключение. Провал французских требований, предшествующих Лондонским переговорам в ноябре 1947 г., позволил, наконец, Кэ д'Орсэ проводить разумную германскую политику. Франция осознала, что решение германской проблемы содержится в равноправном вхождении Западной Германии в Европейское сообщество. В рамках Брюссельского пакта Ж. Бидо предложил создать экономический и таможенный союз пяти стран-участниц договора. К этому союзу могли присоединиться и все европейские страны. Кроме того, Ж. Бидо ратовал за учреждение европейского парламента. Его преемником на посту министра иностранных дел и последователем его внешнеполитического курса с 26 июля 1948 г. стал Р. Шуман. С этого времени германская политика Франции была направлена на франко-германское примирение в рамках Европейского сообщества.

Литература

1. Белецкий, В.Н. За столом переговоров: Обсуждение германских дел на послевоенных международных совещаниях и встречах / В.Н. Белецкий. – М.: Политиздат, 1979. – 302 с.
2. Молчанов, Н.Н. Внешняя политика Франции. 1944–1954 / Н.Н. Молчанов. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – 404 с.
3. Наринский, М.М. Англия и Франция в послевоенной Европе. 1945–1949 / М.М. Наринский. – М.: Наука, 1972. – 376 с.
4. Gerbet, P. Le relèvement. 1944–1949 / P. Gerbet. – Paris: Imprimerie nationale, 1991. – 481 p.
5. L'année politique. Revue chronologique des principaux faits politiques économiques et sociaux de la France du 1-er janvier 1947 au 1-er janvier 1948. – Paris: Le Grand Siècle, 1947. – 395 p.
6. Копия записки Я. Малика, П. Федотова – О представлении протоколов первого этапа американо-англо-французских переговоров в Лондоне об уровне германской промышленности, руководстве рурскими шахтами и контроле над ними // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 1163. – Л. 98–99.
7. Grosser, A. France–Allemagne: 1936–1986 / A. Grosser // Politique étrangère. – № 1. – Printemps 1986. 51-e année. – P. 247–255.
8. Poidevin, R. Le relations franco-allemandes. 1815–1975 / R. Poidevin, J. Bariéty. – Paris: Colin, 1977. – 373 p.
9. Vaïsse, M. Georges Bidault / M. Vaïsse // Politique étrangère. – № 1. – Printemps 1986. 51-e année. – P. 75–83.
10. Информация о Германии (хроники важнейших событий) // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 82. – Оп. 30. – Д. 42. – Л. 17.

Поступила в редакцию 14.04.2015 г.

УДК 94(476)«1903/1911»:614.2(476)

Роль управлений по делам земского хозяйства в развитии системы здравоохранения на территории белорусских губерний (1903–1911 гг.)

Моторова Н.С.

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

Управления по делам земского хозяйства на территории трех белорусских губерний – Витебской, Минской и Могилевской – были созданы в 1903 г. В их ведение было передано управление медицинской частью.

Цель данной статьи заключается в целостном анализе и оценке роли управлений по делам земского хозяйства в развитии системы здравоохранения на территории белорусских губерний в 1903–1911 гг.

Материал и методы. *Исследование подготовлено на основе опубликованных делопроизводственных материалов и статистических данных. Для достижения поставленной цели использовались историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический методы.*

Результаты и их обсуждение. *На протяжении 1903–1911 гг. управления по делам земского хозяйства принимали меры, направленные на увеличение числа сельских врачебных участков, открытие сельских лечебниц и врачебных пунктов. Управления направляли значительные средства на финансирование системы здравоохранения в регионе. За их счет строились и ремонтировались здания для медицинских учреждений.*

Заключение. *Благодаря деятельности управлений по делам земского хозяйства был заложен фундамент для дальнейшего развития эффективной и общедоступной системы бесплатного медицинского обслуживания населения в регионе.*

Ключевые слова: *управления по делам земского хозяйства, губернские комитеты, здравоохранение, белорусские губернии.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 21–26)

Role of Administrations on Local Economy in the Development of Health Care System on the Territory of Belarusian Provinces (1903–1911)

Motorova N.S.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

Administrations on local economy were established in three Belarusian provinces – Vitebsk, Minsk and Mogilev – in 1903. The medical sphere in the provinces was transferred under their jurisdiction.

The purpose of this article includes a complete analysis and evaluation of the role of the Administrations in the development of the health care system on the territory of Belarusian provinces in 1903–1911.

Material and methods. *This article was prepared on the basis of published clerical materials and statistics. Historical and genetic, historical and comparative, historical and systematic, historical and typological methods were used.*

Findings and their discussion. *During 1903–1911 years Administrations on local economy took measures aimed at increasing the number of rural health stations, opening rural hospitals and medical stations. The Administrations allocated significant funds to finance the health care system in the region. They financed the construction and renovation of buildings for health facilities*

Conclusion. *Administrations on local economy laid the foundation for the further development of an effective and accessible system of free medical care for the population in the region.*

Key words: *Administrations on local economy, provincial committees, health care, Belarusian provinces.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 21–26)

Адрес для корреспонденции: e-mail: n.s.motorova@yandex.ru – Н.С. Моторова

Управления по делам земского хозяйства на территории трех белорусских губерний – Витебской, Минской и Могилевской – были созданы в 1903 г. В их ведение был передан широкий круг социальных вопросов, в том числе дела, которые ранее находились в компетенции приказов общественного призрения, а также руководство медицинской частью [1, с. 334]. В статье 2 Положения об управлении земским хозяйством... 2 апреля 1903 г. конкретизировались обязанности этих учреждений в сфере здравоохранения. Они включали в себя «устройство и содержание врачебной части в уездах; попечение об улучшении в уездах санитарных условий и о пресечении и предупреждении эпидемических болезней; заведование лечебными и благотворительными заведениями, переданными от приказов общественного призрения, а также другими подобными заведениями, содержаемыми и вновь устраиваемыми на счет земских сборов; попечение о призрении бедных, неизлечимо больных и умалишенных, а также сирых и увечных» [1, с. 338–339].

В историографии закрепился взгляд на управления по делам земского хозяйства как на нечто ущербное, неполноценное по сравнению с земствами, которые функционировали на основании Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г. Отчасти это верно в отношении порядка формирования подобных органов самоуправления и их большей зависимости от местной губернской администрации. Но что касается функциональных обязанностей, то они у земств и управлений по делам земского хозяйства были практически идентичными. При их перечислении в Положении 1903 г. были указаны те же пункты, что и в Положении о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г.: «заведование земскими лечебными и благотворительными заведениями; попечение о призрении бедных, неизлечимых больных и умалишенных, а также сирых и увечных; участие в мероприятиях по охранению народного здоровья...; развитие средств врачебной помощи населению и изыскание способов по обеспечению местности в санитарном отношении» [2, с. 495]. Как видно из приведенных фрагментов законодательных актов, обязанности земских учреждений и управлений по делам земского хозяйства в сфере медицинского обслуживания населения не отличались.

Тематика, связанная с историей здравоохранения в Беларуси, начала подробно разра-

батываться в советский период. Среди фундаментальных работ этого времени необходимо отметить монографию Г.Р. Крючка «Очерки истории медицины Белоруссии». В начале XXI в. данную тематику продолжил разрабатывать Е.М. Тищенко, посвятив ей два исследования – «Здравоохранение Беларуси в XIX–XX веках» и «История здравоохранения Беларуси в XX веке». В перечисленных работах авторы поверхностно рассмотрели роль управлений по делам земского хозяйства в развитии системы здравоохранения на территории белорусских губерний. Основное внимание они уделили характеристике деятельности медицинских учреждений и анализу общего состояния системы медицинского обслуживания населения.

Таким образом, цель данной статьи заключается в целостном анализе и объективной оценке деятельности управлений по делам земского хозяйства, направленной на развитие системы медицинского обслуживания населения на территории Витебской, Минской и Могилевской губерний в 1903–1911 гг.

Материал и методы. Исследование подготовлено на основе опубликованных делопроизводственных материалов и статистических данных о состоянии здравоохранения в Российской империи в начале XX в. Для достижения поставленной цели использовались такие специально-исторические методы, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. До 1903 г. здравоохранение в белорусских губерниях находилось в ведении приказов общественного призрения. Как отмечалось в обзоре деятельности Витебского губернского комитета, ее организация не соответствовала быстро растущим потребностям населения в качественном и доступном медицинском обслуживании. «Ни одна отрасль земского хозяйства Витебской губернии, перешедшая в ведение вновь образованного по Положению 2-го апреля 1903 г. земского управления, не представляла такой яркой картины полного несоответствия всей постановки дела самым насущным потребностям населения, как медицинская. Городские больницы Приказа общественного призрения... помещались в ветхих, плохо приспособленных, большей частью наемных зданиях, совершенно не соответствовали своему назначению; отделить в них комнаты с заразными больными от остальных палат было невозможно, особых операцион-

ных не было; лечение в них было платное, а потому и недоступное неимущему сельскому населению. Сельско-врачебная часть, устроенная на основании закона 24 апреля 1887 г., ни по численности врачебного персонала, недостаточно притом оплачиваемого, ни по ограниченности средств, отпускавшихся на приобретение медикаментов и содержание лечебных заведений, не в состоянии была в достаточной мере обеспечить сельское население медицинской помощью» [3, с. 1]. Подобная картина была характерна не только для Витебской губернии, но и для Минской и Могилевской.

После введения Положения об управлении земским хозяйством губернские комитеты белорусских губерний приступили к решению наиболее актуального вопроса – расширению стационарного и амбулаторного обслуживания сельского населения через увеличение количества сельских участков. Так, Минский губернский комитет на заседании 27 августа 1903 г. постановил создать восемь новых врачебных участков при больницах, которые ранее находились в ведении Приказа общественного призрения [4, с. 5, 8–9]. Затем на заседании 18 марта 1904 г., исходя из рекомендаций Совецания по земским делам при Министерстве внутренних дел, было решено в течение трех лет открывать в регионе по 5 участков. На 1904 г. запланировали открытие участков с центрами в Лельчицах (Мозырский уезд), Озаричах (Бобруйский уезд), Серниках (Пинский уезд), Узде (Игуменский уезд), Березино (Борисовский уезд). Для оптимального обеспечения населения медицинской помощью была поставлена цель довести количество участков до 44 [5, с. 45, 56–57].

В целом на протяжении 1903–1910 гг. шел процесс постоянного увеличения числа участков при сокращении их радиусов и количества обслуживаемого населения на одном участке. Так, по данным на 1903 г. на территории Витебской, Минской и Могилевской губерний насчитывалось 67 участков. Учитывая, что в сельской местности проживало более 5,4 млн человек, то в среднем один участок должен был обслуживать 81 566 человек. Такой высокий показатель достигался в основном за счет Минской губернии, где количество сельского населения превышало 2,2 млн человек, а для его обслуживания функционировало всего 19 участков. Соответственно, здесь на один участок приходилось около 118 100 человек.

В то же время в Витебской губернии этот показатель составлял 65 199 человек, а в Могилевской – 68 717 человек [подсчитано по: 6, табл., с. 2–3, 16–17]. Средний радиус участка в регионе достигал 27,3 версты. Но если в Витебской губернии радиус составлял 24 версты, в Могилевской – 22, то в Минской в губернии из-за недостаточного количества сельских участков – 36 верст [6, с. 132]. По всем перечисленным показателям белорусские губернии заметно уступали старым земским. Так, в соседних Псковской и Смоленской губерниях на один участок приходилось 30 550 и 28 030 человек соответственно, а радиусы участков были сокращены до 17 и 16 верст. В Саратовской губернии эти показатели составляли 25 520 человек и 15 верст [6, с. 132].

Однако в 1910 г. на территории белорусских губерний функционировало уже 133 участка, их число увеличилось почти в два раза. К этому времени количество сельского населения превысило 6 млн человек, а в среднем на один участок приходилось 45 841 человек (по сравнению с 1903 г. этот показатель сократился в 1,8 раза) [подсчитано по: 7, табл., с. 2–3, 24–25]. Наблюдалось и сокращение радиусов участков. В 1910 г. средний радиус составил 19,3 версты: в Витебской губернии – 17 верст, Минской – 23, Могилевской – 18 [7, с. 95]. Приведенные данные свидетельствуют об успешной и плодотворной работе управлений по делам земского хозяйства, направленной на создание доступной для сельского населения системы здравоохранения. За восемь лет губернские комитеты по таким показателям, как количество сельских участков, их средний радиус, количество населения в расчете на один участок, смогли приблизиться к уровню земских губерний. Чтобы адекватно оценить работу, проделанную управлениями по делам земского хозяйства, нужно сопоставить результаты их деятельности с уровнем развития медицинского обслуживания сельского населения в трех губерниях Северо-Западного края, где не было введено Положение 1903 г., – Виленской, Гродненской и Ковенской. По данным на 1903 г. на их территории проживало около 4,9 млн сельского населения. В то же время врачебных участков насчитывалось всего 53, в среднем на один участок приходилось 92 243 человека [подсчитано по: 7, табл., с. 2–3, 32–33]. Радиус участка составлял 26 верст [7, с. 95].

Увеличение числа участков сопровождалось строительством новых зданий для приемных покоев, сельских лечебниц и больниц, ремонтом существующих. Эти работы велись под руководством и за счет управлений по делам земского хозяйства. Так, на территории Витебской губернии в 1906 г. под больницу был приспособлен дом в Ловже. В течение 1907–1908 гг. в Бешенковичах было возведено здание по павильонной системе для больницы на 20 мест, на что было затрачено около 22 000 руб. [3, с. 10]. Минский губернский комитет на заседании 27 августа 1903 г. принял решение выделить 22 046 руб. на капитальный ремонт зданий сельских лечебниц [4, с. 5, 12–13]. В 1906 г. в местечке Узда было приобретено за 1 250 руб. недвижимое имущество у А.К. Карп для устройства земской больницы [8, с. 1, 12], в 1907 г. выделено 2 500 руб. на завершение строительства больницы в Лельчицах [9, с. 99, 114]. На протяжении 1903–1911 г. Минский губернский комитет тратил в среднем по 17 524 руб. на строительство и ремонт зданий для медицинских учреждений [подсчитано по: 10, с. 2].

При этом управления по делам земского хозяйства старались применять для строительства прочные и долговечные материалы. Так, на сентябрьской сессии 1911 г. Могилевский губернский комитет по делам земского хозяйства, изучив вопрос о возможности использования бетонных пустотелых массивов для зданий лечебниц, решил построить из этого материала 11 больничных зданий с квартирами для врачей. Чтобы избежать чрезмерного увеличения земского налогообложения, было решено ходатайствовать перед Министерством внутренних дел о разрешении сделать заем в размере 220 тыс. руб. из капитала общественного призрения с обязательством погасить его в течение 25 лет [11, с. 12].

Значительные средства направлялись на ремонт и строительство зданий городских больниц. (До 1903 г. они находились в ведении приказов общественного призрения, затем были переподчинены управлениям по делам земского хозяйства. Несмотря на то, что эти больницы располагались в городах, они предназначались преимущественно для обслуживания сельского населения.) Так, в 1903 г. Минский губернский комитет выделил 15 500 руб. на строительство нового здания на 30 мест для Слуцкой больницы [4, с. 35, 42]. В Витебской губернии в течение 1908–1909 гг. Управ-

ление по делам земского хозяйства возвело новое здание для городской больницы на 40 мест в Велиже. Оно было построено по павильонной системе с отдельными флигелями для амбулатории, общего госпиталя и «острозаразного» (инфекционного) отделения. На эти работы затратили более 40 000 руб. Осенью 1908 г. был приобретен за 6 000 руб. дом для больницы в Дриссе. На его ремонт и переустройство в последующие годы было отпущено 3 410 руб. В 1908 г. завершили приспособление под больницу главного здания бывшего казенного винного склада в Себеже. В такое же здание была переведена больница в Лепеле. Просторные и добротные помещения приобрело Управление по делам земского хозяйства за 30 000 руб. с рассрочкой платежа на 5 лет. На ремонт и приспособление здания в Себеже затратили 7 524 руб. 29 коп., в результате открыли больницу на 40 мест с отдельным бараком для заразных больных и изолированной амбулаторией, а также с удобными и просторными квартирами для медицинского персонала. Здание, в котором разместилась Лепельская больница, было настолько добротным, что не нуждалось в дополнительном ремонте. В 1909 г. завершили строительство хирургического барака при городской больнице в Полоцке, на что было затрачено 7 854 руб. 28 коп. [3, с. 10–11].

Большое внимание управления по делам земского хозяйства уделяли приведению в порядок больниц, расположенных в губернских центрах. В этом отношении наиболее показателен пример губернской больницы в Минске. На заседании 28 августа 1903 г. Минский губернский комитет заслушал выступление председателя Губернской управы Н.Г. Матвеева. Он указал на необходимость устранить ряд недостатков, которые были выявлены им в результате осмотра губернской больницы: «Санитарное состояние ее таково, что только благодаря особенно счастливым обстоятельствам она не сделалась очагом целого ряда эпидемических заболеваний. Построенная в начале прошлого столетия на 30 кроватей, в настоящее время она бывает настолько переполнена, что больных приходится размещать не только на полу между кроватями, но и в коридорах, причем тифозные и скарлатинозные лежат рядом с дифтеритными и заражают друг друга. Хотя с устройством заразного барака заразные больные не будут смешиваться с другими, но ожидать улучшений санитарных условий больницы от одного пе-

ревода заразных больных в особое отделение, без большого капитального ремонта больничных зданий, нет никаких оснований. Вентиляция в больнице почти отсутствует, окна по ветхости рам открывать нельзя, полы в психиатрическом отделении сгнили, круглые железные печи прогорели, ванная комната как бы специально устроена для простуды, ватерклозеты по числу больных малы и заражают зловонием соседние помещения...» [4, с. 18, 20–21].

Выслушав это заявление, Минский губернский комитет учредил специальную Комиссию, которой поручил на месте ознакомиться с состоянием больницы. В состав Комиссии были избраны А.А. Скимунт, гласные Г. Войнилович, К.Ф. и Р.Ф. Наркевич-Йодко, князь И.Э. Друцкий-Любецкий, Е.И. Любанский, К.К. Незабытовский, Н.А. Шамотульский, Б.В. Ратынский [4, с. 121]. Ее заключение было готово к 29 августа 1903 г., когда и было представлено Комитету на рассмотрение. Комиссия предложила назначить на текущий ремонт всех помещений 3 000 руб. и поручить Губернской управе к 1904 г. разработать проект сметы на капитальное переустройство больницы. Предложение было единогласно утверждено Комитетом [4, с. 26–27]. После этого развернулись работы по переустройству больницы. Так, в 1906 г. Минский губернский комитет выделил 15 000 руб. на строительство отдельного хирургического барака при губернской больнице, а остальную сумму, необходимую для завершения работ (15 981 руб.), предложил Губернской управе внести в смету 1907 г. [8, с. 16, 21]. Работы по ремонту больницы были завершены уже после введения в губернии полноценного земского самоуправления.

Помимо строительства врачебных пунктов, сельских лечебниц, городских больниц, управления по делам земского хозяйства тратили значительные средства на их содержание. Например, на заседании 27 августа 1903 г. Минский губернский комитет решил в виде опыта увеличить на один год финансирование сельских лечебниц, назначив дополнительно каждой из них по 100 руб. Кроме того, на приобретение медикаментов было выделено 27 945 руб. [4, с. 5, 12–13]. На протяжении 1903–1911 г. Управление по делам земского хозяйства Минской губернии на содержание лечебных заведений ежегодно тратило в среднем по 211 121 руб. [подсчитано по: 10, с. 2]. Могилевский губернский комитет на заседании 9 сентября 1908 г. постановил выделить

на содержание сельских лечебниц и врачебных пунктов 165 100 руб. [12, с. 57, 67].

Управления по делам земского хозяйства предпринимали шаги, направленные на увеличение числа медицинского персонала при сельских лечебницах и городских больницах. Соответствующее постановление в 1903 г. принял Витебский губернский комитет. Для привлечения квалифицированных кадров было решено установить содержание им в следующем размере: врачам – 1 200 руб., фельдшерам со средним медицинским образованием – 360 руб., фельдшерам без специального образования и повивальным бабкам – по 240 руб. [3, с. 3]. Благодаря таким мерам за 1903–1910 гг. число медицинского персонала в губернии увеличилось с 35 до 56, фельдшеров – со 101 до 143, повивальных бабок – с 33 до 54 [3, с. 7].

В целом по данным на 1910 г. расходы на медицинскую часть, которые включали в себя содержание различных лечебных заведений и медицинского персонала, бесплатную выдачу лекарств, проведение санитарных и противоэпидемических мероприятий в трех белорусских губерниях, составили почти 2 млн руб. Причем из этой суммы 89% (около 1,7 млн руб.) покрывалось за счет сумм земских сборов, которые направляли управления по делам земского хозяйства [подсчитано по: 7, табл., с. 32–33].

Благодаря всем вышеперечисленным мерам значительно расширилась деятельность медицинских учреждений. Так, в Могилевской губернии лечение в условиях стационара в 1903 г. прошло 8 521 человек, а в 1910 г. – 13 481, то есть количество стационарных больных возросло в 1,6 раза. Увеличилось число обращений амбулаторных больных: с 746 931 в 1903 г. до 1 212 855 в 1910 г., то есть в 1,6 раза [11, с. 13]. Аналогичные тенденции были характерны для Витебской и Минской губерний.

Заключение. На протяжении 1903–1911 гг. управления по делам земского хозяйства Витебской, Минской и Могилевской губерний смогли добиться прогресса в сфере организации медицинского обслуживания населения, преимущественно сельского. За указанный период на территории региона увеличилось количество медицинских участков, параллельно сократился их радиус. Почти в два раза уменьшилось количество населения в расчете на один участок. По этим показателям белорусские губернии приблизились к уровню земских губерний. За счет управлений по делам

земского хозяйства строились и ремонтировались здания для врачебных и амбулаторных пунктов, сельских лечебниц, городских больниц. Они выплачивали средства на содержание медицинских учреждений и приобретение медикаментов, в целом финансирование системы медицинского обслуживания на территории региона осуществлялось за их счет. Конечно, в этой сфере сохранялся ряд трудностей, однако в большинстве случаев управления по делам земского хозяйства смогли эффективно преодолеть их. Как видно из приведенных выше фактов, ограничительный характер статей Положения 1903 г., который касался порядка формирования этих учреждений, не оказал негативного влияния на их функционирование. Губернские и уездные комитеты успешно справлялись с решением насущных социальных проблем. Благодаря их усилиям в сфере здравоохранения был создан тот фундамент, на котором земские учреждения, созданные на территории белорусских губерний в 1911 г., продолжили деятельность, направленную на совершенствование и расширение эффективной и оригинальной, по сравнению с европейскими государствами, системы общедоступного и бесплатного медицинского обслуживания населения.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание 3. – СПб.: Гос. тип., 1885–1917. – Т. 23: 1903. Отд-ние 1. От № 22360–23838 и дополнения. – 1905. – 1167 с., [1 с.], 136 с.
2. ПСЗ РИ. Собрание 3. – СПб.: Гос. тип., 1885–1917. – Т. 10: 1890. Отд-ние 1. От № 6505–7239 и дополнения. – 1893. – 845 с., [1 с.], 245 с., [1 с.].
3. Краткий обзор деятельности Управления по делам земского хозяйства Витебской губернии за 1903–1910 г. / сост. Н.Г. Матвеев. – Витебск: Типо-лит. Подземского, 1910. – 2 с., 122 с.
4. Журналы первого годового собрания Минского губернского комитета по делам земского хозяйства. (Заседания с 26 по 31 августа и 2 сентября 1903 года). – Минск: Паровая типо-лит. И. и В. Тасьман, 1903. – 72 с.
5. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства за 1904 год. – Минск: Паровая типо-лит. И. и В. Тасьман, 1905. – 254 с.
6. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1903 год / Управление Главного врачебного инспектора МВД. – СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1905. – X с., 164 с., 226 с., II с.
7. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1910 год / Управление Главного врачебного инспектора МВД. – СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1912. – IX с., [1 с.], 112 с., 267 с., [1 с.].
8. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства за 1906 год. – Минск: Паровая типо-лит. И. и В. Тасьман, 1907. – 127 с., [33 с.].
9. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства за 1907 год. – Минск: Паровая типо-лит. И. и В. Тасьман, 1908. – 14 с., 170 с.
10. Краткий обзор деятельности земств Минской губернии в первом трехлетии. – Б/м, б/г. – 105 с., [1 с.].
11. Краткий обзор деятельности земского управления Могилевской губернии за 1903–1911 годы. – Могилев губ.: Губ. тип., 1911. – 31 с., [1 с.].
12. Журналы годового собрания Могилевского губернского комитета по делам земского хозяйства сентябрьской сессии 1908 года. – Б/м: Скоропечатня и литография Ш.А. Фридланда, 1908. – 14 с., 76 с., XLVI с.

Поступила в редакцию 10.04.2015 г.

УДК 211.5

Православная традиция в контексте секуляризации российского общества в начале XX века

Здоровцева О.В.

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»,
Ростов-на-Дону (Россия),
Институт философии и социально-политических наук*

В постсоветский период в российской исторической науке сформировалось мнение, что причина падения религиозности православного населения России – в государственном атеизме, насильственно распространявшемся на все общество более 70 лет.

Цель статьи – показать, что отход от православной традиции в России завершился к концу первых 20 лет после Октябрьской революции.

Материал и методы. Объектной базой исследования являются исторические данные о секуляризации российского общества начала XX века, а предметом – насильственные и естественные секуляризационные процессы в российском обществе в начале XX века. Статья основана на фактах, изложенных в работах Л.А. Андреевой, В.Б. Жиромской, Н.Е. Емельянова, С.Л. Фирсова, В.В. Розанова. При ее написании использовались поисковый и аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. Внутренняя «окаменелость» Православной Церкви и повсеместное «оскудение духа» в среде православных (равно народа и клира) привели к тому, что Православная Церковь в России к 1917 г. находилась в состоянии глубокого кризиса.

За долгий период нахождения под государственной «пятой» Православная Церковь, как общество верующих, незаметно для самой себя превратилась в одно из государственных учреждений, в котором проповедь о Христе отошла на задний план, христианство стало вырождаться в обрядоверие.

На момент Октябрьской революции 1917 г. православные христиане в России официально составляли около 70% населения страны. Эта цифра была показателем самоидентификации большинства россиян с православной традицией, но на деле не являлась истинным показателем религиозности. После революции 1917 г. численность православных уменьшилась почти наполовину в очень короткий срок – к 1937 г.

За 20-летний период гонений в советской России погибло около 116000 православных христиан, в стране усиленными тоталитарными методами насаждалась материалистическая идеология.

Заключение. Гонения на Церковь со стороны большевиков и упадок религиозности среди большинства российского населения сделали возможным отход от православной традиции в России в короткий срок – за чуть более чем 20 лет после революции. Гонения стали «лакмусовой бумажкой» религиозности православного населения России, показав, что действительное число православных было меньше официальных дореволюционных данных. При этом в ходе насильственных и естественных секуляризационных процессов произошла замена христианской религии материалистической марксистской идеологией.

Ключевые слова: идеология, марксизм, православная традиция, российское общество, секуляризация.

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 27–36)

The Orthodox Tradition in the Context of the Russian Society Secularization in the Early 20th Century

Zdorovtseva O.V.

*Southern Federal University, Rostov-on-Don Institute of Philosophy and Social
and Political Studies, Rostov-on-Don (Russia)*

The opinion that the cause of the decline of religiosity of the Orthodox population in Russia was the official atheism, which was spread during 70 years, has shaped in Russian history of the post-Soviet period.

The purpose of this work is to show that the departure from the Orthodox tradition in Russia had ended by the end of 20 years after the October Revolution.

Material and methods. The historical data on secularization in the Russian society of the early 20th century are the objectives of the research. The violent and natural processes of secularization in Russian society in that time are the subject-

Адрес для корреспонденции: e-mail: olgazdorovceva@yandex.ru – О.В. Здоровцева

matter of the research. The article is based on historical facts stated by L.A. Andreeva, V.B. Zhyromskaya, N.E. Emelyanov, S.L. Firsov, V.V. Rozanov. The search and analytics methods are used in this research.

Findings and their discussion. The internal «ossify» of the Orthodox Church and general «impoverishment of spirit» among the Orthodox believers and clergy had led to deep crisis of the Russian Orthodox Church by 1917. The Orthodox Church as a community of believers turned into one of the state institutions invisibly to itself, during the long period under «the heel» of the government. The sermon of Christ receded into the background in it, Christianity began to degenerate into the faith in rite.

The Orthodox Christians in Russia officially constituted 70% of the population at the time of the October Revolution of 1917. This demonstrated the self-identification of Russians with the Orthodox tradition, but in fact, it was not the true indicator of religiosity. The number of Orthodox believers decreased by half in a very short period after the October Revolution of 1917, by 1937.

About 116000 Orthodox Christians perished in the 20 year period of persecutions in the Soviet Union, when materialistic ideology was spread by totalitarian methods.

Conclusion. The persecutions of the Church by Bolsheviks and decline of religiosity among the majority of the Russian population made the departure from the Orthodox tradition in Russia in the short time, a little longer than 20 years after the Revolution, possible. These persecutions became a «litmus test» of religiosity of the Orthodox population in Russia, which show that the actual number of Orthodox was less than official data. The Christian religion was replaced by materialistic Marxist ideology during the violent and natural historical processes of secularization.

Key words: ideology, Marxism, orthodoxy, Russian society, secularization.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 27–36)

Религиозное возрождение российского общества, начавшееся в 90-х годах XX века, продолжается и в настоящее время, но идет очень медленными темпами. Оно не может преодолеть некую «точку невозврата» к прошлому: к религиозному сознанию и образу жизни. В постсоветский период в российской исторической науке сформировалось мнение, что причина нынешнего положения дел – в государственном атеизме, насильственно распространявшемся на все общество более 70 лет.

Большинство современных работ, посвященных периоду гонений на Русскую Православную Церковь в советский период, учебных пособий, статей и докладов носят описательный характер, дают статистическую, историческую оценку происходивших в России событий, отмечают масштабность гонений советской власти и их отрицательные последствия для Церкви (прот. В. Цыпин, Г. Штриккер, Н.Е. Емельянов, иг. Дамаскин (Орловский) и др.). С философско-богословской точки зрения пытается осмыслить марксистскую идеологию В. Аксючиц в статье «Вавилонское пленение». Л.А. Андреева считает, что процесс дехристианизации в России начался еще до революции.

Цель настоящего исследования – показать, что отход от православной традиции в России завершился к концу первых 20 лет после Октябрьской революции вследствие не только насильственных, но и *естественно-исторических* секуляризационных процессов в российском обществе.

Задачи: показать, что после революции произошла *целенаправленная* замена религии

тоталитарной и богоборческой марксистской идеологией; объяснить, в чем отличие марксистской системы ценностей от христианской; доказать, что 20-летнее гонение на Русскую Православную Церковь начала XX века обнажило реальный уровень религиозности населения России на момент революции.

Современный православный богослов А. Шмеман утверждает, что любая идеология по сути своей – подмена религии и не несет человеку как личности, а значит и обществу, ничего хорошего. «Цель, сущность религии – в том, чтобы, найдя Бога, человек нашел бы себя, стал собой. Цель и сущность идеологии – в том, чтобы подчинить себе без остатка человека, чтобы человек стал исполнителем и слугой идеологии» [1]. Нет «...идеи личности ни в одной современной идеологии, занятой всегда человечеством, но ради человечества преспокойно уничтожающей миллионы людей». «В атеистическом мировоззрении все ... права человек получает от общества, которое априори есть ценность высшая, в этом мировоззрении ... не общество существует для человека, а человек для общества». «Признать каждого человека абсолютной ценностью – это ... – лишить абсолютного значения все остальное в мире, и прежде всего как раз само общество. Это значит ... признать человека выделяющимся из простого природного порядка, признать его существом высшим. А это про человека говорит только религия» [1].

Возврат к Православию необходим российскому обществу не только потому, что с X века это государство образующая религия России, но и потому, что «тоталитаризму во всех его видах противостоит на нашей земле

только одно – вера в Бога, сотворившего человека по образу Своему и подобию, призвавшего его к свободе и вечности, – это, и ничто другое...» [1]. В этом нам видится актуальность работы.

Материал и методы. Объектной базой исследования являются исторические данные о секуляризации российского общества начала XX века, а предметом – насильственные и естественные секуляризационные процессы в российском обществе в начале XX века. При написании статьи использовались поисковый и аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. В начале 1937 г. в СССР была проведена перепись населения. По предложению Сталина в нее был включен вопрос о религии, на который предлагалось отвечать всем гражданам, начиная с 16 лет. По данным переписи, из 162 млн жителей СССР на этот вопрос ответили 80% [2] граждан. Среди взрослого населения верующими являлись 56,7% (женщины 64%, мужчины – 36%), из них христиане – 80%, православные – 3/4 [2]. При этом среди верующих значительную часть составляли мужчины и женщины молодого и зрелого возраста, обученные грамоте; 2/3 верующих были сельскими жителями, 1/3 – городскими.

Следовательно, согласно данным переписи, православные в 1937 году составляли 27,21% или около 1/4 жителей советского государства. Митрополит Сергей (Воскресенский) в своих записках времен Великой Отечественной войны писал следующее: «По официальной, всегда фальсифицированной, советской статистике число православных верующих достигает крупной цифры в 30 млн. Но многие терроризированные советские граждане не имеют мужества признать себя верующими перед советскими властями. Имея в виду эти и другие ошибки советской статистики, Патриаршее управление считает, что число верующих достигает 60 млн» [3, с. 204]. Если это было так, то численность православных достигала 37% от общей численности граждан Советского Союза.

На момент Октябрьской революции 1917 г. православные христиане в России официально составляли около 70% [4, с. 395] населения страны. Следовательно, за 20 лет их численность уменьшилась на 43–54%, то есть почти наполовину. И это произошло в государстве, на протяжении девяти веков, исповедовавшем Православие в качестве основной религии. Рассмотрим внешние (гонения на РПЦ) и вну-

тренние (религиозность российского населения в начале XX века) причины произошедшего.

Согласно историческим данным, наиболее масштабные гонения на православных христиан в советской России имели место в период с 1917 по 1939 год, а пик их пришелся на 1937–1939 гг.

В первые годы советской власти был принят ряд законодательных актов, направленных на устранение православных традиций из общественной и личной сферы, а также против служителей религиозных конфессий. Так, ст. 65 Конституции РСФСР от 10.07.1918 г. лишила лиц духовного звания избирательного права как «нетрудящегося элемента». Причем это касалось не только православных священнослужителей, но мулл, раввинов, пасторов и др. Им не выдавали продовольственные карточки, не предоставляли жилье, не допускали их детей к обучению в высших учебных заведениях, а по декрету от 16.10.1922 г. их можно было «без всяких проволочек арестовать и на основании простого административного распоряжения ЧК ... сослать на срок до 3 лет в концентрационные лагеря» [4, с. 407].

Декрет от 02.02.1918 г. «О свободе совести» официально устранил влияние Церкви на два важнейших социальных института: образование и семью. Еще в декабре 1917 года был введен гражданский брак как единственно имеющий юридическую силу. Следует заметить, что в конце XIX столетия в России уже имели место факты массового отказа от венчания. «Сокращение церковных браков на долю православного населения, учитывая темпы демографического прироста, составило за десятилетие с 1880 по 1890 год 100 тыс. человек. В этом отношении первенствовала столица – Санкт-Петербург. Если в среднем по империи один церковный брак приходился на 101 человек в год, то в столице на 156 человек» [5, ссылка по: Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891. – СПб., 1897. – С. 70]. Новая власть легализовала бывшее на тот момент исключением из правил христианской жизни положение дел, имея целью атеизацию общественного и личного сознания.

Декрет запретил преподавание религии в государственных школах, религиозные школы подлежали закрытию. До революции система образования в России использовалась для распространения православного вероучения, но к началу XX столетия духовное образование

страдало формализмом. «Преподавание велось в целом настолько мертво, схоластично, что уроки Закона Божия приобретали характер принудительного отсиживания, ... время для острот и кощунств» [6]. По этой причине не только «самые злые безбожники выходили из стен духовных училищ» [6], но и падала религиозность простого народа. После революции марксисты воспользовались системой образования для распространения своей идеологии. Воздействие на умы подрастающего поколения было выбрано новой властью как наиболее быстрый и верный способ «переориентации» населения на атеистическое мышление. Учителя использовались как средство насаждения атеизма: «...мы требуем от учителя антирелигиозной пропаганды и от школы марксистской направленности» – Н. Крупская; «необходимо выступить в поход против верующих учителей...» – А. Луначарский [4, с. 410]. Вся идеологическая работа в системе государственного образования имела целью «создать такое новое поколение, которое оказалось бы не в состоянии даже понять слово “Бог”» [4, с. 409].

24 января 1918 г. был принят декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря», который узаконил григорианский календарь. Собор Восточных Патриархов 1583 года в Константинополе осудил григорианский календарь как нарушающий весь богослужебный цикл и каноны Вселенских Соборов. Незадолго до русской революции, в 1902 и 1904 годах патриарх Константинопольский Иоаким III обсуждал вопрос о замене юлианского календаря на григорианский в переписке с автокефальными восточными Церквами: Иерусалимской, Греческой, Румынской, Сербской, Черногорской и Русской. Вопрос этот единодушно был решен отрицательно. И главной причиной являлось нарушение исчисления Пасхалии. Таким образом, советская реформа имела целью нарушить годичный цикл богослужения Русской Православной Церкви, а также традиции православного населения России: церковный год тесно сплетался с народным бытом и экономическим годом крестьянина. Как известно, Церковь в России сохранила юлианский календарь.

14.02.1919 г. Наркомат юстиции принял постановление о вскрытии мощей, а 30.07.1920 г. «О ликвидации мощей во все-российском масштабе», которые вызвали массовые издевательства над святыми останками

в 1919 г. и последующие несколько лет. Целью было смутить верующий народ, не сведущий в тонкостях богословия о необязательном нетлении святых останков. Между тем, «благочестивое усердие верующих ... соорудило для таковых честных мощей драгоценные раки и оправы ... располагая в них в подобающих облачениях кости праведников и другие частицы святых их мощей...» [7, с. 102]. Изъятие явилось глумлением над святыней и оскорблением народной веры. К осени 1920 г. было совершено 63 публичных осквернения мощей святых угодников Божиих.

В 1921–1922 годах прошла кампания по изъятию церковных ценностей. Для ее проведения в губерниях развернули агитационную работу, при этом кампания характеризовалась как целиком направленная на помощь голодающим. Однако скрыть суть происходящего под агитационными призывами не удалось, изъятие вызвало протесты верующих и повлекло неминуемые жертвы. Даже в отдельных партийных документах подобная кампания прямо называлась антирелигиозной. В 1922 г. состоялся 231 судебный процесс по делам об изъятии церковных ценностей. На скамье подсудимых оказались 732 человека, и многим из них были вынесены смертные приговоры [3, с. 69].

Борьбу с Церковью с 1922 г. возглавляла Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) под председательством Е. Ярославского. Помимо организации репрессий против духовенства, комиссия руководила пропагандистскими кампаниями, устраивала в городах процессии, направляла комсомольцев на разграбление и осквернение храмов, вдохновляла их на инсценировку шутовских богослужений и «судов над Богом».

В 1923–1928 годах первая интенсивная «волна» гонений на Церковь спала, и советская власть нацелила пропаганду атеизма на более длительный срок. Причиной пересмотра ею своей революционной тактики было усиление религиозности населения: «Народ потек в церкви, всюду образовывались новые братства и сестричества, утешение от забот, нужды и бедности стали искать в молитве и церковной службе...» [4, с. 401].

С января 1929 г. гонения возобновились с новой силой. Советские власти объявили две «безбожные» пятилетки. Была принята поправка в Конституцию РСФСР, в результате чего свободу религиозной пропаганды исключили из общественной жизни, а оставили легальной

только антирелигиозную пропаганду. 8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», которое с небольшими изменениями и дополнениями действовало вплоть до 1990 г. Согласно ему религиозным общинам дозволялось лишь «отправление культов» в стенах «молитвенных домов», просветительская и благотворительная деятельность категорически воспрещалась. Эти запреты способствовали дальнейшему отдалению священнослужителей от паствы, закрыв им возможность легальной проповеди.

С августа 1929 г. в СССР была введена пятидневная рабочая неделя в условиях непрерывного производства, а с 1931 г. шестидневная прерывная производственная неделя. Как пятидневка, так и шестидневка полностью нарушили традиционную неделю с общим выходным днем в воскресенье и создали реальное препятствие для верующих в посещении богослужений.

В стране существовала монополия печати. Издание Библии и церковных книг было под запретом. Печатать разрешалось лишь против Бога и против христианства. Тиражи антирелигиозной литературы увеличивались год от года: если в 1927 г. организации безбожников издали книг и брошюр общим объемом в 700 тысяч печатных листов, то в 1930 г. – уже свыше 50 миллионов. Тираж газеты «Безбожник» в 1931 г. достигал 1,5 млн экземпляров, а тираж журнала «Безбожник у станка» – 200 тыс. С 1924 по 1947 год в стране действовал Союз воинствующих безбожников под председательством того же Е. Ярославского (общая численность его в 1932 г. достигла 5,7 млн чел., но не была впоследствии превзойдена). Организовывались кружки юных безбожников (к концу 1931 г. в них было 2 млн чел.). В 1932 г. тиражом 12,5 тысячи экземпляров вышел первый том пятитомного сборника Е.М. Ярославского «Против религии и Церкви».

Для расцерковления огромной страны требовалось большое число профессиональных антирелигиозных пропагандистов и агитаторов. В 1931–1932 гг. эти кадры готовились в рабочих и колхозных «антирелигиозных университетах» (к началу 2-й пятилетки их насчитывалось 70), имелись 20 атеистических отделений в вузах и комвузах, 2 антирелигиозных педагогических техникума, антирелигиозные курсы и всесоюзный антирелигиозный радиоуниверситет. Действовали 93 учебных

курсы и 89 семинаров для обучения безбожников, 20 антирелигиозных музеев [4, с. 428]. Частное обучение религии, дозволенное декретом об отделении Церкви от государства, с 1929 г. сузилось до права родителей обучать религии своих детей.

По всей России шла война с колокольным звоном. Колокола сбрасывали под тем предлогом, что они мешают слушать радио и оскорбляют религиозные чувства нехристиан. Тысячами уничтожались иконы, богослужебные книги.

В течение всего послереволюционного периода, начиная с 1918 года, в стране шли аресты и расстрелы священнослужителей и верующих, закрывались и уничтожались церкви, монастыри. Из докладной записки Постоянной комиссии по культовым вопросам видно, что к осени 1936 г. на территории СССР осталось 18 тыс. «молитвенных зданий», из которых, вероятно, лишь около половины принадлежало Русской Православной Церкви [3, с. 168].

По официальным данным, приводимым в статье проф. Н.Е. Емельянова, 1-я волна гонений (1917–1920 гг.) унесла в расстрелах более 9000 жизней только в 1918–1919 гг., общее число репрессий составило около 11000; 2-я волна гонений (1921–1923 гг.) – около 10000 репрессий, расстреляли около 2000 человек; 3-я волна (1929–1933 гг.) – около 50000 арестов и 5000 казней; 4-я волна (1937–1938 гг.) – около 200000 репрессий и 100000 казней, был расстрелян каждый второй [8].

Все перечисленное выше неоднократно описано в истории России и поражает масштабностью и тотальностью гонений на Церковь. В чем была причина таких гонений и противостояния советской власти и Церкви? Нельзя ли было строить коммунизм иными (бескровными) способами?

И.А. Ильин в статье «Христианство и большевизм» указал на 7 основных противоречий между идеологией большевиков (коммунизмом) и христианством: 1) христианин верит в Бога и живет в связи, вере, надежде и любви с Ним – для коммуниста это все обман (по Ленину); 2) христианин укреплен в своей вере, он живет ею, она для него источник правильной жизни – для марксиста религия служит средством закабаления масс; 3) христианин осознает себя Божиим созданием и на первом месте у него дух, который управляет сознанием, душою и телом – для коммуниста духа не существует, а есть лишь материя, ко-

торая у него первостепенна; 4) христианин воспринимает свободу своей личности как свободу от греха и всю жизнь стремится к обретению этой свободы – безбожник живет собственными интересами и инстинктами, что приводит человека к духовному порабощению (страстям); 5) христианин ценит личные качества человека, видя в нем образ Божий; в жизни общества, природы он видит тайну Божественного творения – для безбожника все люди одинаковы (отсюда – советская «уровниловка»), он не видит тайн мира (и присутствия Божия в нем); 6) христианин верит в бессмертие души и вечную жизнь с Богом – для марксиста земная жизнь единственна и самодостаточна, со смертью тела она заканчивается; 7) христианин стремится освятить свою жизнь Божиим присутствием, в первую очередь, жизнь внутреннюю, духовную, чтобы через нее преобразовывать мир вокруг себя – марксист-революционер стремится преобразовать внешний мир, улучшить его без изменения самого человека.

Таким образом, марксизм противоположен христианству. Он является богоборческой идеологией не только потому, что отрицает существование Бога, но и потому, что игнорирует божественное достоинство человека, призванного к Вечности. Марксизм не приемлет любую религию в корне, она «мешает» ему в создании нового человека – «материалиста, человека без предрассудков, настроенного на потребительское счастье, покоммунистически думающего, чувствующего и жаждущего безбожного малого – и непременно в мировом масштабе» [4, с. 367]. Идеология марксизма нацелена на перемену сознания человека – из религиозного в материалистическое. Советская власть стремилась к искоренению религии, и мирный путь построения коммунизма (то есть безрелигиозного общества) был невозможен.

Как же в России после почти тысячелетнего существования христианства стало возможным установление богоборческого режима, основанного на марксистской идеологии?

Если смотреть глобально, этому предшествовали «пять последних веков ... атеизации ... человеческого бессознательного» [4, с. 232] в христианском западном мире. К началу XX столетия человек «в своих духовных содержаниях и ... умениях ... отстал от своих материально-технических возможностей» [4, с. 229], он «переложил свою жизненную базу из бессознательного в сознание; из веры – в разум,

из разума – в рассудок; из внутреннего мира – во внешний» [4, с. 238]. Русское же общество (в первую очередь в слоях интеллигенции) стало благодатной почвой для внедрения атеистических идей не только потому, что «русскому человеку присуща страстная заражаемость идеологией» [4, с. 334]. По слову И.А. Ильина, в России на тот момент «религиозность еще не превратилась в национально воспитанный характер» [4, с. 226] и народ не нашел «творческой идеи» и сил для отпора безбожной идеологии. Но она (религиозность) и не могла превратиться в национальный характер в силу ряда исторических причин, главными из которых были сильная зависимость Православной Церкви от государства и отсутствие патриарха более 200 лет со времен Петра I. Как написал в журнале «Вера и разум» в 1901 г. И. Преображенский, «после неудачи патриарха Никона в XVII в. Церковь навсегда подчинилась власти государей» [9, с. 14].

За долгий период нахождения под государственной «пятой» Православная Церковь как общество верующих незаметно для самой себя превратилась в одно из государственных учреждений, в котором проповедь о Христе отошла на задний план, практически исчезло в масштабах страны настоящее пастырство. Священнослужители в большинстве своем ограничивались «формальной службой и ... чтением печатных проповедей в церкви» [10, с. 208], не разьяняя ни Священное Писание, ни богослужение, вследствие чего служба была непонятной и «наполовину мертвой для громадного большинства русских людей» [11, с. 120, ссылка по: Емелях, 1965, с. 19]. Из-за бедности низшее духовенство на местах было озабочено больше вопросами собственного пропитания, чем духовного наставничества. К началу XX века ситуация в этом вопросе была катастрофической: нередки были случаи, когда «священники отказывались не только совершить погребение, а даже прочесть молитву над умершим, если ему впредь наличными не принесут 3-х рублей» [10, с. 212], брали плату даже за таинство исповеди и могли не совершать богослужение по причине занятости полевыми работами [10, с. 208].

Позабыв о том, что «религия вовсе не наука» [10, с. 142], учебные заведения Российской империи совершали не только педагогическую, но и религиозную ошибку. Гимназии, где преподавался Закон Божий, несли «безверие и обрывки богословских знаний», порождая «сплошь лютых безбожников» [10, с. 131,

138]. Семинаристы «хвастали своим атеизмом и заявляли, что никто из них не будет попом» [10, с. 207]. В первое десятилетие перед революцией начался резкий отток учащихся из духовных учебных заведений: многие епископы и митрополиты отмечали в своих отчетах «трудность замещения освобождающихся вакансий богословски-образованными пастырями, объясняемую замечаемым в течение уже целого ряда лет движением воспитанников духовных семинарий в сторону от пастырства» [5].

В среде рядового духовенства имело место «удивительное ... равнодушие к религиозному просвещению народа» [10, с. 209]. Попытки самостоятельного изучения Слова Божьего преследовались как проявления сектантства: «собираться для частных религиозных бесед или чтений запрещено», это грозило «полицией или судом» [10, с. 209]: «Если бы Сам Спаситель явился в русской деревне ... каким Он явился в Галилеее XX веков тому назад ... Он и суток бы не провел на свободе!.. Если бы Он и избег окончательного распятия от представителей той самой нашей веры, которая носит Его имя, – то только единственно потому, что распятие заменено в России ссылкой, тюремным заключением ... и работами в рудниках Забайкалья» [10, с. 210].

Внутренняя «окостенелость» Православной Церкви и повсеместное «оскудение духа» в среде православных (равно народа и клира) привели к тому, что христианство стало вырождаться в обрядоверие. Православная Церковь в России к 1917 г. находилась в состоянии глубокого кризиса.

Еще революция 1905 года показала, что «религиозность “простого народа”, особенно рабочих масс, весьма шатка» [9, с. 136], а «предвоенные годы были временем, когда вопрос о безверии “официально православных” ... весьма широко обсуждался на страницах церковных изданий» [9, с. 138], и не могло «не бросаться в глаза повсюду ... наблюдаемое отхождение крестьянского населения от храма, ослабление, особенно в молодом поколении, религиозно-нравственных начал» [9, с. 138, ссылка по: Смоленский, Н. Современные язычники / Н. Смоленский // Приходский священник. – 1911. – № 14. – С. 7, 8]. «Чудные корни завалены мусором, и религия – тупым формализмом, внешностью ... и ложными учениями», – так охарактеризовал состояние православных в 1906 г. неославянофил генерал А.А. Киреев [9, с. 453, ссылка по: Дневник

А.А. Киреева // Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. – Ф. 126. – Д. 14. – Л. 184 об.].

После 1906 г. жизнь на православных приходах стала заметно разрушаться: богослужения прерывались хулиганскими выходками из толпы, возле храмов собирались толпы, оскорбляющие верующих, священники нередко подвергались нападкам агрессивно настроенных лиц из простого народа в общественных местах [9, с. 137, 139]. Косвенным показателем упадка религиозности был неуклонный рост преступности в России еще с конца XIX столетия. В 1900–1913 гг. этот показатель составлял 5,1% в год [9, с. 141]. К 1916 г. среди официально православных увеличилась численность лиц, редко или совсем не посещающих храмы и по нескольку лет не причащающихся. В этом году в отдельных местностях было зафиксировано до 83% православных, не явившихся на исповедь и причастие. Так, «в Московской епархии в 1916 году “по нерадению” не явилось на исповедь 8,9 тыс. мужчин и 4,7 тыс. женщин, из них 8,5 тыс. крестьян и 4,4 тыс. крестьянок. В Архангельской епархии не было на исповеди “по опущению” 24,7 тыс. мужчин и 19,7 тыс. женщин, в Вятской епархии соответственно не было на исповеди “по опущению” крестьян: 18,8 тыс. мужчин и 14,420 тыс. женщин» [5, ссылка по: Емелях, Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября / Л.И. Емелях. – Л., 1976. – С. 47]. Причастие – это главное таинство Православной Церкви, вокруг которого и, собственно, ради которого построен весь богослужебный круг, и в котором заключается вся суть христианства: соединение человеческой личности с Личностью Бога. Отход от этого таинства – свидетельство не просто отхода от «обрядовой стороны» веры, а именно утрата веры как таковой. Л. Андреева считает, что «одна из главных причин отказа от исповеди, причастия и совершения прочих таинств и обрядов» [11, с. 121] – в непомерно высокой плате, запрашиваемой священнослужителями за их совершение. Мы же думаем, что подобная причина все-таки была второстепенной, она вытекала из утраты религиозного чувства, в свою очередь, веками «вытравливаемого» из прихожан именно формализмом и денежной постановкой вопроса о таинствах, а также религиозной безграмотностью простых людей, допущенной по вине пастырей. Эти явления – свидетельство секуляризационных процессов в среде российского народа. Недаром впо-

следствии, после революционных событий, патриарх Тихон в своих посланиях указывал: «Затемнились в совести народной христианские начала строительства государственного и общественного, ослабела и сама вера... От небрежения чад своих, от хладности сердец страждет наша Святая Церковь, а с нею страждет и наша Российская держава» [7, с. 32–33], «исчезла любовь к земле родной, погасло в сердцах ... пламя веры святой» [7, с. 51].

«Крайний упадок религиозного чувства – ... факт настоящего; полная безрелигиозность – ... перспектива будущего», – так писал о проблеме религиозности именно православных христиан в предреволюционной России автор «Церковного вестника» В. Беляев [9, с. 142, ссылка по: Беляев, В. Религиозный кризис настоящего / В. Беляев // Религиозный вестник. – 1914. – № 10].

Следовательно, официальная цифра в 70% была показателем самоидентификации большинства россиян с православной традицией, но на деле не являлась истинным показателем религиозности. Это и проявилось после революции 1917 года. «Российский народ так легко оставил веру после революции потому, что все его христианство состояло почти исключительно в исполнении внешних предписаний... Христианство для народа превратилось в ... набор церковных обрядов и обычаев, народ почти ничего не знал о борьбе со страстями, ибо редко кто его и учил этому... Поэтому, как только народу сказали, что обряды – это выдумка попов и обман, большинство легко перестало верить в Бога, ибо для него Бог по существу и был обряд, который должен дать хорошую жизнь. Если обряд обман, то и Бог – выдумка...» [6].

Кроме того, на момент революции в Церкви, как и во власти, господствовали пассивные настроения и ретроградство, и когда мощнейшая в истории антихристианская сила внедрялась в Россию, в Церкви преобладало индифферентное отношение к духам коммунизма. После отречения Николая II от престола, 9 марта 1917 г. Синод выступил с обращением «К верным чадам Православной Российской Церкви», в котором акт отречения рассматривался как «воля Божия» и «путь новой государственной жизни» [12]. Определением Синода № 1226 от 7–8 марта 1917 г. было отменено поминовение за богослужением дома Романовых и предписывалось возглашать *многолетие* «о Благоверном Временном Правительстве» [12]. Противоречивость самой

формулировки в этом предписании свидетельствует о растерянности церковной иерархии и о утрате ею объективной оценки ситуации, о неспособности предвидеть последствия революции для общества, как политические, так и духовные. Немногие среди высшего духовенства пытались понять суть происходящего именно в свете христианской веры. Среди них оказался епископ Тобольский и Сибирский Гермоген: «Я ни благословляю случившегося переворота, ни праздную мнимой еще “пасхи” (вернее же мучительной Голгофы) нашей многострадальной России и исстрадавшегося душою духовенства и народа, ни лобызаю туманное и “бурное” лицо революции, ни в дружбу и единение с нею не вступаю, ибо ясно еще не знаю, кто и что она есть сегодня и что она даст нашей Родине, особенно же Церкви Божией, завтра» [12]. Впоследствии патриарх Тихон обличит антихристианскую суть революции, назвав ее «гибельной смутой» и указав, что марксисты «гонение воздвигли на истину Христову» [7, с. 32, 45].

«Неразличение духов» стало причиной неспособности Церкви как единого организма, состоящего из мирян и духовенства, противостоять идеологии марксизма с силой, адекватной революционной. Иными словами: если бы в среде православных христиан в России не было естественных секуляризационных процессов, обусловленных историческими причинами, то марксистские идеи не нашли бы поддержки в среде русского народа.

Если мы сравним данные переписей населения России 1897, 1937 годов по православному вероисповеданию с сегодняшними, то увидим интересную картину (табл.).

Из данных табл. видно, что самоидентификация большей части российского населения с традиционной для России религией практически до 1% совпадает с данными конца XIX – начала XX века (графы 1 и 4). Ю. Синелина, анализируя нынешнюю ситуацию в сфере религиозности православных, подчеркивает, что для большинства современных россиян религия – не основа мировоззрения, и что «ядро» именно религиозных людей составляет не более 10%, еще 30% – более-менее религиозны, в совокупности они составляют «церковный народ» (40% от общего числа православных). Эта цифра (графа 5) близка к данным 1937 года (графа 2) и приближается к данным атласа «Арена» (графа 3).

Таблица

Данные о православных верующих в России

Численность православных по переписи 1897 г. (самоидентификация)	Назвали себя православными в СССР по переписи 1937 года	Причисляются к РПЦ в России (атлас «Арена») 2012 г.	Численность православных (самоидентификация) по подсчетам Ю. Синелиной, 2013 г.	«Церковный народ» по определению Ю. Синелиной, 2013 г.
1	2	3	4	5
69,90% [13]	27,21%–37%	41,1% [14]	68% [15]	ок. 40% [15]

Ю. Синелина при исследовании учитывает респондентов по широкому спектру проявлений религиозности, включая тех, кто бывает в храме раз в год или реже, иногда читает Евангелие и т.п. Это увеличивает число официально православных, но дает основание утверждать, что полученная основная цифра в 68% означает самоидентификацию.

Какие же выводы можно сделать из данных табл.? Российский народ пришел в начале XXI века к тому, от чего ушел в начале XX: при наличии самоидентификации с православием большинства населения уровень действительно религиозных людей остался тем же, что и был. Гонения советского периода лишь «обнажили» подобный уровень (к сожалению, не исследованный в царской России), и он до сих пор не возрос, если не сказать, что упал до 10% с 27% (1937 г.). Что вполне естественно после более чем 70-летнего государственного атеизма.

Заключение. Секулярный режим в советской России начала XX века имел целью «окончательное искоренение веры, даже намека на веру, малейшей потребности в вере в человеческой душе» [4, с. 481]. Для этого применялись внутренние средства (атеистическая пропаганда, уговоры, издевка, высмеивание, карикатуры, запрещение религиозных занятий, материалистическая аргументация) и внешние – арест, ссылка, расстрел духовенства и верующих, лишение прав клира, церковных общин, конфискация церковных зданий, икон, колоколов, взрыв церквей и соборов, запрещение Священного Писания, религиозной печати, проповедей. Режим большевиков был богоборческим и тоталитарным.

Гонения на Церковь со стороны большевиков и *упадок религиозности* среди большинства российского населения сделали возможным отход от православной традиции в России в короткий срок – за чуть более чем 20 лет после революции. Гонения стали «лак-

мусовой бумажкой» религиозности православного населения России, показав, что действительное число православных было меньше официальных дореволюционных данных. При этом в ходе насильственных и *естественных* секуляризационных процессов произошла замена христианской религии материалистической марксистской идеологией.

Литература

1. Шмеман, А., протоиерей. Религия или идеология? / А. Шмеман, протоиерей [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://shmeman.ru/modules/myarticles/article_storyid_78.html. – Дата доступа: 16.12.2014.
2. Жиромская, В.Б. Религиозность народа в 1937 году / В.Б. Жиромская // Исторический вестник, 2000, № 5, сайт Воронежской епархии, ноябрь 2000 г. [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1930/1937_zher.htm. – Дата доступа: 23.01.2015.
3. Цыпин, В., протоиерей. История Русской Церкви 1917–1997 / В. Цыпин, протоиерей. – М., 1997. – PDF, RUS – 697 с. [Электронный ресурс]. – 1997. – Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3214693>. – Дата доступа: 16.12.2014.
4. Ильин, И.А. Кризис безбожия [Текст] / И.А. Ильин; ред. О.М. Гладкова. – М.: ДАРЪ, 2005. – 496 с. – 10000 экз. – ISBN 5-485-00009-6.
5. Андреева, Л.А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке / Л.А. Андреева // *Общественные науки и современность*, 2003, № 1, с. 90–100 [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://www.white-guard.ru/go.php?n=58&id=284>. – Дата доступа: 23.01.2015.
6. Воробьев, Н., игумен. Письма духовным чадам. Аудиокнига / Н. Воробьев, игумен // *Русский паломник*, 2006 [Электронный ресурс]. – 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD ROM) MP3-128kbps.

7. Белавин, Т., патриарх. «В годину гнева Божия...» / Т. Белавин, патриарх [Текст] / «В годину гнева Божия...». Послания, слова и речи св. патриарха Тихона / сост. и авт. ст. Н.А. Кривошеина. – М.: Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2009. – 296 с.: ил. – (Слово исповедников XX века). – 5000 экз. – ISBN 978-5-7429-0387-1.
8. Емельянов, Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь. 1917–1952 годы / Н.Е. Емельянов [Электронный ресурс]. – 1996. – Режим доступа: <http://molrus.ru/forum/index.php?showtopic=14325>. – Дата доступа: 18.12.2014.
9. Фирсов, С.Л. Церковь в империи / С.Л. Фирсов; отв. ред. О.В. Блинский. – СПб.: САТИСЪ, 2007. – 460 с. – 2000 экз. – ISBN 978-5-7868-0088-4.
10. Розанов, В.В. Около церковных стен: в 2 т. / В.В. Розанов. – СПб., 1906. – Т. 1. – 416 с. [Электронный ресурс]. – 1906. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/vasiliy_vasilevich_rozanov/okolo_cerkovnih_sten_tom_1/. – Дата доступа: 25–30.01.2015.
11. Андреева, Л.А. Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи / Л.А. Андреева // *Общественные науки и современность*, 2008, № 4, с. 114–124 [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/ons/msg/19137606.html>. – Дата доступа: 23.01.2015.
12. Андреева, Л.А. Свержение монархии в 1917 году: крушение трона и алтаря / Л.А. Андреева [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-cerkvi/sinodalniie-period-1700-g-noyabr-1917-g/sverjenje-monarxii-v-1917-godu-krushenie-trona-i-altarya.html>. – Дата доступа: 24.01.2015.
13. Статистический ежегодник России. – 1913 г. – СПб.: Издание ЦСК МВД, 1914. – 333 с. – PDF.66 Мб. [Электронный ресурс]. – 1914. – Режим доступа: www.eknigi.org. – Дата доступа: 26.01.2015.
14. Атлас религий и национальностей «Арена» [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://sreda.org/ru/arena/maps>. – Дата доступа: 26.01.2015.
15. Синелина, Ю. Религиозность в современной России / Ю. Синелина // *Отечественные записки*, 2013, № 1(52) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/religioznost-v-sovremennoy-rossii>. – Дата доступа: 30.01.2015.

Поступила в редакцию 03.05.2015 г.

УДК 94(476.5)«1944/1945»

Социокультурные изменения и общественные настроения в повседневной жизни населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны

Николаева И.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

История повседневности является одним из приоритетных направлений современной антропологически ориентированной исторической науки. Цель данной статьи – проанализировать социокультурные изменения в повседневной жизни жителей Витебщины и охарактеризовать общественные настроения населения региона после освобождения территории области от нацистской оккупации и до окончания Великой Отечественной войны.

Материал и методы. *Исследование осуществлялось на основе информационной и отчетной документации комитетов КП(б)Б, содержащейся в Государственном архиве Витебской области и материалов устных источников, собранных путем записи воспоминаний жителей Витебщины.*

Результаты и их обсуждение. *Преодоление, прежде всего, социально-экономических последствий войны отодвигало на второй план вопросы досуга, культурного проведения свободного времени. Восприятие повседневности жителями региона определялось особенностями послеоккупационного военного периода, характеризующегося противоречивыми тенденциями. С одной стороны, это преодоление последствий разрушительной войны и оккупации, связанных с низким материальным уровнем жизни и тяжестью личных утрат. С другой стороны, характерными были желание лучшей жизни, вера в светлое будущее, что обуславливалось психологическими причинами и поддерживалось правительственными мерами.*

Заключение. *Вопреки материальным трудностям местные органы власти уже в послеоккупационный период войны прилагали усилия по воссозданию работы учреждений культуры и образования. И хотя по причине нехватки средств, квалифицированных кадров процесс восстановления учреждений культуры и распространения средств массовой информации шел очень медленно, культурная жизнь постепенно налаживалась. Несмотря на имевшие место протестные настроения в западных районах, в целом система ценностей советского строя разделялась большинством населения региона, в массовом сознании преобладал государственный патриотизм. Подавляющая часть общества с пониманием относилась к необходимости значительного напряжения сил и подчинения личных интересов общим для приближения по-настоящему мирной жизни и преодоления последствий войны и оккупации.*

Ключевые слова: *повседневность, война, оккупация, социокультурный, образование, культура, досуг, общественные настроения.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 37–42)

Social and Cultural Transformations and Public Everyday Life Moods of Vitebsk Region Population in the Post Occupation Period of the Great Patriotic War

Nikolayeva I.V.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

The history of everyday life is one of priorities of contemporary anthropologically oriented historical science. The purpose of the article is to analyze social and cultural transformations in everyday life of people of Vitebsk Region and characterize public moods of the population after the liberation of the territory from Nazi occupation and up to the end of the Great Patriotic War.

Material and methods. *The study was based on information and reporting documents of Communist Party Committees, which are at State Archive of Vitebsk Region as well as materials of oral sources collected by writing down reminiscences by the people of Vitebsk Region.*

Findings and their discussion. *Overcoming social and economic consequences of war put aside issues of leisure, cultural pastime. Perception of everyday by people of the Region was shaped by features of post occupation war period, which was characterized by contradictory tendencies. On the one hand, it was overcoming consequences of the devastating war and*

Адрес для корреспонденции: e-mail: kviimk@vsu.by – И.В. Николаева

occupation which were connected with low material standards of life and hard private losses. On the other, it was the desire of better life, belief in better future, which was conditioned by psychological reasons and supported by government measures.

Conclusion. In spite of material hardships local authorities already in the post occupation period of the War made attempts to renew the work of educational and cultural establishments. Although due to lack of resources, qualified workers the process of rehabilitation of cultural establishments and circulation of mass media was very slow, cultural life gradually improved. In spite of protest moods in western districts, the system of values of the Soviet order was shared by most of the population, in mass consciousness state patriotism prevailed. Bigger part of the society understood the necessity in considerable strengthening forces and submitting personal interests to common ones to make peace nearer and to overcome war and occupation consequences.

Key words: everyday, war, occupation, social and cultural, education, culture, leisure, public moods.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 37–42)

История повседневности является одним из приоритетных направлений современной антропологически ориентированной исторической науки. Исследование повседневности дает возможность рассматривать человека не только в качестве объекта воздействия, но и в роли субъекта, формирующего внутреннее содержание исторического процесса, позволяет судить об особенностях ментальной структуры общества на определенном хронологическом отрезке. В связи с этим особый интерес представляет история белорусского общества послеоккупационного военного времени: с освобождением территории республики от нацистской оккупации наступил мир, но еще в течение ряда лет он был фактически полувоенным и требовал не меньшего героизма, чем война. Послеоккупационная повседневность вносила свои коррективы в систему ценностей и ожиданий, которая сформировалась в предвоенные и военные годы, влияла на характер отношений общества в целом и его отдельных групп к политике властей.

Повседневную жизнь принято разделять на практическую и экспрессивную плоскости. В рамках первой исследуется материальное пространство повседневности (жилищная проблема, питание, одежда), а второй – социокультурное (досуг, праздники, общественные настроения и религиозные чувства).

Цель данной статьи – проанализировать социокультурные изменения в повседневной жизни жителей Витебщины и охарактеризовать общественные настроения населения региона после освобождения территории области от нацистской оккупации и до окончания Великой Отечественной войны.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе содержащейся в Государственном архиве Витебской области информационной и отчетной документации комитетов КП(б)Б, которая освещает различные аспекты социокультурной региональной послеоккупационной ситуации, а также материа-

лов устных источников, собранных путем записи воспоминаний жителей Витебщины. Методологическую основу работы составили научные принципы историзма, объективности и системности, были использованы такие методы исторического познания, как историко-описательный, историко-сравнительный, историко-системный, статистический.

Результаты и их обсуждение. Архивные документы и воспоминания современников свидетельствуют, что повседневной действительностью послеоккупационного военного периода как взрослых, так и детей, горожан и сельских жителей Витебщины, как и республики в целом, было выживание в экстремальных ситуациях недоедания, жилищной неустроенности, борьбы с болезнями. Преодоление, прежде всего, социально-экономических последствий войны отодвигало на второй план вопросы досуга, культурного проведения свободного времени.

Сложность послеоккупационного периода предопределила особое место образования как социокультурного фактора в системе жизненных приоритетов как горожан, так и сельчан: образование представлялось как необходимая составляющая мирной жизни, о которой мечтали все. По мере освобождения территории от оккупации местные власти прилагали усилия по восстановлению системы общеобразовательных школ, для которых приспособлялись избы, землянки, другие уцелевшие строения. К началу 1944–1945 учебного года по области полностью было подготовлено 1158 начальных, 244 неполных средних и 29 средних школ [1, д. 15, л. 98]. В то же время основными причинами, по которым определенная часть ребят не посещали школы, в отчетах инспекторов отдела образования назывались плохое материальное обеспечение (отсутствие одежды и обуви), болезни и занятость на работе [1, д. 15, л. 29; 2, д. 21, л. 177]. Серьезной проблемой стал вопрос укомплектования школ педагогическими кадрами: докладные

с районов отмечают не только низкий образовательный уровень учителей, но и отсутствие специалистов, из-за чего некоторые уже восстановленные школы не могли приступить к работе [3, д. 70, л. 3].

Духовное состояние послеоккупационного военного общества отражает развитие досуговой сферы. Несмотря на материальные трудности, уже в послеоккупационный период войны были сделаны первые шаги по воссозданию и налаживанию работы учреждений культуры, которым придавалось большое значение в политико-моральном воспитании населения, находившегося в течение трех лет под нацистской оккупацией. Организацию форм досуга населения определяла советская идеология. Работа культурно-просветительных учреждений осуществлялась через профсоюзы, спортивные организации, дома культуры, кружки. В сельской местности очагом культуры и местом проведения досуга являлись клубы и избы-читальни. Из имевшихся в области до войны 375 политпросветучреждений после оккупации сохранились здания только 6 ДСК, 5 библиотек и 18 изб-читален [1, д. 15, л. 80]. Постановление бюро Обкома КП(б)Б от 5 сентября 1944 г. обязывало ГК и РК КП(б)Б с целью усиления политической и культурно-массовой работы среди населения восстановить во всех городах и районах области дома культуры, библиотеки и избы-читальни, обеспечить систематическую рассылку периодической литературы, провести районные и областной смотр колхозной художественной самодеятельности [4, д. 21, л. 4–6].

Объектом пристального внимания руководящих партийных органов стали западные районы БССР, в том числе созданной в сентябре 1944 г. Полоцкой области. Здесь дольше всего сохранялось западное влияние, существовали традиции быта и морали, отличавшиеся от советских. Власти предпринимали меры по интеграции населения этих регионов в состав БССР, восстанавливая зарекомендовавшую себя в восточных районах практику политико-воспитательной работы. На начало 1945 г. по Полоцкой области было организовано 22 ДСК, 196 изб-читален, в 12 районах созданы библиотеки [5, д. 21, л. 38]. В то же время в деятельности послеоккупационных учреждений культуры имелись как организационные (проблемы технического оснащения, обеспечения средствами на хозяйственные расходы, приобретения литературы и доставки периодических изданий), так и профессио-

нальные (нехватка квалифицированных кадров, отсутствие необходимого опыта работы) недочеты. В свою очередь, сельчане сами не очень стремились посещать культурно-просветительные учреждения, деревенская молодежь предпочитала по домам собираться на вечеринки, которые сводились главным образом к танцам [1, д. 14, л. 60–61].

Помимо распространения периодических печатных изданий, в областном центре и районах, в сельской местности налаживалась также деятельность агитационных бригад и агитаторов, в задачи которых входили чтение лекций и выступления с докладами о военно-политических событиях, положении на фронтах Великой Отечественной войны, а также проведение бесед на научные темы (о строении вселенной, происхождении человека, причинах болезни и борьбе с ними, научных основах земледелия и животноводства и т.д.) [4, д. 19, л. 112; д. 22, л. 39]. «Работа устного слова» была особенно актуальной в деревнях, поскольку большая часть крестьян была неграмотной.

Значительное внимание уделялось радиофикации городов и сельской местности. Уже 20 июня 1944 г. приступил к работе Областной радиокomiteт, радиоузел выполнял местное радиовещание, трансляции московских и белорусских станций [2, д. 21, л. 38]. В то же время радио входило в дома жителей региона очень медленно, прежде всего, в связи с нехваткой радиооборудования. Со дня освобождения территории Витебской области Областным управлением кинофикации проводилась работа по организации точек киносети в освобожденных районах и городах. Трудности вызывались тем, что большинство помещений, где до войны показывали кино, было сожжено или разрушено во время оккупации. 10 августа 1944 г. в городе Витебске начал работу кинотеатр «Спартак» [2, д. 21, л. 35, 37]. В сельской местности действовали киноустановки. К началу 1945 г. по районам Витебской области было задействовано 16 комплектов киноаппаратуры; 6 звуковых и одна немая киноустановка обслуживали сельское население Полоцкой области [4, д. 126, л. 59; 5, д. 21, л. 38]. Несмотря на значительные разрушения и материальные трудности, за период с июля по ноябрь 1944 г. было продемонстрировано на экранах области свыше 30 разных фильмов, поставлен 991 сеанс. Следует отметить, что киноленты также несли на себе идеологическую печать, демонстрировались такие художественные и документальные фильмы, как «Разгром немцев под Москвой», «Сталин-

град», «Кутузов», «Зоя» и др. [4, д. 126, л. 61]. И хотя качество кинообслуживания оставляло желать лучшего, показ кинофильмов всегда был значительным событием на селе, а посещение кинотеатров – одной из самых любимых форм проведения досуга горожан. С 1 января 1945 г. приступил к своей постоянной работе и Белорусский государственный драматический театр имени Я. Коласа [4, д. 18, л. 33].

Большое внимание в городах уже в первые послеоккупационные месяцы уделялось развитию физической культуры и спорта. К ноябрю 1944 г. в Витебске возобновили свою деятельность 4 спортобщества: «Динамо», «Локомотив», «Смена», «Трудовые резервы». Комитетом по делам физкультуры и спорта в рамках массовой физкультурно-оздоровительной работы организовывались районные и областные спартакиады, 29 октября 1944 г. в день закрытия летнего сезона на стадионе «Динамо» был проведен кросс, посвященный празднованию годовщины Октябрьской революции [2, д. 12, л. 9]. Следует отметить, что к подготовке и празднованию советских праздников не только горожане, но и жители сельской местности всегда подходили с повышенной ответственностью. Особое значение приобрел восстановленный после оккупации обычай проводить митинги и массовые народные гуляния на такие праздники, как 1 Мая, 8 Марта, День Октябрьской революции [2, д. 11, л. 103–104; 4, д. 19, л. 134].

Характерной чертой послеоккупационной военной повседневности был всплеск религиозности среди населения, что объясняется желанием людей найти защиту от тяжелой в психологическом плане нагрузки военного времени. Во время Великой Отечественной войны советское правительство проводило либеральную политику по отношению к церкви, что привело к увеличению количества религиозных общин и их прихожан. Однако кампания по антирелигиозной пропаганде полностью не была прекращена, в первую очередь, это касалось западных районов, где сильные позиции имел костел, который оказывал серьезное влияние на большую часть населения. Реакцией на проводимую государством политику по отношению к религии являлись протестные настроения, которые имели значительное распространение особенно в западных районах. Так, ксендз г. Браслава во время проповеди в костеле призывал верующих сплотиться вокруг польского знамени и иметь в виду, что «мы живем временно под властью этих безбожников» [5, д. 21,

л. 86]. Вместе с тем, в послевоенные годы традиционная религиозная культура не была вытеснена из сознания и поведения значительной части, прежде всего, сельского населения. Руководство районов сообщало в область об имевших место случаях, когда молодежь подавала заявления для вступления в комсомол и продолжала ходить в церковь, костел, а иконы висели даже в некоторых сельских советах [5, д. 20, л. 173; д. 322, л. 1]. Религиозные традиции сельского населения репродуцировались на бытовом уровне: сельчане продолжали отмечать памятные религиозные даты, среди которых наиболее важными оставались Пасха и Рождество.

Исследование доминирующих общественных настроений на основе информационной и отчетной документации комитетов КП(б)Б, содержащихся в Государственном архиве Витебской области, а также материалов устных источников позволяет констатировать, что восприятие повседневности жителями региона определялось особенностями послеоккупационного военного периода, характеризующегося противоречивыми тенденциями. С одной стороны, это преодоление последствий разрушительной войны и оккупации, связанных с низким материальным уровнем жизни и тяжестью личных утрат. Материальные лишения, переживаемые в послеоккупационный период за малым исключением всеми жителями республики, усугублялись в преимущественно женском обществе дополнительными трудностями психологического характера, связанными с проблемой личной неустроенности, женского одиночества, невозможности для многих женщин создать семью из-за резкого сокращения мужского населения [6, с. 25–26]. Тяжелой психологической травмой для многих детей стали потеря близких и сиротство. С другой стороны, характерными были желание лучшей жизни, вера в светлое будущее, что обуславливалось психологическими причинами и поддерживалось правительственными мерами. Люди не могли быть настроены позитивно, так как им удалось пережить огромное несчастье – войну и оккупацию, по сравнению с которыми трудности послеоккупационной военной повседневности воспринимались как нечто временное и преодолимое.

Вместе с тем, отношение населения к мероприятиям, проводимым советской властью, являлось неоднозначным. Присутствующая в архивных материалах местных органов власти информация о настроениях населения свидетельствует, что в западных районах созданной Полоцкой

области была определенная часть общества, которая не смирилась с включением этих территорий в состав СССР, не приняла советскую власть и социалистические преобразования.

Крестьянами западных районов по-разному воспринималось восстановление порядка землепользования, существовавшего до нацистской оккупации. Одни с радостью принимали возвращенные земли, отнятые оккупантами, благодарили Сталина за избавление от голода и землю, которую не было возможности получить при иной власти [5, д. 286, л. 73]. Другие были обеспокоены, что наделение землей проводится специально для того, чтобы затем согнать крестьян в колхозы [7, с. 98].

По отношению к исследуемому региону советское правительство выстраивало политику в соответствии с курсом на активную поддержку колхозного строительства. Но если в восточных районах основная часть земель была включена в колхозы, восстановление которых происходило практически сразу, то в западных до начала войны коллективизация затронула лишь незначительную часть хозяйств. Согласно сведениям, представленным на ноябрь 1944 г., в шести восточных районах Полоцкой области насчитывалось 666 восстановленных колхозов, в то время как в девяти западных – только 23 [5, д. 5, л. 17]. И хотя до конца войны задача проведения массовой коллективизации в западных районах не ставилась, сразу после освобождения имели место случаи административных перегибов и применения методов грубых приказов. Так, в некоторых сельсоветах Полоцкого района в январе 1944 г. на организационных собраниях всех крестьян объявляли колхозниками, в том числе и тех, кто до войны в колхозе не состоял [4, д. 23, л. 5]. Такая организация колхозов «сверху» порождала негативную реакцию населения западных районов не только к колхозному строю, но и отрицательно сказывалась на отношении к советской власти. Ответом на проводимую государством политику по отношению к сельским жителям являлись протестные антиколхозные настроения. В Голубовском сельсовете Дриссенского района репатриированная говорила по этому поводу: «Если бы я знала, что не распустят колхозы, я бы не поехала из Германии» [5, д. 21, л. 234].

Докладные и сообщения о ситуации в западных районах Полоцкой области фиксируют факты деятельности различных антисоветских групп и бандформирований, направленной против партийных и советских органов

власти, местных активистов [5, д. 5, л. 29–30; д. 18, л. 121]. Так, только осенью 1944 г. в западных районах Полоцкой области было совершено 50 бандитских нападений на работников партийных и советских органов, местных активистов и сельские учреждения, был убит 31 работник и 3 ранено. Еще 17 бандитских нападений без жертв было совершено на сельсоветы, квартиры активистов, председателей колхозов и т.д. [5, д. 1198, л. 2]. Власти объясняли подобное поведение некоторой части населения «влиянием немецкой агентуры и польских националистов» [5, д. 21, л. 44]. При этом жертвами разбоя и грабежей бандитов часто становились простые крестьяне. В донесениях по ситуации в западных районах Полоцкой области приводятся примеры появления в деревнях листовок с угрозами в адрес крестьян, которые будут принимать участие в организованных органами советской власти собраниях и митингах, нападения на мирных рядовых граждан [5, д. 8, л. 7].

Общественно-политическую ситуацию в западных районах обостряло уклонение части населения от мобилизации в Красную Армию и дезертирство. За период с октября по декабрь 1944 г. по девяти западным районам области уклонился от учета 231 военнообязанный, 458 человек не явились на призывные пункты, 314 – дезертировали из рядов РККА [5, д. 3, л. 17]. При этом военнослужащие дезертировали, как правило, с оружием в руках и пополняли ряды антисоветского подполья.

Сложная ситуация в западных районах складывалась в связи с переселением граждан польской национальности в Польшу по заключенному между БССР и Польшей соглашению об обмене населением. Из районов в область поступали докладные записки о «массовом выезде населения», среди которого основную часть составляют белорусы [5, д. 540, л. 25]. Архивные документы отражают также мнение представителей местных властей по этому поводу: «Многие записывались и подавали заявления для переселения в Польшу с тем, чтобы не платить денежных и натуральных налогов, не быть мобилизованными для работ в промышленность и на строительство, а также уклониться от мобилизации в Красную Армию» [5, д. 21, л. 85].

Попытки ограничить выезд вызывали протесты, жалобы, стихийные выступления. Так, в Докшицком районе в ночь с 7 на 8 ноября 1944 г. на здании райсовета прибили польский флаг с лозунгом «Еще Польша не сгинела». В Браславском районе были расклеены листов-

ки с угрозой в адрес актива села и призывом за создание «Великой Польши до Витебска, Киева и Черкасс» [5, д. 8, л. 7, 13]. В партийные инстанции поступали сигналы о распространяющихся среди населения слухах: «Кто не выедет в Польшу, тот будет сослан в Сибирь» [5, д. 20, л. 95].

В целом, несмотря на существовавшее недовольство определенной части жителей региона, прежде всего западных районов, мероприятиями, притворяемыми в жизнь советской властью, чувство благодарности за «освобождение от немецкого ига», вера в справедливость войны против захватчиков и оккупантов, надежда на лучшие перемены разделялись большинством населения. На исходе Великой Отечественной войны преобладали патриотизм и желание достижения скорейшей победы над Германией. Так, духовный настрой общества, которое было преимущественно женским, характеризует высказывание крестьянки Плисского района, попавшее в информационный отчет: «Пусть лучше я буду вдовой погибшего героя, чем женой живого дезертира» [5, д. 286, л. 73]. По воспоминаниям людей, проживавших в Витебской области в 1944–1945 гг., понимание общности трудностей, выпавших на долю всего населения СССР, подавляло негативные эмоции по отношению к окружающей действительности.

Заключение. Таким образом, тяжелые социально-экономические условия послеоккупационной военной повседневности, острые проблемы в области питания и материального обеспечения отодвигали на второй план вопросы досуга, культурного проведения свободного времени. Местные органы власти уже в послеоккупационный период войны прилагали усилия по воссозданию работы учреждений культуры и образования, которым придавалось большое значение в политико-моральном воспитании населения. И хотя по причине нехватки средств, квалифицированных кадров процесс восстановления учреждений культуры и распространения средств массовой информации шел очень медленно, культурная жизнь постепенно налаживалась. Вместе с тем, прежде всего развитие образования и досуговой сферы являлось

не только необходимой составляющей налаживания мирной жизни в регионе, но и осознавалось как изменение к лучшему самим обществом, в сферу повседневности которого начинали включаться не только материальные, но и духовные ценности. Несмотря на имевшие место протестные настроения в западных районах, в целом система ценностей советского строя разделялась большинством населения региона, в массовом сознании преобладал государственный патриотизм. Основные настроения жителей региона определялись эмоциональным подъемом и оптимистическими ожиданиями в связи с окончанием оккупации. Трудности жизни – неизбежные после столь разрушительной войны и трехлетней оккупации – воспринимались основной частью населения с пониманием, как своего рода «норма» послевоенного бытия. Подавляющая часть общества с пониманием относилась к необходимости значительного напряжения сил и подчинения личных интересов общим для приближения по-настоящему мирной жизни и преодоления последствий войны и оккупации.

Статья выполнена в рамках НИР «Повседневность населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны (лето 1944 – весна 1945 гг.)» (договор с БРФФИ № Г13М-164 от 16.04.2013 г.; номер государственной регистрации 20131560 от 17.07.2013).

Литература

1. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Ф. 119-п. – Оп. 1.
2. ГАВО. – Ф. 102-п. – Оп. 3.
3. ГАВО. – Ф. 10113-п. – Оп. 1.
4. ГАВО. – Ф. 1-п. – Оп. 1.
5. ГАВО. – Ф. 10060-п. – Оп. 1.
6. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е.Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
7. Тимонова, А.В. Крестьянство БССР в послеоккупационный военный период (осень 1943 – весна 1945 гг.) / А.В. Тимонова // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память: в 2 кн. / Нац. акад. наук. Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2010. – Кн. 2. – С. 86–114.

Поступила в редакцию 30.04.2015 г.

УДК 94(477.7):32

Формирование новой системы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов УССР в 1920-е гг. (по материалам милиции Екатеринославщины)

Сливенко В.А.

Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара, Днепропетровск (Украина)

В настоящее время в Украине проводятся системные изменения в органах государственной власти. Реформирование системы профессионального образования сотрудников милиции актуально в контексте реформирования правоохранительной системы в целом. Существенную помощь в процессе формирования надежной правоохранительной системы государства может оказать исторический опыт, который позволит не повторять ошибок прошлого и учесть позитивные наработки.

Цель статьи – изучение опыта по созданию системы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в 1920-е гг., который может быть использован для реформирования существующей в Украине правоохранительной системы.

Материал и методы. *Статья подготовлена на основании материалов периодической печати и Государственного архива Днепропетровской области. В задачи исследования входили: анализ проблем кадрового обеспечения вновь созданной рабоче-крестьянской милиции; характеристика эффективности работы по ликвидации безграмотности правоохранителей; изучение процесса создания краткосрочных форм профобучения сотрудников внутренних дел; рассмотрение способов подготовки старшекласников и роли политсекретариата в разработке и проведении аттестации кадров правоохранительных органов. Основным методом является диалектический, также поставленные научные задачи были решены путем использования комплекса общенаучных методов: анализа, синтеза, обобщения и сравнительного.*

Результаты и их обсуждение. *В 1920-е гг. милиции остро не хватало грамотных, профессионально подготовленных работников. На начальном этапе от работников милиции ничего, кроме революционной сознательности и качеств закаленного бойца, не требовалось. Однако после резкого повышения уровня преступности остро встал вопрос наличия у сотрудников специальных профессиональных знаний. Возможность привлечения «старых» специалистов практически не применялась из-за крайней политизации вопроса. Наиболее эффективным решением проблемы стала организация системы краткосрочных форм профессиональной подготовки сотрудников. Однако создание краткосрочных курсов и спецшкол не смогло в полной мере удовлетворить потребности в подготовке специалистов. На местах по инициативе работников милиции организовывались и развивались различные формы правоохранительной подготовки старшекласников и добровольных помощников милиции.*

Заключение. *Таким образом, в течение 1920-х гг. в УССР были осуществлены значительные меры по организации специального образования работников милиции, что позволило в целом решить проблему повышения уровня профессиональной подготовки личного состава.*

Ключевые слова: *рабоче-крестьянская милиция, правоохранительные органы, профессиональная подготовка, специальное образование, краткосрочные курсы.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 43–48)

Building a New System of Professional Training of the Police of the Soviet Ukraine in the 1920s (on the Document Basis of the City Police of Ekaterynoslav)

Slivenko V.A.

Dnipropetrovsk National Oles Honchar University, Dnipropetrovsk (Ukraine)

Today in Ukraine system transformations of state administration are underway. Reforms in the police professional training are very important in the context of the whole law enforcement system reform. Considerable assistance in the process of building a reliable law enforcements system of the state can be rendered by historical experience which will help eliminate the mistakes of the past and take into account positive achievements.

Адрес для корреспонденции: e-mail: slivenko63@mail.ru – В.А. Сливенко

The purpose of the article is studying the experience of building a system of professional training of the police in the 1920s, which can be implemented in the reform of the existing law enforcement system of contemporary Ukraine.

Material and methods. *The article is based on materials of periodicals and State Archive of Dnipropetrovsk Region. The objectives of the study included: analysis of the problems of staffing the police; characteristics of the efficiency of policemen's illiteracy elimination; study of the conditions of a new system of education, the study of the process of finding effective ways to improve the proficiency of the police. On the basis of the methodology of historical research, the main method of the work is dialectical. The scientific tasks have been solved by the use of complex scientific methods: analysis, synthesis, synthesis and comparison.*

Findings and their discussion. *The police did not have enough professional workers in the 1920s. At the initial stage nothing else but revolutionary consciousness and qualities of the stable combatant were necessary for the police officers. However, after the increase in crime rate acquisition of special professional knowledge by the police became important. «Old» experts were not involved in the work because of the extreme politicization of society. The most effective solution to the problem was the organization of short term forms of professional training. However, short term courses and schools were unable to meet the needs of professionals in their training. Locally, on the initiative of the police officers various forms of law enforcement training of high school students and volunteers were set up and developed.*

Conclusion. *Thus, during the 1920s, the leadership of the Soviet Ukraine did a lot on the organization of special training of police officers. This helped to solve the issue of improving the quality of professional training.*

Key words: *police, law enforcement units, professional training, special education, short-term courses.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 43–48)

На современном этапе развития украинского общества главным условием поиска оптимальных путей повышения качества профессионального образования является наличие у высшего руководства политической воли для проведения системных изменений в органах государственной власти, к которым относятся и МВД. Одной из первоочередных задач в 2015 году является формирование обновленной эффективной власти, способной принимать системные и последовательные решения. В настоящее время завершён первый этап реформы судебной ветви власти; на заключительной стадии находится реформа уголовной юстиции; активно осуществляется работа над модернизацией законодательства [1].

Реформирование системы профессионального образования сотрудников милиции актуально в контексте реформирования правоохранительной системы в целом, поскольку ведомственные учебные заведения являются частью этой системы и перестраиваются в рамках общей концепции перестройки органов внутренних дел. По мнению политиков, начинать работу по реформированию необходимо с пересмотра принципов кадровой политики в структурах правопорядка Украины [2].

Исторический опыт свидетельствует о том, что кадровая политика периода социальных преобразований всегда была рискованной. Процесс кадровой «чистки» разворачивается против коррупционеров, оставшихся во власти. По мнению ученых-юристов, характер «чисток» всегда является квазиправовым. Именно это и позволяет реформированию быть в той или иной степени достаточно эффективным. В то же время самой большой проблемой, тормозившей реформирование властных структур, являлись именно но-

вые кадры. Это выбор между «революционной» активностью новых выдвиженцев и профессионализмом старых кадров, которые не выступали против демократических преобразований. Принципиально новых кадров, не «погруженных» в местную ситуацию, всегда мало. Именно поэтому подготовка новых специалистов остается главной проблемой кадровой политики [3].

Существенную помощь в процессе формирования надежной правоохранительной системы государства может оказать исторический опыт, который позволит не повторять ошибок прошлого и учесть позитивные наработки.

Цель статьи – изучение опыта по созданию системы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в 1920-е гг., который может быть использован для реформирования существующей в Украине правоохранительной системы.

Отдельные аспекты становления системы специального образования в правоохранительных органах УССР в 1920-х гг. освещались в работах известных ученых: В.Н. Алтуева, Я.Ю. Кондратьева, П.П. Михайленко, О.Д. Святоцкого, К.В. Сесемко, А.К. Соколова, Н.Г. Старченко и др. Но вопросы организации новой системы образования правоохранителей освещаются в этих трудах фрагментарно и преимущественно имеют идеологизированный характер.

Материал и методы. Статья подготовлена на основании материалов периодической печати и Государственного архива Днепропетровской области. В задачи исследования входили: анализ проблем кадрового обеспечения вновь созданной рабоче-крестьянской милиции; характеристика эффективности работы по ликвидации безграмотности правоохранителей; изучение

процесса создания краткосрочных форм профобучения сотрудников внутренних дел; рассмотрение способов подготовки старшекласников и роли политсекретариата в разработке и проведении аттестации кадров правоохранительных органов. Основным методом является диалектический, также поставленные научные задачи были решены путем использования комплекса общенаучных методов: анализа, синтеза, обобщения и сравнительного.

Результаты и их обсуждение. Среди ряда актуальных вопросов, которые возникали перед правоохранительными органами Украины в 20-е гг. XX в., можно выделить проблему кадрового обеспечения. Ее решение существенно осложнялось тем, что острая нехватка финансовых ресурсов, продолжавшаяся Гражданская война, борьба с повстанцами и уголовной преступностью не позволяли обеспечить качественный отбор сотрудников правоохранительных органов. Высокий социальный статус и широкие полномочия правоохранителей привлекали в их ряды авантюристов и даже преступников.

Кроме того всеобщее послевоенное обнищание и голод часто вынуждали и рядовых милиционеров, и их руководителей, используя служебное положение, заниматься поборами. Конфискованное в качестве вещественных доказательств имущество правонарушителей, если и доходило до следствия, часто разворовывалось прямо из камеры хранения в отделениях милиции. В опубликованных материалах расследования в 1921 г. сообщалось: «Начальник губернского уголовного розыска г. Екатеринослава К. Айляров и сам воровал и другим давал, а его жена вообще распорядилась конфискованным как своим. Влияние ее было так велико, что порой она отменяла приказания мужа. Сотрудники угрозыска подчинялись ей беспрекословно» [4, с. 3]. Газета «Коммунист» от 21 декабря 1921 г. писала о том, что через полтора года после основания рабоче-крестьянской милиции «милиционеры представляли собой толпу людей, сплошь недисциплинированных, неподготовленных, босых и раздетых». Пытаясь хоть как-то исправить положение с полной правовой безграмотностью правоохранителей, Наркомюст УССР даже направил на места циркуляр № 45 от 28.12.1920 г., в котором разъяснялись самые элементарные понятия о порядке производства следственных действий, ведения документации, изъятия и хранения вещественных доказательств, их движение по инстанци-

ям [5, с. 1]. По этой же причине оказалось невозможным и быстрое создание новой системы образования, адекватной потребностям правоохранительной практики. Единственным в тех условиях источником пополнения рядов милиции хоть сколько-нибудь квалифицированными работниками оставалось привлечение «старых» специалистов. Однако эта возможность практически не использовалась из-за крайней политизации вопроса. Применять опыт представителей царской полиции даже в незначительной степени оказалось невозможным вследствие того, что согласно теории пролетарской революции все звенья государственного механизма, которые выполняли карательные функции, подлежали обязательной ликвидации.

Первоочередной задачей кадровой работы того времени стала необходимость ликвидации неграмотности и малограмотности сотрудников. Существенную помощь в этом оказало Общество ликвидации безграмотности. Приказом начальника Екатеринославской губернской милиции от 17 апреля 1921 г. был объявлен порядок посещения сотрудниками городской милиции школ ликвидации безграмотности. Школу при центральном клубе милиции посещали работники уголовного розыска, промышленной милиции, милиции охраны общественного порядка центральных районов города. Такие же школы открылись и в других районах Екатеринослава. Занятия проводились с 17 до 19 часов ежедневно за исключением праздников [6, с. 213]. В результате эти меры позволили к 1925 г. полностью ликвидировать неграмотность командного состава милиции, а до начала 1930-х гг. и всех рядовых милиционеров.

Кроме революционной сознательности и качеств закаленного бойца, от работников милиции требовалось и наличие специальных знаний. Поэтому следующим этапом процесса совершенствования профессиональной подготовки милиционеров стала организация мер по повышению их квалификации.

Наиболее эффективным способом решения проблемы подготовки сотрудников органов внутренних дел стала организация системы краткосрочных форм профобучения. Для этого уже в марте 1921 г. распоряжением Главного управления милиции УССР были учреждены губернские школы командного состава. Для них были разработаны учебные планы, программы и штаты курсовой подготовки. Устанавливался трехмесячный срок обучения. Курсанты изучали общеобразовательные предметы, основы юридических дисциплин,

серьезное внимание уделялось военной и специальной подготовке [7, с. 258].

В Екатеринославе краткосрочные курсы милиционеров и комсостава организовали в июле 1921 г. Учебный процесс был рассчитан на подготовку 300 курсантов в течение шести недель. А уже с 1 августа того же года организовали трехмесячный курс обучения для отдельной роты командного состава численностью до 100 человек. Кроме этого, в августе были организованы филиалы курсов в крупных уездных центрах губернии. В конце августа 1921 г. начальник губернской милиции Екатеринослава докладывал о первом успешном выпуске краткосрочных курсов в отчете «Об улучшении состояния милиции» [8, с. 97–106].

Большое значение для повышения профессионального уровня правоохранителей имело постановление Совета труда и обороны от 20 апреля 1921 г. о переводе красноармейцев на службу в милицию. Бывшие кадровые военнослужащие хорошо владели строевой, огневой и боевой подготовкой. Именно это обстоятельство и сделало возможным введение не фундаментальной подготовки, а кратко-срочных курсов.

Курсы в Екатеринославе обеспечивали кадрами все крупные уезды губернии, где филиалы не покрывали потребности. Впоследствии планировалось охватить такой курсовой переподготовкой всех милиционеров. В сентябре 1921 г. губернский рупор большевиков газета «К труду» писала о том, что главная цель курсов – дать правоохранителям не только хорошую военную (теоретическую и строевую) подготовку, но и воспитать из них сознательных защитников советской власти и всего трудящегося населения, как городского, так и сельского [9, с. 2].

К октябрю 1921 г. на курсах подготовили 428 младших милиционеров, из которых 167 человек оставили в г. Екатеринославе, а остальных распределили по уездам и волостям губернии. В конце 1921 г. еще 1692 красноармейца прибыло из разных частей для пополнения рядов милиции в губернию. После зачисления в штат они также направлялись на курсы. Для получения полноценного опыта практической работы курсанты, начиная со второй недели учебы, привлекались к патрулированию и осуществлению постовой службы в городе. Также при курсах была организована показательная строевая группа [8, с. 61].

В начале 1922 г. Главное управление милиции Украины реорганизовало окружные курсы младшего комсостава в специальную школу милиции. Занятия проводились в форме докла-

дов, лекций, собеседований, дискуссий, практических заданий. Особое внимание уделялось таким темам, как проведение дознания, составление и оформление протоколов, решение задач, способствующих развитию навыков и умения быстро ориентироваться в различных криминальных ситуациях [10, с. 92].

Острая необходимость повышения эффективности борьбы с грабежами и бандитизмом выдвинула задачу поиска путей повышения профессионального уровня оперативных работников уголовного розыска и судебно-следственной милиции. Для того чтобы в полной мере использовать новейшие научные методы предупреждения и раскрытия преступлений, в начале 1922 г. сначала в Харькове, а потом и в других губернских центрах были открыты специальные курсы для оперативных сотрудников. На учебу принимали только перспективных работников, имеющих позитивную аттестацию и рекомендацию на повышение в должности после курсов. К началу 1925 г. большая часть милиционеров прошла обучение. Результат немедленно сказался на повышении эффективности работы милиции: улучшились показатели раскрываемости правонарушений и профилактической работы; значительно снизился уровень преступности. Если в 1925 г. в УССР было раскрыто 66% всех зарегистрированных преступлений, то в 1926 г. – 87,3%. Наметился спад уровня самого распространенного вида правонарушений – уличной преступности [11, с. 29–34]. В марте 1920 г. в структуре Главного управления милиции УССР было образовано новое подразделение – политсекретариат, который являлся надзорным органом и собирал информацию о политическом состоянии органов милиции и розыска. Свою роль он сыграл и в становлении новой системы специального образования. 22 марта 1922 г. между политсекретариатами милиции УССР и РСФСР было заключено первое соглашение о сотрудничестве. Оно предусматривало обмен опытом политико-просветительской работы, изучение и обсуждение приказов, инструкций, программ школ и курсов. Делегированным работникам политсекретариатов предоставлялись широкие права по изучению организации работы на местах, также предусматривался обмен ежемесячными докладами и статистическими отчетами [11, с. 24–25].

Важным направлением сотрудничества стало формирование критериев отбора кандидатов на курсы. Впоследствии они послужили основанием для проведения так называемых «чисток», массово начавшихся в органах вла-

сти в 1922 г. 2 января 1923 г. Всеукраинский центральный исполнительный комитет провозгласил начало Всеукраинской чистки милиции. Причиной отказа в позитивной аттестации могли стать: служба в полиции и белой армии, дезертирство из рядов Красной Армии, взяточничество, непригодность к службе по социальному происхождению, возрасту, «излишней интеллигентности» и др.

Одним из основных итогов сотрудничества политсекретариатов стала разработка «Инструкции о порядке переаттестации и доукомплектования личного состава милиции». В документе определялась главная цель «чистки» – «выяснение у сотрудников степени пролетарской классовой сознательности, социального происхождения, индивидуальных способностей, профессиональной милицейской подготовки и морального уровня». Чистка 1923 г. завершила процесс «пролетаризации» правоохранительных учреждений: «милиция после чистки приобрела более оформленную пролетарскую физиономию» [4, с. 3].

Наряду с «чистками» в милиции продолжалась активная политизация учебно-воспитательного процесса системы специального образования. Политинспекции значительно ужесточили требования к кандидатам в школы и на курсы милиции. При отборе кандидатов во Всеукраинскую школу комсостава милиции и уголовного розыска рекомендовалось руководствоваться следующими правилами: в первую очередь, отправлять членов и кандидатов в члены ВКП(б); во вторую – рабочих; в третью – крестьян-бедняков. Преимущество имели прошедшие службу в Красной Армии, в возрасте от 21 года до 35 лет, «морально устойчивые», годные по состоянию здоровья, грамотные (умеющие свободно читать и писать, знать четыре действия арифметики, владеть украинским языком). Кроме того к рекомендации кандидата на обучение прикладывалось письменное обязательство о том, что он должен выполнять все правила и предписания школы, проучиться в ней один год и после окончания не менее двух лет прослужить в рядах милиции. Перед рассмотрением заявлений кандидаты подвергались медицинскому осмотру и экзамену по политграмоте. Для этого на местах назначались специальные комиссии, состоящие из начальника губмилиции, политинспектора и врача. Акт о сдаче экзамена также прилагался к документам. Ответственность за полное соответствие кандидата на обучение требованиям цирку-

ляра возлагалась персонально на начальника губмилиции [11, с. 72]. Однако, как показала правоохранительная практика на местах, открытые властью курсы и школы не смогли в полной мере удовлетворить потребности в подготовке специалистов. На местах по инициативе работников милиции организовывались и развивались различные формы правоохранительной подготовки старшекласников. В 1924 г. в центральных районах крупных городов для добровольных помощников правоохранителей при отделах милиции создавались кружки, программа обучения для которых была разработана политинспекцией [11, с. 103]. Качественный уровень профессиональной подготовки личного состава сначала удалось поднять в губернских городах. Достаточно отметить следующее: если в 1922 г. в составе милиции г. Екатеринослава было 20% неграмотных, то в 1925 г. осталось 3,5%, а в 1926 г. – 0,5%. К 1925 г. практически весь командный состав городской милиции имел специальную милицейскую подготовку [12, с. 162]. С 1926 г. Главным управлением милиции и уголовного розыска УССР были введены обязательные ежегодные инструкторские занятия. Их программа предусматривала разностороннюю подготовку милиционеров: военную, юридическую, политическую, специальную. Сотрудники, не усвоившие программу занятий, могли быть уволены по служебному несоответствию, а тем, кто прошел обучение успешно, «в первую очередь предлагалось продвижение по службе и право на поступление в школы НКВД». А с 1928 г. было введено обязательное месячное обучение на подготовительных курсах всех принятых на службу в милицию [10, с. 95]. Процесс формирования единой системы профессионального обучения правоохранителей завершился только к концу 1920-х гг. Был осуществлен ряд мероприятий по дальнейшему развитию системы профессиональной подготовки: открытие высших учебных заведений, увеличение числа специальных школ милиции и количества обучающихся в них, организация системы заочного обучения. Формирование системы высших учебных заведений правоохранительных органов было призвано готовить кадры всех уровней и специализаций. Юридический факультет в составе Екатеринославского университета был образован в июле 1918 г., но в 1920 г. его закрыли в связи с реорганизацией университетов в институты народного образования. Поэтому лучшие сотрудники милиции Екатеринославщины получали направление в Харьковский институт

народного хозяйства (ХИНХ), в котором с 1920 г. на правовом факультете велась подготовка специалистов и руководителей для органов внутренних дел. Несмотря на то, что дисциплина учебного процесса была низкой, невысокие зарплаты зачастую вынуждали преподавателей формально относиться к занятиям, ХИНХ был крупнейшим и наиболее престижным высшим учебным заведением Украины. С 1929 г. специальная подготовка для сотрудников всех без исключения уровней милицеейской деятельности была организована в Харьковском институте советского строительства и права [10, с. 102].

С конца 1920-х гг. начался новый этап в обучении и воспитании милицеейских кадров. Все школы старшего и среднего начальствующего состава были постепенно переведены на двухгодичное обучение. Говоря о данном периоде истории милиции, нельзя не упомянуть о том, что в мае 1931 г. декретом СНК СССР утвердили первое общесоюзное Положение о рабоче-крестьянской милиции, в котором вопросы кадровой политики и специального обучения сотрудников также нашли свое отражение.

Заключение. Таким образом, в 1920-е гг. милиции не хватало грамотных, профессионально подготовленных работников. На начальном этапе формирования правоохранительных структур от работников милиции, кроме революционной сознательности и качеств закаленного бойца, ничего не требовалось. Однако после резкого повышения уровня преступности остро встал вопрос наличия у сотрудников специальных профессиональных знаний и навыков. Возможность привлечения «старых» специалистов практически не использовалась из-за крайней политизации вопроса. Наиболее эффективным решением проблемы стала организация системы краткосрочных форм профессионального обучения. Однако курсы и спецшколы милиции не смогли в полной мере удовлетворить потребности в подготовке специалистов. На местах по инициативе работников милиции организовывались и развивались различные формы правоохранительной подготовки старшекласников и добровольных помощников милиции. К концу 1920-х гг. процесс формирования единой системы профессионального обучения правоохранителей в УСРР был в основном завершен. Были осуществлены мероприятия по дальнейшему развитию системы подготовки правоохранителей: открыты высшие

учебные заведения, увеличено число специальных школ милиции и количество обучающихся в них, организована система заочного обучения, что позволило в целом решить проблему повышения уровня профессиональной подготовки личного состава.

Литература

1. Порошенко, П.А. Ключевые задания власти Украины на 2015-й год / П.А. Порошенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.corruption.net/novini/item/11603-poroshenko-nazval-klyuchevye-zadaniya-vlastej-ukrainy-na-etot-god>. – Дата доступа: 12.01.2015.
2. Лебедь, М.Н. «Новая» кадровая политика МВД / М.Н. Лебедь [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://ua.racurs.ua/519-kadrova-polityka-mvs>. – Дата доступа: 12.11.2014.
3. Дацюк, С.И. Кадровая политика революции / С.И. Дацюк [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <logs.pravda.com.ua/authors/datsuk/548ac065012e7>. – Дата доступа: 01.12.2014.
4. Материалы расследования злоупотреблений начальника Екатеринославского губернского уголовного розыска К. Айлярова // Звезда. – 1923. – № 179. – С. 3.
5. Государственный архив Днепропетровской области (далее ГАДО). – Ф. Р-61. Управление Екатеринославской губернской милиции. – Оп. 36. – Д. 1. Циркуляр Наркомюста УССР, 1921 г., 194 с.
6. ГАДО. – Ф. Р-468. Управление Новомосковской городской милиции. – Оп. 1. – Д. 4. О борьбе с неграмотностью, 1921 г., 294 с.
7. ГАДО. – Ф. Р-457. Управление Павлоградской городской милиции. – Оп. 1. – Д. 10. Об улучшении боеспособности милиции, 1921 г., 312 с.
8. ГАДО. – Ф. Р-59. Управление Екатеринославской губернской милиции. – Оп. 1. – Д. 11. О проведении занятий с комсоставом и милиционерами, 1922 г., 148 с.
9. Курсы милиции // К труду. – 1921. – № 171. – С. 2.
10. Алтуев, В.М. Из истории деятельности Екатеринославской губернской милиции по ликвидации уголовной преступности в период восстановления народного хозяйства // Науч. вестн. ДГУВД. – 2005. – № 2(21). – С. 91–103.
11. ГАДО. – Ф. Р-1. Екатеринославский губком КП(б)У. – Оп. 1. – Д. 1863. Доклады управления милиции и уголовного розыска, 1924 г., 117 с.
12. ГАДО. – Ф. Р-416. Днепропетровский горисполком. – Оп. 1. – Д. 9. О мерах по борьбе с преступностью, 1926 г., 194 с.

Поступила в редакцию 18.03.2015 г.

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/18»

Эволюция коммуникативной роли православной церкви на территории Беларуси в 1772–1825 гг.

Шевкун П.В.

Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет», Витебск

Внимание к истории белорусского православия обусловлено не только особым местом церкви в современной системе конфессиональных отношений, но и ее значимостью в период трансформации традиционного общества и формирования наций.

Цель работы – определить роль православной церкви на территории Беларуси в политически значимой коммуникации периода Российской империи 1772–1825 гг.

Материал и методы. *Исследование осуществлено на основе информации, содержащейся в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь, Российского государственного исторического архива, а также уже введенной в научный оборот информации. Используются специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.*

Результаты и их обсуждение. *Анализ источников свидетельствует, что процессы трансформации, происходившие в социальной системе Российской империи, отразились и на положении православной церкви в регионе. В условиях роста ее значения в политической коммуникации православные епархии белорусско-литовских губерний оказались в непростой ситуации. Незначительное количество православного дворянства затрудняло символическую деятельность церкви по легитимации существовавшей системы общественных отношений. Однако с точки зрения российских властей это была важнейшая функция церкви. Поэтому правительство предприняло ряд шагов по нормализации конфессиональной обстановки на территории Беларуси, наряду с мерами, содействовавшими усилению коммуникативных возможностей церкви.*

Заключение. *В рассматриваемое время на фоне интенсификации социальных связей наблюдается усиление роли православной церкви региона в трансляции политически значимой информации. Специфика была вызвана дисбалансом в сословно-конфессиональной структуре и особенностями идеологических концепций Павла I и Александра I.*

Ключевые слова: *православная церковь, информация, правительство, сословие, легитимность.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 49–57)

Evolution of the Communicative Role of the Orthodox Church on the Territory of Belarus in 1772–1825

Shevkun P.V.

*Educational establishment «Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University»,
Vitebsk*

Attention to the history of the Belarusian Orthodox Church is caused not only by a special place of the church in the modern system of confessional relations, but also by its importance in the transformation period of a traditional society and the formation of nations.

The aim of the work is to determine the role of the Orthodox Church on the territory of Belarus during the politically significant communication of the period of the Russian Empire.

Materials and methods. *The research was carried out on the basis of the information contained in the funds the National Historical Archives of the Republic of Belarus, the Russian State Historical Archive, Complete Collection of Laws of the Russian Empire as well as the information that is available in research circulation. Special historic methods were applied such as historical and genetic, historical and comparative and historical and system ones.*

Findings and their discussions. *The analysis of the sources indicates that the processes of transformation occurring in the social system of the Russian Empire also affected the position of the Orthodox Church in the region. With the increase in its value in political communication, Orthodox Dioceses of the Belarusian-Lithuanian Regions found themselves in a difficult situation. The small number of Orthodox nobility retarded the symbolic activity of the Church on legitimization of the existing system of social relations. At the same time, according to Russian authorities, that was the most important function of the Church. To solve the problem, the government took some steps to normalize the confessional situation in Belarus along with the measures contributing to strengthening of the communicative abilities of the Church.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: p.shevkun@mail.ru – П.В. Шевкун

Conclusion. *Against the background of intensification of social relations, strengthening of the role of the Orthodox Church of the region in broadcasting policy-relevant information took place. Specificity of the communicative activity of the Church was caused by social strata and confessional imbalances and features of ideological concepts of Paul I and Alexander I.*

Key words: *Orthodox Church, information, government, social status, legitimacy.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 49–57)

В конце XVIII – XIX в. на территории Восточной Европы церковь сохраняла ключевую роль в жизни общества. Удовлетворяя религиозные потребности населения, она была средством сакральной и социальной коммуникации¹. Сакральной – поскольку через религиозные ритуалы человек считал, что осуществляет связь со сверхъестественным; социальной – так как церковь служила средством легитимации социальной структуры общества, предоставляла исчерпывающую информацию о ней, обеспечивала связь между сословиями, а также государством и обществом. Церковь определяла ход времени, наполняя его социально значимыми событиями: праздниками, памяtnыми датами. К ним, как правило, были приурочены политические и экономические мероприятия регионального и общегосударственного значения. Она являлась единственной социальной структурой, которая соприкасалась со всеми сословиями и, при необходимости, могла предоставить информацию о них, а также быть средством, с помощью которого государственная власть доводила до населения собственные решения. Храм являлся тем местом, которое физически объединяло представителей всех сословий. Церковь, вписывая систему общественных отношений в вечный, божественный миропорядок, формировала, таким образом, ее традиционный характер. Это, в свою очередь, подразумевало уникальность церкви, поскольку потребности в иных источниках и средствах коммуникации, превосходящих корпоративный уровень, были минимальны в социуме, основанном на религиозной санкции.

Важнейшим условием успешного выполнения коммуникативной роли церкви являлась принадлежность абсолютного большинства представителей всех сословий страны к одной конфессии. В противном случае у верующего не формировалось целостного представления об обществе, поскольку его важнейшие структурные элементы освящали раз-

личные религиозные направления, применяя для этого соответствующую им символику. В сознании подданного возникал диссонанс между сакральным (который по определению моноконфессионален) и социальным мирами. Взрывоопасная ситуация кризиса легитимности общественной системы должна была предполагать чрезвычайные меры для ее решения, так как в противном случае вставал вопрос о перспективах дальнейшего существования данного государства.

Цель работы – определить роль православной церкви на территории Беларуси в политически значимой коммуникации периода Российской империи 1772–1825 гг.

Историография не содержит специальных исследований. В силу этого ее обзор ограничен работами, в которых затрагиваются отдельные аспекты проблемы. В наиболее полном объеме он содержится в сборнике, изданном Институтом истории НАН Беларуси, в исследовании Е.Н. Филатовой, а также в монографии автора [2–4].

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе информации, содержащейся в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь, Российского государственного исторического архива, а также информации, введенной уже в научный оборот и освещающей различные аспекты развития православной церкви на территории Беларуси в конце XVIII – первой четверти XIX в. В работе использованы историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Они позволили показать специфику и место православной церкви в политически значимой коммуникации на территории Беларуси в 1772–1825 гг.

Результаты и их обсуждение. Специфика территорий Речи Посполитой, присоединенных в правление Екатерины II к Российской империи, заключалась в поликонфессиональном характере региона и слабых позициях, количественных и социальных, господствующего в империи православного вероисповедания [3, с. 16]. Это имело серьезные последствия, поскольку российская власть была фактически лишена важнейшего средства лояль-

¹ Коммуникация – это передача информации от одной социальной системы к другой, обмен информацией между различными системами посредством символов, знаков и образов [1, с. 372].

ной коммуникации, с помощью которого можно было рассчитывать на легитимность и, при необходимости, на интенсификацию обмена информацией на разных уровнях.

При Екатерине II православная церковь, наряду с другими церквями региона, продолжала существовать в той системе социальных отношений, которая была выстроена ранее. Задачи интенсификации социальных связей и мобилизации общества не ставилось, решалась лишь проблема легитимности династии в соответствии с прагматическим духом просвещенного абсолютизма, то есть в обмен на привилегии. Предполагалось, что сакральная символика, в рамках которой утверждалось божественное право определенной династии на власть, не имеет решающего значения в среде аристократии, а именно она и являлась субъектом политической жизни. В этой ситуации лояльность неправославного дворянства, в состав которого входило и католическое духовенство, должна была обеспечить успешность приспособления имперской административной системы к местным особенностям. В таких условиях православная церковь выполняла лишь тот коммуникативный минимум, который осуществляла и ранее. Потребности в ее численном росте просто не было. Католическая церковь, благодаря распространению унии, являлась институтом, объединявшим все сословия региона. В это время имперская администрация даже не видела необходимости в организации православных соборов для армии и своей администрации, подразумевая, что стабильность социальной системы в основном обеспечивается за счет сословных привилегий.

Некоторые изменения в отношении к православию произошли в начале 80-х гг. XVIII в. и в конце правления Екатерины II. Они выразились в содействии государства православным миссионерам по присоединению униатов, которые в абсолютном большинстве относились к непривилегированным сословиям. Однако и в первом, и во втором случае такое содействие было исключением из правил, выработанных для регулирования отношений между государством и конфессиями. В первом случае это было связано с данными ранее обещаниями правительства о поддержке православной церкви на территории Речи Посполитой и проводилось в незначительном масштабе. Во втором – мы видим спонтанную реакцию на шляхетское восстание под руководством Т. Костюшки, которая свидетельствовала скорее о растерянности императорского

двора и неспособности предложить какое-либо концептуальное видение решения проблемы легитимности власти в регионе. Екатерина II попыталась разорвать религиозную коммуникацию между аристократией и простым населением в страхе перед распространением восстания, несмотря на то, что увеличение православия за счет податных сословий могло привести к нарушению стабильности сословной социальной системы в условиях крепостного права и не решало проблему легитимности династии Романовых перед католической аристократией. В документах того времени сохранились свидетельства, что крестьяне, принимая православие, рассчитывали на освобождение от крепостной зависимости, на перевод в категорию государственных, либо просто на смягчение повинностей [4, с. 66].

В результате административного давления в 1794–1797 гг. православные составили большинство только в Могилевской губернии [5]. В западной части Беларуси и в Витебской губернии православных церквей по-прежнему было мало [4, с. 182, 187–188]. Приходы православной Минской епархии насчитывали не более 263 тысяч, в то время как численность населения в Минской губернии была около 875 тысяч человек [6]. Тем не менее, православная церковь существенно укрепила свои позиции, превратившись в значимый социальный институт региона. Это имело серьезные последствия: во-первых, с точки зрения легитимации социальных отношений, так как православными верующими господство католической аристократии не могло рассматриваться как естественный порядок, во-вторых, церковь, вместо идеи стабильности и неизменности социальной системы, в рамках которой происходил обмен информацией, становилась средством коммуникации, провоцирующим социальные изменения. Это не могло не обращать на себя внимания российских властей.

В правление Павла I происходит постепенное усложнение коммуникативной роли православной церкви как в целом в империи, так и в регионе. Это было вызвано социальными изменениями, проявлявшимися в усилении роли государства в жизни общества, оптимизации сословной структуры, создании системы образования, ориентированной на количественный и качественный рост, в отличие от предыдущего времени, связанного с простым воспроизводством, интенсификации экономических контактов, а также проникновением секулярной национальной идеи.

Император обращал гораздо большее, в сравнении с предыдущим правлением, внимание на проблемы православной церкви, в том числе и в регионе. Однако подходил предельно реалистично, понимая, что в тогдашней системе социальных отношений количественный рост православной церкви, который осуществлялся за счет низших сословий, не приведет к качественному изменению ее роли в жизни общества. В этой ситуации можно было лишь позаботиться об организации центров православия в белорусско-литовских губерниях, прежде всего, для осуществления необходимой коммуникации армии и российского чиновничества, чтобы они не выпали из сакрально-информационного поля православной церкви. 18 декабря 1797 г. правительство инициировало создание соборов в уездных городах «губерний, присоединенных от бывшей Речи Посполитой» [7, л. 299–300].

Павел I в рамках интенсификации социальной жизни стремился использовать церковь как важнейший фактор мобилизации традиционного общества, в центре которого должна была быть фигура императора. При таком подходе к конфессиям важнейшая роль отводилась трансляции информации, способствовавшей процессу консолидации шляхты присоединенных земель от бывшей Речи Посполитой вокруг трона, и противостоянию национально ориентированным республиканским идеям революционной эпохи. Павел I рассчитывал укрепить традиционный имперский универсализм, поколебленный Французской революцией, и с новой силой утвердить сакральные, вненациональные основы монархии. Император воспользовался идеей рыцарства, которая удачно совмещала через принцип служения религиозные и светские начала. Религиозный компонент рыцарства придавал высший смысл начинаниям императора, а духовенство, через получение орденов и, соответственно, причисление к орденским объединениям, становилось средством популяризации этой идеи, усиливая ее религиозную составляющую. Будучи замкнутым на фигуре правителя, рыцарское служение рассматривалось как способ преодоления конфессиональной разобщенности аристократии.

В представлении Павла I образ императора находился над конфессиональными отличиями. Это позволило обосновать политику веротерпимости в отношении неправославных христианских конфессий, прежде всего к католицизму как наиболее мощной религиозной

контрреволюционной силе Европы. В 1798 г. были открыты шесть епархий католической церкви, униатские архиепископство Полоцкое и две епархии: Брестская и Луцкая. В 1798 г. Павел I посетил коллегиум иезуитов в Орше, а в конце 1800 г. Папа Римский получил приглашение царя переехать, при неблагоприятных политических обстоятельствах, в Санкт-Петербург [8, с. 79]. Подобная деятельность позволяла интенсифицировать коммуникацию государства с неправославными религиозными объединениями, так как показывала, что император, вне зависимости от своей религиозной принадлежности, способен заботиться обо всех конфессиях.

Вместе с тем, интенсификация социальных отношений подразумевала участие в этом и непривилегированных сословий. Именно с недолгого правления Павла I можно говорить, что происходит «открытие» простого народа. Выразилось это вполне по традиционалистски – через внимание к его религиозности, которая рассматривалась как важнейший фактор верноподданничества.

Специфика «открытия» простого народа достаточно наглядно проявилась в позиции правительства по вопросу присоединения униатов к православию. Павел I воспринимал политическую субъектность непривилегированных сословий через посредство религиозной сферы. Религиозность, как таковая, не имела ни сословных, ни конфессиональных границ. Именно она должна была обеспечить надежную степень коммуникации власти с подданными. Это обусловило отношение императора к унаследованной от Екатерины II политике массовых присоединений униатов.

3 апреля 1797 г. последовал указ губернаторам западных губерний. В нем определялись необходимые условия и политически значимые цели, которые преследовало правительство, воздействуя на религиозность подданных. Отмечалось, что «свобода веры и оставление каждому исповеданию оной по собственному убеждению совести есть наилучшее средство сохранить между обитателями различного закона тишину и спокойствие». Обязанностью администрации было наблюдение, «дабы различие закона не служило никому поводом притеснять друг друга, но каждый бы оставался при исповедании того, к коему совесть его прикрепляет, был добрым и мирным гражданином» [9].

В указе Св. Синода Минскому архиепископу Иову от 11 сентября 1797 г. разрешалось

агитировать о присоединении к православию «апостольским учением и увещанием со всякою кротостию, терпением и человеколюбием». С целью сохранения позиций православия униатских священников, у которых были прихожане в смешанных приходах, обязали сдавать метрические книги православному архиепископу [10, л. 7–8 об.]. Это явилось отражением снижения значимости конфессиональных границ в представлении российских властей, когда вопрос касался политически значимой информации.

В результате политика массовых присоединений униатов к 1799 г. была окончательно свернута, так как обострение межконфессиональной вражды только усложняло коммуникацию власти и подданных, сужало необходимое для нее ментальное пространство, над расширением которого и работало правительство, предпринимая мероприятия по интенсификации религиозности населения. Поэтому максимально спокойное и бесконфликтное состояние являлось одним из приоритетов деятельности императора. Именно к этому времени отнесли священники петриковских церквей Мозырского уезда появление традиции участия православного духовенства в католическом празднике Божьего Тела. При этом католическое духовенство также производило колокольный звон «во дни храмовые и праздничные» [11, л. 8 об., 9]. Иерархию ориентировали в первую очередь на духовное совершенствование как способ усиления веры и, соответственно, политической лояльности населения, а не на конфессиональное размежевание.

В подобный подход органично вписывались проводимые мероприятия по регламентации системы преподавания. Кроме того, впервые семинаристов обязали приобретать «нужные сведения о сельской и домашней экономии», иметь «некоторое понятие о врачевании болезней». Подразумевалось, что священники должны занять более активную позицию в жизни прихода [12]. Манифест «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о не принуждении работать в дни воскресные» был принят, прежде всего, для того, чтобы у крестьян оставалось время для еженедельного посещения церкви. В случае отсутствия возможности у них посещать церковь священников обязали самих приезжать в деревни [13, л. 3 об.].

Правительство ожидало от духовенства более активной коммуникации с населением, которая бы не ограничивалась собственно ре-

лигиозной практикой. Более того, произошла попытка своеобразной трансформации сакральной коммуникации в социальную, когда авторитет духовенства должен был способствовать интенсификации социальных связей, вводя их в религиозный контекст. Предполагалось, чтобы духовенство «учением и примером собственным утверждало бы духовных чад своих в спокойствии, послушании и добрых поступках» [14, л. 12–13]. Особое место в рапортах архиереев о состоянии епархий отводилось сообщениям о чтении в церквях поучений. В указе от 22 марта 1800 г. была подчеркнута обязанность причта не менее пяти раз в неделю совершать службу, произносить ежедневные поучения, а также проповедовать в воскресные и праздничные дни [15].

На особом контроле государства находилась деятельность церкви по предоставлению необходимой информации. Так, в 1799 г. Гомельское духовное правление было оштрафовано на 25 рублей за «не предоставление в срок» троечастных ведомостей (регистрация рождения, брака и смерти) [16, л. 12, 41, 64]. В последующее правление такой контроль был еще более усилен. С 25 августа 1802 г. приходские священники начали доставлять ведомости как в консисторию, так и в полицию для ежегодной сверки. В 1812 г. и в 1824 г. Св. Синод подтвердил необходимость соблюдения правил при ведении церковной отчетности [17].

Дисциплинарный надзор над духовенством являлся важнейшим средством актуализации коммуникативной роли церкви. Указ 7 мая 1797 г. был наиболее значимым. В нем определялись обязанности духовенства в случае неповиновения крестьян помещикам. Распоряжением Св. Синода от 9 июля 1800 г. причастного к крестьянским беспорядкам священника епархиальные власти должны были «отреша от прихода, и запрета священнослужение, отсылать к суждению в светское правительство». Епископов обязали собирать с благочинных отчеты о поведении клириков не реже одного раза в два года. Благочинным предписали не менее двух раз в год осматривать церкви, количество которых ограничили 10–15-ю и вести журнал о поведении причтов [4, с. 44]. В феврале 1797 г. император указал духовным властям, чтобы «в сан сей поступали люди надежные, всякого буйства чуждые, и в поведении беспорочном испытанные». В июне 1797 г. установили порядок приема в причт: «... производить не иначе, разве от духовного правле-

ния и от благочинного будет о честном поведении его засвидетельствовано» [4, с. 44].

Указами 6 мая 1791 г. и 22 марта 1800 г. определялся комплекс мер по контролю над поведением священно- и церковнослужителей. Епископы должны были сделать благочинным подтверждение о «дейтельнейшем исправлении ими своей должности», так как правительство усматривало их вину в непрекращающихся случаях «неустройства и безчинства». Церковному причту запретили посещать ярмарки и базары. Замеченных в пьянстве клириков благочинным предписали отправлять в Архиерейский дом под надзор, а при повторных случаях священников и диаконов могли лишиться чина, причетников же отослать в рекруты [18]. Этими мерами власти рассчитывали воздействовать на народную религиозность, сделав ее более устойчивой и мобильной в условиях происходящих в Европе социальных перемен, которые уже начинали докатываться и до Российской империи.

Контроль подразумевал и определенные привилегии, которые демонстрировали простому населению особый статус духовенства, упрощая коммуникацию. В правление Павла I сумма выплат причтам была увеличена более чем в два раза. Архиерейским домам отвели земли, рыбные ловли и мельницы. Впоследствии эти привилегии еще более расширили. В январе 1798 г. были инициированы мероприятия по наделению сельских церквей землей [4, с. 38–40].

Таким образом, Павел I посредством воздействия на религиозность подданных стремился не только к повышению уровня лояльности существующей социальной системе, но и к своеобразной мобилизации общества. В этом конфессиям придавалась одна из ключевых ролей. Церковные структуры являлись фактором не просто трансляции информации, а способом интенсификации религиозности, которая приобретала черты индивидуализированного подхода. Однако здесь возникали и существенные проблемы. Акцент на религиозности подданных ставил под вопрос конфессиональный характер традиционной монархической государственности, когда политические границы коррелировали с конфессиональными, находя в последних свое обоснование. Если же важна была не конфессиональная принадлежность, а религиозность, то в таком случае иного обоснования существовавших государственных границ, кроме права сильного, просто не оставалось. Также возникала

проблема обоснования сословных границ, поскольку для этого предусматривалась прямая аналогия небесного строя и земного. Всесословное прочтение религиозности свидетельствовало о размывании символической связи социального и сакрального миров. Религиозная жизнь крестьян не должна быть похожа на помещицкую. В противном случае «земная» иерархия переставала соответствовать «небесной», лишаясь тем самым легитимности в глазах дискриминируемого большинства.

Смерть российского императора 11 марта 1801 г. привела и к смене наиболее специфических элементов в доктрине правления. Александр I также стремился найти обновленную форму традиционному монархизму, то есть актуализировать сакральные основания монархии. Он рассчитывал на интенсификацию религиозной жизни, основываясь на мистической идее. В ней догматико-обрядовая сторона, различающая христианские вероисповедания, уступала по важности место религиозному переживанию, построению так называемой «внутренней церкви», что давало обоснование терпимого отношения к «церкви внешней», то есть традиционным христианским конфессиям. Мистическая религиозная практика создавала иллюзию возвращения к евангельскому прошлому, лежащему в основании различных направлений религии. При этом в данном случае не было разрыва с традиционными конфессиями. Император терпимо относился и к новым мистическим практикам, так как смысл и традиционных, и современных методов был один – полноценная, внутренне насыщенная религиозная жизнь.

В этих условиях не получила государственной поддержки инициатива Могилевского архиепископа Анастасия (Братановского) по активизации миссионерской деятельности в отношении униатов. Более того, правительство Александра I предпринимает целенаправленные действия по сохранению целостности конфессий [4, с. 62–64].

Религиозно-политическая составляющая доктрины Александра I нашла свое выражение в подписанной по его настоянию в 1815 г. декларации о создании Священного Союза. Этим документом император хотел подкрепить собственные идеи международной санкцией. Союз, заключенный монархами Австрии, Пруссии и России, символизировал единство всех христиан Европы. Его участники изображались частями «единого народа христианского» (суррогат национальной идеи

и традиционных клерикальных представлений). В акте об образовании Священного Союза говорилось, что «согласие Христианских Государей разных исповеданий признать Царствие Господа на земле и торжественный обет исполнять волю Его в отношении между собою, равно как и в правлении отраслями единого христианского народа, есть столь важное событие во времена наши, что все последствия онаго не могут быть обняты во всем пространстве». Эта декларация была нацелена, прежде всего, на внутреннее использование, поскольку должна была способствовать решению проблемы легитимности российской православной династии перед неправославными подданными. Документ свидетельствовал, что три монарха, представлявших православных, католиков и протестантов, управляли вверенными им Богом подданными как частями «единого христианского народа».

Ежегодно 14 сентября Манифест и акт Священного Союза читались в церквах, «дабы всем и каждому напомнить обет служения Единому Господу Спасителю, изреченный в Лице Вашем за весь народ, Богом вверенный Вашему Императорскому Величеству». Св. Синод распорядился поставить в храмах текст Манифеста и «заимствовать из онога мысли для проповедей» [19, л. 81–84]. С точки зрения правительства они должны были составить сердцевину той политически значимой информации, которая доносилась церковью до населения.

Основной акцент государством был сделан на тех сторонах жизни православной церкви, которые имели отношение к ее роли в рамках социальной коммуникации. Так, были продолжены мероприятия в системе образования. По указу Св. Синода от 24 января 1803 г. семинаристов и священников привлекали к преподаванию в уездных училищах и гимназиях [20]. Реформы в сфере духовного образования начались 21 апреля 1805 г. указом Св. Синода о заведении при церквах приходских училищ для детей духовно- и церковнослужителей. В 1808 г. в Могилевской епархии открыли Гомельское и Невельское духовные училища, а в 1810 г. – еще 18. В 1808–1814 гг. была сформирована трехуровневая система образования: уездные училища, семинарии и академии. В 1814 г. вступили в силу новые уставы академий, семинарий, уездных и приходских училищ. Реорганизация в Могилевской и Минской епархиях произошла в 1817 г. В Могилевской епархии закрыли 9 училищ и открыли 1 –

Велижское. В Минской епархии из состава семинарии были выделены приходское и уездное училища [4, с. 47–49].

Одним из элементов политики в области просвещения духовенства являлось снабжение епархий литературой. Наиболее распространенной практикой был централизованный заказ книг в Московской типографской конторе [21, л. 1а – 19 об.].

Важнейшим направлением вышеуказанных мероприятий было обучение прихожан. 25 января 1821 г. обобщили «правила преподавания в церквах учения». В свою очередь, епархиальных архиереев обязали «употребить ... попечение об усилении церковного наставления православного народа в вере и благодетелии христианском» [15, с. 380, 381].

Также продолжились мероприятия по усилению административного контроля. По именному указу императора 8 декабря 1804 г. Св. Синод распорядился, «чтобы во время отправления в церквах службы Божией священно- и церковнослужители не только исполняли должность свою с благоговением, но и обходились между собою с всякою приличною святости места благопристойностию и уважением». Аналогичные указы принимались и впоследствии. В 1806 г. архиепископ Иов потребовал предоставить сведения из Мозырского и Слуцкого повета о священниках, предающихся пьянству. Таковых оказалось 7 человек. В качестве наказания они были сосланы в монастыри, а некоторые переведены в диаконы. Указ Св. Синода от 20 ноября 1806 г. предусматривал передачу церковнослужителей, совершивших преступления, в рекруты [4, с. 45–46].

На протяжении своего правления Александр I активизировал усилия по обеспечению причтов, принял серию указов, ограничивающих возможности полиции и светских судебных инстанций в отношении духовенства. Было закреплено равенство духовных депутатов с прочими членами гражданского суда. 17 апреля и 30 июня 1821 г. дома членов причтов, их вдов, сирот и уволенных по старости или болезням были освобождены от городских и полицейских повинностей. 30 сентября 1825 г. духовенство освободили от участия в ремонте дорог и гатей [4, с. 41–42].

Продолжил император и усилия по интенсификации контактов гражданских и духовных властей, подразумевая и разграничение сферы их компетенции. В указах 1807 и 1818 гг. содержалось требование о незамедлительном

выполнении губернскими правлениями решений епархиального руководства [22]. Указом Св. Синода от 22 августа 1812 г. обер-прокурор настаивал на доставлении ежегодно сведений о решенных и нерешенных делах по консисториям, в том числе и из-за отсутствия содействия гражданских властей. 7 ноября 1817 г. Св. Синод указал, чтобы губернаторы «не давали дозволений по предметам, до духовного ведомства принадлежащим» [4, с. 50]. Ранее, в 1815 г., Минская консистория распорядилась, чтобы помещики не вмешивались в выборы церковных старост. Это же предписание было дано из губернского правления в земские суды [10, л. 1, 1 об., 5].

Однако вышеотмеченных мероприятий было недостаточно для легитимации идейных новаций. В определенных кругах российского православного общества возникли сомнения в надежности связи православной церкви и монархии, поскольку высшая власть давала взаимоисключающие информационные послылы. Невозможно было поддерживать сложившуюся связь церкви и государства в условиях, когда оно стремилось к сближению с альтернативными православию религиозными объединениями. Это нарушало традиционную структуру общества, в которой иноверные корпорации в лучшем случае были терпимы. В конце своего правления Александр I фактически отказался от идей, на фоне которых происходило усиление коммуникативной роли православной церкви.

Заключение. Таким образом, если в 1772–1796 гг. правительство в отношении к православной церкви не выходило за рамки традиционных представлений о ее месте в обществе, то в 1796–1825 гг. этот подход менялся и церковь начала рассматриваться как средство мобилизации общества и контроля над ним. Ключевую роль в этом играла трансляция соответствующей этим задачам информации. Государство стремилось к влиянию на все социальные группы империи, вне зависимости от их религиозной и сословной принадлежности. Обеспечить подобное влияние должны были соответствующие религиозные структуры. В результате возникла необходимость дистанцирования от традиционных, конфессионально обусловленных принципов церковно-государственных отношений. Монархия стремилась к установлению коммуникации вне зависимости от религиозной принадлежности династии.

В этих условиях численный рост православия за счет присоединения униатов был из-

лишним. Тем не менее, на территории Беларуси произошло некоторое увеличение количества православных верующих в правление Екатерины II, что привело к существенному усложнению коммуникативной роли церкви. Это было связано не только с увеличившимся числом последователей, но и с особенностью социального состава верующих – фактическим отсутствием православной аристократии. Осуществление в условиях подобного дисбаланса легитимной политически значимой коммуникации было проблематично, поскольку закреплялось несоответствие социальной структуры общества ее сакральному прототипу. Предпринятая в правление Павла I и Александра I попытка включения православной церкви, в том числе и в регионе, в процесс интенсификации социальных связей только усиливала это несоответствие.

Литература

1. Бабосов, Е.М. Общая социология: учеб. пособие / Е.М. Бабосов. – Минск: ТераСистемс, 2010. – 608 с.
2. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст.: праблемы, здабыткі, перспектывы / Н.В. Анофранка [і інш.]; навук. рэд. В.В. Яноўская. – Мінск: Беларус. навука, 2006. – 447 с.
3. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. / Е.Н. Филатова. – Минск: Белорус. наука, 2006. – 192 с.
4. Шевкун, П.В. Империя и церковь: российская политика в отношении православной церкви на территории Беларуси (1796–1855 гг.) / П.В. Шевкун. – Витебск: ВГМУ, 2015. – 202 с.
5. Суммарийная ведомость о духовенстве светском епархии Полоцкой унитской, сочинена за 1807 г. // Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. / сост. С.Г. Рункевич. – СПб.: Синод. тип., 1907. – Т. 2. – 1632 с. – Д. 3059. – С. 656–658.
6. Отчеты по Минской губернии за 1804–1810 гг. // Российский государственный исторический архив. – Ф. 1281. – Оп. 11. – Д. 76. – Л. 33.
7. Указы Св. Синода за 1798 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 7.
8. Эйдельман, Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия / Н.Я. Эйдельман. – М.: Мысль, 1982. – 368 с.
9. О наблюдении свободы вероисповедания, на основании Высочайшего Манифеста Марта 18 дня сего года: Указ именной, данный Литовскому Губернатору Булгакову, 3 апреля 1797 г., № 17904 // Полное собр. законов Рос.

- империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXIV. – С. 524.
10. Дело по всеподданнейшему письму Анастасия, епископа Белорусского, о дозволении присоединить униатов к грекороссийской церкви. 1801 г. // Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. – Оп. 2. – Д. 560.
  11. Дело по обвинению священников Петриковских церквей Мозырьского повета в участии в крестном ходе в день католического праздника Божьего Тела. 1833–1835 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 9778.
  12. О порядке учения в Духовных Академиях и Семинариях: Высочайше утвержденный доклад Св. Синода, 31 октября 1798 г., № 18726 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXV. – С. 426–431.
  13. Дело о непосещении церкви крестьянами Панкратовичского прихода Бобруйского повета из-за ее отдаленности. 1825 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 6960.
  14. Указы Могилевской и Белорусской духовных консисторий за 1795–1798 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 3020. – Оп. 1. – Д. 12.
  15. О правилах преподавания в церквах учения: Указ Св. Синода, 25 января 1821 г. // Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. – М.: Тип. М.Н. Лаврова и К., 1879. – С. 95.
  16. Указы Белорусской консистории за 1798–1799 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 3020. – Оп. 1. – Д. 14.
  17. Подтверждение о ведении метрических и обычных книг в надлежащем порядке, и о доставлении из оных, по требованиям Присутственных мест, справок из самых Духовных Консисторий: Указ Св. Синода, 22 февраля 1812 г., № 25004 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXII. – С. 197–198.
  18. О невмешательстве в мирские дела и надзоре за поведением священников: Указ Св. Синода, 6 мая 1797 г. // Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода 1721–1878 гг. – М.: Тип. М.Н. Лаврова и К., 1879. – С. 267–269.
  19. Указы МДК за 1797–1820 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 779. – Оп. 1. – Д. 1.
  20. Об учинении распоряжения со стороны Святейшего Синода по прикосновенным к духовной власти пунктам правил народного просвещения: Указ Св. Синода, 18 марта 1803 г., № 20671 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXVII. – С. 502–504.
  21. Переписка с Московской типографской конторой и Минским семинарским правлением о приобретении книг для Минской семинарии. 1803–1805 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 1480.
  22. О предписании всем Губернским Правлениям, дабы требуемые Духовными Консисториями сведения доставляемы были в оные беспрекословно: Указ Сената, 12 июля 1807 г., № 22551 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXIX. – С. 1215–1217.

Поступила в редакцию 24.03.2015 г.

УДК 327(47+57+510)

К вопросу взаимоотношений Ольвии с некоторыми полисами Эгейского и Средиземноморского регионов в античный период

Шейн С.С.

Учреждение образования «Черноморский государственный университет имени Петра Могилы», Николаев (Украина)

В истории античного периода одной из сложнейших тем являются отношения отдаленных полисов Северного Причерноморья с городами Эгейского и Средиземного морей, в частности проблемы политических, экономических и религиозных сторон этих отношений.

Цель работы – показать картину широких и тесных межполисных контактов в древнегреческом обществе на примере крупного греческого полиса Ольвии.

Материал и методы. *В статье на основе обширного археологического материала из раскопок античной Ольвии изучены и проанализированы внешние связи северопонтийской Ольвии с городами греческого мира в VI–I вв. до н.э. Сделан научный сравнительный анализ этих отношений, исходя из результатов археологических исследований второй половины XX столетия и данных современных археологов. Представлены причины зарождения и характер внешних отношений, их роль в античном обществе.*

Результаты и их обсуждение. *Доказана значительная роль Ольвии в межполисных отношениях как важного центра посреднической торговли. В результате проведенного анализа археологического материала показан широкий ареал внешних отношений Ольвии в экономическом, политическом и культурном аспектах.*

Заключение. *Научно аргументировано, что, несмотря на свою удаленность от полисов Эгейского и Средиземного морей, Ольвия занимала важное, а часто и одно из главных мест во внешней торговле и политике. Большинство полисов Греции были так или иначе заинтересованы в отношениях с Ольвией, которая была для них серьезным торговым партнером и играла одну из решающих ролей в поставке хлеба. В античный период внешнеэкономические отношения подкреплялись политическими и культурными связями, объединявшими отдаленные территории греческого мира в единый ареал античной цивилизации.*

Ключевые слова: *Ольвия, северопонтийские города, амфорные клейма, Эгина, Родосская монетная система, Самос, Александрийская школа, вазы Гадра, Египетский культ.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 58–64)

On the Issue of the Relationship of Olbia with some Polises of the Aegean and Mediterranean Regions in Ancient Times

Shein S.S.

Educational establishment «Petro Mohyla Black Sea State University», Mykolayiv (Ukraine)

In the history of the ancient period one of the most difficult topics is relations between distant polises of Northern Black Sea coast and the cities of the Aegean and Mediterranean Seas, namely the issues of political, economic and religious sides of the relationship.

The purpose is to show a pattern of wide and close interpolis contacts in Greek society on the example of the large Greek city of Olbia.

Material and methods. *In the article on the basis of wide archaeological material from the excavations of ancient Olbia external relations of North Pontia Olbia with the cities of the Greek world in the VI–I centuries B.C. are studied and analyzed. A comparative analysis of these relations is made on the basis of the findings of archaeological research of the second half of the XX century and modern archaeological research data. Reasons for the origin and nature of external relations and their role in ancient society are presented.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: wh.story105@gmail.com – С.С. Шейн

Findings and their discussion. *An important role of Olbia in interpolis relations as an important center of intermediary trade is proven. As a result of the analysis of archaeological material a wide range of external relations of Olbia in the economic, political and cultural aspects is shown.*

Conclusion. *It is scientifically proved that, despite its remoteness from the polises of the Aegean Sea and the Mediterranean, Olbia occupied an important, and often one of the main places in foreign trade and politics. Most polises in Greece were somehow interested in relations with Olbia, which was one of their main trading partners and played a crucial role in the delivery of bread. In ancient times external economic relations were supported by political and cultural ties that united remote areas of the Greek world into a single area of the ancient civilization.*

Key words: *Olbia, North Pontic cities, amphora stamps, Aegina, Rhodes monetary system, Samos, Alexandrian school, vases by Qadr, Egyptian cult.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 58–64)

Одной из дискуссионных тем в изучении античного периода Северного Причерноморья являются отношения отдаленных полисов региона с городами Эгейского и Средиземного морей, в частности политические, экономические и религиозные сферы этих отношений. На всем протяжении античной эпохи связи отдаленных от Греции полисов были достаточно тесные и продиктованы в первую очередь интересом самих греческих городов во взаимоотношениях с колониями как источниками сырья и рынками сбыта товаров. Вот почему можно рассматривать греческое общество как целостный организм, несмотря на исторически сложившиеся политические разногласия в его среде. Особый интерес для исследования представляют отношения полисов, расположенных на больших расстояниях друг от друга и находившихся в разных политических и экономических реалиях античного мира.

Цель представленной статьи – показать картину широких и тесных межполисных контактов в древнегреческом обществе на примере крупного греческого полиса Ольвии.

Материал и методы. В статье на основе обширного археологического материала из раскопок античной Ольвии изучены и проанализированы внешние связи северопонтийской Ольвии с городами греческого мира в VI–I вв. до н.э. Автором сделан научный сравнительный анализ этих отношений, исходя из результатов археологических исследований второй половины XX столетия и данных современных археологов. Используются доступные источники (материалы археологических раскопок и научные работы археологов советского и современного периодов), представлены причины зарождения и характер внешних отношений, а также их роль в античном обществе.

Для написания применялись как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, сравнение), так и специально-

исторические методы исследования (историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный, историко-системный методы), позволившие раскрыть проблемы взаимоотношений Ольвии с некоторыми полисами Эгейского и Средиземноморского регионов в античный период.

Результаты и их обсуждение. Обширный археологический материал, который является практически единственным достоверным источником в изучении античного периода истории Северного Причерноморья, открывает огромные перспективы в изучении вопросов внешних контактов полисов региона с островной и материковой Грецией. Исследование одних только клейм на амфорной таре, найденных в Северном Причерноморье, уже позволило установить много центров, с которыми северопонтийские города поддерживали торговые связи, о чем в письменных источниках сведения отсутствуют или крайне фрагментарны и неясны. Так, например, был установлен факт экономических связей с Книдом, Паросом, Икосом, Фасосом, Мендой и многими другими полисами Греции.

Среди материалов Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР с раскопок 1961 г. выделяется ручка амфоры с анэпиграфным клеймом, которая имеет поразительное сходство с монетным типом Эгины. На клейме овальной формы изображена морская черепаха, которая была устойчивым типом лицевой стороны эгинских монет, начиная с VII в. до н.э., в течение всего периода их чеканки, вплоть до потери Эгиной независимости в 456 г. до н.э. Эгинские «черепахи» в огромном количестве чеканились на протяжении двух веков и наполняли рынки преимущественно западной и южной частей Эгейского бассейна. Эгинская монетная система получила широкое распространение за пределами родного острова [1]. По этой системе, как известно, начали чеканку монеты и все северопонтийские города – Ольвия, Пантикапей, Тира и др. Фрагменты

подобных амфор найдены при исследовании большой архаической ямы, которая содержала материал VI – первой половины V в. до н.э. В частности, известно, что на острове широкое развитие получили керамическое ремесло и торговля керамическими изделиями, что послужило основанием появления эпитета Эгины – «торгует горшками». Все это может служить свидетельством торговых связей между Эгиной и Ольвией.

Существуют в большом количестве и материалы, проливающие свет на тесные связи Ольвии и Родоса. На агоре в 1954 г. был найден четко доказывающий это документ. Первой информацией о нем историческая наука обязана члену-корр. АН УССР Л.М. Славину. В 1958 г. фотография и текст памятника были изданы А.И. Леви. От этого документа сохранился лишь левый верхний угол с остатками восьми строк греческого текста, который по форме букв относится к III в. до н.э. [2]. Начальные части строк надписи позволяют с уверенностью установить его общий смысл – перед нами стабильный текст постановления ольвиополитов, принятого в честь какого-то родосского гражданина. Особенностью данного памятника является помещенное над текстом изображение Гелия, которое было своеобразным гербом Родосской республики и украшало ее монеты – такие изображения «гербов» родных городов чужаков, уважаемых в каком-то другом городе, встречаются часто в греческих надписях из региона Причерноморья. Во второй строке было восстановлено собственное имя гражданина, внесшего предложение о чествовании иностранца – Akadino(s) Meni(skou). Это имя – свидетельство того, какое небольшое количество незлинских имен было у ольвиополитов в догетские времена. Используя лексику и фразеологию ольвийских надписей подобного содержания и близкого времени (главным образом декретов уважения Навтима Каллатийца и Дионисия Херсонесита), читаем: «... сын Гэгесандра, родосец, в целом является доброжелательным к народу», «... и граждан (то есть ольвиополитов), приезжающих в Родос». Последняя строка надписи полностью утрачена и восстановить ее практически невозможно.

В целом же воспроизведение и перевод всего документа могут носить следующий смысл: «Постановили Совет и Народ тридцатого (числа), Нумений, сын такого-то, внес предложение: поскольку Гаге(сарх), сын Гэгесандра, родосец, в целом является доброжела-

тельным к народу (ольвиополитам) и гражданам (Ольвии), прибывающим в Родос, оказывает услуги с особой тщательностью, постановили Совет и Народ ... ». Если учесть роль, которую играл Родос в международной торговле эллинистического мира [3], имеем вполне определенные доказательства того, что отдельные ольвиополиты бывали на Родосе. Об особом месте родосцев в торговле с Ольвией свидетельствуют и находки в Ольвии керамической тары родосского происхождения – они, как известно, превышают в количественном отношении все другие категории иностранной керамической тары, которую находят в Ольвии.

Отношения между Ольвией и Родосом не ограничивались исключительно торговыми делами. К III в. до н.э. относится и второй декрет ольвиополитов родосцу – постановление Совета и Народа о выдаче гражданских прав и проксении Гелланику. Этот памятник сохранился, к сожалению, в очень поврежденном состоянии. Ученый В.В. Латышев предположил, что Гелланик постоянно проживал в Ольвии и принимал участие в сборе средств для культовых нужд, а также способствовал своевременной выплате каких-либо общественных сумм местным царям.

Следует также отметить, что во времена своего наибольшего распространения родосская монетная система была известна и на берегах Понта Эвксинского, где чеканились монеты родосского веса вплоть до времен Митридата Евпатора [4]. Здесь встречается ряд последовательных выпусков серебряной монеты III–II вв. до н.э., каждый из которых состоял из двух или даже трех номиналов. К сожалению, подробно вопросы истории денежного хозяйства Ольвии во времена эллинизма не нашли в научной литературе достойного освещения. Учитывая все вышесказанное о торговых связях Ольвии с Родосом, с одной стороны, и о распространении родосской монетной системы в эллинистическом мире, с другой стороны, вряд ли можно видеть в этих монетных сериях Ольвии какую-то другую систему.

Из всего изложенного материала мы приходим к выводу о том, что тесные связи Ольвии и Родоса не только отразились в некоторых намеках античной литературной традиции, но и находят поддержку со стороны археологии, эпиграфики и нумизматики.

Коснемся коротко и фактов связи Ольвии с еще одним средиземноморским центром –

Самосом. В 1962 г. в хозяйственной яме на территории Ольвии была найдена верхняя часть амфоры. На одной из ее ручек находилось небольшое целое анэпиграфное клеймо, на котором была изображена остродонная амфора. Это изображение воспроизводит тип самой амфоры, на котором оно размещено. Наиболее близкие параллели дают самосские монеты. Науке известна серия серебряных и медных оболков Самоса, на обратной стороне которых изображены остродонные амфоры [5]. Форма амфоры на монетах совпадает с формой амфоры на клейме и в еще большей степени с формой целой амфоры из Ольвии. Отсюда напрашивается предположение о самосском происхождении как данного клейма, так и амфоры.

Известно, что Самос в первой половине V в. до н.э. был одним из самых мощных и экономически развитых греческих государственных образований. После организации первого Афинского морского союза и вхождения в него Самоса остров находился в привилегированном по сравнению с другими союзниками положении. Экономические связи Самоса с Северным Причерноморьем в V в. до н.э. ограничиваются первыми шестью его десятилетиями; в более позднее время они маловероятны, а скорее даже исключены. Тесные экономические отношения Самоса с Северным Причерноморьем хорошо засвидетельствованы археологическим материалом VI в. до н.э. Экспорт из Самоса в Ольвию в это время не ограничивался товарами, перевозившимися только в амфорах. Продолжали поступать и различные керамические изделия. Находки из раскопок Ольвии последних лет позволяют высказаться (пока еще в осторожной форме) в пользу продолжения этих связей и в первой половине V в. до н.э. Вероятно, в это время Самос все еще играл значительную роль в экономических отношениях Северо-Западного Причерноморья, в частности Ольвии.

В контексте внешних связей Ольвии со Средиземноморьем исследуем еще один интересный и важный момент в этих отношениях – факт контактов с крупнейшим центром Восточного Средиземноморья – Александрией Египетской. Рядом ученых (Э.Р. Штерном, Б.В. Фармаковским) неоднократно затрагивался вопрос об отношениях Ольвии с Александрией, но при этом не преследовалась цель выяснить место Ольвии среди других северо-причерноморских центров в торговле с Егип-

том. Некоторые исследователи не исключают Александрию из числа центров, которые поддерживали торговые связи с Ольвией, но говорят об этих связях в большом хронологическом диапазоне: IV–I вв. до н.э. [6], а иные даже не упоминают Александрию в контексте внешних связей Ольвии. Между тем существующие археологические материалы позволяют иначе взглянуть на проблему отношений северопричерноморских центров и Александрии в эпоху эллинизма.

Если обозначить основные хронологические вехи в отношениях Египта с Северным Причерноморьем, нужно указать, что большая часть александрийских ваз Гадра, найденных в Северном Причерноморье, происходит с ольвийского эллинистического некрополя. Создается впечатление, что вокруг Ольвии группируется значительное число фактов, свидетельствующих о ее контактах с Александрией в раннеэллинистическую эпоху. Это выделяет Ольвию в контактах с Египтом среди других центров Северного Причерноморья. К сожалению, мы не располагаем литературными свидетельствами, освещающими отношения Ольвии со страной фараонов. Единственным источником, который проливает некоторый свет на этот вопрос, является археологический материал.

Значительным фактом следует считать наличие в ольвийском некрополе ваз Гадра. Нужно подчеркнуть, что за небольшими исключениями керамика Гадра встречается главным образом в эллинистических некрополях Александрии. Вне Александрии известно очень небольшое число ваз Гадра, найденных или во владениях Птолемея, или в тех центрах, которые находились в наиболее активных связях с Александрией [7]. Вот почему находки ваз Гадра в одном из районов Северного Причерноморья – явление, к которому следует отнестись очень серьезно.

В ольвийском некрополе были отмечены четыре чернофигурные вазы Гадра, относящиеся к разным периодам III в. до н.э. – от первой половины до конца указанного века. С ольвийского же некрополя происходит и вторая разновидность ваз Гадра – полихромные вазы. Восемь ваз Гадра, найденных в ольвийском некрополе, – не единственный вид привозной александрийской керамики в Ольвии. Нужно указать и на несколько чернофигурных агонистических амфор, александрийское происхождение которых наиболее вероятно. Первая публикация названной группы ваз бы-

ла сделана Е.Г. Штерном, который признал в них изделия Александрии. В 1901 г. в некрополе Ольвии Б.В. Фармаковский также нашел александрийскую агонистическую амфору. Александрийское происхождение найденных в Ольвии агонистических амфор поддерживает и В.Д. Блаватский [8]. Находки александрийской эллинистической керамики в Ольвии дополняются полихромной амфорой с рельефными украшениями, хранящейся в Государственном Эрмитаже.

Вся александрийская керамика из Ольвии относится ко времени не позднее рубежа III–II вв. до н.э. Керамика такого рода, украшенная растительным или поисковым узором, отмечена в Пергаме, ряде островных центров Средиземноморья, а также в Северном Причерноморье [9]. Изданный Т.Н. Книпович материал подобного рода, происходивший в основном из Ольвии и Восточного Крыма, был дополнен А.Д. Дашевской, опубликовавшей материалы о керамике с темно-красной росписью по светлomu фону из Северо-Западного Крыма. В сюжетах росписи этой керамики и, особенно, в технике ее выполнения ряд исследователей видит непосредственные параллели с орнаментикой ваз Гадра и расписных лагиносов.

Влияние Александрийской школы в керамическом производстве Ольвии прослеживается в сборнике по керамике Одесского археологического музея, в частности орнаментальной схемы чернофигурной вазы Гадра. Бесспорно, археологические находки прямо свидетельствуют о наличии в Ольвии раннеэллинистического времени небольшой группы расписных ваз, сюжеты орнаментации которых в определенной степени стоят в связи с чернофигурными вазами Гадра. Примечательно, что ольвийские вазописцы не просто копируют роспись александрийских ваз, но передают их в свободной и упрощенной форме. В целом в Северном Причерноморье керамика с темной силуэтной росписью поверх ангобированного покрытия встречается во многих центрах – в Херсонесе, Мирмекии, на Тамани, в Северо-Западном Крыму. Но орнаментальные детали в оформлении расписной керамики этого типа, почерпнутые непосредственно из росписей чернофигурных александрийских гидрий, отмечаются лишь в Ольвии.

Особое место в керамике Ольвии, связанной с погребальным ритуалом, принадлежит группе амфор, происходящих из эллинистического некрополя. По оформлению они близки

ко второй разновидности ваз Гадра – полихромной гидрии и так же, как и остальные, характеризуются акварельной росписью поверх гипсовой облицовки. Эти амфоры были изданы К.И. Зайцевой [10], а И.Г. Шургая попыталась обосновать их генетическую связь с полихромными вазами Гадра.

Но все же не нужно спешить делать вывод, что влияние александрийской керамики Гадра на керамическое производство Ольвии раннеэллинистического периода носило широкий характер. Однако нельзя также игнорировать тот факт, что в Ольвии указанной поры существовали отдельные типы сосудов, происшедших из некрополя, в оформлении которых влияние, а порой и генетическая связь с керамикой Гадра очевидны. Также среди камфорной тары общеизвестны, например, образцы скульптур, найденных в слоях ольвийского городища, в которых большинство исследователей видит произведения александрийской школы. Эксперты античной скульптуры, найденной в северопричерноморских поселениях, разделяют точку зрения Б.В. Фармаковского [11]. В.Д. Блаватский, также подчеркивал александрийское происхождение скульптур и относил их к концу III в. до н.э. Действительно, упомянутые выше скульптуры можно считать характерными образцами александрийской школы.

В комплексе источников, привлекаемых к рассмотрению вопроса о контактах Ольвии с Александрией Египетской, важное место занимают данные нумизматики. Здесь важно учесть наличие александрийских монет времени Птолемея в близком соседстве от Ольвии – на острове Левка, святилище которого посещали все мореплаватели, плывшие в названный центр.

Из фактов, касающихся контактов Ольвии с Александрией Египетской, нельзя исключить один эпиграфический памятник, происходящий из Тиры. На основании текста надписи, свидетельствующей о благодарственном приношении сына Кратина Серапису, Исиде и уважаемым вместе с ними богам (Гарпократу и Анубису), А.И. Сонни справедливо отметил, что «... это первое, что не подлежит никакому сомнению свидетельству о существовании культа названных египетских божеств на северном побережье Эвксинского Понта примерно во II в. до Р. Х., к которому можно отнести надпись по характеру письма» [12]. Сомнения по поводу столь ранней даты появления греко-египетских божеств в Причерномо-

рье А.И. Сонни обосновал ссылками на В.Н. Юргевича, опубликовавшего надпись из Ольвии времени Александра Севера, содержащую упоминания о египетских божествах, и В. Дрекслера. В.В. Латышев объяснил появление греко-египетского культа в Северном Причерноморье в эпоху эллинизма в результате торговых отношений названного района с Александрией в III–II вв. до н.э.

Кроме надписи из Тиры, изданной В.В. Латышевым, в то время почти не было других данных, позволяющих судить о наиболее ранней дате связей Александрии с Северным Причерноморьем. Археологический материал, который мог бы пролить какой-то свет на эту проблему, не был еще известен. Поэтому даже авторитета такого выдающегося эпитафиста, каким был В.В. Латышев, оказалось недостаточно для признания факта, что уже во II в. до н.э. Исида и Серапис вместе с Гарпократом и Анубисом входили в пантеон богов жителей по крайней мере одного из районов Северного Причерноморья, – как мы видим, Западного.

Такие материалы появились сравнительно недавно. В связи с ними, естественно, был поставлен вопрос о пересмотре взглядов, согласно которым появление греко-египетского культа в Причерноморье относится только к римскому времени. Эти новые материалы связаны главным образом с Западным Причерноморьем, включая и его наиболее северный район, очень близкий к Тире и Ольвии, – так называемую «Малую Скифию» (Добруджу). Найденный здесь эпитафический документ проливает свет на религиозную картину Северо-Западного Причерноморья, в рамках которой надпись из Тиры, опубликованная в 1892 г. В.В. Латышевым, приобретает новое звучание.

В Истрии в 1959 г. была найдена надпись, из текста которой следует, что город посредством оракула Калхедона вводит у себя культ Сераписа. Датируется данная надпись III в. до н.э. Этот чрезвычайно важный эпитафический документ свидетельствует, что за столетие до того, как в Тире согласно приведенной выше надписи фиксируется существование греко-египетского культа, в Истрии был принят официальный декрет о его введении. Естественно возникает вопрос: какие причины привели в города Западного Причерноморья культы Сераписа, Икиды и других синкретических греко-египетских божеств?

Вполне возможно, факт введения упомянутых божеств в пантеон ряда центров Западно-

го Причерноморья не вытекает из прямых контактов городов этого района с эллинистическим Египтом. Греко-египетский культ в западно-черноморских центрах появился вследствие посещений их жителями Восточного Средиземноморья, где синкретические культы, среди которых был культ Икиды и Сераписа, получили широкое распространение. Справедливость последнего утверждения не приходится отрицать. Однако нельзя не учитывать факта, убедительно изложенного в свое время В.В. Струве о том, что культ Сераписа (особенно в раннеэллинистическую эпоху) воспринимался в первую очередь как культ божества-покровителя Александрии. Поэтому возникновение греко-египетского культа даже в достаточно отдаленном от Египта центре нельзя рассматривать в полном отрыве от возможности проявления известных симпатий к Египту, Александрии и Птолемаем, основавшим культ Сераписа в Египте, тем более, если данный культ вводился официально.

Совсем другая картина вырисовывается в Западном и Северо-Западном Причерноморье, где мы видим довольно раннее появление греко-египетского культа, как, например, в Истрии и Тире, или наличие александрийских предметов, открытых как в слоях ольвийского городища, так и в эллинистическом некрополе Ольвии. По-видимому, западный берег Черного моря в целом вошел в сферу торговых интересов Александрии с раннеэллинистического времени. Хорошо известна активность александрийских мореплавателей, а если учесть, что Птолеми в течение всего III в. до н.э. обладали рядом городов в Северной Эгееде, то вероятность их путешествий в район Западного и Северо-Западного Понта представляется вполне реальной. Таким образом, весь круг фактов, охватывающих в целом Северо-Западное Причерноморье, свидетельствует о контактах этого региона с Александрией уже в III в. до н.э.

И, скорее всего, Ольвия продолжала поддерживать контакты с Александрией до гетского разгрома (48 г. до н.э.), хотя и не в том объеме, как в III в. до н.э. С конца III в. до н.э. Ольвия вступает в период кризиса, который завершился трагическими событиями 48 г. до н.э. Все это, безусловно, негативно сказалось и на торговых связях Ольвии, диапазон которых значительно сократился.

Таким образом, при исследовании внешних связей полиса Ольвия с греческими цен-

трами анализ собранного археологического материала доказывает важнейшую роль в тесных отношениях отдаленного греческого полиса с городами обширного ареала распространения античной цивилизации. Важная роль Ольвии в первую очередь в торговой сфере объясняет распространение в отдаленном полисе общегреческих монетных систем. Тесные связи Ольвии и городов Греции не только отразились в некоторых намеках античной литературной традиции, но находят поддержку со стороны археологии, эпиграфики и нумизматики. Нумизматический материал дает прямые доказательства связей полисов, находившихся на основных торговых путях Греции. Стиль изготовления ряда керамических сосудов, найденных в Ольвии, прямо свидетельствует не только об активной торговле и влиянии греческой культуры на северные районы Черного моря, но часто заставляет увидеть генетическую связь керамики различных центров античного мира. Существование культов египетских божеств на северном побережье Понта доказывает не только экономические аспекты отношений Ольвии с центрами греческого мира, но и выявляет тесные культурные связи полисов, ярко выраженные в религиозном направлении.

Заключение. В результате греческой колонизации большинство городов Греции вывели свои колонии в достаточно отдаленные регионы. Несмотря на свою удаленность от полисов Средиземного моря, Ольвия занимала во внешних связях Северного Причерноморья со средиземноморскими полисами важное, а часто и одно из главных мест. Большинство полисов Средиземноморья – от небольших островных и до центральных греческих – были так или иначе заинтересованы в отношениях с Ольвией, которая была для них важным торговым партнером и играла одну из решающих ролей в поставках хлеба. Внешнеэкономические отношения также подкреплялись политическими и культурными связями, которые объединяли отдаленные территории греческого мира в единый ареал античной цивилизации.

Литература

1. Зограф, А.Н. Античные монеты / А.Н. Зограф // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1951. – Т. 16. – С. 42.
2. Каришковський, П.Й. З історії зовнішньополітичних зв'язків Ольвії. Ольвія та Родос / П.Й. Каришковський // Одеський державний археологічний музей: матеріали з археології Північного Причорномор'я. – 1959. – Вип. II. – С. 73.
3. Крушкол, Ю.С. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом / Ю.С. Крушкол // Вестн. древней истории. – 1957. – № 4. – С. 111.
4. Шелов, Д.Б. Монетная система городов Боспора в VI–V вв. до н.э. / Д.Б. Шелов // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1951. – № 19. – С. 134.
5. Брашинский, И.Б. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом / И.Б. Брашинский // Краткие сообщения Института археологии. – 1967. – Вып. 109. – С. 23.
6. Бондарь, М.М. До питання про торговельні зносини Ольвії в VI–I ст. до н.е. / М.М. Бондарь // Археологія. – 1954. – Вип. IX. – С. 171.
7. Шургая, И.Г. О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху / И.Г. Шургая // Вестн. древней истории. – 1972. – Вып. 3. – С. 18.
8. Блаватский, В.Д. История античной расписной керамики / В.Д. Блаватский. – М.: МГУ, 1953. – С. 276.
9. Книпович, Т.Н. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья / Т.Н. Книпович // Советская археология. – 1941. – Вып. VII. – С. 143.
10. Зайцева, К.И. Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры) / К.И. Зайцева // Труды Гос. Эрмитажа. – 1962. – Вып. VII. – С. 184.
11. Максимова, М.И. Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры / М.И. Максимова, М.А. Наливкина. – М.–Л.: АН СССР, 1955. – Т. 1. – С. 303.
12. Сонни, А.И. К вопросу о культе египетских божеств на северном побережье Черного моря / А.И. Сонни // Филологическое обозрение. – 1893. – Т. V. – С. 54.

Поступила в редакцию 06.05.2015 г.

УДК 94(476)“1941/1945”:069:351.853

Дзейнасць Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры па ўвекавечанні памяці аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны (1966–1991 гг.)

Пастэрнак Г.М.

Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава», Віцебск

Адзінай у БССР грамадскай арганізацыяй, якая актыўна пачала займацца пытаннямі па ўвекавечанні памяці аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны, было Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры (БДТАПГіК).

Мэта артыкула – правесці аналіз працы БДТАПГіК па ўвекавечанні памяці аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны на аснове вывучэння дакументальнага матэрыялу, які захоўваецца ў дзяржаўных архівах Рэспублікі Беларусь.

Матэрыял і метады. *Даследаванне падрыхтавана на падставе архіўных матэрыялаў з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці, Дзяржаўнага архіва Гомельскай вобласці, Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці, перыядычнага друку і матэрыялаў, якія выдаваліся Беларускаім добраахвотным таварыствам аховы помнікаў гісторыі і культуры. Выкарыстоўваліся гісторыка-апісальны, гісторыка-генетычны і гісторыка-параўнальны метады.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Звяртаецца ўвага на асноўныя формы працы БДТАПГіК па ўвекавечанні памяці аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны: агляды і конкурсы; месячнікі і тыдні па добраўпарадкаванні помнікаў; фінансаванне работ па замене, рэканструкцыі, рамонце помнікаў і памятных месцаў баявой славы савецкага народа; выяўленне неведомых месцаў пахаванняў загінуўшых воінаў і партызан у час Вялікай Айчыннай вайны і ўсталяванне іх імёнаў; асвятленне помнікаў баявой славы савецкага народа ў друку, на радыё і тэлебачанні.*

Заклучэнне. *Падкрэсліваецца, што дзейнасць па ўвекавечанні памяці аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны была найважнейшым напрамкам працы Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры.*

Ключавыя словы: *Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры, помнікі гісторыі і культуры, увекавечанне, падзеі і героі Вялікай Айчыннай вайны.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 65–69)

Activity of Belarusian Voluntary Society on Preservation of Monuments of History and Culture on Commemorating Events and Heroes of Great Patriotic War (1966–1991)

Pasternak G.M.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

The only public organization in BSSR, which was actively involved in commemorating events and heroes of the Great Patriotic War, was Belarusian Voluntary Society on Preservation of Monuments of History and Culture (BVSPMHC).

The purpose of the article is to analyze work of BVSPMHC on commemorating events and heroes of the Great Patriotic War on the basis of studying documents kept at State archives of the Republic of Belarus.

Material and methods. *The study is prepared on the basis of archive materials from National Historical Archive of Brest Region, State Archive of Gomel Region, State Archive of Grodno Region, periodicals and materials published by BVSPMHC. Historical and descriptive, historical and genetic as well as historical and comparative methods were used.*

Findings and their discussion. *Attention is paid to basic forms of work of BVSPMHC on commemorating events and heroes of the Great Patriotic War: presentations and contests; months and weeks of refurbishment of monuments; financing replacement, reconstruction of monuments and combat glory sites of the Soviet people; identifying unknown burial places of soldiers and partisans during the Great Patriotic War as well as identification of their names; publications about monuments of combat glory, radio and TV programs.*

Conclusion. *It is concluded that activity on commemorating events and heroes of the Great Patriotic War was the main direction of work by BVSPMHC.*

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: shishkova_nysha@mail.ru – Г.М. Пастэрнак

Key words: *Belarusian Voluntary Society on Preservation of Monuments of History and Culture (BVSPMHC), commemoration, events and heroes of the Great Patriotic War.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 65–69)

Сёмая сесія першага склікання Вярхоўнага Савета БССР (3–5 ліпеня 1945 г., Мінск) прыняла Закон “Аб азнаменаванні перамогі і ўвекавечанні памяці воінаў Чырвонай Арміі і партызан, якія загінулі ў барацьбе з нямецка-фашысцкімі захопнікамі ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза”, што, у сваю чаргу, паклала пачатак працы па ўвекавечанні памяці аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны. Усе гаркамы і райкамы партыі сумесна з савецкімі органамі прымалі пастановы аб афармленні і добраўпарадкаванні брацкіх магіл, аб увекавечанні памяці воінаў Савецкай Арміі і партызан іншымі сродкамі. Адзінай у БССР грамадскай арганізацыяй, якая актыўна пачала займацца такімі пытаннямі, было Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры (БДТАПГіК).

Мэта – правесці аналіз працы БДТАПГіК (далей Таварыства) па ўвекавечанні памяці аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны на аснове вывучэння дакументальнага матэрыялу, які захоўваецца ў дзяржаўных архівах Рэспублікі Беларусь.

Матэрыял і метады. Даследаванне падрыхтавана на падставе архіўных матэрыялаў з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці, Дзяржаўнага архіва Гомельскай вобласці, Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці, перыядычнага друку і матэрыялаў, якія выдаваліся Беларускамі добраахвотным таварыствам аховы помнікаў гісторыі і культуры. У працы выкарыстоўваліся гісторыка-апісальны, гісторыка-генетычны і гісторыка-параўнальны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. У адпаведнасці з пастановай ЦК КПБ і Савета Міністраў Беларускай ССР у снежні 1966 г. было створана Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры, якое аказвала непасрэднае садзейнічанне дзяржаўным органам у захаванні гістарычнай спадчыны і ў далейшым увекавечанні памятных і знамянальных падзей, імёнаў герояў вайны. З гэтай мэтай выкарыстоўваліся разнастайныя формы прыцягнення грамадскасці да выяўлення, вывучэння, уліку, захавання і

выкарыстання помнікаў: агляды і конкурсы; месячнікі і тыдні па добраўпарадкаванні помнікаў; фінансаванне работ па замене, рэканструкцыі, рамонце помнікаў і памятных месцаў баявой славы савецкага народа [1, с. 22]. Неабходна адзначыць, што асабліва шырока і актыўна гэтая праца праводзілася напярэдадні знамянальных і памятных дат.

Трэба сказаць пра значны ўклад Таварыства ў фінансаванне работ па рэстаўрацыі, рэканструкцыі, замене і добраўпарадкаванні помнікаў гісторыі і культуры. У перыяд з 1970 па 1986 г. на гэтыя мэты было выдзелена больш за 7 млн рублёў. Значная колькасць помнікаў была збудавана і перабудавана пры долевым удзеле БДТАПГіК. Напрыклад, са сродкаў Брэсцкага абласнога савета 7992 рублі было затрачана на манументальны помнік гераічнага кулямётнага разліку ў вёсцы Каменюкі Камянецкага раёна; 6792 рублі – на манументальны помнік на месцы спаленай вёскі Боркі Маларыцкага раёна. На стварэнне алеі памяці Герояў пры Пружанскай СШ № 1 і абеліск на пахаванні 50 тысяч мірных жыхароў – ахвяр фашызму ва ўрочышчы Бронная Гара Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці са сродкаў раённых і гарадскіх аддзяленняў было затрачана 5081 рубель і 2000 рублёў адпаведна [2, арк. 14].

Значную працу праводзілі ў перыяд штогадовых вясновых (красавік–май) месячнікаў, падчас якіх праводзілі замену помнікаў, зробленых з нетрывалых матэрыялаў і на нізкім мастацкім узроўні. Так, па Гомельскай вобласці за перыяд месячніка ў 1973 годзе быў арганізаваны неабходны бягучы рамонт 20 помнікаў, у 1975 годзе – зноў пабудаваны і ўстаноўлены: 3 манументы, у тым ліку манумент дружбы народаў на мяжы трох брацкіх рэспублік – РСФСР, УССР, БССР, 5 скульптурных помнікаў, 18 абеліскаў, 27 мемарыяльных дошак, 6 помнікаў ахвярам фашызму – мірным жыхарам [3, арк. 22; 4, арк. 18]. Па выніках красавіка–мая 1974 года ў Брэсцкай вобласці шляхам капітальнага і бягучага рамонту было прыведзена ў парадак 518 памятных знакаў, заменена 11 помнікаў, выкананых на недастатковым мастацкім узроўні, у

1980 годзе – 11 помнікам быў зроблены капітальны рамонт і 452 бягучы [5, арк. 15; 6, арк. 19]. У 1974 годзе, напярэдадні святкавання 30-годдзя вызвалення БССР ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў, пры ўдзеле мясцовых саветаў Таварыства ў рэспубліцы было ўпарадкавана 3906 месцаў пахаванняў, адрамантавана больш за 400 і збудавана 20 новых помнікаў на магілах воінаў Савецкай Арміі і партызан [7, с. 34].

З 1983 г. праводзіўся рэспубліканскі грамадскі агляд добраўпарадкавання памятных месцаў і помнікаў баявой і працоўнай славы савецкага народа. Толькі за наступныя два гады з выдаткаваных сродкаў Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры ў памеры 373,2 тысячы рублёў было збудавана, рэканструявана і заменена 435 памятных знакаў і абеліскаў, устаноўлена 156 мемарыяльных дошак [1, с. 23].

Імкненне грамадскасці больш ведаць пра людзей, чымі імёнамі названы вуліцы, плошчы, бульвары і паркі, беражлівыя адносіны да рэвалюцыйных, баявых і працоўных традыцый прадыхавалі яшчэ адну форму працы, якая мела вялікае выхаваўчае значэнне, – свята вуліц. Напярэдадні, як правіла, праводзілася вялікая пошукавая праца, дзякуючы якой вывучаліся жыццё і дзейнасць герояў, чые імёны насілі вуліцы. Найбольш актыўна і шырока падобныя святы жыхароў вуліц (вул. Перамогі, вул. імя Ракасоўскага, імя Братоў Лізюковых) адбываліся ў г. Гомелі. Падчас мерапрыемстваў выступалі ветэраны Вялікай Айчыннай вайны, прадстаўнікі партыйных і камсамольскіх арганізацый, ускладалі кветкі ля мемарыяльных дошак, выступалі калектывы мастацкай самадзейнасці, праходзілі святочныя шэсці па вуліцах і спартыўныя спаборніцтвы [4, арк. 14]. Падобныя святы не толькі абуджалі цікавасць да гісторыі горада, але і спрыялі добраўпарадкаванню вуліц і развіццю грамадскай ініцыятывы.

Абласныя аддзяленні БДТАПГіК сумесна з мясцовымі органамі савецкай улады, ваенкаматамі, камсамолам, пошукавымі атрадамі навучальных устаноў і працоўных калектываў праводзілі шматбаковую працу па выяўленні невядомых месцаў пахаванняў загінуўшых воінаў і партызан у час Вялікай Айчыннай вайны і ўсталяванні іх імёнаў. Яскравым прыкладам у гэтым напрамку

з’яўляецца дзейнасць Гомельскага абласнога аддзялення. Яна была распачата ў 1975 годзе з выяўлення месцаў пахавання каля 170 раней невядомых загінуўшых воінаў, партызан і падпольшчыкаў, 6 новых пахаванняў, у якіх знаходзяцца астанкі каля 100 воінаў, партызан і падпольшчыкаў [3, арк. 26]. Кожны год усталёўваліся прозвішчы раней невядомых воінаў, пахаваных на Гомельскай зямлі. У 1986 г. выявілі 258 такіх прозвішчаў, у 1987 – 162, у 1988 – 114 [8, арк. 14]. У выніку праведзенай работы да 1989 года ў вобласці амаль скончылі занясенне на абеліскі і мемарыяльныя пліты прозвішчаў вядомых воінаў Савецкай Арміі, партызан і падпольшчыкаў, пахаваных у брацкіх і адзіночных магілах. Калі ў 1986 годзе не было занесена на абеліскі і мемарыяльныя пліты больш за 28 тыс. прозвішчаў вядомых воінаў, то на 1 мая 1989 года засталася ўсяго занесці 2826 вядомых прозвішчаў [8, арк. 14].

Ва ўсіх гарадскіх і раённых аддзяленнях Таварыства сумесна з органамі Міністэрства культуры БССР і саветамі ветэранаў вайны праводзіліся сустрэчы і тэматычныя вечары. У гомельскім Кастрычніцкім райаддзяленні Таварыства правялі больш за 20 падобных сустрэч і вечароў: “Подвиг отцов в наследие сыновьям”, “Они сражались за Родину”, “Их имена овеяны славой” і інш. [4, арк. 13]. Тэматычныя вечары і сустрэчы з удзельнікамі вызвалення БССР і Гродзеншчыны, ветэранамі Вялікай Айчыннай вайны абласное аддзяленне Гродзенскай вобласці арганізоўвала непасрэдна для выпускнікоў 8–10 класаў васьмігадовых і сярэдніх школ вобласці, а для навучэнцаў 6–7 класаў сярэдніх школ Ленінскага раёна – цыкл вечароў “Никто не забыт, ничто не забыто” [9, арк. 8–9].

Удасканалывалася праца па стварэнні лектарскіх груп па прапагандзе ведаў аб помніках і наладжванні рэгулярнага чытання лекцый і дакладаў на ваенна-патрыятычныя тэмы [10, арк. 1, 3, 7]. Так, за 1974 г. лектарамі рэспубліканскіх, абласных, гарадскіх і раённых бюро прапаганды ведаў аб помніках гісторыі і культуры было прачытана 19718 лекцый [11, арк. 3]. Больш за 70% усіх лекцый – па спецыяльна распрацаванай тэматыцы, якая ўключала ў сябе наступныя тэмы: “Помнікі і памятныя мясціны Беларускай аперацыі”, “Помнікі вайскавай славы савецкага народа”, “Героі Савецкага Саюза – нашы землякі”, “Партызанскі рух у Беларусі: помнікі і

памятных месцы”, “Камуністычнае падполле Беларусі ў помніках і манументах”, “Помнікі ахвярам фашызму на тэрыторыі Беларусі”, “Нашы землякі – героі вызвалення Беларусі”, “Перамога савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне” і інш. [11, арк. 4–5]. Напярэдадні 40-годдзя Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне лектары БДТАПГіК выступілі ў час правядзення 153 лекторыяў, 105 кіналекторыяў і прачыталі 51 цыкл лекцый па тэматыцы “Нягаснучы подзвіг народа” і “Навечна ў памяці народнай” [1, с. 25].

Значная ўвага надавалася і друкаванай прапагандзе. Па лініі Таварыства распрацоўваліся і накіроўваліся ў раёны метадычныя распрацоўкі, навукова-метадычныя і даведачныя матэрыялы аб помніках гісторыі і культуры. Выдаваліся даведнікі і фотаальбомы аб мемарыяльных комплексах, буклеты аб Героях Савецкага Саюза, брашуры аб удзельніках партызанскага руху і камуністычнага падполля (за 1981–1984 г. выпушчана ў свет больш за 150 такіх матэрыялаў) [10, арк. 5, 7; 12, с. 27]. Непасрэдна раённымі і гарадскімі аддзяленнямі Таварыства выдаваліся плакаты, лістоўкі, буклеты: “Зыслаў – востраў партызанскі” (г. Любань); “Слутчина помнит своих освободителей”, “Минщина помнит” (Мінскі раён); “Они сражались за Родину” (Смалявіцкі раён); “Жывым і мёртвым нескаронам удзячнай памяці вякі!” (Шаркаўшчынскі раён); “Ничто не забыто, никто не забыт” (Глыбоцкі раён) і інш. [11, арк. 5].

Шмат увагі надавалася асвятленню помнікаў баявой славы савецкага народа ў друку, на радыё і тэлебачанні. З 1970 года штоквартальна выдаваўся інфармацыйны навукова-метадычны бюлетэнь БДТАПГіК “Помнікі гісторыі і культуры Беларусі”, дзе рэгулярна размяшчаліся артыкулы, нарысы, інфармацыя пра помнікі баявой славы і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны. На старонках брэсцкай абласной газеты “Заря” ў 1973 годзе з’явілася 15 асобных рубрык, прысвечаных перыяду Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гг. [5, арк. 6–7]. На радыё і тэлебачанні раз у месяц рыхтавалі выступы з мэтай выхавання пачуццяў гонару за сваю Радзіму, павагі да годных старонак мінулага сваёй краіны, за свой народ, за яго вялікія здзяйсненні [11, арк. 6]. У перыяд падрыхтоўкі да 30-годдзя Перамогі абласная

газета “Гомельская правда” і ўсе раённыя газеты Гомельшчыны рэгулярна змяшчалі на сваіх старонках матэрыялы пад рубрыкай “Памятники рассказывают” [3, арк. 29]. Тэматычныя перадачы, прысвечаныя вызваленню БССР ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў, былі падрыхтаваны і праведзены ў г. Баранавічы: “Их именами названы улицы”, “В памяти народной”, “Герои Советского Союза – наши земляки” [5, арк. 8]. Амаль што ва ўсіх раённых газетах Гродзенскай вобласці да 40-годдзя вызвалення БССР была размешчана рубрыка “Подвиг”. На абласным тэлебачанні паказалі сем тэлеперадач альманаха “Наследие”, а на абласным і раённым радыёвяшчанні арганізавалі 114 радыёперадач [12, арк. 169].

Важная роля ў распаўсюджванні ведаў пра помнікі гісторыі і культуры належала навукова-практычным канферэнцыям, непасрэдна удзел у арганізацыі якіх прымала Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры. Трыццацігоддзю вызвалення БССР ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў была прысвечана рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыя “Использование памятников истории и культуры в коммунистическом воспитании трудящихся”, што праходзіла ў г. Гомелі. У прынятых на ёй рэкамендацыях ішла гаворка пра неабходнасць больш актыўнага выкарыстання ў выхаваўчай працы звестак пра помнікі рэвалюцыйнага мінулага, працоўнай славы, грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў [1, с. 25]. У верасні 1975 года ў Брэсце і Мінску праходзіла міжнародная навуковая канферэнцыя “Памятники борьбы и победы”. У яе рабоце прынялі ўдзел вядомыя навукоўцы-мастацтвазнаўцы, мастакі, скульптары, архітэктары з Савецкага Саюза, ГДР, Польшчы, Балгарыі, Румыніі, Венгрыі, Чэхаславакіі, Манголіі. У заслуханых дакладах быў абагульнены вопыт стварэння помнікаў у сацыялістычных краінах, зроблены глыбокі аналіз развіцця манументальнай прапаганды [1, с. 26]. А да 40-годдзя вызвалення БССР сумесна з кафедрай гісторыі БССР Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта і кафедрай гісторыі КПСС Гродзенскага сельскагаспадарчага інстытута ў г. Гродна і г. Ліда былі праведзены навукова-практычныя канферэнцыі на тэму “Памятники Великой Отечественной войны в Белоруссии и на Гродненщине и их роль

в коммунистическом воспитании молодежи” [9, арк. 8].

Заклучэнне. Такім чынам, дзякуючы намаганням Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры была адрамантавана, добраўпарадкавана, рэстаўравана і заменена значная колькасць помнікаў і памятных месцаў баявой славы. Праводзілася праца па стварэнні лектарскіх груп па прапагандзе ведаў аб помніках і наладжванні рэгулярнага чытання лекцый і дакладаў на ваенна-патрыятычныя тэмы. Членамі Таварыства праводзілася шматбаковая праца па выяўленні неведомых месцаў пахаванняў загінуўшых воінаў і партызан у час Вялікай Айчыннай вайны і ўсталяванні іх імёнаў. Пры падтрымцы БДТАПГіК былі выдадзены тэматычныя плакаты, лістоўкі і буклеты. Дзейнасць па ўвекавечанні памяці аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны была найважнейшым напрамкам працы Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры, якое ўнесла важкі ўклад у ажыццяўленне дзяржаўнай палітыкі па дастойным ушанаванні герояў і ахвяр вайны.

Літаратура

1. Ракашевич, В.К. В памяти и сердце народа / В.К. Ракашевич; Респ. совет Белорус. добр. о-ва охраны памятников истории и культуры. – Минск: Полюмя, 1986. – 36 с.
2. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 155. – Воп. 1. – Спр. 84: Годовой отчет областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры за 1975 год.
3. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці (ДАГВ). – Ф. 727. – Воп. 1. – Спр. 25: Отчеты, справки о работе областного и районных советов Общества за 1975 год.
4. ДАГВ. – Ф. 727. – Воп. 1. – Спр. 19: Отчеты о работе областного и районных советов Общества охраны памятников истории и культуры за 1973 год.
5. ДАБВ. – Ф. 155. – Воп. 1. – Спр. 62: Отчет о работе областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры за 1973 год.
6. ДАБВ. – Ф. 155. – Воп. 1. – Спр. 142: Отчет о работе областного отделения за 1980 год.
7. Историческое краеведение Белоруссии: учеб. пособие для исторических факультетов вузов республики; под ред. Э.М. Загорюльского. – Минск: Изд. БГУ им. В.И. Ленина, 1980. – 263 с.
8. ДАГВ. – Ф. 727. – Воп. 1. – Спр. 53: Информации о работе Гомельского областного отделения Общества за 1989–1990 гг.
9. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГрВ). – Ф. 224. – Воп. 1. – Спр. 143: Документы об итогах общественного смотра памятников истории и культуры, посвященного 40-летию освобождения БССР (информации, списки и др.) за 1984 год.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 492. – Воп. 2. – Спр. 8: Планы работы республиканского и областных бюро на 1974 год.
11. НАРБ. – Ф. 492. – Воп. 2. – Спр. 11: Отчеты республиканского и областных бюро о работе за 1974 год.
12. ДАГрВ. – Ф. 224. – Воп. 1. – Спр. 69: Документы о работе молодежной секции (протоколы, справки и др.) за 1975–1987 года.

Паступіў у рэдакцыю 30.04.2015 г.

Социальное и правовое положение низшего духовенства в Галицкой Руси в конце XIV – начале XVI в. К постановке проблемы

Хомяк М.В.

Институт украиноведения им. И. Крипякевича НАН Украины, Львов (Украина)

В статье на основе польской и украинской научной литературы, как современной, так и достижений историографии начала XX в., осуществлена попытка выделить ключевые факты и явления, которые дают возможность более четко представить положение низшего духовенства в социальном и правовом пространстве на территории западноукраинских земель в XV в.

Цель – изучение особенностей социального и правового положения низшего духовенства в Галицкой Руси, а также организации сети храмов, статуса священника, его роли в повседневной жизни.

Материал и методы. *Объектом исследования является социальное и правовое положение низшего духовенства в Галицкой Руси в конце XIV – начале XVI в., предметом – особенности социально-правовых функций священников, их место в духовных и/или светских судах. Данный обзор подготовлен на основе научных работ И. Крипякевича, А. Петрушевича, В. Площанского, К. Соханевича, И. Шараневича и др.*

В исследовании использованы методы системно-структурного анализа, сравнительно-описательный подход.

Результаты и их обсуждение. *Акцент сделан на проблеме правовых функций священнослужителей, главным образом – их участия в разводах. Это в известной степени способствует пониманию противостояния светского и церковного права. Низшее духовенство зачастую появлялось в актах продажи и купли; данный материал дает представление о материальном положении приходов (парохий, парафий) и священников, подтверждает тезис о существовании своеобразных священнических «династий» уже в XV веке.*

Заключение. *Потеря собственной государственности обернулась для русинов в Галицкой Руси ощутимым упадком. Священники не были исключением: они теряют свое прежнее социально-правовое положение. Тем не менее, не стоит представлять упадок местной православной церкви как катастрофический. Уже к концу XV в. местная церковь находит пути к своему возрождению в последующие века.*

Ключевые слова: *низшее духовенство, православное духовенство, священник, светский суд, духовный суд.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 70–76)

Social and Legal Status of the Lower Rank Clergy in Galician Russia in the late XIV – early XVI century. On the Statement of the Issue

Khomiak M.V.

NAS I. Krypyakevich Institute of Ukrainian Studies, Lvov (Ukraine)

In the article on the basis of the Polish and Ukrainian scientific literature, both modern and achievements of the early twentieth century historiography, attempt is made to highlight key facts and events which make it possible to present more clearly the position of the lower rank clergy in the social and legal environment on the territory of Western Ukraine in the XV century.

The purpose of the research is the study of features of social and legal status of lower clergy in Galician Russia as well as of setting up a network of churches, the status of the clergyman, his role in everyday life.

Material and methods. *The object of this study is the social and legal status of the lower clergy in Galician Russia in the late XIV – early XVI century. The subject of research is the peculiarities of social and legal functions of the priests, their place in the spiritual and/or secular courts. This review is based on studies by I. Krypiakievych, A. Petrushevych, V. Ploshchanski, K. Sokhanevich, I. Sharanevich and others.*

In the study methods of systematic structural analysis and comparative descriptive approach are used.

Findings and their and discussion. *Particular attention is paid to the legal functions of priests, mostly – their participation in the divorce. This, to some extent, gives insight about the confrontation between the secular and ecclesiastical*

Адрес для корреспонденции: e-mail: khommarian@i.ua – М.В. Хомяк

law. Lower rank clergy often operated in acts of sale and purchase. This material provides insight into the financial situation of parishes and priests, confirms the thesis of the existence of a peculiar priestly «dynasties» in the XV century.

Conclusion. The loss of their own state turned for Russians in Galician Russia a palpable decline. Priests were no exception: they lost their previous social and legal status. However, one shouldn't represent the decline of the local Orthodox Church as catastrophic. By the end of the XV century local church finds ways to its rebirth in the ensuing centuries.

Key words: lower rank clergy, Orthodox clergy, priest, secular court, spiritual court.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 70–76)

В истории Киевской Церкви низшее духовенство, пожалуй, наиболее было обделено вниманием. Когда речь идет о позднем средневековье, то изучение роли священников в тогдашней общественной жизни осложняется отсутствием необходимого исходного материала. Не так много свидетельств, дошедших до нашего времени, прямо касается приходов и их настоятелей. Историкам приходится без преувеличений «выщипывать» отдельные факты и обосновывать многочисленные предположения.

Цель – изучение особенностей социального и правового положения низшего духовенства в Галицкой Руси, а также организации сети храмов, статуса священника, его роли в повседневной жизни. Определенные представления нам может дать участие священнослужителей в духовных и/или светских судах, главным образом по делам разводов.

Материал и методы. Объектом исследования является социальное и правовое положение низшего духовенства в Галицкой Руси в конце XIV – начале XVI в., предметом – особенности социально-правовых функций священников, их место в духовных и/или светских судах. Данный обзор подготовлен на основе научных работ И. Крипякевича, А. Петрушевича, В. Площанского, К. Соханевича, И. Шараневича и др.

В исследовании использованы методы системно-структурного анализа, сравнительно-описательный подход.

Результаты и их обсуждение. Историки прилагают немало труда, чтобы объяснить те или иные явления в истории Галицкой Руси в период ее вхождения в состав Польского королевства. Естественно, что церковь, ввиду ее значения в средневековье, занимает в исследованиях очень важное место. Тем не менее, остается много вопросов, которые в настоящее время не столь популярны среди ученых; в их числе – социально-правовое положение и функционирование низшего духовенства.

Несомненным остается утверждение, что к концу XIV в. на землях Галицкой Руси уже сложилась густая сеть церквей. Известный

польский исследователь С. Будзинский совершил попытку подсчета их количества для Перемышльской и Сяноцкой земель. Опираясь на налоговые реестры 1507, 1510, 1511, 1512 и 1517, а также дополнительно – налоговые списки с 1526 и 1530, он установил, что в пределах обеих земель в начале XVI в. было 477 церквей. Ученый обратил внимание, что это число не включает те церкви, которые функционировали в городах, где их могло быть больше одной. Более того, в XV в. могло существовать немало и таких храмов, найти следы которых в источниках практически невозможно. Татарские и валашские набеги 1498–1502 гг. привели к катастрофическим последствиям, опустошениям городов и сел. С этого периода в налоговых регистрах нет упоминаний о многих храмах: запустевшие, они уже не интересовали налоговых сборщиков [1, s. 138–139].

Поэтому С. Будзинский предполагает, что в Перемышльской епархии на рубеже XV–XVI вв. должны были существовать 550–600 церквей [1, s. 139].

Сельский приход формировался на протяжении достаточно длительного времени, и только в таком ключе, оценивая целые века, можно уловить важные изменения в его развитии. В XII–XIII вв. сельский приход был организован как уезд (переезд), который охватывал значительное количество поселений. Приход («уезд», «предел») – этим термином называют канонические памятники Киевской Руси и их более поздние редакции XIV–XVI вв. Во Львовской епархии слово «предел» для обозначения прихода как локального центра христианского культа бытовало в нормативных актах вплоть до середины XVII в., хотя наиболее употребляемым здесь (особенно во второй четверти XVI в.), как свидетельствуют местные канонические памятники, было слово «приходь». Такой церковный округ был достаточно большой, на его территории могли функционировать несколько храмов. Обычный приход в Юго-Западной Руси в это время покрывал территорию в 70–80 км и возглавлялся священником. Учитывая

протяженность такой протопопии, священники были вынуждены переезжать с места на место (отсюда и название – «переезд»), чтобы иметь возможность предоставлять пастырскую опеку всем своим «духовным детям», отправляя богослужения и разделяя Св. Тайны [2, с. 477–478]. Следует однако отметить, что число населенных пунктов не было большим, и те локационные инициативы, которые принимались в XV в., не дали того результата, что в XVI – первой половине XVII в.

С ростом количества построенных церквей (как предполагают исследователи, их число существенно увеличилось с конца XIII в.) площадь уездов (переездов) уменьшалась, поэтому светские и духовные власти начали принимать меры, призванные зафиксировать границы новых церковных округов-уездов, в том числе с целью упорядочения приходской жизни и доходов клира. Как считает Дмитрий Баловнев, с конца XIV в. церковные округа становятся меньше, и с тех пор «начинается становление современной территориально-административной структуры Церкви». В Галицкой епархии в течение первого века ее существования функционировали церковные округа, которые по своим размерам и за приходским составом были переходной формой между генеральными и обычными наместничествами-протопопиями. И только со временем они трансформировались в «классическое» среднее звено административного аппарата Восточной церкви, более известное в западном христианстве под названием деканат [2, с. 473–474].

Как утверждает Д. Баловнев, с конца XIV – XV в., во время распространения христианства в самых отдаленных районах, начинает формироваться общество верующих, то есть «люди, которые живут в одной местности, начинают “приходить” в церковь, и таким образом становятся “прихожанами”». Так возникает термин «приход» для обозначения локального сообщества христиан (впервые это понятие фиксируется в источниках под 1485 годом в связи с возведением в Переяславе Рязанской епархии церкви Св. Иоанна Златоуста) [2, с. 478].

Латинская церковь, организационные структуры которой формировались вне реалий Галичины, качественно отличалась от местной православной. В ней, по мнению С. Будзинского, еще со средневековья был характерным тип прихода на несколько сел, который охватывал, таким образом, значительный

комплекс земских имений. Приходы односельские встречались у католиков редко. Обычно они охватывали поселения в хозяйственной плоскости хорошо развитые, заложенные на немецком праве [1, с. 136].

В православной церкви, напротив, установился тип односельского прихода, более того – такого, который охватывал лишь соседнюю местность. Основание нового прихода не требовало даже части тех материальных средств, которые были необходимы при образовании нового костела, возглавляемого плебаном. Церковь основывала, в первую очередь, сельская или городская община, позже – братства, иногда отдельные прихожане, а иногда и миряне – кандидаты в будущие parroхи [1, с. 136]. В процессе локации села, прежде всего на валашском праве, под церковь определяли полдвора. Священники жили преимущественно из тех доходов, которые получали из своих духовных функций. Кроме этого, им предоставлялась определенная часть земли. В селах на валашском праве священник, как правило, получал целый лан. Часто он сам работал на земле. Священники занимались ремеслами, например, содержали мельницы. Некоторые из них ощутимо богатели [3, с. 40].

Существует и другое мнение. Несмотря на то, что в некоторых селах было по несколько православных попов, это необязательно свидетельствует о том, что должно было быть и несколько церквей [3, с. 37].

Низшее духовенство, а речь идет, прежде всего, о священниках, выполняли ряд своих святительских функций и находились, таким образом, максимально близко к своей общине верующих. Священник стоял выше крестьянина, но существенно не превышал его в социально-правовом поле. Есть примеры, когда русский духовный есть кметем, то есть крестьянином, привязанным к земельному участку [4, с. 168]. С конца XV века в источниках появляются свидетельства, подтверждающие существование священников-крестьян. Также часто встречаются факты жалоб со стороны попов, в которых упоминаются телесные повреждения, нанесенные по воле помещиков [5, с. 60]. Священники принадлежали к подданному населению; их вносили в списки наравне с кметями, мельниками, а иногда и вовсе называли холопами. Также следует отметить, что в источниках они всегда выступают солидарно со своей общиной [3, с. 40].

Общественное положение православных священников было ниже, чем латинских ксен-

дзов. К последним употребляли титулы как *persona spiritualis* [3, s. 41]. Православное духовенство в актовом материале «сливается» с массой крестьян. В социально-правовом положении «*popones Ruthenicales*» и «*homines liberi*» ничем существенно не отличались [6, s. 13]. Латинское духовенство не только именовало в своих письмах русские церкви «синагогами», но и русское православное население – «схизматиками» и «язычниками» [7, с. 27]. К примеру, еще в XV–XVI вв. в источниках чаще всего встречается название русской церкви как *ecclesia ritus graeci et ruthenici*; но уже тогда параллельно часто наблюдаем название *synagoga rit. rut.* Что же касается польских законодательных актов, то в них о православных священниках говорят, как о *popones* или *sinagogaе* [5, с. 62].

Уже в начале XV в. источники фиксируют случаи принуждения «русских попов» к хозяйственным работам и уплате налогов (пример прихода Страдче под Львовом, 1416 г.). По наблюдениям М. Грушевского, общераспространенный в XVI в. налог в один золотой с каждого православного храма взимался королевскими сборщиками на территории Галицкого владчества, вероятно, уже во времена Владислава Ягайло. Кроме того, на местное русское население, которое исповедовало славянско-византийский обряд, накладывались налоги в пользу локальных римокатолических приходов. Эта практика, официально подтвержденная королем Владиславом II в феврале 1426 г., известна в Галичине с конца XIV в. [2, с. 329]. В постановлениях чрезвычайных налогов, т.н. фестонов, на русских духовных накладывалась уплата по 8 грошей от лица, когда, между тем, имущество и капиталы других сословий только изредка облагали [4, с. 168].

Место священников в повседневной жизни галицкого (и не только) общества хорошо прослеживается, когда рассмотреть их непосредственные функции. В данном случае обратимся к практике разводов, прежде всего среди крестьян, но также и шляхтичей. Делами супругов занимался старостинский суд. Это, безусловно, противоречило церковным уставам и происходило в ущерб восточной церкви. Также данная практика осуществлялась и против конституции великого князя Витовта, выданной им для исповедников восточной церкви на Литве, Волыни и Подолье, которую король Казимир Ягайлович в 1469 г. подтвердил по просьбе перемышльского епископа

Девоньки для клира Перемышльской епархии [4, с. 119].

Проблема разграничения компетенции светского и духовного суда четко просматривается на материале XIV–XVI вв. из Галицких земель. В эпоху рецепции византийско-церковного права до конца XI в. на Руси компетенция по делам разводов принадлежала светскому суду. Зато с конца XI в. данную компетенцию присваивает духовный суд [8, s. 26]. На практике же нормативные предписания не раз игнорировались.

Разводы в среде шляхты были сложными, и упоминания о них весьма неоднозначны для анализа. К. Соханевич утверждает, что данные процессы, безусловно, иллюстрируют борьбу между принципами светского и духовного судов. Так, процесс развода Ежи Мольчицкого с Белкой Ормянкой был передан духовному суду после того, как предыдущий, созданный в составе львовского воеводы и генерального русского старосты, сандомирского воеводы, судьи Львовской земли и ряда других лиц, признал себя некомпетентным. Очередной – духовный суд – состоял из перемышльского владыки Атаназия; более близкие сведения нам неизвестны. Следует, однако, думать, что такой суд действовал по предписаниям. Компетентным органом, согласно канонам, был епископ с синодом. Вся процедура проходила по сформировавшейся с течением веков практике [8, s. 30].

Некоторые дела разводов рассматривали смешанные суды – духовно-светские. Подобный случай – развод Протазия Бортницкого. Суд, заседавший 17 июня 1450 года, состоял из львовского земского судьи, галицкого подсудка, заместителя гродского судьи и представителя духовенства – «Петра от Св. Юрия». Состав суда, заседавшего на следующий день, был таким: русский воевода и генеральный староста, протопоп Василий, львовский земский судья, галицкий подсудок и девять шляхтичей, из среды которых – бурграбий и львовский подстароста. Суд действовал, как положено духовному суду [8, s. 31].

Отметим попутно, что миряне иногда входили в состав духовных судов, и не только епископских, но и митрополичьих. В 1511 г. виленские мещане подали для решения дело киевскому митрополиту Иосифу Солтану о нарушении их давних прав на избрание священников и управление церковными имениями. В судной грамоте митрополита в перечне состава суда вписали трех землян [9, с. 20].

Для Галицких земель в настоящее время свидетельств о таких правах мирян не обнаружено.

Компетенция в делах разводов была заложена в самом характере заключения супружеских связей. На Галицкой Руси в XV в. даже в среде православной шляхты форма супружества через венчание не была обязательной нормой. Исключением являлось, когда гродский суд требовал в качестве доказательства заключения брака свидетельство священника, а также двух свидетелей этого акта. Наоборот, для шляхты доказательством семейного положения был факт (и акт) выплаты приданого [8, s. 17].

По этому поводу К. Соханевич делает вывод о том, что браки среди крестьян на Галицкой Руси в XV–XVI вв. следует считать «невенчанными связями», что имело, конечно, определенное влияние на отношения супружеской пары между собой (приоритет мужчины и имущественные отношения), также причины и формы разводов [8, s. 17].

На практике же супружество невенчанное и обвенчанное было легальной формой заключения связи, с той лишь разницей, что невенчанное являлось привилегией в том смысле, что легче допускался развод [8, s. 17].

Люстрации с XVI в. дают мало материала для весомых выводов. Но и здесь можно рассмотреть чрезвычайную простоту разводов. Основным условием была выплата т.н. «разводного». Отметим, что популярная на Волыни в XVI в. форма развода через т.н. письмо развода в судебной практике на землях Галицкой Руси в XV в. не встречается. Соханевич приводит причины разводов и выплаты возмещения по материалам некоторых люстраций: а) «gdy który Rusin mąż albo żona gardzą sobą z jakiegokolwiek przyczyny» (самборская люстрация); б) «od swawolnych Rusinów, którzy się rozwodzą ze żonami, biorą z tego, kto da przyczynę» (стрыйская люстрация); в) «gdy który Rusin swawolny chce się rozwieść z żoną, albo także żona z mężem, wszakoż według zwyczaju dawnego złego biorą od takowych zamkowych win po trzy grywny» (галицкая люстрация); г) «ten, który poczną da, winien dać złotych sześć» (калушская люстрация); д) «Ruś swawolna z lada przyczyny z żoną nie chce mieszkać, tedy ten, co da przyczynę do tego, złotych 3» (коломыйская люстрация) [8, s. 18].

Из этого следует, что супруги имели равные права инициировать развод. Все вышеприведенные факты касаются т.н. разводов по вине, тогда как, конечно, должны были суще-

ствовать и разводы без умышленной вины кого-то из сторон [8, s. 18].

Формой развода являлся исключительно судебный приговор замкового старосты. Роли священника здесь совсем не видно. Все уплаты адресовались старосте. Относительно крестьян иногда упоминается и войт, которому отходил третий грош из суммы [8, s. 19, 26].

Роль войта по делам развода среди крестьян в частных владениях подтверждает в Галицкой Руси локационный документ села Мальчицы с 1447 г., где выписаны судебные выплаты, которые ему предназначались: «de omni re judicata tertius denarius, de cunyczta tertius grossus, de concordatione alias smyrnego tertius grossus, de divortionalibus alias rozpustu tertius grossus» [10, № 73]. Участие светской администрации по делам разводов и отсутствие здесь священника, как представителя духовной администрации, вряд ли можно отнести к нововведениям польской администрации и сознательному умалению участия в общественной жизни православного духовенства. Уже согласно Уставу Ярослава, если женщина находилась ночь вне дома мужа, то последний получал право на развод, а жена, как виновная сторона, должна была выплатить вину. Такая норма продолжала существовать длительное время, о чем свидетельствуют упоминания с середины XV в. (судебная записка от 11 мая 1439 г. в галицком гродском суде о побеге Вронки, жены Андрея с Дрогомирчан) [11, № 1882, 2807]. Право обычая принципиально превалировало над каноническим [8, s. 35].

Можно считать, что желание о разводе по соответствующим причинам среди крестьянского люда выражалось в устной форме, по крайней мере, в XV веке точно. В частных владениях развод происходил по согласию владельца [8, s. 19, 20].

Таким образом, в XV–XVI вв. давать развод могли войтовские правительства, которые в королевщинах действовали от имени старосты, в частных владениях – по воле владельца села. Подданный фактически был отстранен из-под юрисдикции церкви по воле собственника или урядника земли [8, s. 27].

Противостояние светского и духовного судов не нашло в это время консенсуса. К. Соханевич предполагает, что когда еще в середине XV в. дела о разводе рассматривал духовный суд, то в конце века эта компетенция перешла к светской власти [8, s. 31–32]. Постепенно православные священники и вовсе теряют места в судах. Из двух записей холм-

ского градского суда за 1428 г. мы знаем, что в числе заседателей-судей наравне с католическими ксендзами присутствовали также православные священники. Но в следующие десятилетия холмское духовенство фигурирует исключительно в роли истцов и ответчиков [5, с. 60].

Неправильно было бы утверждать, что определенно низший общественный статус православного священника в сравнении с католическим ксендзом, а также конкретные ограничения в общественной жизни способствовали тому, что священники обнищали. Они довольно часто появляются в записках из контрактов купли-продажи. И. Крипякевич собрал немало свидетельств подобного характера, которые касались, в том числе, и духовных лиц: «Анна, дочь Сидора, продала Поповы Ивановы свой огород (1513); подле кирпичного имеет участок дяк Иван (1542); на Галицком пригороде Никита Гребеник и Никита дяк, братья Мартина Русина, продают с сестрой Тацею свое поле Федоровы, попу галицкого пригорода (1515); Федор Белинский, поп (очевидно тот же, что и вышеупомянутый), продает Игнатку огород между Станцель-Газом и Альбертом из Литвы (1521); Устиана Пихлева, монахиня, продала Кости дом, что стоит возле Алексея и Занько (1521); поп Василий покупает дом от Беньша Карвата (1513). На ул. Госпитальной имел поп Богоявленской церкви Федор огород между Михаловой и Лозничовой, но продал его Матвеем Озимкову из Самбора (1523)» [12, с. 4, 6, 7, 8, 11].

С контрактов можно сделать вывод, что священники распоряжались своим собственным имуществом. Более того: «недалеко улицы Широкой совет (городской) как “помещики” (дидычи) Богоявленской церкви дал священнику земельный участок до ворот Ильи» (1517) [12, с. 7]. С текста понятно, что земля была передана не церкви, а священнику.

И. Крипякевич приводит еще некоторые данные об имуществе православных священников. Относительно всех этих известий невыясненным остается конкретное место локализации земельных участков. Знаем только, что все данные касаются русинов, которые имели участки в пригороде, за стенами города, как, например, в этом случае: «поп Хома, настоятель городской церкви, покупает от Екатерины Кросенской дом с огородом (1525)». И другой: «... львовский духовный Осип (Иосиф) продает духовному Турашу

двор, принадлежащий церкви Воскресения Господнего в пределах львовского пригорода на вечные времена» [12, с. 12].

Таким же образом действовали высшие иерархи. Перемышльские епископы греческого обряда распоряжаются церковным имуществом, тяготят его, продают и приобретают земские добра. Русские духовные передают по наследству сыновьям свои приходы при церквях. На такое «дидыцтво», среди иных, имели право так называемые «дидычные крилошане». Эти духовные лица еще со времен короля Владислава II поселились в селе Страдч на королевских дворах. Ягайло освободил их от всевозможных тяжестей, которые на них накладывали старосты. Старейшие из общины свидетельствовали, что «дидыцтво» соборного духовенства от непамятных времен в этой семье переходит от отца к сыну [4, с. 124]. Сыновья священников снова становились священниками. Подобная практика имела существенную почву, если учесть социальное положение православного священника. Конечно, были и другие пути: стать простым крестьянином или мещанином в малом городе [3, с. 40–41]. Эти священнические «династии» на Галицких землях существовали и в первой половине XX в.

Некоторые исследователи, в основном польские, видят причины дискриминации православных в Польском королевстве не в конфессиональной принадлежности/взаимоотношениях, а в общественном положении верующих. Связывают это с изменением социального состава верующих Киевской митрополии в целом. Среди них шляхта со временем составляла все меньший процент [2, с. 335].

Русские духовные и исповедники Восточной церкви в Ягеллонский период сохраняют свое отдельное/отрубное положение. Так, львовские русины в церкви св. Николая составляют судебную присягу в порядке, предписанном их обрядом. Уже позже – в 1519 г. – король Сигизмунд распорядился, чтобы русины оказывали судебную присягу в своих церквях, однако уже не по русскому праву и не всей общиной одновременно, но отдельно, слово по слову, как им клятву будут произносить. Это распоряжение касалось конкретно перемышльских русинов [4, с. 124].

Заключение. Несмотря на то, что православная церковь имела более широкую и насыщенную сеть церквей, намного больше прихожан, чем католическая, ее вес в социально-экономической жизни, ее правовое положение

в XV веке значительно ослабели. Низшее духовенство пострадало наиболее сильно, поскольку православная церковь потеряла значительных прихожан. К внутренним причинам острого кризиса, в котором оказалась православная церковь на украинско-белорусских землях под конец XVI в., относим способы управления митрополией и общую систему религиозного просвещения, в которой выделяем и подготовку духовных лиц – священников. Уровень последних в целом не отвечал тем условиям, которые сложились в Польской Короне, а потом и Речи Посполитой. В определенной степени можно утверждать, что невысокий уровень приходского духовенства был отображением его низкого социального статуса. Тем не менее, кризис в церковной жизни в XV столетии не был настолько катастрофичен, как это иногда представляется. С середины столетия появлялись приходские объединения (позднее братства), которые уже в следующем столетии смогли развернуть широкую культурно-образовательную деятельность.

Литература

1. Budzyński, Z. Sieć parafialna prawosławnej diecezji przemyskiej na przełomie XV i XVI wieku. Próba rekonstrukcji na przykładzie rejestrów podatkowych ziemi przemyskiej i sanockiej / Z. Budzyński // Polska–Ukraina: 1000 lat sąsiedztwa / pod red. St. Stępnia. – Przemysł, 1990. – Т. 1: Studia z dziejów chrześcijaństwa na pograniczu etnicznym.
2. Скочиляс, І. Галицька (Львівська) єпархія XII–XVII ст. Організаційна структура та правовий статус / І. Скочиляс. – Львів, 2010.
3. Dąbkowski, P. Stosunki kościelne ziemi sanockiej w XV stuleciu / P. Dąbkowski. – Przemysł, 1922.
4. Шараневич, І. Оглядь внутрішніх відносинь Галицької Русі в другій половині XV столетія / І. Шараневич // Монографії до історії Галицької Русі М. Смирнова, М. Дашкевича и д-ра І. Шараневича. – Тернопіль, 1886.
5. Площанській, В. Прошлое Холмской Русі по архивным документам XV–XVIII вв. и др. источникам. Духовенство. Холмская єпархія православной и бывшей униатской церкви. 1428–1630 / В. Площанській. – Вильна, 1899.
6. Rundstein, S. Ludność wieśniacza ziemi halickiej w wieku XV / S. Rundstein. – Lwów, 1903.
7. Петрушевич, А. Историческое известие о церкви св. Пантелеймона близь города Галича / А. Петрушевич. – Львовь, 1881.
8. Sochaniewicz, K. Rozwody na Rusi Halickiej w XV i XVI wieku // Pamiętnik Historyczno-Prawny / K. Sochaniewicz. – Lwów, 1929. – Т. VII. – З. 3.
9. Левицькій, О. Внутреннее состояніе Западно-Русской Церкви в польско-литовском государствѣ конца XVI в. и Унія / О. Левицькій. – Киевь, 1884.
10. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi śp. Aleksandra hr. Stadnickiego / wydane staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. – Lwów, 1870. – Т. II.
11. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi śp. Aleksandra hr. Stadnickiego / wydane staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. – Lwów, 1886. – Т. XI; Lwów, 1889. – Т. XIV.
12. Крип'якевич, І. Русини властителі у Львові в першій половині XVI ст. / І. Крип'якевич // Наук. зб., присвячений ювілею проф. М.С. Грушевського. – Львів, 1906.

Поступила в редакцію 09.03.2015 г.

УДК 94(476)«1941/1944»:930.2(091)

Организационно-распорядительные документы в системе разведдокументов руководящих органов партизанского движения: виды, структура, информативность

Кулинок С.В.

*Учреждение «Белорусский государственный архив научно-технической документации»,
Минск*

Партизанская разведка была важным и надежным источником получения необходимой информации о противнике для нужд боевой деятельности Красной Армии и соединений «народных мстителей». Она представляла собой комплекс методов сбора, обработки и передачи по назначению сведений об армии противника, его политических, экономических и военных мероприятиях, о военно-политической обстановке на оккупированной врагом территории.

Разведывательные документы фонда Белорусского штаба партизанского движения составляют самостоятельный и значительный по объему комплекс документов. Одной из важнейших групп разведывательных документов являлась организационно-распорядительная, которая касалась вопросов организации разведывательной работы, определения приоритетных направлений ведения разведки, компетенции разведывательных органов и структур.

Цель статьи – рассмотреть основные организационно-распорядительные документы, касающиеся разведывательной деятельности белорусских партизан, определить их виды, структуру и информативный потенциал.

Материал и методы. *Исследование проводилось на основе документов фонда № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) Национального архива Республики Беларусь. Теоретико-методологическую основу данной публикации составило комплексное использование принципов и методов исследования, выработанных исторической наукой.*

Результаты и их обсуждение. *Первые документы, направленные на активизацию борьбы в тылу врага, носили скорее агитационно-пропагандистско-мобилизующий характер, нежели содержали конкретные указания оперативно-разведывательного характера. С весны 1942 г. разрабатываются основные организационно-распорядительные документы по ведению и совершенствованию разведывательной работы партизанских формирований.*

Заключение. *Ключевую роль в подготовке данного вида документов играли разведывательные отделы Центрального и Белорусского штабов партизанского движения (ЦШПД и БШПД). В сентябре 1942 г. был издан приказ Народного комиссара обороны № 00189 «О задачах партизанского движения», который определил основные задачи и направления разведывательной деятельности в тылу врага. Автором отмечается важное направление деятельности БШПД по выявлению и исправлению просчетов и недостатков в разведывательной работе партизан путем составления различного рода рекомендаций и указаний.*

Ключевые слова: *организационно-распорядительные документы, разведывательный отдел, Белорусский штаб партизанского движения, директива, приказа.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 77–84)

Organizational and Administrative Documents in the System of Intelligence Documents of Partisan Governing Bodies: Types, Structure, and Information Content

Kulinok S.V.

Establishment «Belarusian State Archives of Scientific and Technological Documentation», Minsk

Partisan intelligence was an important and reliable source that provided the necessary information about the enemy for the needs of combat operations of the Red Army and units of «national avengers». It was a set of methods for collecting, processing and transmission of information about the destination of the enemy army and also about its political, economic, military activities and political situation on the occupied territory.

Intelligence documents of Belarusian partisan movement headquarters constitute an independent and substantial set of documents. One of the most important groups of the intelligence documents was organizational and administrative; these documents dealt with issues of organizing intelligence work in order to identify priority areas of reconnaissance, competence of the intelligence organs and structures.

Адрес для корреспонденции: e-mail: svkulinok@tut.by – С.В. Кулинок

The aim of the article is to consider the main administrative regulatory documents concerning intelligence activities of Belarusian guerrillas, to define their kinds, structure and information potential.

Material and methods. *The research was conducted on the basis of the documents of Fund 1450 (Belarusian Headquarters of Partisan Movement) of the National Archives of the Republic of Belarus. The theoretic methodological basis of article is made up by the integrated use of the principles and methods of research, elaborated by the historical science.*

Findings and their discussion. *First documents that were aimed at strengthening the struggle in the enemy rear had more propagandist and mobilizing characteristics rather than contained specific operational intelligence guidance. Since the spring of 1942 basic organizational and administrative documents on the maintenance and improvement of intelligence work in the partisan units were developed.*

Conclusion. *The intelligence departments of the Central and Belarusian Headquarters of the partisan movement played the key role in making up the documents. In September 1942 the National Commissar of Defense issued No 00189 Order of «The Tasks of the partisan movement», which defined the main tasks and directions of intelligence activity in the enemy rear. The study shows the importance of Belarusian Headquarters of Partisan Movement for identification and correction errors and deficiencies in the intelligence work of partisans by compiling various kinds of advice and guidance.*

Key words: *organizational and administrative documents, intelligence department, the Belarusian Headquarters of Partisan Movement, directive, order.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 77–84)

Выстроенная вертикаль подчинения разведывательной структуры в партизанском движении далеко не всегда предусматривала единоначалие и единое подчинение. Так, разведывательный отдел (РО) Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) не всегда осуществлял свою деятельность под непосредственным руководством РО Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), а работал напрямую с разведывательными структурами руководящих военных и политических органов: Ставкой Верховного главного командования (СВГК), Главным разведывательным управлением Генерального штаба РККА, Главным политическим управлением РККА, соответствующими отделами органов НКВД и НКГБ, ЦШПД, ЦК КП(б)Б.

Одной из важнейших групп разведдокументов являлась организационно-распорядительная документация. Она выполняла следующие задачи: устанавливала цели и порядок ведения разведывательной деятельности, корректировала ее работу, определяла структуру, компетенцию и функцию исполнительных органов, оперативно направляла разведработу партизанских формирований. К организационно-распорядительным разведывательным документам относятся директивы, приказы, указания и рекомендации по разведработе.

Цель статьи – рассмотреть основные организационно-распорядительные документы, касающиеся разведывательной деятельности белорусских партизан, определить их виды, структуру и информативный потенциал.

Материал и методы. Исследование проводилось на основе документов фонда № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) Национального архива Республики Беларусь. Теоретико-методологическую основу данной

публикации составило комплексное использование принципов и методов исследования, выработанных исторической наукой.

При анализе проблемы мы исходили из принципов историзма, объективности, системности и ценностного подхода. Изучение проводилось с применением традиционных методов.

Принцип объективности предполагает изучение исторических явлений и процессов во всей их сложности, разносторонности и противоречивости. Этим принципом мы руководствовались в ходе изучения каждого отдельного источника при раскрытии достоверности его содержания и выявлении степени объективности отражения в источнике исторической действительности. Особое значение имела реализация принципа объективности при формировании источниковой базы исследования, то есть при выявлении и отборе источников. Исследование осуществлялось с применением таких специально-исторических методов, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный. Кроме того, использовались методологические приемы – анализ, синтез, обобщение и сравнение.

Результаты и их обсуждение. Разведывательные документы, хранящиеся в фонде Белорусского штаба партизанского движения, включают в себя значительную часть организационно-распорядительных документов, регулировавших и направлявших разведывательную деятельность белорусских партизан. Изучение данных документов позволило определить процессы становления, развития и совершенствования разведывательной работы партизан в тылу врага.

Первые документы по развитию партизанского движения («О переходе на подпольную

работу парторганизаций районов, занятых врагом», «Об организации борьбы в тылу врага») появились в самом начале войны и имели скорее агитационно-мобилизующее значение [1, с. 35; 2, с. 23–24]. Данные документы не определяли конкретные оперативно-разведывательные задачи партизанским формированиям. Ничего не было сказано об управлении партизанами и их материальном обеспечении, а также взаимодействии с воинскими частями и подразделениями, попавшими в окружение. Перед партизанами не ставилась задача отрезать вражеские войска от их источников снабжения, что отвергало опыт прошлых войн, рассматривавший коммуникации противника как основной объект партизанских действий. Не было ясности в вопросах структуры и состава подпольных ячеек [3, с. 121]. В директивах отсутствовали какие-либо указания на ведение разведывательной работы.

Подобное положение было вызвано рядом объективных факторов: быстро меняющейся линией фронта, отсутствием централизованного руководства движением и стабильной радиосвязи с «Большой землей», нехваткой квалифицированных кадров. В данный период времени разведывательные мероприятия ограничивались в основном «работой на себя». С созданием ЦШПД и РО в его структуре именно эти органы стали определять основные направления разведывательной работы.

Уже 1 августа 1942 г. начальник ЦШПД П. Пономаренко подписал приказ № 0018 «Об активизации действий партизанских отрядов в тылу врага». Появление такого документа было вызвано тяжелым положением Красной Армии на фронтах, в частности на южном направлении. В связи с этим основным объектом разведывательной и диверсионной деятельности партизан становятся коммуникации противника.

Успешная работа на коммуникациях должна была обеспечить военное руководство точными разведанными о передислокации частей, а также затруднить получение подкреплений противником. Так, второй пункт приказа предписывал «немедленно начать жесточайшие удары по коммуникациям врага, поставив своей задачей не пропустить ни одного поезда с живой силой, техникой и боеприпасами врага к линии фронта» [4, л. 9–10].

Таким образом, ЦШПД оперативно отреагировал на тяжелое положение Красной Армии и направил разведывательную работу

партизан на наиболее важное военное направление.

Своевременной была реакция руководящих партизанских органов и на экономическую и политическую ситуацию на оккупированной территории Беларуси. С первых месяцев оккупации немецкая военная и гражданская администрации начали широкую пропагандистскую кампанию по привлечению местного населения на свою сторону. Это проявилось, прежде всего, в деревне. Уже с лета 1941 года захватчики начали проводить мероприятия по ликвидации колхозного строя и подготовке аграрной реформы. 16 февраля 1942 г. был обнародован закон «О новом порядке землепользования», в котором указывалось, что «целью нового порядка землепользования является единоличное пользование землей» [5, л. 119]. И хотя результаты данной реформы на территории Беларуси были незначительны и носили скорее декларативный характер, такая ситуация потребовала от Главного политического управления Красной Армии немедленной и оперативной реакции для получения точных разведанных экономического характера о положении на оккупированной территории. Это позволило бы правильно скорректировать ведение контрпропагандистской работы в тылу врага.

Реакцией на проводимые оккупантами экономические и политические преобразования стало появление нескольких важных организационно-распорядительных документов. В начале 1942 г. был составлен «Примерный перечень вопросов работы отделения политотдела армии по партийно-политической работе среди населения временно оккупированных районов, частей Красной Армии и партизанских отрядов, действующих в тылу противника», который учитывал новые запросы военного и политического руководства и охватывал широкий круг вопросов оперативного, политического и разведывательного характера. Новый документ имел объем 8 машинописных листов, а вопросы были разбиты на восемь тематических разделов: «Руководство партийно-политической работой в частях Красной Армии, действующих в тылу врага», «Помощь в организации партийно-политической работы в партизанских отрядах», «Руководство партийно-политической работой среди населения оккупированных областей», «Организация партийно-политической работы среди населения освобожденных районов», «Собирание фактис-

кого материала о зверствах, насилиях, издевательствах над советским населением и военнопленными», «Распространение агитационной литературы», «Обобщение опыта партийно-политической работы в партизанских отрядах и частях Красной Армии, действующих в тылу», «Организационные вопросы» [6, л. 59–60].

27 июля 1942 г. утвердили «Примерный перечень вопросов по организации политической и экономической разведки в районах, временно оккупированных врагом». В начале документа указывалось, что «политическую и экономическую разведку в тылу врага восьмые отделения Политотделов армий должны проводить повседневно и в широких масштабах. Отделения обязаны иметь полное представление о политических и экономических мероприятиях, проводимых немецким командованием и оккупационными властями перед участком фронта армии» [6, л. 81]. Рекомендовалось на основе данных политразведки завести учет всех политических и экономических изменений по отдельным районам и крупным населенным пунктам и составлять обобщающий материал по этим вопросам. Используя полученные материалы, сотрудники восьмого отделения должны были коренным образом улучшить контрпропаганду среди населения.

Основная часть документа состояла из перечня вопросов и рекомендаций по ведению политической и экономической разведки, объединенных в пять разделов: «Вопросы политической разведки», «Экономическая разведка», «Отношение немецкого командования к военнопленным», «Источники получения разведанных», «Оформление материалов по политразведке».

В вопросах политической разведки рекомендовалось направить усилия на анализ проводимой немецким руководством политики в оккупированных районах и отношения местного населения к данным мероприятиям. В частности, особое внимание необходимо было уделить формированию органов управления (бургомистры, старосты, полицейские), возникновению контрреволюционных и националистических организаций, их программам, воззваниям, директивам, формам борьбы. Ставилась задача собирать информацию об отношении немецких властей к культурным и бытовым нуждам населения, о зверствах, грабежах, насилиях, методах ведения оккупантами агитации и пропаганды.

Раздел «Экономическая разведка» включал вопросы, связанные с восстановлением про-

мышленных предприятий методами привлечения и снабжения рабочих, эксплуатации последних (зарплаты, продолжительность рабочего дня, репрессии). Другая часть вопросов охватывала сельскохозяйственную сферу: отношение крестьян к новым формам земельного пользования (аграрной реформе 1942 г.), мероприятия оккупантов по уборке урожая и подготовке паров под зябь, предоставление крестьянам кредитов и сельскохозяйственных машин, весенний сев 1942 года [6, л. 82–83].

Четвертый раздел документа прописывал источники получения разведанных: опрос военнопленных и лиц, вышедших из тыла противника, использование документации немецких штабов и гражданских властей (приказы, распоряжения, листовки, объявления, письма и др.), специально переброшенные в тыл политработники.

Все документы немецкого командования по вопросам политического и экономического характера, донесения разведчиков, выдержки из допросов бывших военнопленных должны были немедленно высылаться в Политуправление фронта, а при восьмых отделениях оставались копии наиболее важных документов для применения их в пропагандистских целях. Рекомендовалось также ведение на каждый район и крупный населенный пункт специальных формуляров, в которые должны были заноситься все факты и разведанные [6, л. 83–84].

Централизация партизанского движения и создание его руководящих органов, быстрый рост численности отрядов и бригад, необходимость в определении векторов развития борьбы в тылу врага требовали появления программного документа по развитию партизанского движения.

5 сентября 1942 г. вышел приказ Народного комиссара обороны И. Сталина № 00189 «О задачах партизанского движения». Данный документ имел важнейшее значение, так как определял ключевые и стратегические направления развития партизанского движения, а также нес мобилизационно-патриотическую функцию по привлечению большего количества населения к борьбе в тылу врага [4, л. 1–2].

В приказе № 00189 ставились основные задачи партизанских действий: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецких властей.

Основная часть документа содержала развернутые указания по ведению партизанской борьбы на временно оккупированной территории СССР, состоящие из 10-ти пунктов и охватывающие все сферы деятельности и борьбы. Наиболее объемным и подробным был пункт № 9, который касался вопросов ведения разведки. В частности, в этом пункте ставилась задача партизанским отрядам и отдельным бойцам вести непрерывную разведывательную работу в интересах Красной Армии:

а) особо отбирать людей, способных скрытно вести разведывательную работу и внедрять их на службу в местные управления и учреждения, созданные немцами, на заводы, депо, станции, пристани, телеграф, телефон, аэродромы, базы, склады, во все учреждения и органы, обслуживающие армию или местную администрацию немецких властей, в охрану немецких должностных лиц, в гестапо и его школы;

б) непрерывно следить за местом расположения и за передвижением войск и грузов по железным и грунтовым дорогам; выяснять численный состав, род войск и нумерацию частей, количество и характер боевой техники, направление движения и время следования; устанавливать порядок и силу охраны воинских эшелонов и транспортов;

в) устанавливать точное расположение войск и штабов, их наименование и нумерацию, учреждений и органов оккупационных властей;

г) разведывать аэродромы противника, устанавливать местоположение, количество и типы самолетов, постоянно или временно базирующихся на данном аэродроме, аэродромное оборудование, вспомогательные или специальные автомобили, запасы горючего и масел, а также охрану аэродромов на земле и в воздухе;

д) организовать разведку городов и крупных населенных пунктов в целях установления количества войск в гарнизонах (численность по родам войск, наименование, нумерация, командование); противовоздушной обороны; воинских складов и мастерских; военной промышленности; высшей военной и гражданской администрации;

е) выяснить, где и какие оборонительные рубежи уже построены, их оборудование в инженерном отношении, вооружение, устройство связи, имеются ли там гарнизоны;

ж) следить и точно фиксировать результаты бомбардировок нашей авиацией;

з) при всех возможностях захватывать приказы, донесения, оперативные карты и прочие документы противника.

Данные агентурной и боевой партизанской разведки немедленно сообщать в ЦШПД [4, л. 2–3].

Таким образом, был определен круг вопросов партизанской разведки (военной, экономической и политической), которые затем практически без изменений прописывались в важнейших разведывательных документах.

Уже через шесть дней – 11 сентября 1942 г. – представителю ЦШПД на Западном фронте Д. Попову поступил документ за подписью начальника ЦШПД П. Пономаренко. Этот приказ касался вопросов ознакомления с важнейшими указаниями и директивами партизанского движения и их секретности. В частности, в нем предписывалось приказ Народного комиссара обороны И. Сталина от 5 сентября 1942 г. за № 00189 «О задачах партизанского движения» хранить в строжайшей тайне. С приказом разрешалось ознакомить только командиров, комиссаров и начальников штабов партизанских отрядов [4, л. 4]. Такие мероприятия по сохранению секретности привели к тому, что данный приказ далеко не всегда становился известным в партизанских соединениях. 8 ноября 1942 г. на «Большой земле» состоялась беседа с разведчиком И. Коньковым из бригады Кирпича, который сообщил, что «приказ т. Сталина от 05.09.1942 г. мы не получали и ничего о нем не знаем» [7, л. 90–91].

11 сентября 1942 г. начальник Западного штаба партизанского движения издал два важнейших распоряжения. Первое касалось повышения бдительности руководителей партизанских соединений, так как «имеют место факты самоличного появления в партизанских отрядах представителей различных организаций, непричастных к партизанскому движению, которые, действуя от имени советских органов, выступают в отрядах с различного рода обещаниями, навязывая командованию отрядов авантюрные оперативно-тактические планы. Помимо этого эти представители подчас растаскивают трофейное имущество отрядов и загружают командование требованиями предоставления различного рода отчетности» [4, л. 5].

Второе распоряжение касалось партизанской борьбы в условиях осени–зимы 1942 г. В нем указывалось, что такая борьба «не менее эффективна, чем летом и следует только учесть заранее трудности зимы и провести необходимые мероприятия по подготовке». В первую очередь следовало вести борьбу с теми, кто ориентируется на свертывание партизанских отрядов на зиму: «наступление ненастной погоды, похолодание и, наконец, зимы

ни в коем случае не должны снизить боевой активности партизан» [4, л. 8–8 об.].

Таким образом, к концу 1942 г. была подготовлена значительная нормативная база, которая определяла основные цели, задачи и направления разведывательной деятельности и основные вопросы организации и развития партизанского движения в целом.

В процессе ведения партизанами разведывательной деятельности выявлялись основные просчеты и недостатки:

- ограничение разведработы небольшой глубиной;
- разведывательные органы не всегда умело обобщали добываемые сведения;
- длительное время партизаны не могли создать широкой, активно действующей разведывательной сети, особенно в воинских частях, карательных органах, административных учреждениях противника;
- слабо велась войсковая разведка;
- нередко штабы партизанского движения получали плохо проверенные или преувеличенные данные;
- не хватало квалифицированных кадров и средств связи [8, с. 13].

С целью улучшения разведывательной работы партизан 19 апреля 1943 г. был издан приказ И. Сталина «Об улучшении разведработы в партизанских отрядах». Этот документ сыграл значительную роль в становлении и организации партизанской разведки и выдвинул в качестве одной из главных задач обеспечение наступающих советских войск достоверной и полной информацией о враге. Приказ требовал коренного улучшения разведки в пользу Красной Армии: рекомендовал назначать на должности заместителей командиров по разведке партизанских формирований опытных специалистов, прошедших специальный курс подготовки. Разрешалось привлекать армейских разведчиков и сотрудников госбезопасности в руководящие органы разведки, которым поручалось организовывать всю деятельность совместно с подпольными партийными комитетами. Ответственность за это возлагалась на штабы партизанского движения, непосредственно занимавшиеся подбором и назначением людей на эти должности; разведывательные донесения должны были подписываться командиром, комиссаром и заместителем командира по разведке, что значительно повышало ответственность руководителей за передаваемые сведения.

Разработкой необходимых рекомендаций по улучшению качества разведки занимались

РО БШПД и ЦШПД. Так, 1 июля 1943 г. на имя начальника БШПД П. Калинина пришли «Указания заместителя начальника ЦШПД полковника госбезопасности С. Бельченко по совершенствованию разведывательной работы в партизанских формированиях». Документ, напечатанный на семи листах, содержал информацию, рекомендации и указания по широкому кругу вопросов разведывательной деятельности [9, л. 29–32]. Структурно его можно разделить на вводную часть (введение в проблему) и пять разделов, касающихся вопросов ведения разведывательной работы: «Агентурная разведка», «Местное население как источник получения разведывательных данных», «Войсковая разведка», «Разведывательные органы партизанских соединений» и «Отчетность и документация по разведывательной работе».

Во вводной части приводились общие сведения по развитию партизанского движения, отмечались успехи, недостатки и трудности в разведывательной работе. В частности С. Бельченко указывал, что «развернувшееся народное партизанское движение представляет грозную силу в борьбе против немецких оккупантов. Выполняя приказ Народного комиссара обороны т. Сталина № 00189, органы партизанской разведки повысили качество своей работы. Основные коммуникации врага контролируются партизанской разведкой, а данные о передвижении людских и материальных резервов противника помогают командованию Красной Армии распознавать его планы» [9, л. 29]. Отмечались также успехи партизанской разведки в вопросах установления баз и складов противника, мест сосредоточения его войск, эшелонов, обеспечения успешно проведенных операций по разгрому вражеских гарнизонов и крушению эшелонов, взрыву мостов.

Вместе с тем, руководством ЦШПД отмечался и ряд просчетов и серьезных недостатков в работе разведывательной службы партизанских формирований. Указывалось, что «недостаточная целеустремленность и стремление ограничиться только ведением разведки на себя в ряде бригад и отрядов являются причиной слабого освещения, а порой и выпадения из поля зрения разведки, ряда важных объектов. Разведка в интересах Красной Армии до сих пор не везде еще поставлена в основу всей разведывательной деятельности партизан». Далее перечисляются конкретные упущения и недостатки, характерные для раз-

ведывательной работы большинства партизанских соединений:

- недостаточно внимания уделяется повышению качества разведсведений, в частности недооценивается необходимость установления нумерации частей противника;

- организация добычи документов противника страдает существенными недочетами, а захвату пленных не придается серьезного значения;

- разведывательные материалы не всегда качественно анализируются;

- не уделяется достаточного внимания повседневному воспитанию агентуры;

- нарушение элементарных правил конспирации является основной причиной провалов агентурной сети;

- отстают от имеющихся возможностей масштабы и темпы насаждения спецагентуры в административном аппарате немцев, полицейских и «власовских» формированиях изменников, на важнейших промышленных, железнодорожных и прочих объектах противника;

- несогласованные агентурные мероприятия ряда параллельно действующих в партизанских районах представителей и групп разведорганов создают излишние трудности в процессе разведработы – особенно при проведении сложных, рассчитанных на длительный срок агентурных комбинаций [9, л. 29–29 об.].

К вышеобозначенным проблемам добавляются и некоторые обстоятельства, которые не благоприятствуют ведению разведработы: «...резкий недостаток опытных командиров-агентуристов, недооценка в некоторой части партизанских формирований роли разведки и неправильное определение ее удельного веса в общей системе партизанской деятельности, а все эти недочеты зависят, главным образом, от слабой инициативы штабов, командиров-разведчиков и лишь частично могут быть объяснены слабым опытом последних» [9, л. 29 об.].

Например, в основной части документа приводились конкретные рекомендации и указания, объединенные по вышеназванным разделам и направленные на исправление недостатков в разведработе.

В разделе «Агентурная разведка» ЦШПД указывал на следующие недостатки:

- а) стремление насаждать агентуру только вблизи расположения партизанских бригад без учета потребности насаждения с целью получения разведывательных данных в интересах Красной Армии;

- б) крайняя малочисленность нашей агентуры в гестапо, воинских частях противника, на железных и грунтовых дорогах и складах;

- в) слабое развитие сети резидентур;

- г) отсутствие правильно налаженной связи со своей агентурой, в результате чего из большого количества агентуры работают только единицы. В работе с агентурой нет должной концентрации;

- д) совершенно недостаточная практика поощрений и наград ценной агентуры.

Исходя из определенных недостатков и давались соответствующие указания и рекомендации по устранению обозначенных пробелов [9, л. 29 об. – 30 об.].

Последний раздел документа касался отчетности и документации по разведывательной работе. В нем указывалось, что «до сего времени изучение и систематизация полученных сведений о противнике достаточно четко не производятся, а захваченные документы иногда хранятся как архивный материал». Были определены следующие виды документации, необходимые для ведения в штабах партизанского движения: разведсводки, отчетные карты о противнике, целевые карты по объектам с исчерпывающими легендами к ним. Также бригады и отдельные отряды кроме донесений, передаваемых по радио, должны были по мере возможности передавать в штабы партизанского движения обобщающие разведывательные сводки, листы допросов пленных и перебежчиков и прочие разведывательные документы.

Отдельную группу организационно-распорядительных документов представляли «тематические» указания по ведению партизанами разведки, которые касались активизации работы по одному или нескольким смежным направлениям. 9 июля 1943 г. на имя начальников штабов партизанского движения и секретарей областных подпольных партийных комитетов пришло указание на ведение разведки в подразделениях и частях Русской освободительной армии (РОА), подписанное начальником ЦШПД П. Пономаренко.

Во вводной части документа описывалась общая ситуация на фронтах и в тылу, в частности сообщалось, что «немцы прилагают все силы к тому, чтобы предотвратить военную катастрофу, выйти из критического для них положения с нехваткой людских резервов. Они стремятся ограничить размеры партизанской борьбы, вывести свои кадровые части из-под ударов партизан и заменить их воинскими частями, сформированными из военнопленных и местного населения».

Далее в указании приводятся данные о формировании и деятельности армии генерала А. Власова и конкретные приказы по ведению разведки в этом направлении:

– поручить командованию партизанских бригад вести работу по разложению «власовцев» и агитации их перехода на сторону партизан, тщательно проверять перешедших, вполне надежных, способных пойти на самопожертвование в интересах Родины, направлять обратно во «власовские» формирования с заданиями на уничтожение высшего командного состава;

– через партизанские отряды организовать разведку с целью выявления новых частей и подразделений «власовцев», школ по подготовке командного состава и пропагандистов, порядка комплектования частей, добывать полные установочные данные о командном составе, их родственных связях на неоккупированной территории, политико-моральном состоянии подразделений;

– наиболее проверенным агентам из местной полиции, связанным с партизанскими отрядами, дать задания о вступлении в части «власовцев» с целью уничтожения высшего командного состава [9, л. 41–45].

Тематика подобных документов была различной: рекомендации по захвату пленных [10, л. 259], использование в разведработе фотоаппаратуры [10, л. 86], указания по разведке оборонительных рубежей [10, л. 306–306 об.], методы работы гестапо и полиции [11, л. 77–77 об.] и др.

Заключение. Необходимо отметить, что организационно-распорядительная документация является одной из важнейших групп в системе разведывательных документов ЦШПД и БШПД. Ее изучение и анализ позволяют проследить основные направления и этапы разведывательной деятельности белорусских партизан, определить недостатки и результаты этой работы. Важнейшими видами организационно-распорядительных документов являются директивы, приказы, указания и рекомендации. Ключевое место в системе разведдокументов занимает приказ Народного комиссара обороны № 00189 «О задачах партизанского движения». Руководящие органы партизанской разведки оперативно реагировали на изменение

ситуации как на фронтах, так и на оккупированных территориях. В первой половине 1942 года был издан ряд документов, которые направили разведывательную деятельность партизан на получение данных по экономическим и политическим вопросам. Одной из задач организационно-распорядительной документации было исправление недостатков и недочетов в разведывательной работе путем подготовки и рассылки в соединения «народных мстителей» различного рода указаний и рекомендаций. Основные виды документов имели четкую внутреннюю структуру и обладали значительным информативным потенциалом.

Литература

1. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941): документы и материалы / Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь, Федеральное архивное агентство России, Государственный архив Российской Федерации, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны и др. – Минск: НАРБ, 2006. – 455 с.
2. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии / Н.Н. Акимов [и др.]; Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Минск: Беларусь, 1967. – Ч. 2: (1921–1966). – 585 с.
3. Гуленко, В.Н. О некоторых проблемах изучения истории подполья в городах и селах Белоруссии периода Великой Отечественной войны / В.Н. Гуленко // Великая Победа: итоги и уроки: тезисы межвуз. науч.-теор. конф., посвященной 45-летию освобождения Белоруссии от гитлеровских захватчиков, Минск, 28 июня 1989 г. / Мин. высш. парт. шк., Ин-т истории АН БССР, Мин. гор. о-во историков; редсовет: В.П. Павлов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: ВПШ, 1989. – Минск, 1989. – С. 119–123.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. – Оп. 3. – Д. 34.
5. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1391.
6. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 3. – Д. 42.
7. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1301.
8. Киселев, В.К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 – июль 1944 / В.К. Киселев. – Минск: Издательство БГУ, 1980. – 128 с.
9. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 1.
10. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 15.
11. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1310.

Поступила в редакцию 11.05.2015 г.

УДК 327(73:510)«1961/1963»

Политика США в отношении Китая в период президентства Дж.Ф. Кеннеди

Косов А.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Сегодня Китаю отводится роль основного оппонента доминирующим в мире США. Неудивительно, что американо-китайские отношения привлекают к себе пристальное внимание мировых политико-академического сообщества и общественности. В статье рассматривается эволюция внешней политики Вашингтона в отношении Китая в годы президентства Дж.Ф. Кеннеди. В частности, анализируются основные факторы развития китайского вектора внешней политики Соединенных Штатов в 1961–1963 гг., когда в Белом доме находилась демократическая администрация Дж.Ф. Кеннеди.

Цель работы – раскрытие сущности внешней политики США на китайском направлении в период президентства Дж.Ф. Кеннеди путем выявления ее ведущих тенденций и особенностей.

***Материал и методы.** Исследование осуществлялось на основе мемуарной и научной литературы американских и советских/росийских авторов, в том числе тех, кто имел непосредственное отношение к осуществлению внешней политики США в рассматриваемый период.*

***Результаты и их обсуждение.** Особое внимание обращается на движущие силы внешнеполитического курса Вашингтона, в частности на внутривнутриполитическую борьбу в американском истеблишменте по «китайской проблеме». В первую очередь освещаются подходы американского руководства и дипломатов США к КР и КНР в контексте трансформации системы международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. а также рассматриваются действия Белого дома по минимизации последствий для национальных интересов Соединенных Штатов действий Тайваня.*

***Заключение.** Делается вывод об относительной успешности внешней политики Соединенных Штатов на китайском направлении в рассматриваемый период.*

***Ключевые слова:** США, КНР, Тайвань, администрация Дж.Ф. Кеннеди, Гоминьдан, американо-китайские отношения, госдепартамент, внешняя политика.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 85–92)

The U.S. Policy towards China during John F. Kennedy Presidency

Kosov A.P.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

China nowadays is given the role of basic opponent to the USA which dominates in the world. It's not surprising that American-Chinese relations draw attention to themselves on the part of global political and academic community and the public. Evolution of Washington foreign policy in relation to China during J.F. Kennedy presidency is considered in the article. Namely, main factors of the development of the Chinese vector of the U.S. foreign policy in 1961–1963, when White House was hosted by the Democratic administration of J.F. Kennedy, are analyzed.

The purpose of the article is to disclose the essence of the Chinese direction of the U.S. foreign policy during J.F. Kennedy presidency on the basis of finding out its leading tendencies and features.

***Material and methods.** The study was based on memoir and research literature by American and Soviet/Russian authors, including those who were directly connected with exercising the U.S. foreign policy in the considered period.*

***Findings and their discussion.** Special attention is paid to main motor forces of Washington foreign policy course, especially to the inner political struggle in the American establishment concerning «Chinese issue». First of all approaches of American administration and diplomats to Chinese Republic and Chinese People's Republic in the context of transformation of the system of international security in the Asian Pacific region are revealed. Actions of White House are also considered on minimization of the consequences for U.S. national interests of Taiwan's actions.*

***Conclusion.** Conclusion is made on relative success of the U.S. foreign policy on the Chinese direction in the considered period.*

***Key words:** USA, CPR, Taiwan, J.F. Kennedy administration, Ghomindan, American-Chinese relations, State Department, foreign policy.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 85–92)

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – А.П. Косов

В настоящее время стремительный подъем Китая вызывает серьезное беспокойство США. Все чаще из уст представителей политико-академического сообщества можно услышать враждебные и одновременно обеспокоенные речи относительно КНР. Многие уверены, что в перспективе мир ждет конфликт Соединенных Штатов и Китая. Тем более что в истории американо-китайских отношений уже был конфронтационный период в 1950–1960-е гг. Исходя из этого, представляется целесообразным охарактеризовать политику Соединенных Штатов в отношении КНР в период президентства Дж.Ф. Кеннеди.

В мировой историографии тема американо-китайских отношений рассматриваемого периода получила освещение в работах ряда авторов. Так, среди американских ученых можно назвать Дж. Гарвера, Н. Кочави, Ч. Пеллегрину, Н. Такер, С.М. Тернера, Дж. Томсона, Р. Фут, Г. Чанга, Дж. Чанга и др.

В советской историографии различным аспектам американо-китайских отношений в период президентства Дж.Ф. Кеннеди посвящены исследования В.Б. Воронцова, Б.Н. Занегина и др. Среди современных российских авторов в той или иной степени китайская политика Дж.Ф. Кеннеди рассмотрена А.Д. Богатуровым, Г.В. Зиновьевым, И.А. Цветковым и др.

К сожалению, в современной белорусской историографии на данный момент работ, посвященных американо-китайским отношениям в 1960-х гг., не существует. Поэтому представляется весьма актуальным и своевременным в какой-то мере восполнить данный пробел.

Цель статьи – раскрытие сущности внешней политики США на китайском направлении в период президентства Дж.Ф. Кеннеди путем выявления ее ведущих тенденций и особенностей. Для этого необходимо проследить борьбу мнений в американском истеблишменте по вопросу отношений с Пекином, охарактеризовать ключевые аспекты внешней политики Вашингтона в отношении Китая, определить факторы, влияющие на политику Соединенных Штатов по отношению к КНР, обратить внимание на основные события в американо-китайских отношениях в 1961–1963-х гг.

Материал и методы. Данная публикация базируется на материалах, почерпнутых из научных трудов советских, российских и американских авторов. В частности, использована информация из мемуаров и исследований

американских государственных деятелей. Например, рассмотрены взгляды на развитие американо-китайских отношений госсекретаря в администрации Дж.Ф. Кеннеди Д. Раска в книге «Как я видел это» (1990), заместителя госсекретаря Ч. Боулса в работе «Обещание держать. Мои годы в публичной жизни» (1971), заместителя госсекретаря по дальневосточным делам Р. Хилсмэна в книге «Сдвинуть нацию. Внешняя политика администрации Дж.Ф. Кеннеди» (1967). Кроме того, было изучено большое количество информации, содержащейся в работах В.Б. Воронцова, Б.Н. Занегина, Ч. Пеллегрину, Н. Такер, Дж. Томсона-мл., И.А. Цветкова, К. Юнга и др., проанализированы различные авторские концепции и подходы к данной проблеме, представленные в мировой историографии, на основе чего сделаны собственные выводы, касающиеся развития американо-китайских отношений.

Для написания статьи применялись как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также нарративный метод и метод системного анализа, которые позволили раскрыть сущность политики США в отношении Китая в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение. Приход в Белый дом новой администрации всегда представляет новые акценты во внешней политике США, в том числе и на китайском направлении. Не исключением было и президентство Дж.Ф. Кеннеди в 1961–1963 гг. Следует отметить, что в президентской кампании 1960 г. вопрос о политике в отношении Китая был на видном месте. В частности, в предвыборных заявлениях кандидата от Демократической партии Дж.Ф. Кеннеди объявлялось о существенных изменениях в китайской политике Соединенных Штатов в случае его избрания на пост президента. В первую очередь, имелось в виду, что в случае его победы Белый дом будет проводить более взвешенную политику в этом районе, в частности, откажется оборонять прибрежные острова Куэмой и Мацзу, находившиеся в руках чанкайшистов [1, с. 12]. Кроме того, он заявлял о том, что необходимо отменить «формозскую резолюцию» 1954 г. [2, р. 47].

По мнению внешнеполитических советников демократического кандидата, если Пекин перестанет угрожать Тайваню, согласится

на международную инспекцию НОАК, урегулирует пограничные вопросы с Индией и дистанцируется от ситуации в Индокитае, КНР вполне можно будет принять в ООН [3, р. 402–403].

Кандидат от демократов говорил также о возможности оказания давления на Чан Кайши с целью демократизации тайваньского режима. Поэтому победа Дж.Ф. Кеннеди на выборах была с энтузиазмом воспринята значительной частью тайваньцев и политической оппозицией семьи Чан Кайши [4, с. 324]. Кандидат от Республиканской партии Р. Никсон, наоборот, во многом отстаивал позицию «китайского лобби». Он заявлял, что «прибрежные острова» входят в зону жизненно важных интересов Китайской Республики, а следовательно, и Соединенных Штатов [2, р. 47]. Ведь в 1950-е гг. Р. Никсона называли в США «сенатором от Формозы». При этом оба претендента на президентский пост отклоняли любую форму признания КНР.

Неудивительно, что придя в Белый дом, администрация Дж.Ф. Кеннеди решила откорректировать политику страны на китайском направлении. Ряд сотрудников администрации и госдепартамента даже предложили ему пересмотреть стратегию Эйзенхауэра–Даллеса, направленную, как известно, на сдерживание и изоляцию КНР [5, р. 100]. Их заинтересованность в улучшении американо-китайских отношений во многом объяснялась ухудшением отношений Пекина и Москвы, что могло укрепить американские позиции в мире [6, с. 317]. Например, за улучшение отношений с КНР выступали помощник госсекретаря по делам Восточной Азии А. Гарриман, постоянный представитель США в ООН Э. Стивенсон, помощник госсекретаря Ч. Боулс, которые придерживались мысли, что Соединенные Штаты должны проводить политику сотрудничества с коммунистическим Китаем [7, р. 221–222]. Бывший агент ЦРУ Р.В. Комер, ставший в начале 1961 г. сотрудником СНБ, рекомендовал советнику президента по национальной безопасности М. Банди, чтобы госдепартамент пересмотрел свою китайскую политику, сделав ее более гибкой [5, р. 101]. Дело в том, что на момент прихода в Белый дом Дж.Ф. Кеннеди в госдепартаменте, в том числе и в Бюро по дальневосточным делам, преобладали сотрудники, настроенные против КНР. Среди дипломатов особенно стойкими приверженцами китайской политики администрации Д. Эйзенхауэра были про-

фессиональный дипломат, тесно связанный с Чан Кайши, Э.Ф. Драмрайт, резидент ЦРУ в Тайбэе и близкий друг сына Чан Кайши Цзян Цзинго Р. Клайн, которые выступили против любых изменений в подходах Вашингтона к Китаю [5, р. 103–104].

Одним из тех, кто давно отстаивал позицию о необходимости отказа Вашингтона от политики сдерживания КНР, был назначенный в 1961 г. помощником госсекретаря по делам Восточной Азии А. Гарриманом в Бюро по дальневосточным делам Э. Райс, оказавший влияние на ряд молодых сотрудников госдепартамента [7, р. 222–223].

Назначение Д. Раска госсекретарем США также давало определенные надежды на возможные изменения политики Соединенных Штатов на китайском направлении. Известно, что при администрации Г. Трумэна в 1950–1952 гг. он занимал пост помощника госсекретаря по дальневосточным делам. Несмотря на то, что уже в первом официальном заявлении госдепартамента по китайскому вектору внешней политики 6 февраля 1961 г. Д. Раск подтвердил неизменность внешнеполитического курса на продолжение поддержки Тайваня [8], новый госсекретарь был не против ревизии наследия республиканцев в американо-китайских отношениях. Так, в мае 1961 г. Д. Раск встретился с Дж.Ф. Кеннеди с целью обсуждения возможных изменений в китайской политике страны. Госсекретарь заявил президенту, что Вашингтон вполне мог бы одновременно признать и Китайскую Народную Республику, и Китайскую Республику на Тайване, и работать с обоими государствами, пытаясь нормализовать отношения между ними. Однако Дж.Ф. Кеннеди не решился на проведение кардинальных изменений в китайской политике США. Взвесив все за и против, президент отметил, что любые изменения в отношении Китая разделят Конгресс и американскую общественность, а также дадут республиканцам политическое оружие в борьбе за Белый дом. Более того, Дж.Ф. Кеннеди предупредил госсекретаря, чтобы отныне госдепартамент перестал давать поводы СМИ писать о возможных изменениях в китайской политике Соединенных Штатов. В результате Д. Раск вынужден был вновь заявить о том, что Вашингтон официально признает только тайваньское правительство [9, р. 282–284]. Дело в том, что администрации Дж. Кеннеди, находившейся под сильным давлением приверженцев политики «сдерживания» КНР путем

изоляции, было трудно выполнить свои предвыборные обещания [1, с. 14].

Несмотря на публичные заявления госсекретаря после беседы с президентом о неизменности подходов Вашингтона к Пекину и Тайбэю, отдельно взятые сотрудники министерства не прекратили работу, направленную на возможность изменения китайской политики Соединенных Штатов, поскольку не считали ее разумной. Например, правильность китайской политики Вашингтона подверг сомнению заместитель госсекретаря Ч. Боулс, который в июле 1961 г. в одном из своих отчетов рекомендовал изменить американскую внешнюю политику в отношении Азии, утверждая, что и КНР, и КР угрожали региональной стабильности. При этом, по его мнению, если Вашингтон бросил бы Тайвань на произвол судьбы, это могло привести к непредсказуемым последствиям, вплоть до дестабилизации обстановки в АТР [5, с. 103].

Учитывая усиливающуюся тенденцию к проведению Пекином независимой политики, Дж.Ф. Кеннеди был настроен на диалог о КНР с СССР. Соответствующий зондаж американцы планировали провести в июне 1961 г. во время советско-американской встречи в Вене. Президент США предполагал выяснить возможности для параллельных шагов Америки и Советского Союза в отношении Китая. Однако Н.С. Хрущев не поддержал разговор о КНР, поскольку к этому времени советско-китайский конфликт достиг такой остроты, что говорить о посредничестве Москвы в американо-китайских отношениях уже не приходилось. В данном случае речь могла идти только о советско-американском сотрудничестве против Китая. Но такая идея была неприемлема для Москвы [10].

Официальная политическая линия администрации Дж. Кеннеди вроде бы не допускала возможности американо-китайского сближения, однако объективные предпосылки к этому продолжали нарастать. В первую очередь, речь идет о процессе углубления разногласий между Москвой и Пекином. Однако в Вашингтоне упорно отказывались признавать реальность советско-китайского конфликта, к чему «китайское лобби» и Чан Кайши прилагали немалые усилия [8]. Хотя китайское руководство уже в 1961 г. было не прочь наладить отношения с США, но таким образом, чтобы инициатива по дальнейшему развитию контактов исходила от Вашингтона. Так, в октябре 1961 г. Пекин объявил, что ради

ослабления напряженности между КНР и США Китай готов начать переговоры с Соединенными Штатами по линии министерств иностранных дел, если американцы проявят инициативу. Китайская сторона назвала и основные точки двусторонних противоречий: американская поддержка Чан Кайши, экономические санкции против КНР, позиция Америки в вопросе о восстановлении прав КНР в ООН, создание СЕАТО и напряженность в Индокитае [1, с. 11].

В результате стороны по-прежнему обменивались жесткими заявлениями в адрес друг друга. Из Пекина даже делались заявления, что администрация Дж.Ф. Кеннеди хуже правительства Д. Эйзенхауэра [11, р. 53–56].

Тем более что в годы президентства Дж.Ф. Кеннеди ведущим фактором китайской политики Вашингтона выступали взаимоотношения США и Тайваня. Политика относительно КНР во многом являлась производной от американо-тайваньских отношений. При этом отношения Вашингтона и Тайбэя были далеко не безоблачными. Чан Кайши надеялся на продолжение получения американской помощи от новой администрации США [5, р. 101]. Однако часто его действия и планы вызывали неудовольствие руководства Соединенных Штатов.

Одним из первых эпизодов, связанных с действиями Гоминьдана, с которыми столкнулась администрация Дж.Ф. Кеннеди, стали события в пограничном районе Бирмы–Таиланда–Лаоса, где находились гоминьдановские войска, вносящие дестабилизацию обстановки в пограничье. В феврале 1961 г. здесь произошел инцидент. В частности, бирманцами было сбито два тайваньских самолета, снабжавших гоминьдановцев грузами, на том основании, что они действовали в воздушном пространстве суверенного государства. Понимая проблему бирманского правительства, президент Дж.Ф. Кеннеди хотел, чтобы Чан Кайши отозвал свои нерегулярные войска в Тайвань, поскольку это не соответствовало интересам новой администрации. Однако генералиссимус на встрече с послом Э.Ф. Драмрайтом 25 февраля 1961 г. заявил, что эвакуировать из Бирмы десять тысяч человек на остров весьма проблематично. Тем не менее после давления Вашингтона, который не был заинтересован в дестабилизации обстановки в регионе, граничившим с коммунистическим Китаем, Чан Кайши пообещал прекратить снабжение гоминьдановцев в Бирме, эвакуи-

ровать желающих на Тайвань, а остальным поспособствовать стать мирными жителями. В итоге в конце апреля 1961 г. Э.Ф. Драмрайт посчитал, что Чан Кайши полностью выполнил свое обещание об эвакуации гоминьдановцев из Бирмы [5, р. 104–105].

Еще одной проблемой в политике администрации Дж.Ф. Кеннеди в отношении Китая стал вопрос о китайском представительстве в ООН. В 1960-х гг., особенно после получения независимости рядом азиатских и африканских стран, в ООН увеличилась оппозиция членству Тайваня в этой международной организации вместо КНР [12, р. 150]. В такой ситуации Вашингтон публично поддержал Тайбэй и преградил путь в ООН Пекину [13, р. 387]. Учитывая развитие неблагоприятных для Тайваня тенденций, некоторые сотрудники администрации Дж.Ф. Кеннеди справедливо полагали, что необходимо изменить тактику поведения как Тайбэю, так и Вашингтону, чтобы гарантировать длительное присутствие КР в ООН [5, р. 105]. При этом, например, Э.Ф. Драмрайт и Р. Клайн требовали более активной позиции администрации в отстаивании интересов КР и ее места в ООН, дабы тайваньское руководство не сомневалось в американской поддержке. Однако тревоги представителей Тайваня и китайского лобби были напрасными. Это подтвердил и сам президент в июле 1961 г., когда заявил, что у США и Тайваня одна общая цель – не допустить КНР в Организацию Объединенных Наций [5, р. 106]. Администрация Дж.Ф. Кеннеди должна была убедить Чан Кайши, что США продолжат защищать Тайвань и поддерживать его членство в ООН [5, р. 101–102].

Однако вскоре ситуация обострилась тем, что Тайбэй попытался наложить вето на вступление в ООН Монголии, поскольку считал данную территорию частью Китая. Подобная позиция вызвала тревогу у США, так как тем самым Тайвань мог настроить против себя членов социалистического блока, которые изгнали бы из организации саму КР. 15 августа 1961 г. Дж.Ф. Кеннеди предупредил Чан Кайши, что США не смогут сплотить большинство членов ООН в поддержку Тайваня, если Тайбэй будет препятствовать вступлению в организацию Монголии. В случае же потери КР места в ООН Вашингтон не сможет организовать коалицию под эгидой Организации Объединенных Наций, если КНР вознамерится напасть на остров. Однако Чан Кайши не собирался отступить в вопросе

о членстве МНР в ООН, надеясь на поддержку африканских стран, для которых Тайвань начал реализовывать программу помощи. Только к октябрю 1961 г. Вашингтону и Тайбэю удалось достичь компромисса по вопросам, касавшимся ситуации, сложившейся в ООН вокруг поведения Тайваня [5, р. 106–108].

Еще одной проблемой китайской политики администрации Дж.Ф. Кеннеди стало стремление Чан Кайши вернуть власть над материковым Китаем. Такого рода заявления вызвали раздражение многих в Белом доме и госдепартаменте, посчитавших, что генералиссимуса нужно обуздать [5, р. 108].

Вполне подходящий момент для реализации плана Чан Кайши по вторжению на континент возник в начале 1960-х гг., когда Китай оказался в весьма затруднительном положении в связи с сильнейшим за всю историю страны голодом, а также свертыванием советской поддержки из-за ухудшения отношений между Пекином и Москвой [12, р. 21].

В 1962 г. лидер Гоминьдана предпринял очередную попытку активизировать военное давление на Пекин, рассчитывая, главным образом, на антикоммунистическое восстание населения. Однако Соединенные Штаты отнюдь не собирались поддерживать авантюру Чан Кайши, учитывая нереалистичность надежд генералиссимуса на восстание в коммунистическом Китае. Поэтому 23 июня 1962 г. через варшавский переговорный канал Дж. Кеннеди сообщил в Пекин, что он не поддержит агрессию КР против КНР [14, р. 249].

Определенную тревогу в Вашингтоне вызвали намерения Чан Кайши использовать в своих целях по возвращению на материк и усложнявшуюся ситуацию в Индокитае. Еще в начале 1961 г. в связи с активизацией национально-освободительных сил в Юго-Восточной Азии Соединенные Штаты столкнулись с реальной угрозой окончательной утраты собственных позиций в Лаосе. В этой ситуации президент Дж.Ф. Кеннеди даже отдал приказ перебазировать 7-й флот ВМС США в Южно-Китайское море. Вашингтон предупредил КНР о возможности своего военного вмешательства в события в Лаосе в случае, если не будет достигнуто «прекращение огня». Пекин, в свою очередь, через Варшаву уведомил американцев о своем желании избежать эскалации конфликта в Лаосе [14, р. 249]. Но стремление Чан Кайши вмешаться в события в Индокитае угрожало destabilизировать обстановку в регионе и втя-

нуть США в конфликт с КНР. Ситуация усложнялась тем, что в американском истеблишменте мнения относительно участия гоминьдановцев в конфликте в ЮВА разошлись. В то время как представители Пентагона стремились применить войска КР в расширяющемся кризисе в Южном Вьетнаме, высокопоставленные представители госдепартамента были категорически против. Если заместитель министра обороны У.П. Банди говорил, что южновьетнамский президент Нго Дин Дьем хотел использовать гоминьдановские войска в боевых действиях в дельте реки Меконга, то заместитель госсекретаря по политическим вопросам Ю.А. Джонсон предупреждал, что присутствие китайских националистов во Вьетнаме откроет «ящик Пандоры», существенно расширив конфликт за счет вмешательства КНР [5, р. 108–109].

Однако Чан Кайши не спешил отказываться от своих намерений открыть антикоммунистический фронт. В феврале 1962 г. он предпринял попытку надавить на Р. Клайна и У.П. Банди с целью объединить усилия США и Тайваня для спасения Азии от коммунистов [5, р. 109]. Э.Ф. Драмрайт предупредил госдепартамент, что Тайбэй был полон решимости уже в том же году начать вторжение на континент. Поэтому чтобы предотвратить войну, США следовало направить действия Гоминьдана в нужное для Америки русло [5, р. 109]. В данной ситуации самое большее, на что пошла администрация Дж.Ф. Кеннеди, – это предоставила в марте 1962 г. Чан Кайши два самолета С-123 для транспортировки парашютистов, но с рядом условий. При этом американцы постарались убедить Тайбэй отложить операцию до октября 1962 г. [5, р. 109–110].

В мае 1962 г., в период напряженных переговоров между США и КР относительно планов Чан Кайши нападения на материк, президентом Дж.Ф. Кеннеди был назначен в Тайбэе новый посол, которым стал адмирал в отставке А.Г. Кирк [15, р. 82]. В июле 1962 г. он провел переговоры с тайваньским руководством, по итогам которых предложил Вашингтону оказать Тайбэю минимальную помощь, дабы минимизировать возможность Тайваня начать боевые действия на материке [5, р. 110]. Другими словами, Вашингтон под давлением Чан Кайши и китайского лобби в Америке был вынужден оказывать помощь и поддержку Тайваню, однако американское руководство стремилось снизить возможный

ущерб от действий Гоминьдана национальным интересам Америки.

С учетом поведения Чан Кайши, который так и не отказался от наступательных планов, в марте 1963 г. посол А.Г. Кирк подверг сомнению, жизненно ли необходимо для американских интересов сохранение Тайваня [5, р. 112].

В конце президентства Дж.Ф. Кеннеди в политических кругах США наметились еще большие разногласия по поводу дальнейшего проведения китайской политики. Многие в Вашингтоне высказывали недовольство из-за поведения Чан Кайши и были готовы к проведению более гибкой политики в Восточной Азии [5, р. 101]. Взгляды стойких защитников генералиссимуса стали все чаще подвергаться критике. Так, бескомпромиссная антикоммунистическая позиция Э.Ф. Драмрайта относительно того, какой должна быть китайская политика Вашингтона, возмутила даже многих его коллег в американском посольстве в Тайбэе [16, р. 170–171].

11 сентября 1963 г. в Белом доме прошла встреча президента Дж.Ф. Кеннеди с министром обороны КР Цзян Цзинго. Сын Чан Кайши вновь попросил самолеты и десантное судно для подготовки наступательной операции против коммунистов. Однако американский президент заявил, что Соединенные Штаты не хотели оказаться замешанными в военных операциях Гоминьдана [5, р. 112].

Тем более что Вашингтон все больше стала беспокоить ядерная программа КНР. Известно, что в 1963 г. в окружении Дж.Ф. Кеннеди даже обсуждался сценарий превентивного удара по ядерным объектам в Китае с целью срыва работ по созданию Пекином ядерного оружия. При этом удар предполагалось нанести с ведома Москвы, которая, правда, получив об этом информацию, никак на нее не прореагировала [17, р. 244–245]. В результате от подобной идеи американцы отказались.

Одновременно Вашингтон стремился удерживать ситуацию в регионе под контролем. В то время как администрация Дж.Ф. Кеннеди пыталась предотвратить очередной кризис в Тайваньском проливе, сотрудники госдепартамента разрабатывали стратегию смягчения американской политики по отношению к миру коммунизма, включая КНР. В 1962 г. директор Совета по планированию госдепартамента У.У. Ростоу надеялся, что понимание угрозы взаимного уничтожения в условиях ядерной войны изменит отношения США с КНР,

предоставив возможности для расширения коммерческих, культурных и других контактов с коммунистическим Китаем [5, р. 113]. Но при этом, конечно, акцент по-прежнему необходимо было делать на развитии отношений с Тайванем. Таким образом, У.У. Росту предлагал Соединенным Штатам поддерживать отношения как с КНР, так и с КР [5, р. 113]. Это свидетельствовало о переменах во взглядах американских чиновников на отдельных уровнях в госдепартаменте.

Инициатива У.У. Росту вызвала глубокую озабоченность на Тайване. В частности, в начале июля 1962 г. тайваньский посол в Соединенных Штатах встретился с Д. Раском и заметил, что общественное мнение на острове очень встревожено предложениями У.У. Росту [5, р. 113]. Госсекретарь постарался заверить посла в дружественном по-прежнему отношении США к Тайваню, отметив, что любое существенное изменение китайской политики Америки будет публичным, и Тайбэй вовремя проинформируют обо всем [5, р. 113].

В середине 1962 г. в Бюро дальневосточных дел было создано два отдела – относительно КНР и КР, что свидетельствовало о повышении статусности китайского направления для Вашингтона. В конце ноября 1963 г. отдел КНР был переименован в Отдел азиатских коммунистических дел и стал самостоятельным подразделением [7, р. 226].

Эти организационные изменения скоро начали приносить свои плоды. Если первоначально администрация Дж.Ф. Кеннеди считала КНР экспансионистским государством, которое угрожало региональной безопасности в Восточной Азии и должно было сдерживаться, то теперь отдельные эксперты пришли к иным выводам. Так, небольшая группа сотрудников госдепартамента, включая заместителя госсекретаря по дальневосточным делам Р. Хилсмэна, специального помощника госсекретаря в Бюро дальневосточных дел Дж.К. Томсона-мл., сотрудника отдела КНР Л. Гранта и директора отдела исследований дальневосточных дел А.С. Витинга, пришла к выводу, что необходимо предложить более реалистичную китайскую политику [5, р. 114]. Осенью 1963 г. подготовленный экспертами доклад о новой политике США в отношении Китая был направлен для ознакомления руководству страны в Белый дом, госдепартамент и Пентагон. Однако он так и не был прочитан ни новым президентом Л.Б. Джонсоном, ни заместителем госсекретаря А. Гарриманом,

ни госсекретарем Д. Раском, который отказался прочитать доклад, несмотря на запрос Р. Хилсмэна [18, р. 351, 355].

Таким образом, к концу 1963 г. сотрудники госдепартамента стали все больше и больше разочаровываться в действиях Чан Кайши. Дело в том, что лидер Тайваня вел себя более агрессивно по отношению к материковому Китаю, нежели того желали Соединенные Штаты. Хотя президент Дж.Ф. Кеннеди публично не афишировал возможные изменения китайской политики Вашингтона, сотрудники его администрации и перестройка госдепартамента четко указывали на новые подходы к КНР и КР. Кроме того, многие представители политического истеблишмента США одобрили более гибкие подходы к Китаю. Однако официальный Вашингтон не спешил менять устоявшийся на китайском направлении курс. Главной причиной недопущения возможных изменений в политике США в отношении Китая по-прежнему являлось сильное китайское лобби, поддерживавшее Чан Кайши и имевшее большое влияние на разработку и осуществление внешнеполитического курса страны. Поэтому громкие публичные заявления о возможных изменениях в китайской политике Соединенных Штатов были редким исключением.

Так, 13 декабря 1963 г. в Клубе Содружества в Сан-Франциско Р. Хилсмэн произнес переданную по телевидению речь, в которой заявил, что необходимо перейти к реальной политике в отношении Китая, отбросив в сторону излишние эмоции. Тем самым он, по сути, повторил положения «Базовой политики национальной безопасности» У.У. Росту [5, р. 115]. Следовательно, выступление Р. Хилсмэна стало первым публичным заявлением высокопоставленного представителя госдепартамента США, в котором говорилось о том, что Соединенные Штаты хотели бы улучшить отношения с КНР, если Пекин умерит свою враждебность в отношении Тайваня. Конечно, это не означало, что Вашингтон оставит КР без поддержки. В частности, Р. Хилсмэн заявил, что Вашингтон продолжит блокировать агрессивные попытки Пекина в отношении Тайваня [5, р. 115; 18, р. 351].

Заключение. Таким образом, в результате ряда объективных и субъективных факторов администрация Дж.Ф. Кеннеди не смогла выполнить свои предвыборные обещания в отношении Китая и существенно изменить подходы к «китайской проблеме». С одной сто-

роны, Китай рассматривался как весомый объект в советско-американских отношениях. С другой стороны, нахождение Вашингтона под сильным давлением сторонников Чан Кайши в значительной мере ограничивало диапазон действия сторонников улучшения взаимоотношений США и КНР.

В итоге на протяжении всего президентства Дж.Ф. Кеннеди китайская стратегия Соединенных Штатов в тактическом плане характеризовалась зигзагообразностью, американские действия часто были спонтанными и зависимыми от различного рода случайностей. В стратегическом плане политика США по сути сохранила свою преемственность и существенно не изменилась: Тайвань по-прежнему пользовался всецелой поддержкой со стороны Америки, а отношения с Пекином характеризовались конфронтационностью.

Литература

1. Воронцов, В.Б. Китай и США: 60–70-е годы / В.Б. Воронцов. – М.: Наука, 1979. – 172 с.
2. Tucker, N.B. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945–1992: uncertain friendships / N.B. Tucker. – N. Y.: Maxwell Macmillan International, 1994. – XII+337 p.
3. Bowles, Ch. Promise to Keep. My Years in Public Life. 1941–1969 / Ch. Bowles. – N. Y.: Harper & Row, 1971. – XII+657 p.
4. Воронцов, В.Б. Судьба китайского Бонапарта / В.Б. Воронцов. – М.: Политиздат, 1989. – 336 с.
5. Pellegrin, Ch.J. «There are bigger issues at stake»: The Administration of John F. Kennedy and United States–Republic of China Relations, 1961–63 / Ch.J. Pellegrin // John F. Kennedy History, Memory, Legacy: An Interdisciplinary Inquiry. Edited by John Delane Williams, Robert G. Waite and Gregory S. Gordon. – University of North Dakota, 2010. – P. 100–115. – Mode of access: <http://und.edu/org/jfkconference/>. – Date of access: 18.04.2015.
6. Занегин, Б.Н. Политика в отношении Китая / Б.Н. Занегин // Современная внешняя политика США: в 2 т. – М.: Наука, 1984. – Т. 2. – С. 302–340.
7. Thomson, J.C. Jr. On the Making of U.S. China Policy, 1961–1969: A Study in Bureaucratic Politics / J.C. Jr. Thomson // The China Quarterly. – 1972. – April/June. – Vol. 50. – P. 220–243.
8. Цветков, И.А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949–1999 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / И.А. Цветков // История США [Электронный ресурс]. – 2003–2012. – Режим доступа: <http://www.ushistory.ru/dissertatsii/179-dissertatsija-oglavlenie.html>. – Дата доступа: 03.10.2012.
9. Rusk, D. As I Saw It / D. Rusk. – N. Y.: W.W. Norton & Co., 1990. – 672 p.
10. Богатуров, А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995) / А.Д. Богатуров // НОФМО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.obraforum.ru/lib/book5/6_2.htm. – Дата доступа: 17.01.2013.
11. Dutt, V.P. China's Foreign Policy, 1958–62 / V.P. Dutt. – London: Asia Publishing House, 1964. – 336 p.
12. Clough, R.N. Island China / R.N. Clough. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1978. – X+264 p.
13. Schoenbaum, T.J. Waging Peace and War: Dean Rusk in the Truman, Kennedy, and Johnson Years / T.J. Schoenbaum. – N. Y.: Simon & Schuster, 1988. – 592 p.
14. Young, K.T. Negotiating with the Chinese Communists: The United States Experience, 1953–1967 / K.T. Young. – N. Y.: McGraw-Hill, 1968. – XV+461 p.
15. Dallek, R. An Unfinished Life: John F. Kennedy, 1917–1963 / R. Dallek. – Boston: Little, Brown & Co., 2003. – 838 p.
16. China Confidential: American Diplomats and Sino-American Relations, 1945–1996 / ed. N.B. Tucker. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 2001. – 598 p.
17. Chang, G.H. Friends and Enemies. The United States, China and the Soviet Union. 1948–1972 / G.H. Chang. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1990. – IX+383 p.
18. Hilsman, R. To Move A Nation: The Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy / R. Hilsman. – N. Y.: Doubleday & Co., Inc., 1967. – XXII+602 p.

Поступила в редакцию 30.05.2015 г.

УДК 94(476):329.735+351.745«1905/1907»

Массовые беспорядки и городская полиция в белорусских губерниях в 1905–1907 гг.

Киселев А.А.

Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь», Минск

В историографии деятельность городской полиции в белорусских губерниях в 1905–1907 гг. оценивается, как правило, негативно. Однако такая интерпретация не учитывает политического контекста и особенностей кризиса 1905–1907 гг. и является тенденциозной.

Цель – анализ причин, обусловивших неспособность городской полиции противостоять акциям массового уличного протеста в 1905–1907 гг. и предотвратить человеческие жертвы среди городских жителей.

Материал и методы. *Выводы статьи основываются на анализе материалов официального делопроизводства учреждений Министерства внутренних дел и мемуаров участников революционного движения. В ней применялись сравнительно-исторический и системно-исторический методы.*

Результаты и их обсуждение. *В исследовании утверждается, что городская полиция боролась против боевиков социалистических партий в 1905–1907 гг. Боевики использовали мирные демонстрации и гражданский протест в политических целях. Провокационные действия были причиной жертв среди гражданского населения, это помогло экстремистам настраивать людей против полиции. Еще одним методом борьбы боевиков против сотрудников полиции являлся политический террор. На некоторое время он парализовал деятельность городской полиции, которая была немногочисленной и плохо вооруженной. В ее структуре отсутствовали специальные подразделения для борьбы с массовыми беспорядками или террористическими группами. Только военные подразделения русской армии прекратили деятельность террористов. Однако это привело к человеческим жертвам. Гибель людей была связана с использованием в городских условиях армейского вооружения.*

Заключение. *Политический кризис 1905–1907 гг. показал, что городская полиция белорусских губерний оказалась не готовой к новым политическим вызовам. Только применение военной силы позволило сохранить контроль над городскими центрами белорусских губерний.*

Ключевые слова: *городская полиция, Министерство внутренних дел, массовые беспорядки, терроризм.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 93–99)

Major Riots and the City Police in Belarusian Provinces in 1905–1907

Kiselev A.A.

Educational establishment «Belarusian Military Academy», Minsk

The activity of the city police in the Belarusian provinces in 1905–1907 is usually critically evaluated in the historiography. However, this interpretation does not take into account the political context and the specific features of the crisis of 1905–1907. Thus, it is biased.

The purpose of the article is analysis of the causes of inability of the city police to counteract the acts of major street riots in 1905–1907 and prevent casualties among city population.

Material and methods. *The findings of this article are based on the analysis of official clerical work of institutions of the Ministry of Internal Affairs and the memoirs of the participants of the revolutionary movement. Comparative and historical and system and historical methods were used for the research.*

Findings and their discussion. *This article states that the city police fought against the militants belonging to socialist parties in 1905–1907. The militants used peaceful demonstrations and civil protest for political purposes. The provocative actions became the reason of casualties among the civilian population. It was used for propaganda against the police. Militants used political terror against the police. For some time the activities of the city police were paralyzed because of the campaign of terror. The city police was quite small in number and poorly armed. There weren't any special units to deal with riots or terrorist groups in the police structure. Only the military units of the Russian army were able to stop the terrorists. However, the use of military weapons in the urban area led to human casualties.*

Conclusion. *The political crisis of 1905–1907 revealed that the city police in Belarusian provinces was not ready for the new political challenges. Only the use of military force allowed to maintain control over the city centers of the Belarusian provinces.*

Key words: *the city police, the Ministry of Internal Affairs, major riots, terrorism.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 93–99)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kiselev_aa@list.ru – А.А. Киселев

В период политического кризиса 1905–1907 гг. полицейские структуры МВД Российской империи первыми в мировой практике столкнулись с проявлениями современного терроризма, который для своих политических целей вынуждает правительство «прибегнуть к репрессиям и, таким образом, потерять поддержку своего народа» [1, с. 132]. В этой связи становится актуальным изучение проблемы деятельности полиции по обеспечению правопорядка в условиях массового политического протеста и террора. Поскольку центрами революционного движения в период 1905–1907 гг. являлись города, то представляет интерес на примере городской полиции белорусских губерний проследить реакцию и логику действия полицейских структур в условиях политического кризиса.

Как правило, описание деятельности общей полиции в отечественной историографии по-прежнему выдержано в традициях советской исторической науки, которая изображала силы правопорядка исключительно в роли жестоких карателей. Вместе с тем такая интерпретация представляется, по меньшей мере, односторонней, поскольку не принимает во внимание состояние самих полицейских структур, мотивированность их действий сложившейся политической обстановкой.

Цель статьи – анализ причин, обусловивших неспособность городской полиции противостоять акциям массового уличного протеста в 1905–1907 гг. и предотвратить человеческие жертвы среди городских жителей.

Материал и методы. Основными источниками стали материалы официального делопроизводства местных учреждений Министерства внутренних дел, канцелярии виленского генерал-губернатора, которые позволяют показать позицию полицейских и военных чинов, их видение ситуации. Наряду со служебной перепиской представляют интерес мемуарные свидетельства деятелей революционного движения, принимавших непосредственное участие в событиях, происходивших в это время в белорусских губерниях [2–4]. В какой-то степени они позволяют проверить утверждения, содержащиеся в ведомственной переписке. В частности, установить факт наличия и деятельности боевых групп социалистических партий в городах белорусских губерний. Исследование построено на применении традиционных методов исторического исследования: сравнительно-историческом и системно-историческом. В теоретическом отно-

шении полицейские структуры рассматриваются как государственный институт, который в условиях политического кризиса наряду с традиционными функциями по поддержанию правопорядка вынужден предпринимать меры, направленные на защиту существующей политической системы. Однако структура полицейской организации, контекст и характер политической борьбы в значительной степени определяют особенности действия полиции и косвенно характеризуют политический режим и развитие государственности.

Результаты и их обсуждение. При описании и характеристике событий политического кризиса 1905–1907 гг. в белорусских губерниях учеными, как правило, не акцентируется характер массовых акций политического протеста, что приводит к выводу о необоснованности применения силы полицией и войсками. В этой связи следует отметить, что демонстрации в городах белорусских губерний зачастую имели далеко не мирный характер, а среди демонстрантов было много вооруженных, в том числе огнестрельным оружием, боевиков социалистических партий и просто агрессивных настроенных лиц, далеких от стремления соблюдать какую-либо законность. Например, 25 июля 1905 г. в уездном городе Ошмяны произошла демонстрация, многие из участников которой несли «в руках револьверы, кинжалы и кистени, которыми они махали в воздух». В рапорте о демонстрации честно сообщалось, что преследование было прекращено в силу «недостаточного числа» полицейских и «опасности, грозившей им благодаря тому, что большинство демонстрантов было вооружено» [5, л. 177]. По этой причине применение оружия со стороны полиции и особенно армейских подразделений не является безусловным доказательством чрезмерности репрессивных мер местных властей.

В целом ряде случаев, когда массовые формы уличного протеста завершались использованием оружия и жертвами среди гражданского населения, в обострении ситуации оказывались прямо или косвенно виноваты члены радикальных партий и групп. В частности, самым известным применением оружия против демонстрации в белорусских губерниях считается «курловский расстрел» 18 октября 1905 г., который, как правило, трактуется как ничем немотивированный расстрел мирного митинга. Однако полицейские донесения свидетельствуют, что реальная ситуация на при-

вокзальной площади Минска была не такой однозначной. Во-первых, незадолго до того, как был открыт огонь, на площадь по Михайловской улице прибыла толпа, которая по пути избила городского и устроила обстрел 4-го полицейского участка Городского полицейского управления в г. Минске (далее ГПУ). Движение толпы под красными флагами сопровождалось пением революционных песен. Во-вторых, огонь был открыт лишь после того, как толпа попыталась силой проникнуть в охраняемое караулами солдат здание вокзала. До этого митинг, несмотря на далекие от политической корректности речи ораторов под красными флагами, никто не разгонял и не трогал. Обострение ситуации произошло только после того, как на площадь с Михайловской улицы попала агрессивно настроенная толпа. Проникновение в здание сопровождалось попытками захвата оружия у нижних чинов, насилием и даже несколькими выстрелами из револьвера. По крайней мере, помощником пристава А.К. Бернацким был составлен протокол, удостоверявший, что «в окнах дверей вокзала, к которым стояла лицом толпа, имеются в значительном числе пробоины, образовавшиеся, судя по калибру пуль, от револьверных выстрелов, которыми была вооружена толпа манифестантов, которые ... стреляли также в 4-й полицейский участок, направляясь с красными флагами к вокзалу» [6, с. 356]. В-третьих, все от губернатора до командира батальона, охранявшего вокзал, в своих показаниях утверждали, что приказа на открытие огня не отдавали, а стрельба была начата солдатами в ответ на попытку насильственного проникновения толпы в помещение вокзала, причем право на подобные действия «без особых предупреждений» у военнослужащих было в соответствии с Уставом гарнизонной службы. Таким образом, длившийся несколько часов митинг закончился кровавой трагедией лишь после появления на площади вооруженных и радикально настроенных демонстрантов, которые, вероятно, и решили осуществить захват охраняемого вокзала. В результате нижние чины открыли огонь, который спустя несколько минут прекратили по приказу офицеров, но было уже поздно: погибло 55 и получили ранение 75 человек. Очевидно, что стрельба была спровоцирована радикальными боевиками и активистами партий, которые, по всей видимости, и толкнули часть манифестантов пойти на прорыв армейских караулов при вокзале.

Интересно, что значительные жертвы среди горожан после уличных столкновений сознательно использовались для дискредитации как полиции, так и местных и центральных властей. В частности, 30 июля 1905 г. в Белостоке (Гродненская губерния) в результате перестрелки между боевиками-анархистами и армейскими подразделениями, приданными на усиление полиции, погибло 39 человек, а 42 получили ранения. Проводя служебное расследование трагического инцидента, власти честно констатировали невозможность установить в каждом случае обоснованность применения оружия. Признавалось, что большинство невинных жертв погибли от огня из армейских винтовок, открытого по стрельявшим из домов боевикам. Казалось бы, есть все основания переложить на местную администрацию ответственность за трагедию. Однако при разбирательстве было обращено внимание на то, что среди убитых лиц мужского пола преобладали дети в возрасте от 8 до 15 лет и мужчины в возрасте от 40 до 75 лет. Странность же заключалась в том, что по показаниям солдат в перестрелку с ними вступили в основном «молодые евреи в возрасте от 18 до 35 лет и что они, войска, почти исключительно стреляли по таковым». Практика участия в терактах и сопротивлении полиции радикальной еврейской молодежи навела полицию на мысль о том, что убитые и почти все раненые боевики скрыты от властей, поскольку задержание раненых позволило бы установить связь революционеров с беспорядками 30 июля. Действительно, вскоре агентурные сведения подтвердили факт тайных похорон за пределами города до 30 человек в ночь на 1 августа 1905 г. По мнению властей, цель сокрытия «этих трупов более или менее очевидна: члены революционной партии имели в виду, что значительное число жертв из лиц, которые, по-видимому, не могли принимать активного участия в беспорядках, подействует в желательном для них направлении на массы, коль скоро отсутствуют трупы молодежи, обыкновенно участвовавшей в Белостокских беспорядках и демонстрациях» [7, л. 30]. Таким образом, боевики не только вступали в перестрелку с войсками, фактически подставляя горожан под огонь, но и в ряде случаев изначально планировали использовать гибель мирных жителей в пропаганде против правительства. Например, накануне массовых беспорядков в Двинске (Витебская губерния) в феврале 1905 г. полицеймейстер А.В. Махце-

вич получил данные о том, что «руководители движения (комитет), желая привлечь симпатии всего городского населения, предложили принести хоть 50 жертв, лишь бы этим вызвать в населении осуждение правительству и т.п.» [8, л. 16]. В свою очередь, гибель значительного числа лиц после применения армейскими подразделениями в городских условиях стрелкового оружия была практически неизбежна. Например, пуля из трехлинейки, т.е. основной штатной винтовки русской армии, при стрельбе в упор может пробить до 12 мм железной пластины, или прострелить железнодорожный рельс. Именно баллистические свойства армейского оружия объясняют высокие жертвы среди гражданского населения в Минске и Белостоке, оказавшегося на месте митингов и демонстраций, превращенных стараниями боевиков социалистических партий в массовые беспорядки.

Чинам городских полицейских управлений противостояли не просто манифестанты, но боевики социалистических партий, организованные в отряды самообороны, боевые дружины и группы, которые претендовали на установление контроля над городом. Показательно, что для обоснования их создания использовались провокационные слухи о подготовке полицией еврейских погромов и массовых избиений интеллигенции. Эти отряды самообороны под предлогом защиты населения от насилия со стороны законной власти возникли во многих городах белорусских губерний. В частности, согласно отчету виленского губернатора Д.Н. Любимова о событиях осени 1905 г. в Вильно «образовалась, под руководством главарей революционных партий, так называемая “еврейская самооборона”». В течение всего ноября месяца многочисленные отряды самообороны, состоящие преимущественно из еврейской молодежи, вооруженные револьверами и свинцовыми нагайками, господствовали в городе, наводя страх и панику на мирное население, упражняясь в стрельбе на улицах, задерживая прохожих и проезжих и доставляя их, для проверки личности, в особые бюро, помещавшиеся, между прочим, и в городской управе, в коей “самооборона”, видимо, встретила сочувствие» [9, с. 2]. В Гомеле лидерами Бунда, социалистов-сионистов и паолей-сионистов в 1903 г. также была создана многочисленная самооборона. В октябре 1905 г. руководители «партий пытались устроить в городе милицию под покровительством городского общественного

управления, а потерпев в том неудачу, – образовали свои тайные милиции и открыто собирали в городе деньги на вооружение, обращаясь с требованиями как к евреям зажиточным, так и к местным русским жителям». Пользуясь беспомощностью полиции, боевики «почувствовали себя господами положения: нахальство, поборы с револьверами в руках, бросание бомб, устройство забастовок, убийство испр. Еленского и помощника пристава Славошевича, покушение на жизнь полицеймейстера (Чешко) страшно терроризировали население. Точно также были терроризированы войска и полиция». Как и в Вильно, ставка делалась на молодежь и просто подростков, поскольку ряды боевиков имели «в составе своем главным образом несовершеннолетних, совершенно недисциплинированных и притом вооруженных» [6, с. 381]. В Минске наряду с боевиками Бунда действовали и боевые вооруженные формирования РСДРП. В своих воспоминаниях их активный участник Е. Беленький указывает, что «отряды самообороны» были созданы «еще в начале 1904 г.». Они разбивались на «небольшие отряды в 15–20 человек» [2, л. 15] и во время массовых акций собирались на конспиративных квартирах, известных руководителям местного комитета РСДРП. Все боевики были вооружены огнестрельным оружием, но первое время, сетовал автор воспоминаний, «револьверы в отрядах были не одной системы. У одного и того же отряда были, например, револьверы: маузер, браунинг и старые бульдоги» [2, л. 13]. Снаряжение дополняло изготавливаемое нелегально на заводах «для себя и для товарищей разное холодное оружие» [2, л. 14], т.е. кастеты, ножи, нагайки, дубинки. Боевики самообороны использовались для «захвата революционным путем частных типографий для печатания нелегальных воззваний», «при уличных демонстрациях» и «охране происходивших ежедневно собраний» и, наконец, играли роль телохранителей местных партийных лидеров. В теории предполагалось, что они будут участвовать в государственном перевороте: «основной целью отрядов состояла в подготовке к вооруженному восстанию». В Двинске (Витебская губерния) в декабре 1905 г., по словам члена местной социал-демократической организации Р.Б. Борисовой, «боевая дружина комитета РСДРП имела уже до 300 обученных военному делу вооруженных рабочих. Такое же количество боевиков имелось у всех других партийных

групп» [3, с. 61]. В этой связи не приходится удивляться тому, что массовые митинги проходили далеко не мирно.

Проблема борьбы с боевиками заключалась в том, что в структуре органов МВД Российской империи не предусматривалось специальных подразделений, аналогичных современным внутренним войскам или милицеским подразделениям особого назначения. Вместо них администрация была вынуждена прибегать к помощи армейских подразделений русской армии, привлекая их к охране общественного порядка. Однако это не было признаком какой-либо особенной жестокости, а вынужденной мерой при малочисленных штатах городских и их слабой вооруженности. В частности, в 1905 г. в Вильно полицейская команда городского полицейского управления насчитывала 300 городских при населении в 165547 человек, в Витебске – 77 при 73748, в Минске – 164 на 100260, в Гродно – 62 при 43516 и в Могилеве – 80 человек на 50517 жителей. В некоторых городах небольшой штат городских просто бросался в глаза: в Гомеле на службе состоял 61 нижний чин полицейской команды при населении в 50385 горожан; в Пинске всего 30 городских были обязаны охранять спокойствие 32960 жителей. Уличные столкновения показали, что штатное вооружение городских не позволяло им противостоять боевикам и толпе. В частности, минский губернатор П.Г. Курлов в своем рапорте от 1 декабря 1905 г. констатировал, что «чуть ли не все лица противоправительственного направления, к каким бы обществам и фракциям они не принадлежали, поголовно вооружены револьверами с достаточным количеством патронов и тем самым столкновение с ними при малочисленности полиции является весьма опасным, шашки же, которыми вооружены городские, имеют значение лишь при рукопашной схватке, причем прежде чем дойдет до таковой, полиция будет расстреляна на известном расстоянии» [10, с. 361]. Начальник губернии просил разрешения на выдачу городским винтовок на время постовой службы или «при необходимости решительных действий». О качестве вооружения полицейских ярко свидетельствует, например, рапорт слуцкого исправника Э.Г. Штриккера от 3 января 1906 г. Полицейская команда Слуцка из 20 нижних чинов была вооружена шашками и 12 револьверами. При этом шашки не годились как «боевое оружие, так как клинки их из простого железа, легко

гнутся и зазубриваются». Проверка показала, что 4 револьвера «совершенно испорчены» и даже не подлежат ремонту, 4 «при опытной стрельбе, не дают проверочных выстрелов», т.е. фактически неисправны. Остальные пистолеты могут использоваться, но требуют частого ремонта, и «как старосистемные, долго бывшие в употреблении и часто чинившиеся, не могут быть признаны боевым оружием» [11, л. 126]. Отнюдь неслучайно Департамент полиции МВД в секретном циркуляре от 26 января 1906 г. был вынужден признать, что «революционеры зачастую снабжены оружием значительно лучших образцов, чем чины городских полиций» [11, л. 450].

Практически все партии революционного толка использовали боевиков для насильственного вовлечения населения в акции массового протеста, особенно забастовки. В частности, согласно рапорту виленского губернатора К.К. Палена от 29 апреля 1905 г. «стачки и забастовки среди рабочих и служащих в промышленных заведениях города Вильно происходят помимо желания большинства, под давлением со стороны незначительной группы лиц, принадлежащих к боевым и террористическим кружкам преступных организаций». Они «путем угроз, запугиваний и насилий, нередко выражающихся в кровавых расправах, всегда достигают того, что самые мирные и благомыслящие рабочие невольно прекращают занятия, щадя лишь неприкосновенность своей личности» [5, л. 88]. В воспоминаниях руководителя двинских боевиков Бунда М. Дейча утверждается, что при организации забастовки и демонстрации в феврале 1905 г. они «закрыли все лавки и магазины, в этом деле участвовало до 30 боевиков, угрозы полиции были бессильны, ибо обыватели боялись больше нас, чем полиции», а партийные «патрули не позволили рабочим депо работать» [4, с. 152–153].

Против полиции велась постоянная пропаганда в многочисленных листовках. Ее следствием становилась дегуманизация образа полицейского, превращавшегося в абстрактного врага, лишённого каких-либо человеческих черт и подлежащего уничтожению. Например, в прокламации «Ко всем!» Полесского комитета РСДРП (февраль 1905 г.) утверждалось, что все «должны отвечать выстрелами из револьверов, вооружаться палками, камнями, чем только попало, но всегда отвечать массовым нападением на полицию, жандармов и прочих царских собак» [10, с. 58]. Положительное от-

ношение к убийствам превращалось в правило хорошего тона. Так, в прокламации «К крестьянам!» (март 1905 г.) говорилось, что «многие из честных и отзывчивых русских граждан радуются и прославляют героев, убивающих кого-нибудь из кровопийц царской шайки, министров и полиции» [10, с. 77]. В 1905 г. ЦК Социал-демократической партии Литвы призывал к изгнанию и убийствам «наиболее злостных» полицейских [12, с. 170].

В свою очередь, террор против полиции привел к тому, что на некоторое время она оказалась просто деморализована на всем пространстве литовско-белорусских губерний. Так, в 1905 г. городские даже не решались срывать революционные листовки. В частности, согласно донесениям начальника Губернского жандармского управления в г. Вильно (далее ГЖУ) от 28 ноября 1905 г. «революционеры расклеивают, не стесняясь, на глазах городских преступные воззвания, и последние не решаются таковые изъять» [12, с. 20]. Подобная ситуация сложилась в Гомеле согласно донесению от 1 декабря 1905 г. помощника начальника Могилевского ГЖУ М.А. Подгоричани: после террористических актов против местного исправника и полицеймейстера «чины полиции, видимо, стали несколько безучастно относиться к революционным явлениям» [13, с. 231]. В результате «расклеиваемые по городу прокламации противозаконного содержания никем не снимаются, и ни одной прокламации я от чинов полиции за истекший месяц не получил» [13, с. 231]. Причина страха нижних чинов и пассивности полицейских чиновников объясняется масштабами террора, которые хорошо иллюстрирует, например, ситуация в Белостоке. В этом крупнейшем городе Гродненской губернии с 1 января 1905 г. до объявления 7 сентября 1905 г. военного положения погибло от рук боевиков 4 и было ранено 9 полицейских чинов МВД, а после отмены военного положения с 1 марта до 23 мая 1906 г. совершено еще 18 терактов, жертвами которых стали как чиновники полиции (2 убитых и 6 раненых), так и гражданское население (1 убитый и 5 раненых). Жизнь любого полицейского сотрудника (от полицеймейстера до постового городского) оказалась поставленной под угрозу, поскольку террористы выбирали жертву «безотносительно от своих личных качеств или степени опасности их для разрушительных элементов». В ход шли взрывные устройства, ножи и огнестрельное оружие,

причем подчас убийства совершались с особой жестокостью. Так, 19 июля 1905 г. на пороге мясной лавки было совершено убийство городского Барцевича: «обливают серной кислотой и, лишеного зрения, зверски убивают тремя выстрелами из револьвера» [7, л. 3 об.]. Вследствие череды терактов против чиновников МВД среди населения Белостока сформировалась убежденность в полной безнаказанности революционеров и бессилии полиции. Например, после того как в городе «распространился слух, что революционная организация приговорила к смерти» исполняющих обязанности полицеймейстера и его помощника, приставов 2-го и 4-го участков, последние обнаружили, что «как только кто-либо из них садился в вагон конно-железной дороги, остальная публика, преимущественно евреи, спешили оставить таковой, а при появлении их в магазине или ресторане посетители разбегались» [7, л. 4]. Целенаправленный террор против полиции на какое-то время парализовал деятельность чинов городских полицейских управлений.

Заключение. Таким образом, полиция городских полицейских управлений оказалась застигнутой врасплох массовыми беспорядками. Политические партии под предлогом защиты от еврейских погромов, якобы организуемых полицией, или расправы с инакомыслящими располагали группами хорошо вооруженных боевиков. Последние терроризировали полицию, вовлекали в свои ряды молодежь и придавали массовым акциям заведомо радикальный, далекий от какого-либо мирного гражданского протеста, характер. Против полиции велась пропаганда, а в общественном мнении утверждался негативный образ полицейского, призванный оправдать политический террор. Малочисленная полиция городских полицейских управлений не имела сил для пресечения деятельности боевых партийных организаций. Слабость полицейских структур в белорусских губерниях, как представляется, косвенно свидетельствует о том, что в Российской империи так и не сложилось полицейского государства, располагавшего специализированным аппаратом подавления. В результате в условиях политического кризиса 1905–1907 гг. пришлось неоднократно обращаться в соответствии с предусмотренным законодательством порядком к помощи армейских подразделений русской армии. Однако вынужденное применение военной силы при столкновениях с радикаль-

ными боевиками, чьи действия имели, в сущности, провокационный характер, в городских условиях оборачивалось человеческими жертвами среди гражданского населения. Это не было результатом действий исключительно русских армейских подразделений. Мировая практика применения войск в борьбе с террористическими формированиями в XX в. от Великобритании и Франции до Турции и Шри-Ланки показала, «что использование армии неизбежно приводит к уничтожению значительной части гражданских лиц» [14, с. 27]. Вовлечение армии в мероприятия по охране общественного порядка и противодействию терроризму не является безусловным показателем репрессивности политического режима. Вместе с тем без привлечения к охране правопорядка армейских подразделений боевикам радикальных партий, несомненно, удалось бы на какое-то время захватить власть в отдельных городах белорусских губерний, парализовав своими действиями работу городской полиции.

Литература

1. Кларк, Уэсли К. Как победить в современной войне / Уэсли К. Кларк. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 240 с.
2. Воспоминания Еф. Беленького. 1905 год. Подготовка к вооруженному восстанию // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 45.
3. Борисова, Р.Б. В огне революционной борьбы / Р.Б. Борисова. – М.: Изд-во полит. литературы, 1957. – 151 с.
4. Дейч, М. Записки о моей революционной работе / М. Дейч // Пролетарская революция. – 1922. – № 8. – С. 129–168.
5. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. – Оп. 211. – Д. 2.
6. Материалы к истории русской контрреволюции. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1908. – Т. 1. – 457 с.
7. ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 211. – Д. 46.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1416. – Оп. 2. – Д. 21388.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Коллекция всеподданнейших отчетов губернаторов. – Всеподданнейший отчет виленского губернатора за 1906 г. – С. 1–14.
10. Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг.: док. и материалы / Ин-т истории Акад. наук БССР, Арх. упр. БССР. – Минск: Изд-во АН БССР, 1955. – 745 с.
11. НИАБ. – Ф. 299. – Оп. 2. – Д. 13335а.
12. Революция 1905–1907 гг. в Литве: документы и материалы. – Вильнюс: Гос. изд. полит. и науч. литературы, 1961. – 572 с.
13. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженное восстание. Ноябрь–декабрь 1905 года / под ред. А.Л. Сидорова. – М.: АН СССР, 1957. – Ч. IV. – 1002 с.
14. Мельничук, К. Формы и методы борьбы с террористическими и экстремистскими организациями / К. Мельничук // Зарубежное военное обозрение. – 2009. – № 1. – С. 24–27.

Поступила в редакцию 30.05.2015 г.

Диалектическое измерение феномена фрактальности

Слемнев М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Диалектический способ мышления активно проникает в современную науку. Ярким подтверждением тому является новое научное направление междисциплинарных исследований – синергетика. Данная область знания существенно обогатила и конкретизировала все базовые принципы и важнейшие законы диалектики как философского учения о развитии и всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений.

Цель статьи – определение вклада синергетических воззрений о фрактальном устройстве мира в теоретическое «ядро» диалектики – категориально-понятийную презентацию органического единства и вечного противоборства противоположных сторон бытия.

Материал и методы. Осуществлена философско-методологическая рефлексия фрактальных представлений о мире, развиваемых в работах И.Р. Пригожина, Г. Хакена, Б. Мандельброта, Э. Морена, С.П. Курдюмова, Н.Н. Моисеева, Г.А. Котельникова, Е.Н. Князевой, В.С. Степина и др. Исследование выполнено в диалектической традиции с ориентацией на объективность, конкретность и историчность рассмотрения предмета познания. Используются общелогические и общенаучные методы.

Результаты и их обсуждение. Идеальных фракталов, «масштабно инвариантных» объектов ни в природе, ни в обществе нет. Реально существуют лишь фракталоподобные образования. Математические и геометрические «фрактальные игры» можно использовать в качестве удобных моделей для изучения открытых природных и социальных систем. Синергетические представления о возникновении фрактального порядка из турбулентного хаоса являются хорошей иллюстрацией диалектического понимания развития как противоречивого единства изменчивого и устойчивого, вариативного и инвариантного, прерывного и непрерывного. Проходя в своем развитии через многочисленные «точки бифуркации», природа действует весьма экономно. В соответствии с законом «диалектического снятия» она стремится сохранить тот алгоритм конструкторской деятельности, который выдержал суровые испытания естественного отбора. Для адекватного описания противоречивой дискретно-континуальной «красоты хаоса» необходимо создание специального математического исчисления.

Заключение. Важной чертой современной междисциплинарной науки является ее активная диалектизация. Это, в частности, отчетливо видно в синергетических исследованиях феномена фрактального устройства мира. Известный лозунг о необходимости творческого союза философии, основанной на принципах диалектики и частных наук, весьма актуален для наших дней.

Ключевые слова: диалектика, синергетика, развитие, открытые системы, фрактал, самоподобие, метрическая инвариантность, хаос, порядок, противоположности, противоречие.

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 101–105)

Dialectical Dimension of the Phenomenon of Fractality

Slemnev M.A.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

Dialectical way of thinking is actively penetrating into contemporary science. The vivid confirmation of this is synergetics, a new research direction of interdisciplinary studies. This field of knowledge has substantially enriched and specified all basic principles and most important laws of dialectics as a philosophic doctrine of development as well as general link and mutual conditioning of phenomena.

The purpose of the work is identification of the input of synergetic ideas on the fractal arrangement of the world into a theoretical «nucleus» of dialectics – category and notion presentation of organic unity and eternal counteraction of opposite sides of being.

Material and methods. Philosophic and methodological reflection on fractal ideas of the world, which are developed in works by I.R. Prigozhin, G. Haken, B. Mandelbrott, E. Morren, S.P. Kurdiumov, N.N. Moiseyev, G.A. Kotelnikov, E.N. Kniazeva, V.S. Stepin and others, is exercised. The study is performed in dialectical tradition aiming at objectivity, specificity and historicity of consideration of the object of cognition. Traditional general logical and general research methods are used.

Findings and their discussion. Ideal fractals, «scale invariant ones», do not exist either in nature or in society. Only fractal type formations are real. Mathematical and geometric «fractal games» can be used as convenient models to study open natural and social systems. Synergetic ideas of the emergence of fractal order out of turbulent chaos are a good illustration of dialectical understanding of development as a contradictory unity which is changeable or stable, variable or

Адрес для корреспонденции: e-mail: mihail_slemnev@mail.ru – М.А. Слемнев

invariable, breakable or continuous. Passing in its development through multiple «bifurcation points» nature acts in a saving way. In accordance with the law of «dialectical removal» it strives to retain the algorithm of designing activity which passed the hard test of natural selection. To adequately describe the contradictory discrete and continual «beauty of chaos» it is necessary to create special mathematical calculation.

Conclusion. *An important feature of contemporary interdisciplinary science is its active dialectization. This is clearly traced, in particular, in synergetic studies of the phenomenon of fractal composition of the world. An outstanding slogan on the necessity of the creative union of philosophy, based on the principles of dialectics, and separate sciences is topical nowadays.*

Key words: *dialectics, synergetics, development, open systems, fractal, self resemblance, metric invariant, chaos, order, oppositions, contradiction*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 101–105)

При рассмотрении истории развития науки обычно выделяют три этапа: классический, неклассический и постнеклассический. В классической науке (от зарождения опытного естествознания в середине XVI до конца XIX в.), объектом исследования которой преимущественно были простые механические системы, диалектический характер природы просматривался весьма смутно. Поэтому идеи диалектики в ней были востребованы слабо. В неклассический (конец XIX – середина XX в.) и постнеклассический периоды (середина XX в. и по настоящее время), ситуация радикально изменилась: наука по сути начала говорить на языке диалектики. Это вполне объяснимо, ибо объектом ее исследования стали самоорганизующиеся и саморазвивающиеся системы. Показательным примером стремительного проникновения диалектического способа мышления в современную науку является новое междисциплинарное направление – синергетика. Она изучает структуру и закономерности функционирования и развития открытых природных и социальных систем сложной конфигурации. Синергетику иногда называют «прикладной диалектикой». И в этом есть резон. Сегодня можно с полной уверенностью сказать, что данная отрасль научного знания с помощью своего оригинального понятийного аппарата («самоорганизация», «нелинейное развитие», «аттрактор», «диссипативное», «бифуркация» и др.) обогатила основополагающие принципы и законы диалектики как философского учения о развитии и всеобщей связи и обусловленности явлений, раскрыла механизмы взаимодействия количественных и качественных изменений, необходимого и случайного, возможного и действительного в развивающихся системах. Существуют и иные зоны концептуального пересечения синергетики и диалектики.

Цель статьи – определение вклада синергетических воззрений о фрактальном устройстве мира в теоретическое «ядро» диалектики –

категориально-понятийную презентацию органического единства и вечного противоборства противоположных сторон бытия.

Материал и методы. Осуществлена философско-методологическая рефлексия фрактальных представлений о мире, развиваемых в работах И.Р. Пригожина, Г. Хакена, Б. Мандельброта, Э. Морена, С.П. Курдюмова, Н.Н. Моисеева, Г.А. Котельникова, Е.Н. Князевой, В.С. Степина и др. Исследование выполнено в диалектической традиции с ориентацией на объективность, конкретность и историчность рассмотрения предмета познания. Использованы общелогические и общенаучные методы.

Результаты и их обсуждение. Слово «фрактал» (лат. – «fractus») переводится как дробленный, сломанный, разбитый. В качестве научного термина оно было впервые использовано американским математиком Б. Мандельбротом во второй половине прошлого века. Фракталами он назвал математические и геометрические объекты, изменение метрического стандарта которых по дробному алгоритму приводит к появлению фигур со специфическими свойствами: каждый их отдельный элемент является уменьшенной копией целостного образования. Такая метрическая регулярность именуется «масштабной инвариантностью», «самоподобием», «дробной размерностью» [1].

Эффект воспроизведения исходного целого в его частях, а частей – в частях части выражается при помощи особых математических формул. Для иллюстрации феномена фрактальности можно прибегнуть к наглядным геометрическим образам. Например, для придания зримых очертаний математическому фракталу Э. Кох на бесконечной прямой выделяются отрезки длиной l . Каждый отрезок делится на три равные части и на средней строится равносторонний треугольник со стороной $l/3$. Далее процесс повторяется. На отрезках $l/3$ строятся треугольники $l/9$, на них – треуголь-

ники со сторонами $1/27$ и т.д. В итоге получается ломаная линия, каждый элемент которой в уменьшенном виде является ее повторением. По подобному принципу конструируется и фрактал Г. Минковского. При его построении вместо системы треугольников на прямой строятся меандры – «прямоугольные волны» бесконечно убывающих размеров [2, с. 156].

Такие специфические свойства фракталов, как самоподобие, масштабная инвариантность, дробная размерность, можно выразить средствами компьютерной графики на языке звука, цвета, и даже получить их удивительное по красоте объемное изображение [3, с. 65–66]. Подобной трансформации неосознанного абстрактного в чувственно-конкретное подверглись, например, фрактальные уравнения Б. Мандельброта и Г. Жюлиа [4, с. 14–16].

Важно отметить, что математические и геометрические «фрактальные игры» имеют под собой объективное основание. Отыскать адекватный аналог самоподобных математических и геометрических структур в мире природных и социальных систем, конечно же, нельзя. Как нельзя, допустим, материализовать такие теоретические конструкты, как «идеальный газ», «математический маятник», «точечный заряд». Это все абстракции. Но они являются условными, схематичными референтами различных фрагментов материального мира. То же самое можно сказать о математических и геометрических фракталах. За ними скрываются фракталоподобные природные и социальные объекты и процессы, которые либо очень, либо слегка похожи на соответствующие математические и геометрические структуры.

Феномен реальной фрактальности обусловлен тем, что, как отметил Р. Фейнман, «вышивая свой узор, природа пользуется лишь самыми длинными нитями, и всякий, даже самый маленький, образчик его может открыть нам глаза на строение целого» [5, с. 34]. Природа весьма экономна, действует как рациональный хозяин и не «множит сущности без необходимости» (У. Оккам). Пройдя в своем развитии через многочисленные «точки бифуркации», она стремится сохранить с соответствующими модификациями тот алгоритм конструкторской деятельности, который выдержал суровые испытания «естественного отбора» [6, с. 46–65]. Все это уже давно нашло отражение в известной диалектической трактовке развития как единства изменчивого и устойчивого, уничтожения и сохранения,

дискретного и континуального, инвариантного и вариативного. С определенными оговорками можно сказать, что концептуальной основой (насколько осознаваемой, это уже другой вопрос) синергетических воззрений о существовании в мире масштабно инвариантных, самоподобных, обладающих дробной размерностью структур является идея «диалектического снятия», в которой акцент делается на удержании положительного, сохранении ростков нового в старом, повторении ранее достигнутого в процессе прокладывания необходимостью дороги через массу случайностей.

Наличие в природе и обществе экстенсивных и интенсивных изменений позволяет выделить вертикальную и горизонтальную фрактальность мира. Вертикальная фрактальность выражается в том, что в процессе эволюционного развития «послевзрывной материи» на темпоральном отрезке длиной приблизительно в 15 млрд лет алгоритм строения и функционирования низших уровней организации материи с определенными коррективами воспроизводится на высших, более сложных уровнях (элементарные частицы – ядра – атомы – молекулы – молекулярные соединения – ... звезды – звездные системы – галактики – метагалактики и т.д.). При таком динамическом «срезе» мир предстает «в виде сетевой иерархии процессов становления, необходимых переходов потенциального в актуальное» [7, с. 80]. Упрощенная модель – популярная русская игрушка «Матрешка». В отношении горизонтальной фрактальности находятся объекты, принадлежащие одному и тому же уровню структурной сложности. Наглядным примером может служить обычное дерево. Ветвь дерева – это дерево в миниатюре, а ответвления ветви подобны и материнской ветви, и самому дереву. По такому же ризомному принципу устроены его листья и корневище, береговая линия озер, морей и океанов, зимние узоры на окнах, облака.

Вертикальная и горизонтальная масштабная инвариантность, структурная и функциональная похожесть качественно разнородных объектов является основой «умеренного редуционизма» и дает возможность сведения сложного к простому в допустимых границах [8, с. 24–29]. Именно фрактальное устройство мира позволяет исследовать законы движения земли по своей орбите на наклонной плоскости, обыкновенном маятнике или, допустим, свободно падающем теле, элементарные час-

тицы моделировать с помощью колеблющейся струны, атом – водяной капли, электромагнитное поле – волн на воде, ген – двойной спирали, представлять онтогенез в виде логически свернутого во времени филогенеза, создавать эскизный портрет развитого организма на базе изучения всего лишь одной его клетки.

Ориентация на фрактальные аналогии, родственность качественно различных явлений, поиск единого во многом была всегда и является сегодня магистральным направлением научного познания. Эта методологическая установка четко просматривается, например, в попытках отыскания точек соприкосновения четырех фундаментальных видов взаимодействия: гравитационного, электромагнитного, слабого и сильного. Важным шагом на пути возможного синтеза существующих физических теорий явилось создание обобщенной модели электромагнитного и слабого взаимодействия, сформулированной в 60-х годах XX века Ш. Глэшоу, С. Вайнбергом и А. Саламом. Это позволило объяснить электромагнитное и слабое взаимодействие с единой точки зрения и свести все многообразие элементарных частиц к двум видам: лептонам и кваркам. Предпринимаются достаточно успешные попытки включить в разработанную теоретическую схему и сильное взаимодействие. Более того, физики приблизились к объединению всех вышеназванных типов взаимодействия на базе идеи супергравитации. В итоге появляется возможность связать два больших класса элементарных частиц – фермионов и бозонов. Заслуживает также внимания унификация физического знания, связанная с т.н. «струнным» подходом. Предложенная в 1985 году Дж. Шварцем и М. Грином идея о представлении элементарных частиц в виде особых протяженных сущностей – струн, а в последнее время мембран, расценивается многими физиками как перспективное направление по конструированию «теории Всего».

Как видим, создаваемая крупными синергетическими мазками фрактальная картина мира органически вписывается в диалектическую концепцию развития. Точнее, в ту ее часть, где подчеркивается наличие устойчивого, повторяющегося, инвариантного, стабильного в любых природных и социальных процессах. Но у развития есть и другая, неразрывно связанная с первой, сторона – изменчивость, подвижность, текучесть всего сущего. Можно с удовлетворением констатировать, что это тоже зафиксировано во фрактальных

воззрениях. Отмечая «поразительное сходство между совершенно различными явлениями, например, между излучением лазера и социальными процессами или эволюцией» [9, с. 53], один из основоположников синергетики Г. Хакен называет все это лишь «вершиной айсберга» [9, с. 53]. Его огромная подводная часть, которой присуща дробная размерность чрезвычайно низкого порядка, представляет собой турбулентный, континуальный, лишенный структуры хаос. Именно хаос является той субстратной основой, из которой вырастает стройный, симметричный, упорядоченный фрактальный мир. Подобное взаимодействие порядка и хаоса есть типичное проявление напряженного, динамичного, противоречивого единства противоположностей, о котором так много размышляли Гераклит, Кузанский, Лейбниц, Гегель, Маркс и другие носители диалектического сознания.

Наглядное представление о возникновении порядка из хаоса можно получить при длительном дроблении изящных фрактальных фигур. Итоговый результат не поддается здесь зримому восприятию. В результате многократного увеличения линий и поверхностей, обрамляющих микро-фрактальный уровень организации материи, видно, что они состоят из пористой массы каких-то «спиралей и завитков» [10, с. 14]. Но каждый из этих элементов, подобно монаде Лейбница, репрезентирует «в малом масштабе саму фигуру» [10, с. 14]. Безусловно, реальный хаос таким не является. Равно как постоянный ток не является направленным потоком электронов, перемещающихся по прямой, а переменный – по синусоиде. Но противоречивую суть феномена фрактальности такой образ в общих чертах передает.

Системная организация реального турбулентного хаоса с последующим запоминанием и воспроизведением алгоритма его организации в случае размывания установленного порядка происходит приблизительно по одному и тому же сценарию. В открытой системе, которая обменивается веществом, энергией и информацией с окружающей средой, внешнее воздействие, иногда весьма незначительное, приводит к возникновению «новой динамики самоорганизации, которая генерирует более когерентные и дифференцированные структуры и производит радикальное переструктурирование системы» [11, с. 31]. Так, например, квантовая «накачка» атомных образований, находящихся в неравновесном состоянии, приводит к возникновению упорядоченного

лазерного излучения. Похожие процессы происходят и в хаотичных молекулярных ансамблях. В случае повышения их температуры до соответствующего порогового значения наблюдается феномен конвекции Бенара: группировка молекул в стройные динамические паттерны. По такой же схеме совершаются фазовые переходы ферромагнетика в области точки Кюри [4, с. 15; 11, с. 30].

Геометрическая презентация взаимосвязи беспорядочного хаоса и фрактального порядка в мире открытых систем дает весьма приблизительное представление о сути происходящего. Саму же суть можно выразить только с помощью специального математического аппарата. Есть мнение, что соответствующее ему математическое исчисление может быть получено путем обобщения операций дифференцирования и интегрирования на дробные, включающие комплексные порядки производной и кратности интеграла. В этом случае традиционное дифференциальное и интегральное исчисление будет распространено на множество всех действительных и комплексных чисел [11]. Если это получится, то тогда математика дробной метрической размерности включит в себя в «снятом виде» дифференциальное и интегральное исчисление подобно тому, как это произошло с евклидовой геометрией и классической механикой, которые стали соответственно частным случаем геометрии неевклидовой, специальной и общей теории относительности и квантовой физики. Принцип же соответствия, который является конкретизацией идеи диалектического отрицания, сможет тогда в очередной раз продемонстрировать эвристическую силу. В свою очередь, математический синтез дополнительного корпускулярного и волнового, дискретного и континуального описаний дает возможность зафиксировать в четком формализованном виде противоречивую пространственно-временную сущность движения, отмеченную Гегелем: двигаться, значит «здесь быть теперь и не теперь» и «теперь быть здесь и не здесь».

Заключение. Говорить в постмодернистской философской среде на языке категорий классической диалектики «количество», «качество», «мера», «противоположность», «противоречие», «возможность», «действительность», «необходимость», «случайность» ста-

ло считаться чуть ли не правилом дурного тона. На смену им пришли вычурные термины, типа «симулякр», «метарассказ», «нарратив», «номадическое распределение», «смерть автора» и т.д. Софистический, субъективно-релятивистский дискурс постмодернистской философии оказался не востребуемым современной наукой. В известном смысле ее профессиональным языком стал конкретизированный, детализированный, формализованный язык диалектики. Это, в частности, отчетливо проявляется в синергетических исследованиях феномена фрактальности мира. Популярный в недалеком нашем прошлом лозунг о необходимости творческого союза диалектики как учения о всеобщей связи, взаимной обусловленности и противоречивой сущности всех явлений с естественными, социогуманитарными и техническими науками актуален и сегодня.

Литература

1. Пайтген, Х.-О. Красота фракталов / Х.-О. Пайтген, П.-Х. Рихтер. – М.: Мир, 1993. – 179 с.
2. Шишлова, А. «Ломаная» антенна / А. Шишлова // Наука и жизнь. – 1998. – № 7. – С. 156.
3. Козинцев, С. Ландшафты фрактальных миров / С. Козинцев // Наука и жизнь. – 1995. – № 12. – С. 65–67.
4. Транковский, С. Красота хаоса / С. Транковский // Наука и жизнь. – 1994. – С. 14–16.
5. Фейман, Р. Характер физических законов / Р. Фейман. – М.: Наука, 1968. – 158 с.
6. Слемнев, М.А. Простое и сложное в природе и познании / М.А. Слемнев. – Минск: Наука и техника, 1976. – 144 с.
7. Аршинов, В.И. Синергетика конвергирует со сложностью / В.И. Аршинов // Вопросы философии. – 2011. – № 4. – С. 73–84.
8. Морен, Э. Метод. Природа Природы / Э. Морен. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
9. Синергетике – 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 53–62.
10. Хоружий, С.С. Что такое SYNERGIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы / С.С. Хоружий // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 19–37.
11. Цицин, Ф.А. Астрономическая картина мира: новые аспекты / Ф.А. Цицин // Астрономия и современная картина мира. – М.: РАН, 1996. – С. 3–39.

Поступила в редакцию 02.03.2015 г.

УДК 316.42:316.75

Глобализирующийся социум и идеология

Рудковский Э.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Интеграционные процессы в мире в целом и на постсоветском пространстве в частности следует рассматривать в единстве всех сфер общественной жизни. Как бы ни важна была экономическая интеграция, весьма существенную роль играют духовные факторы, единство идеологических ценностей.

Цель статьи – показать место и роль идеологии в интернационализации современного социума.

Материал и методы. *Материалом исследования являются основные тенденции развития геополитической ситуации в современном мире. Используются как общелогические методы исследования (анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, абстрагирование), так и методы теоретического познания (единство логического и исторического, идеализация, восхождение от абстрактного к конкретному).*

Результаты и их обсуждение. *Интернационализация современного общества проявляется как на глобальном, так и региональном уровне. Процессы глобализации не отменили роль идеологии, которая выступает атрибутом любого государства. Именно идеологические приоритеты определяют во многом отношение стран Запада к процессам общественной трансформации на постсоветском пространстве. Двойные стандарты в их оценке – яркое тому подтверждение.*

На региональном и субрегиональном уровнях интеграционных процессов социокультурные и идеологические факторы также играют важную роль. Безусловно, определяющее значение в этих процессах принадлежит экономическому сотрудничеству. Однако нельзя стоять на позициях экономического детерминизма. Решение многообразных задач строительства Союзного государства Беларуси и России невозможно без гуманитарного сотрудничества, поиска гуманитарных приоритетов. Именно идеология формулирует стратегию того, как обустроить наш общий дом.

Заключение. *В глобализирующемся мире идеология продолжает играть весьма существенную роль в различных ее видах, формах и средствах актуализации. Экономическая интеграция на региональном и субрегиональном уровне не может быть успешной, если она строится только на хозяйственной выгоде. Необходимо принимать в расчет социокультурные факторы: менталитет народов, их традиции, «символы души», идеологические ценности, историческую память.*

Ключевые слова: *глобализация, интеграция, идеология, социокультурные факторы, историческая память.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 106–110)

Globalizing Society and Ideology

Rudkovski E.I.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

Integration processes in the world in general and in the post-Soviet space, in particular, should be seen in the unity of all spheres of public life. No matter how important the economic integration, the key role is played by spiritual factors and the unity of ideological values.

The purpose of this article is to show the place and role of ideology in the internationalization of modern society.

Material and methods. *The material of the research is main tendencies of the development of geopolitical situation in the contemporary world. Both general logical research methods (analysis and synthesis, induction and deduction, generalization, abstraction), and methods of theoretical knowledge (the unity of the logical and historical, idealization, the ascent from the abstract to the concrete) are used.*

Findings and their discussion. *Internationalization of modern society is manifested both at the global and regional levels. The processes of globalization have not abolished the role of ideology, which is an attribute of any state. It is ideological priorities that largely determine the attitude of Western countries to the processes of social transformation in the post-Soviet space. Double standards in their assessment are a striking confirmation.*

Social and cultural as well as ideological factors also play an important role at the regional and subregional levels of integration processes. Undoubtedly, crucial importance in these processes belongs to economic cooperation. However, you cannot take the position of economic determinism. The solution of various tasks of the Union State of Belarus and Russia is impossible without humanitarian cooperation, search for humanitarian priorities. It is the ideology that formulates the strategy of building up our common home.

Адрес для корреспонденции: e-mail: edw.ru@yandex.ru – Э.И. Рудковский

Conclusion. *In the globalizing world ideology continues to play a very significant role in its various types, forms and means of actualization. Economic integration at the regional and subregional level cannot be successful if it is based only on economic benefits. It is necessary to take into account socio and cultural factors: the mentality of the peoples, their traditions, «symbols of the soul», ideological values, historical memory.*

Key words: *globalization, integration, ideology, socio and cultural factors, historical memory.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 106–110)

Становление нового миропорядка, развитие взаимовыгодного сотрудничества стран и народов зависят от многих факторов. Прежде всего, речь идет о многоплановом и эффективном экономическом сотрудничестве, которое носит базисный характер и определяет во многом процессы в других сферах общественной жизни.

Вместе с тем нельзя недооценивать значения факторов политических, которые самым тесным образом связаны с идеологическими ценностями и приоритетами.

Цель статьи – показать место и роль идеологии в интернационализации современного социума.

Материал и методы. Материалом исследования являются основные тенденции развития геополитической ситуации в современном мире. Используются общелогические методы (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование) и общепринятые методы теоретического исследования (единство логического и исторического, восхождение от абстрактного к конкретному).

Результаты и их обсуждение. Известно, что многие западные исследователи заявляют о конце идеологии в условиях набирающих темпы процессов глобализации. Так ли это? Процессы глобализации в последние десятилетия резко вторглись в жизнь человеческого общества, затрагивают все его сферы, изменяют динамику и содержание экономической жизни, направленность и интенсивность межкультурного взаимодействия, привычные устои быта людей.

Индикатором глобализации является формирование единого, взаимозависимого и взаимопроницающего мира. Национально-государственные формы человеческого бытия постепенно утрачивают значительную часть своего суверенитета и самодостаточность. Все мы стали свидетелями и участниками «тектонических сдвигов» в рамках человеческой цивилизации, когда глобальные процессы не только объединяют прежде разрозненные элементы целого, но и оказывают на них глубокое преобразующее воздействие. Фактически речь идет о создании глобального сообще-

ства, в рамках которого существующие национально-государственные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных структурных единиц. Его можно назвать мегаобществом. По меткому выражению Х.М. Маклюэна, все мы живем в одной «глобальной деревне».

Следует учитывать, что современная глобализация – это закономерное и объективное явление, достаточно сложное и противоречивое, у него немало сторонников и противников. В результате при оценке глобальных процессов наблюдаются две крайности. Для одних – это панацея от всех бед, а для других – негативное явление, ускорившее социальную дифференциацию и пауперизацию населения, маргинализацию многочисленных социальных слоев и целых континентов, не входящих в «золотой миллиард» и оказавшихся на обочине социального прогресса. Кроме того, следует учитывать, что культура малых по численности этносов, а также региональная субкультура значительных по численности этнических общностей часто исчезают в условиях нарастающей стандартизации общественной жизни и интенсификации информационных процессов. Все это часто порождает «реакцию отторжения» от того государственного образования, в которое входили малые этносы. Более того, данный процесс часто сопровождается всплыванием национализма. Но кто может сказать, что национализм не является идеологией?

Нельзя не замечать и геополитический аспект проблемы. Распад СССР явился геополитической катастрофой XX века. Исчез биполярный мир, основанный на противостоянии двух сверхдержав. Однополярный мир не является более прочной конструкцией, он стоит «на одной ноге», хотя эта «нога» и обута в американский ботинок. США определяют по своему усмотрению национальные интересы, а потом пытаются подстраивать под их обеспечение весь остальной мир. Казалось бы, после исчезновения СССР, Варшавского договора накал идеологического противостояния, характерный для «холодной войны», должен уменьшиться. Однако действительность нам

демонстрирует иные образы. По-прежнему господствуют двойные стандарты в политической практике и оценке тех или иных событий на международной арене. Яркое тому подтверждение – события в Сирии, в Украине. Никуда не исчезла черно-белая картина мира, изображаемая западными политическими лидерами и СМИ. Имеющие место быть двойные стандарты как раз и вытекают из идеологических ориентаций западного общества. Именно идеологические ценности и приоритеты определяют, к примеру, отношение стран Запада к тем процессам, которые происходят на постсоветском пространстве. Политические стратеги Запада давно пришли к выводу, что только с помощью традиционных военных средств многие проблемы нельзя решить. Но есть и другие инструменты, более эффективные. К ним относится разрушение кодов национального бытия. То есть речь идет о разрушении базовых национальных ценностей, традиций и обычаев, исторической памяти народа. По масштабам и агрессивности идеологическая работа западных стран несколько не уступает практике бывшего СССР времен «холодной войны». Прежде всего речь идет о фальсификации исторических событий, настойчивых и агрессивных попытках внедрить в сознание людей и общественную практику ценности либеральной демократии, чрезмерно гипертрофированный принцип защиты прав меньшинства. Возникает вопрос: почему демократия должна быть только либеральной, и разве не правомерно говорить о ценностях консервативной и социалистической идеологии? Даже в годы «холодной войны» развивался диалог культур, не было таких ограничений на гастроли певцов, композиторов, театральных трупп, поездки ученых на международные симпозиумы. Сегодня и международные экономические институты (банки, фонды, рейтинговые агентства) часто работают по политическому заказу.

Мир становится все более целостным и взаимосвязанным, прежде всего, в экономической сфере. Однако парадокс в том, что мировая политика становится все более фрагментарной. Одновременно наблюдается и известное дробление идеологических процессов. В годы противостояния двух сверхдержав конструкция международных отношений была более простой и прочной. Существовали определенные правила игры, которые вынуждено было соблюдать так или иначе большинство акторов мировой политики (тяготеющих

к тому или иному блоку). Сегодня ситуация резко изменилась, возросла роль нетрадиционных субъектов международных отношений, малых по территории и населению государств. Общих правил нет, и пассажиры «космического корабля» по имени Земля ведут себя порой весьма самостоятельно, не признавая никаких правил и капитанов. Мир находится в состоянии мощнейшего слома международных политических институтов. Нестабильность современного мира возрастает.

Интеграционные процессы проявляют себя, как известно, на региональном и субрегиональном уровнях. Здесь также важную роль играют социокультурные и идеологические факторы. Безусловно, решающая, первичная роль в этих процессах принадлежит экономическому сотрудничеству. Экономика – это базис общества, который определяет все надстроечные явления и процессы. Однако нельзя стоять на позициях экономического и технологического детерминизма. В обществе все взаимосвязано, существуют прямые и обратные связи. Решение многообразных задач строительства Союзного государства Беларуси и России предполагает определение идеологических ориентиров и приоритетов. Вне их нельзя определить стратегию социально-экономических и политических преобразований внутри страны, цели и механизмы сотрудничества на международной арене. Идеология делает более целостным общественное сознание, влияет на морально-психологическую атмосферу в обществе.

Распространено мнение, что идеология – это неотъемлемый атрибут тоталитарного общества. Следует, конечно, признать, что господствовавшие идеологические «одежды» были изрядно потрепаны в период СССР от частого (к месту и не к месту) употребления. Вместе с тем, опыт постсоветского развития целого ряда стран показал, что любое общество (как и человек) должно иметь идейные ориентиры. Идеология – это не изобретение марксистов, а атрибут любого государства.

К сожалению, в современных условиях вопросы роли идеологии в общественной жизни не занимают того места, которое должны занимать. В этой связи хотелось бы обратиться к позиции известного российского ученого Ю. Вяземского. Он справедливо отмечает, что человек без идеологии – это человек в коме. «Сейчас идеология есть и очень мощная – это идеология успешности, эффективности, способности обеспечить свою семью... Та (сове-

тская. – Э.Р.) идеология была наполовину идеология. Тогда было много лжи и фарисейства, но были и другие ценности, и золотой телец не был центром всего. Когда я сравниваю эту идеологию с той... мне все-таки радостно, а не горько. Потому что мир стал честнее, естественнее, пусть и циничнее» [1]. С автором можно согласиться в том, что современная идеология – это идеология успешности. Его величество доллар, «золотой телец» стал мерилем этой успешности. И разве такая «идеология» преодолевает якобы половинчатость той, советской идеологии? Можно ли вообще потребительскую психологию, насаждаемую массовой культурой, считать образцом целостной, а не половинчатой идеологии? Массовая культура играет роль важнейшего средства социализации в современном обществе. Семья, школа, церковь постепенно сдают свои позиции по сравнению с ее охватом и воздействием на современное молодое поколение. Порой направленность этого воздействия оказывается в существенном противоречии с теми целями и задачами, которые процесс социализации по своему назначению призван решать. Массовая культура часто выступает в роли такого фактора, который не гуманизирует индивида, а дегуманизирует его, «расчеловечивает» человека. Безусловно, современное общество становится циничнее, с этим можно согласиться. Но ведь понятия «цинизм» и «пошлость» – они где-то рядом, близко друг к другу. Легко быть снобом, поскольку не надо ни за что отвечать. Сколько бы ни говорили СМИ о свободе творчества в новой стране, а счет-то все равно в пользу художественной культуры советского времени. Тогда она была нацелена на духовный, гуманистический, а не коммерческий результат. Сегодня всем и вся заправляет на большинстве российских телеканалов и в шоу-бизнесе коммерция. К примеру, советские фильмы часто были наивными, но они были добрыми, воспевали любовь, верность, коллективизм, честный труд, патриотизм, взаимопомощь, которые рассматривались в качестве эталонов жизнедеятельности. Существовали великие задачи, серьезные напряжения, увлекательные вызовы. Пришедшая на смену советской интеллигенции новая «культурная» элита пока не смогла предложить те ценности, которые могли бы стать фундаментом подлинно человеческих отношений. Пока, кроме погони за «золотым тельцом», апологии материального достатка здесь и сейчас, другого идеологичес-

кого продукта стране-соседке не предложено. Россия заражена гипертрофированной, исковерканной до абсурда формой либерализма. Ее главный девиз – живи для себя и ради себя. Страна превращается в своеобразный торгово-развлекательный центр. При помощи СМИ предпринимается попытка ограничить человека узким горизонтом потребительских, прагматических, конъюнктурно-политических интересов и отвлечь его от масштабных (социально-философских и философско-исторических) проблем. Правда, следует отметить, что в последнее время В. Путин и его помощники делают необходимые шаги к преодолению сложившегося положения. Причем особый акцент сделан на формировании патриотизма, гражданственности. Полагаем, что это создаст предпосылки и для формирования союзного патриотизма.

Как уже отмечалось, процессы глобализации, интернационализации общественной жизни негативно сказываются на сохранении культурного своеобразия малых по численности этносов. Именно последние, прежде всего, вовлекаются в «жернова» глобализации, нивелирующие культурное и цивилизационное их развитие, появляется угроза становления безнационального, безрелигиозного, технократически бездушного человека, актуализируется проблема сохранения исторической памяти. Сбереечь ее – значит сохранить свою культуру, традиции, обычаи, которые являются достоянием всего человечества. Историческая память – это эффективное оружие воспитательного воздействия, средство против фальсификации истории. Преемственность исторической памяти – залог самобытности этноса в контексте процессов глобализации. Прошлое представляется как хаос, нагромождение случайностей, пока о нем не вспоминают и не интерпретируют его. Только в этом случае прошлое обретает определенность, его содержание наполняется процессами, событиями, лицами, оно приближается к нам, становится частью нашего бытия. Когда речь идет о возрождении и сохранении исторической памяти, мы сталкиваемся часто (в политической практике и исторической литературе) со следующими подходами: а) предпринимаются попытки затушевать историческое прошлое, замолчать его; б) подать его в выгодном (или не выгодном для других) свете. Вспомним, хотя бы, как сегодня препарируется история бывшего СССР. История с ее нерешенными проблемами сидит в каждом из нас. Поскольку же

постсоветское общество находится на гребне социального перелома, то споры неизбежны.

Сохранение исторической памяти, как уже отмечалось, во многом зависит от характера интерпретаций исторического прошлого. Истолкование событий прошлого – это акт продолжения их существования в наличном общественном бытии. В результате они накладывают отпечаток на процессы современности. Однако под воздействием последних и господствующих в обществе ценностей они меняются сами, приобретают новое обличье. Порой искусное толкование может привести к замене в интерпретируемых событиях прежней парадигмы и концептуального ядра. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация содержания имевших место быть исторических событий. Вот почему не лишено определенного смысла расхожее полушуточное утверждение, что история России непредсказуема. С каждым поворотом (революционным или контрреволюционным) в общественном развитии меняются и оценки исторического прошлого. Правда, здесь следует отметить, что чем больше мы удаляемся от исторического события, тем меньше мы трактуем его в полярности «хорошо–плохо». И тем меньше исторические оценки зависят от слов политиков, их идеологических пристрастий.

От характера интерпретации исторического прошлого зависит и самоидентификация населения. Часто это болезненная проблема. К примеру, для исторических судеб населения приграничных регионов Беларуси была характерна частая смена геополитических и конфессиональных реалий, как в калейдоскопе, менялись властвующие элементы соседних государств, которые часто вели ожесточенную борьбу за спорные (по их мнению) территории. Войны приводили к вынужденному отказу населения приграничья от национального самоопределения. В приграничных регионах порой можно встретиться с феноменом замещения этнической идентификации конфессиональной.

В современных условиях ни один этнос, а тем более регион, не может динамично развиваться в условиях автаркии, изоляции от мировых цивилизационных процессов. Решение

многочисленных экономических и социокультурных проблем предполагает использование достижений постиндустриального общества у других народов, но не в ущерб национальным духовным ценностям, которые не исчерпали себя в качестве ресурса будущего развития социума. Диалог культур неизбежен, и он предъявляет требования к каждому этносу или отдельному региону: создавать новые формы бытия людей на основе базовых этнических ценностей. Отказ от национально-государственной самобытности означает духовную деградацию, утрату жизненных импульсов и перспектив.

Заключение. Эффективное международное сотрудничество, разрешение основных глобальных проблем современности зависят от многих факторов. Не последнюю роль здесь играют духовные ценности народов, учет их исторических, этнокультурных традиций, государственная идеология. Идеологию нельзя отменить ни под флагом «деидеологизации», ни по требованию учета здравого смысла. Беды современного социума часто обусловлены отсутствием духовных ориентиров, тех ценностей, которые объединяли как отдельные страны, так и целые цивилизации. Весьма актуальны и требуют обоснованного ответа вопросы идеологического обеспечения интеграции на постсоветском пространстве. Без единого прочтения истории не может быть единства народов. Идеология и общечеловеческие ценности, составляющие ядро мировой культуры, – это духовные скрепы общества. В процессе дальнейшего строительства Союзного государства Беларуси и России необходима выработка долговременной идейно-политической программы, которая обеспечит дальнейшую интеграцию стран. Идеологическим ядром и целью данного процесса может выступать создание гуманного, справедливого, безопасного, динамично развивающегося общества, способного отвечать на вызовы времени.

Литература

1. Вяземский, Ю. «Читайте и выигрывайте» / Ю. Вяземский // Союз. Беларусь–Россия. – 2014. – 23 янв. – С. 7.

Поступила в редакцию 21.01.2015 г.

УДК 81:1

Соотношение языка и мышления в схоластической философии

Гончарова А.А.

*Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Сергиево-Посадский гуманитарный институт», Сергиев Посад (Россия)*

Схоластика проделала значительный путь по преодолению негативного отношения к рациональному мышлению, результаты которого фиксируются в языке.

Цель статьи – определение соотношения мышления и языка, сложившегося в схоластической философии, и установление их места в познавательном процессе и жизни личности.

Материал и методы. *Исследованы воззрения Франциска Ассизского, Петра Дамиани, Боэция Дакийского, Сигера Брабантского, Ансельма Кентерберийского, Пьера Абеляра, Жана Буридана, Уильяма Оккама и Иоанна Дунса Скота. Используются как первоисточники, так и данные современных российских и зарубежных исследований. В статье применялись методы сравнительного и диалектического анализа.*

Результаты и их обсуждение. *В ранней схоластике обнаружено крайне негативное отношение к рациональному мышлению и просвещению, поскольку они расценивались как препятствие к вере. В дальнейшем отмечаются значительные усилия философов по согласованию путей постижения религиозного и рационального постижения истины. На фоне этого переосмысливается роль мышления и языка, ведется полемика на тему их соотношения, происходит поиск доминирующего явления.*

Заключение. *Установлено, что в схоластической философии кроется наглядный пример диалектического развития когнитивной теории познания. Благодаря преодолению отрицания актуальности рационального мышления сформировалась качественно новая эпистемология, эксплицирующая основы церковного учения при помощи философско-мыслительных приемов. Соотношение слова и мысли стало основным вопросом находящейся в процессе становления лингвистической философии данного периода.*

Ключевые слова: *схоластическая философия, язык, мышление, когнитивная теория познания, церковное учение, истина, вера.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – 111–117)

The Interrelation between Language and Thinking in Scholastic Philosophy

Goncharova A.A.

*Non-state education's establishment of higher professional education «Sergiev-Posad
Humanitarian Institute», Sergiev Posad (Russia)*

Scholasticism has made hard work to overcome negative attitude toward the rational thinking, whose results are fixed in language.

The purpose of this article is determination of the prevalent interrelation between language and thinking in scholastic philosophy.

Material and methods. *The subjects of the inquiry are Francis of Assisi, Peter Damian, Boetius of Dacia, Siger of Brabant, Anselm of Canterbury, Peter Abelard, Jean Buridan, William of Ockham and John Duns Scotus' views. The original sources, as well as the modern Russian and foreign research's findings are the base of inquiry. The methods of the dialectical analysis and the comparative one are used in this article.*

Findings and their discussion. *The rational thinking and education were regarded as an obstacle to faith in scholasticism. That is why they had extremely negative attitude to themselves. Philosophers made efforts to engraft the religious way of truth into the rational one. As a result the role of thinking and language, as well as importance of their interrelation were reinterpreted. The dominant phenomenon between them is searched.*

Conclusion. *There is an obvious example of cognitive epistemology dialectical development in the early scholasticism. The new epistemology, which explicates the Church doctrine foundations, was formed due to overcoming denial of the relevance of rational thinking. The interrelation between language and thinking became the main issue of scholastic linguistic philosophy, which was in the making.*

Key words: *scholastic philosophy, language, thinking, cognitive epistemology, Church doctrine, truth, faith.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 111–117)

Адрес для корреспонденции: e-mail: lynn-goncharova@mail.ru – А.А. Гончарова

Основной задачей схоластики нередко называют согласование философских и религиозных текстов, а через них – истин разума и истин веры. Приверженцы данной школы сумели доказать, что познавательная деятельность рационально мыслящего субъекта не уводит его от Бога, а, напротив, ведет к осознанию Его как первопричины сущего. Кроме того, с распространением христианства возникла необходимость донести его идеи и до людей, не обладающих достаточным духовным опытом, а это было возможно лишь с обращением к рациональному мышлению, результаты которого поддаются фиксации в языке.

Целью нашего исследования является установление места языка в его взаимосвязи с мышлением в схоластической философии. Различные точки зрения на данную проблему отражаются в трудах Франциска Ассизского, Петра Дамиани, Боэция Дакийского, Сигера Брабантского, Ансельма Кентерберийского, Пьера Абеляра, Жана Буридана, Уильяма Оккама и Иоанна Дунса Скота.

Материал и методы. Предметом исследования выступают мнения обозначенных представителей схоластической школы относительно роли мышления и языка в жизни личности. Сравнительному и диалектическому анализу подвергались как первоисточники, так и материалы современных российских и зарубежных исследований: книги, монографии, научные статьи.

Результаты и их обсуждение. В эпоху ранней схоластики в монашеской среде возникло агрессивное отношение к приобретению знаний и применению логического аппарата к постижению мира, поскольку вера и объективистско-рационалистическая установка сознания несовместимы. Так, Петр Дамиани (1007–1072) выступал одним из самых яростных противников логики, диалектики и светского образования в целом. Он утверждал, что Бог творит то, что Ему нужно, а то, что не нужно, – не делает. Поэтому какие-то претензии к Его действию выглядят абсурдными, и человечество не может обращаться к Богу со своими проблемами. Тем не менее, если подобное произойдет, оно найдет отражение в мистическом или аллегорическом толковании Священного Писания. Описывать оно должно с осторожностью и уважением, а не дерзко, свободно и буквально. Все, что обнаруживается в различных толкованиях Священного Писания, не должно тотчас же

распространяться по всему миру со своей надменностью, бесцеремонностью, вульгарным бесстыдством, разве что в рамках узкой дисциплины сдержанного дискурса. Постичь Бога и сделать соответствующие выводы на будущее можно лишь сердечными переживаниями и подобными путями [1]. Таким образом, Петр Дамиани пытался доказать некомпетентность разума в важнейших аспектах жизни, под которыми подразумевалась духовная сфера, неоправданность применения правил логики к религиозным таинствам и, как следствие, отсутствие актуальности рационального познания.

Подобное отношение к познанию продемонстрировал и Франциск Ассизский (1182–1226), который утверждал, что ни рациональное знание о жизненном пути, ни словесное рассуждение о нем не означают прохождение данного пути. При этом они подменяют собой реальное прохождение, не позволяют духу стремиться к деятельности, в результате чего он нацеливается лишь на обладание словами. Поэтому Франциск призывал «охранить себя от мудрости века сего и от разума плоти» [2]. Вначале он трактовал образование как средство узнать религиозную истину и распорядился отбирать у поступивших в монастырь всю литературу, кроме Евангелия. Аргументировал Франциск подобный подход тем, что «тот, у кого есть книга, тот желает иметь их больше и охотнее читает про дела других, чем сам совершает их». В дальнейшем же, когда во Францисканский орден стали вступать ученые клирики, Франциск одобрил их работу со Священным Писанием. К писаному слову он относился с почитательностью, поскольку в нем могло быть «начертано слово Господне» [3].

Однако были и приверженцы иных схоластических учений, которые не разделили точки зрения П. Дамиани и Ф. Ассизского. Они представили процесс рационального познания не как препятствие для веры, а как осознанный путь к ней. Соответственно, с иного ракурса они сумели взглянуть на феномен языка, служивший инструментом фиксации и трансляции рациональных аргументов в пользу христианского учения.

Боэций Дакийский (1230–1284) в своем произведении «О высшем благе, или О жизни философа» писал, что каждому человеку необходимо некое высшее благо. Это высшее благо должно быть дано человеку в его наилучшей способности, под которой философ подразумевает разум и понимание. Их Боэций называет

высшим правителем человеческой жизни, причем как в созерцательной позиции, так и в деятельностной. Люди, одержимые чувственными удовольствиями, по мнению схоласта, никогда не коснутся высшего блага, упуская благо понимания, которое в человеке позиционируется как божественное начало [4].

Сигер Брабантский в книге «Вопросы о разумной душе» утверждает, что для души постыдно не знать саму себя: без этого познания она не может верно судить о другом. Разумная душа, являясь неперменным атрибутом живого одушевленного тела, может быть познана только из своих действий, под которыми философ подразумевает мышление. Сигер доказывает, что мышление одновременно и соединено с материей, поскольку является человеческим актом, но в то же время отделено от нее, потому что не существует ни в одном телесном органе, как, например, зрение в глазу [5].

Боэций Дакийский и Сигер Брабантский являлись главными представителями схоластического течения, получившего название аверроизм. В то время как многие богословы выступали против применения разумного мышления в процессе постижения Бога и бытия в целом, последователи аверроизма утверждали, что к единственной истине можно прийти двумя путями – не только через религию, но и через философию. Концепция аверроизма гласила: то, что ложно в теологии, может быть истинным в философии. Из этого вытекала возможность обращения к мыслительным средствам познания, если выбрать философский путь. Так схоластик взяла курс на согласование истины веры и истины разума.

Ансельм Кентерберийский (1033–1109) продолжил линию Августина Блаженного и смог приспособить ее идеи к задачам схоластических богословов, стремившихся привести в гармонию разум и веру. Иеромонах Геннадий (Поляков) акцентирует внимание на том, что в процессе написания книги «Монология» философ стремился избегать доказательств каких-либо положений при помощи авторитета Писания. То, что утверждалось в конце каждого конкретного исследования, Ансельм старался представлять в ясном стиле, с применением простых рассуждений и понятных доводов. Выстраивая свои теоретические тезисы исключительно на рациональных обоснованиях, он подчеркивал необходимость разума и доказывал, что христианское учение,

получаемое через веру, понятно самодостаточному разуму и соответствует логике мышления.

В начале произведения он обращается к наиболее общим понятиям и лишь по мере развертывания рассуждений подводит к христианской терминологии. Переходя от понятия высшей природы, духа, любви, разума к понятию Бога, Ансельм демонстрирует, каким образом должен рассуждать философски мыслящий субъект познания при постижении Бога и устройства мира. В результате «Монология» не содержал никаких положений, которые расходились бы с писаниями католических отцов, однако к истине христианского учения философ подводил читателей рациональным путем [6].

Ансельм называл веру предпосылкой рационального понимания истины откровения. Он не пытался превозносить человеческий интеллект до божественного уровня, но считал, что человек нуждается в понимании истины, в которую верит. Причем он ставит цель не «понять, чтобы уверовать», а «верить, чтобы понимать». Такая установка должна была сгладить разногласия между философией и теологией. Ансельм считал, что богословию следует опираться на философские предпосылки и пользоваться логическими инструментами для понятного и осмысленного предоставления содержания веры. При этом он подчеркивал доминирующую роль веры, разуму же отводил лишь доказательства необходимости веры. В учении Ансельма вера принимает интеллектуальный характер и трактуется как согласие с истиной откровения [7].

Особое место в своем учении он отвел языку. В его исследовании проблемы паронимов в диалоге «О грамотном» данная категория слов рассматривается не только как вид эквивокации, но и как путь перенесения смысла одного и того же слова из языка одного знания в язык другого, в частности, из естественного в теологическое. Ансельм доказал, что к Богу человек может приблизиться через грамотность, поскольку существует прямая взаимосвязь единых в Божественном слове понятий «бытие», «мысль» и «имя». Впоследствии вся средневековая мыслительная практика пришла к представлению Божественного слова предопределением необходимых путей мышления о бытии. Ансельм Кентерберийский заключил, что все сущее имеет первообраз в Божественном мышлении, и эти первообразы обнаруживаются в его внутреннем

монологе. В горизонте теоцентрического мировосприятия человек стал не просто образом и подобием Бога, но и его воплощенным Словом. Таким образом, в миропонимании людей эпохи Средневековья установились связи между мыслью и бытием, а также словом и бытием [8].

Ансельм Кентерберийский стоял также у истоков концепции «мысленного языка». По мнению философа, существует три способа для выражения одного и того же предмета.

1. Актуальное употребление чувственно-постижимого знака.

2. Сенсуально недостижимое размышление о знаках, что тоже в некотором роде является использованием чувственно-постижимого знака.

3. Выражение объекта непосредственно в разуме путем рассудочной деятельности в отношении материальных вещей или воображения их без применения знаков.

Под первым способом философ подразумевал произнесение слова, обозначающего объект, под вторым – мышление этого же слова в тишине, под третьим – представление объекта рассудком или с помощью его образа. Таким образом, он подводил к выводу, что божественное существование и божественное выражение неразличимы друг от друга и тождественны друг другу. В то же время божественное выражение, которое не может выступать чем-то сотворенным, является ничем иным, как самим божественным разумом [9].

Связь языка и мышления прослеживается также в учении Пьера Абеляра (1079–1142). Подход его был несколько иным: исследование проблемного характера философской и теологической мысли у этого схоласта началось через сомнение. Его Абеляр называет исходным пунктом и стимулом к научному поиску истины. Толкование текстов – от философских до Священного Писания – должно сопровождаться постоянным критическим контролем, при этом сомнение в итоге должно быть преодолено с приближением к истине. Для достижения этой цели Абеляр устанавливал три правила, которыми следовало руководствоваться при интерпретации текстов.

1. В ходе анализа текста выявлять смысл терминов во всех историко-лингвистических оттенках.

2. Четко установить аутентичность текста в отношении автора и случайных интерполяций или подстановок.

3. Сопоставлять сомнительные тексты с подлинными в пределах целого корпуса сочинений данного автора.

В произведении «Да и Нет» Пьер Абеляр акцентирует внимание на основных трудностях, возникающих в процессе толкования текста. С одной стороны, появляется многовариантность терминов или их непривычное употребление. Для преодоления этого схоласт рекомендует проанализировать обстоятельства зарождения данного текста и мотивы автора, что обуславливает конкретное высказывание его языковой собственности. С другой стороны, интерпретаторам следует избегать смещения личной точки зрения автора с привнесенными мнениями, а также представления гипотез как решений поставленных проблем.

Но даже с преодолением указанных трудностей, считал Абеляр, правильное понимание священных текстов еще не гарантировано. Поэтому нельзя отказываться от критического угла зрения, но при этом оставлять место для безусловного авторитета традиции. Обеспечить подобный подход, по мнению философа, могло применение диалектики. Одной из первоочередных ее задач Абеляр называл контроль за семантической связью слов с обозначаемыми ими объектами в реальности. А с укреплением роли диалектики философ смог обосновать и важность разума. Его возможности возрастают с обращением к логическим правилам диалектики и воздержанием от крайностей и легкомысленных обвинений. Абеляр представляет разум как критическое осмысление тезисов на базе внутреннего содержания сознания и его аргументов, что противопоставляется принятию и утверждению этих тезисов силой выдвигающего их авторитета [10].

Проблема связи языка и мышления в рассмотренных выше учениях освещается с разных ракурсов. У Ансельма Кентерберийского доказательство начинается с изложения аргументов в пользу применения инструментов разума при постижении истины, а уже из него вытекает роль слова в процессе познания. Пьер Абеляр, напротив, за отправную точку принимает слово в разрезе толкования текстов, а по мере развития этой концепции актуализируется и важность разума. В результате, изучив взгляды обоих философов, мы можем заключить, что схоластик в процессе достижения своей цели – примирения разума и веры – в очередной раз доказала наличие тесной взаимосвязи между мышлением и языком.

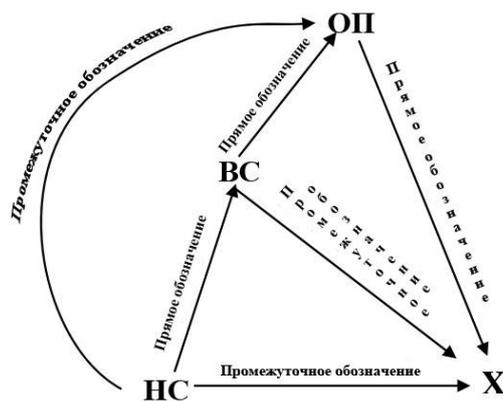

Рис. Схема уровней языка.

Для более полной характеристики рассматриваемой проблемы обратимся к трудам почетного профессора философии Университета Индианы Пола Винсента Спейда. Опираясь на учение французского философа-схоласта Жана Буридана (1300–1358), он определил положения письменного, устного и мысленного языка по отношению друг к другу. Их можно представить в виде схемы (рис.), где:

НС – написанное слово;

ВС – высказанное слово;

ОП – общее понятие;

Х – объект, о котором идет речь.

В схеме письменный язык стоит в самом низу, в статусе подчиненного. Логическое объяснение подобного положения – идея о том, что если мы не можем говорить на том или ином языке, то и читать на нем не можем. Это принималось за истину, главным образом, в Средние века, что фактически может быть доказательством доминирования разговорного языка в те времена. В связи с этим средневековую культуру нередко называли устной культурой.

Оправдывалось это не только тем, что сравнительно немногие люди умели читать, а печатный станок еще не изобрели. В большей степени играл свою роль тот факт, что люди, умевшие читать, не умели читать про себя. Однако впоследствии выяснилось, что письменный язык не всегда связан с разговорным. Например, Артур Уэйли, знаменитый переводчик китайской литературы, вообще не умел говорить по-китайски, однако чтение давалось ему вполне естественно и непринужденно. Таким образом, предположение о причинах положения письменного языка оказалось ложным.

В этом отношении теория Уильяма Оккама (1285–1347), утверждающая генетическую

связь письменного и разговорного языка, выглядит более правдоподобно. По его мнению, письменное выражение обретает смысл в устном выражении (Жан Буридан называл это конечным смыслом). Но когда мы читаем, нет необходимости вспоминать устное выражение. Но это все же предполагает, что мы не можем читать на языке, если не можем говорить на нем, а следовательно, письменный язык подчинен разговорному.

Петр д’Альи вовсе отвергал генетическую связь письменности с речью. Он считал, что письменное выражение может быть напрямую подчинено мысленному без промежуточных устных выражений.

Теперь рассмотрим положение разговорного языка. Иоанн Дунс Скот (1266–1308) первым проявил интерес к этой проблеме. Он задался вопросом в своих комментариях к первой книге «О толковании» Аристотеля: означает ли имя (под которым понимается высказанное существительное или прилагательное) реальную вещь или категорию в душе (общее понятие)? Он обращается к произведению Аристотеля в поисках положительного ответа, потом дает несколько аргументов в пользу отрицательного ответа (т.е. высказанное имя не обозначает реальную вещь или категорию). Скот обратил внимание на то, что мы просто не всегда мыслим категориями, когда слышим слова. Эта точка зрения была доказана опытным путем и может считаться корректной. Позднее Скот пришел к выводу, что письменный, устный и мысленный способы выражения непосредственно обозначают одни и те же вещи, несмотря на то, что между всеми тремя имеется отношение генетической зависимости.

Тем не менее долгое время доминировала идея, прослеживаемая в трудах Августина: она гласила, что назначение языка состоит

в выражении мыслей. Когда мы слышим, что говорит человек, мы узнаем, что он думает. Такая точка зрения акцентирует социальную роль языка в межличностной коммуникации. Уильям Оккам же занял противоположную позицию, развив гипотезу Скота: он утверждал, что слова в большинстве случаев не отражают общих представлений. Но философ ничем это не доказал, оставляя лишь принять свою точку зрения на веру. Иногда мы слышим слова, но это не обязывает нас задумываться о каких-либо общих представлениях.

Почти через шесть веков комментатор Аристотеля Уолтер Берли согласится с Оккамом, но также не представит никаких реальных доказательств положений его теории. Опираясь на авторитет Боэция, он с уверенностью заявил, что слова всегда обозначают общие понятия, но в то же время обращал внимание на то, что они не являются «обозначениями» в смысле «то, чему имя было изначально присвоено». Иными словами, люди не создавали язык лишь для того, чтобы «разговаривать о своих мыслях» [11].

Таким образом, в схоластике сформировались две точки зрения на рассмотренный аспект проблемы соотношения языка и мышления. С одной стороны, последователь аристотелевской традиции Ж. Буридан придерживался классического взгляда – язык служит средством выражения мыслей. С другой стороны, нашлись опытные подтверждения того факта, что мы не всегда мыслим категориями, когда говорим или слышим, – их привел У. Оккам. И. Дунс Скот же впоследствии примирил два противоположных мнения, хотя его базовая идея стала отправной точкой для формирования теории Оккама. Он доказал, что все зависит от того, как мы интерпретируем выраженные слова.

Заключение. Проблема мышления в эпоху схоластики была достаточно резонансной. С одной стороны, сформировалось течение противников рационального постижения мира, которое разрушало фундамент христианского мировоззрения. С другой стороны, в противовес этому течению стали складываться доктрины в защиту мышления, которые органично вписывали логическое постижение истины в архитектуру христианства. Здесь прослеживается диалектическое развитие когнитивной теории познания, где в качестве тезиса мы можем принять предшествующую античную эпистемологию, когда мышлению отводилась значительная роль, в качестве антитезиса –

патристику и раннюю схоластику, которые превозносили авторитет Священного Писания и отрицали актуальность рационалистической установки сознания, и, наконец, тезисом выступает схоластика, представители которой пытались эксплицировать основы церковного учения при помощи философско-мыслительных приемов.

Именно в рамках переосмысления проблемы мышления актуализировалась и проблема языка. А. Кентерберийский и П. Абеляр изложили две противоположные точки зрения на его роль в познавательном процессе, однако они доказали его неопровержимую связь с мышлением, что дало импульс к более глубокому изучению феномена языка, получившему широкое распространение в трудах Ж. Буридана, У. Оккама и И. Дунса Скота. Их теории наиболее полно отражают специфику лингвистической философии данного периода, основным вопросом которой стало соотношение слова и мысли.

Литература

1. Damian Peter. Selections from his Letter on Divine Omnipotence / Damian Peter; Translated by Paul Vincent Spade, Department of Philosophy, Indiana University, Bloomington, IN 47405 [Electronic resource]. Professor of Philosophy Emeritus Paul Vincent Spade's Home Page. – Mode of access: <http://www.pvspade.com/Logic/docs/damian.pdf>. – Date of access: 19.01.2014.
2. Столяров, А.А. Схоластическая философия. Введение. Социокультурный контекст развития средневековой философии / А.А. Столяров // История философии. Запад–Россия–Восток. Книга первая: Философия древности и средневековья. – М.: Греко-латинский кабинет, 1995. – С. 281–287.
3. Блаватская, Е.П. Краткое жизнеописание Святого Франциска Ассизского / Е.П. Блаватская // Книжная полка проекта «Картина недели» [Сайт]. URL [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.centre.smr.ru/win/books/sv_franc.htm. – Дата доступа: 19.01.2014.
4. Боэций Дакийский. О высшем благе, или О жизни философа: в 2 т. / Боэций Дакийский // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья); под ред. С.С. Неретиной; сост. С.С. Неретиной, Л.В. Бурлака. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. – Т. 2. – 539 с.
5. Сигер Брабантский. Вопросы о разумной душе: в 2 т. / Сигер Брабантский // Антология

- средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья); под ред. С.С. Неретиной; сост. С.С. Неретиной, Л.В. Бурака. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. – Т. 2. – 539 с.
6. Иеромонах Геннадий (Поляков). Соотношение веры и разума в трудах Ансельма Кентерберийского / Иеромонах Геннадий (Поляков) // Христианское чтение. – 2009. – № 9–10. – С. 178–193.
  7. Хегглунд, Б. История теологии / Б. Хегглунд; пер. с швед. В. Володин. – СПб.: Светоч, 2001. – 370 с.
  8. Дьяченко, О.Н. Онтологический статус слова в средневековой философии / О.Н. Дьяченко // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 14–22.
  9. Лисанюк, Е.Н. Учение о мысленном языке в средневековой философии / Е.Н. Лисанюк // Вестн. Мурманск. гос. техн. ун-та. – 2000. – № 3. – С. 385–394.
  10. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Средневековье / Дж. Реале, Д. Антисери; пер. с ит. С. Мальцевой. – СПб.: Издательство Пневма, 2003. – 688 с.
  11. Spade, P.V. Thoughts, Words and Things: An Introduction to Late Mediaeval Logic and Semantic Theory / P.V. Spade [Electronic resource]. Professor of Philosophy Emeritus Paul Vincent Spade's Home Page. – Mode of access: http://www.pvspade.com/Logic/docs/Thoughts,%20Words%20and%20Things1_2.pdf. – Date of access: 27.01.2014.

Поступила в редакцию 05.03.2015 г.

К проблеме уточнения границ тематического поля социальной философии и философии истории

Романов О.А.

*Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купаль», Гродно*

Раскрытие эвристического и прогностического потенциала социально-философского и философско-исторического знания имеет высокую степень актуальности, т.к., во-первых, открывает перспективы выявления оптимальных и тупиковых линий социальной эволюции, во-вторых, позволяет предложить надежную теоретико-методологическую базу всем дисциплинам обществоведческого профиля.

Цель статьи – определение границ проблемного поля социальной философии и философии истории, выявление способа связи и системного единства данных предметных областей.

Материал и методы. *Объект исследования – проблемное поле социальной философии и философии истории. Предмет исследования – способ структурирования и самопрезентации методологии и тематики социальной философии и философии истории. Данная работа основывается на трудах С.Л. Франка, Г.В.Ф. Гегеля, А.А. Зиновьева, К.Х. Момджяна. Для достижения поставленной цели мы опирались на диалектические принципы всеобщей связи и обусловленности явлений и восхождения от абстрактного к конкретному, а также использовали структурно-функциональный и сравнительно-исторический методы.*

Результаты и их обсуждение. *Социальная философия в своем предметном поле преломляет предельно общие проблемы мироустройства применительно к сфере социального, формируя модель общественной жизни как одной из подсистем универсального бытия с присущими ей закономерностями функционирования и развития. Социальная философия вырабатывает интегральный взгляд на социальный мир, который оказывается невозможным для иных обществоведческих дисциплин. В статье показано, что отличие социальной философии от других социальных наук заключается в том, что ее объектом выступает «социальное вообще», социальное как одна из подсистем мира, занимающая специфическое место в нем, и выявление ее соотношения и связи с иными сферами окружающей и охватывающей нас реальности. Задачей философии истории, по нашему мнению, является проблема единства и целостности исторического процесса, механизмов и этапов становления и перспектив дальнейшего развития человечества как целостного интегрированного образования.*

Заключение. *Социальная философия и философия истории становятся полем пересечения валуативной, ценностной и рефлексивной, сугубо научной ветвей философствования. Задачи духовной ориентации человечества, разъяснения сложившейся исторической обстановки и перспектив ее развития заставляют философа совмещать рациональный объективный анализ ситуации с поиском целесообразных путей поведения в ней.*

Ключевые слова: *социальная философия, философия истории, общество, социум, социальное, история, время, вечность, обществоведение, методология.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 118–125)

On Revision of the Borders of the Subject Field of Social Philosophy and Philosophy of History

Romanov O.A.

Educational establishment «Yanka Kupala State University of Grodno», Grodno

Revealing heuristic and prognostic potential of social philosophic and philosophic historical knowledge is highly topical since it, first of all, discloses perspectives of identifying optimal and dead end lines of social evolution, and secondly, makes it possible to offer a reliable theoretical and methodological base for all social disciplines.

The purpose of the work is identification of the problem field borders of social philosophy and philosophy of history, finding out the way of connection and system unity of the problem areas.

Material and methods. *The object of the research is the problem field of social philosophy and philosophy of history. The subject of the research is way of structuring and self presentation of the methodology and thematics of social philosophy and philosophy of history. The study was based on works by S.L. Frank, H. Hegel, A.A. Zinovyev, K.Kh. Momdzhian. To reach the goal we relied on dialectical principles of general connection and conditioning of phenomena as well as ascent from the abstract to the concrete; we also used the structural and functional and the comparative historical methods.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: oromanov@inbox.ru – О.А. Романов

Findings and their discussion. *Social philosophy in its subject field considers general issues of world structure referring to the sphere of social, building up the model of social life as one of subsystems of the universal being with functioning and development laws which are typical of it. Social philosophy works out an integral outlook onto social world, which turns out to be impossible for other social disciplines. It is indicated in the article that social philosophy differs from other social sciences in its object which is «social in general», social as one of the subsystems of the world, which takes a specific place in it, as well as finding out its correlation and link with other spheres of the surrounding and embracing us reality. We believe that the task of philosophy of history is the issue of unity and wholeness of the historical process, mechanisms and stages of maturation and development perspectives of mankind as a wholesome integrated entity.*

Conclusion. *Social philosophy and philosophy of history become a crossing field of the evaluative value and the reflective, purely scientific branches of philosophical thinking. Tasks of spiritual aiming of mankind, explaining the current historical situation and perspectives of its development make the philosopher match the rational objective analysis of the situation with the search of rational ways of behavior in it.*

Key words: *social philosophy, philosophy of history, society, social, history, time, eternity, social science, methodology.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 118–125)

Социальная философия по праву занимает одно из важнейших мест в сложном комплексе современных философских дисциплин. Перефразируя Гегеля, можно сказать, что социальная философия есть постижение наличного и действительного в мире социального. Сосредоточившись на сущем – обществе как таковом, социальная философия призвана постигать природу общественных процессов в самом широком и глубинном смысле и значении. Тем самым философское осмысление проблемы общества закладывает теоретико-методологические основы для изучения всех дисциплин обществоведческой специализации – социологии и политэкономии, юриспруденции и политологии.

Цель данной статьи – определение границ проблемного поля социальной философии и философии истории, выявление способа связи и системного единства данных предметных областей.

Материал и методы. Объект исследования – проблемное поле социальной философии и философии истории. Предмет исследования – способ структурирования и самопрезентации методологии и тематики социальной философии и философии истории. Данная работа основывается на трудах С.Л. Франка, Г.В.Ф. Гегеля, А.А. Зиновьева, К.Х. Момджана. Для достижения поставленной цели мы опирались на диалектические принципы всеобщей связи и обусловленности явлений и восхождения от абстрактного к конкретному, а также использовали структурно-функциональный и сравнительно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение. Постижение общества в рамках социальной философии имеет свою специфику, определяемую ее философским статусом. Философия, по своему изначальному смыслу, призвана к осмыслению предельно общих вопросов мироустройства, среди которых особое место занима-

ет проблема места человека в бытии, смысла и цели его жизни. Социальная философия в своем предметном поле преломляет эти проблемы применительно к сфере социального, формируя модель общественной жизни как одной из подсистем универсального бытия с присущими ей закономерностями функционирования и развития. Социальная философия вырабатывает интегральный взгляд на социальный мир, который оказывается невозможным для иных обществоведческих дисциплин.

Углубляя эту мысль, можно утверждать, что основная задача социальной философии заключается в том, чтобы показать различие между социальным и несоциальным, установить, что отличает надорганическую реальность от царств живой и неживой природы. Другими словами, социальная философия должна охарактеризовать социальность как часть мира, отличную от иных его частей и связанную с ними в единый мировой универсум. Хорошо об этом написал русский философ С.Л. Франк в своей знаменитой работе «Духовные основы общества»: «Что такое есть собственно общественная жизнь? Какова та общая ее природа, которая скрывается за всем многообразием ее конкретных проявлений в пространстве и времени, начиная с примитивной семейно-родовой ячейки, с какой-нибудь орды диких кочевников, и кончая сложными и обширными современными государствами?.. Какое место занимает общественная жизнь человека в мировом, космическом бытии вообще, к какой области бытия она относится, каков ее подлинный смысл, каково ее отношение к последним, абсолютным началам и ценностям, лежащим в основе жизни вообще?» [1, с. 15].

Изучение проблемы социальности невозможно вне анализа темы человека как социального индивида, его отношений к миру и людям. Более того, философское рассмотре-

ние отношений человека и общества во всей их сложности и многозначности является несущим стержнем всей социальной философии. Нераздельность человека и общества, их диалектическая взаимосвязь обуславливают антропологическую направленность социально-философской мысли, придают ей гуманистическое измерение. В социальной философии проблема смысла и цели человеческой жизни рассматривается в контексте сущности и направленности развития общества. Тем самым социальная философия приобретает статус человеческого самопознания, призванного дать ответы на фундаментальные вопросы мировоззрения: что такое человек и каково его истинное предназначение?

Отдельной и очень важной проблемой является вопрос соотношения социальной философии и иных обществоведческих дисциплин. Отличие социальной философии от других социальных наук заключается в том, что ее объектом выступает именно «социальное вообще», социальное как одна из подсистем мира, занимающая специфическое место в нем, и выявление ее соотношения и связи с иными сферами окружающей и охватывающей нас реальности. Предметом же частных социальных наук является не социальная реальность как таковая, но тот или иной фрагмент или аспект общества, социальной реальности, более или менее произвольно выбранный.

Пристальное внимание к всеобщим свойствам социального не означает, что социальная философия не занимается изучением отдельных обществ или их типов. Общефилософское понимание диалектики всеобщего и особенного раскрывает нам способ их связи, при котором общее неразрывно связано с конкретными формами своего бытия. Из того факта, что на географической карте мы не найдем «общества вообще», вовсе не следует, что общее не существует в реальности. Это означает лишь то, что, не обладая предметностью, «телесностью» бытия, общее и особенное существуют в виде реальных, а не измышленных сознанием отношений сходства и подобия между отдельными явлениями. Тем самым в философском понимании общества выделяются как минимум два взаимосвязанных, относительно самостоятельных уровня: предельно абстрактный анализ всеобщих отношений, свойств и состояний социальности в ее наиболее чистом виде и более конкретный анализ определенных типов общества или отдельных обществ. Эти уровни органично свя-

заны, взаимопологают, но не взаимозаменяют друг друга. Основная задача социальной философии – раскрыть сущность общества в широком понимании этого слова, охарактеризовать его как особую часть мира. Но решить эту задачу она сможет лишь в том случае, если не ограничится широким пониманием общества как социальной реальности вообще, но установит и иной, более узкий смысл этого термина, рассмотрит общество не только как «надорганическую», но и как историческую реальность, не как «социум вообще», но как конкретную форму социальности, отличную от иных ее форм.

Достаточно распространено мнение, согласно которому социальной философии не следует вмешиваться в компетенцию частных наук, получая от них знание в готовом виде. Но при всей распространенности подобных воззрений они едва ли оправданны. Дело в том, что познание общего и всеобщего, на которое претендует философия, невозможно без познания отдельного, в котором и через которое это общее существует. Хотя конечной проблемой философии является целостность мира, она не может изучать целое, не изучая его частей собственными методами и средствами. С другой стороны, отдельные науки с неизбежностью оказываются во власти ползучего эмпиризма с его отказом от права на сколько-нибудь значительные обобщения общетеоретического порядка без обращения к методам, теориям и категориям философского уровня. Социальная философия предлагает частным наукам абстракции наивысшего уровня, тем самым являясь общей методологией познания общества по отношению к конкретным областям обществоведения. Задача предлагаемых научных абстракций состоит в том, чтобы упростить реальность и выделить главное для последующего концептуального осмысления, но при этом не исказить сущность этой реальности. Г. Гегель подчеркивал: «Все дело в том, чтобы в видимости временного и преходящего познать субстанцию, которая имманентна, и вечное, которое присутствует в настоящем. Ибо, выступая в своей действительности, разумное, синоним идеи, выступает в бесконечном богатстве форм, явлений и образований» [2, с. 54].

Методологическое обеспечение развития частных общественных наук предполагает философское продумывание их категорий и методов исследования. Другими словами, разработка теорий с необходимостью обуслав-

ливают обращение к понятиям и методам, которыми оперирует социально-философское знание. Так, например, учение о государстве и праве своим теоретическим фундаментом имеет общие представления о становлении и развитии человека и общества, способах взаимодействия социальных групп и классов, сущности общественного сознания и т.п. Другой аспект рассматриваемого соотношения заключается в обратном воздействии конкретных обществоведческих дисциплин на социально-философское знание. История, социология, экономическая теория, открывая законы функционирования и развития своих предметных областей, способствуют более глубокому проникновению в сущность социальной жизни в целом. На основе вышеизложенного можно утверждать, что именно социальная философия разрабатывает особые исследовательские установки: научные парадигмы, осознанные или неосознанные каноны мышления, ориентирующие исследователей на определенную картину социального мира и различные аналитические стратегии.

Анализ исторического развития и актуального состояния социальной философии позволяет сделать вывод, что она выполняет следующие важнейшие функции: методологическую, гносеологическую, мировоззренческую и прогностическую. *Методологическая* функция состоит в том, что социальная философия, разрабатывая теоретические модели общества, предлагает частным общественным наукам надежные основания для их исследовательской деятельности, дает возможность более полно и глубоко понять суть тех проблем, которыми они занимаются. Так, например, обращение социологов к идеям и методам социальной философии позволяет лучше понять сложнейшие процессы, происходящие в социальной структуре общества, институтах семьи и образования, выявить подлинные причины суицидального и девиантного поведения и т.п. Историки используют социальную философию как методологию при изучении конкретных социально-исторических организмов, культур разных народов и этносов. Юристы в социальной философии могут найти ценные для себя идеи о природе государства и права, отношениях государства и личности, об источнике прав и свобод человека.

Важнейшей функцией социальной философии является *мировоззренческая*. Социальная философия формирует целостный взгляд на социальную реальность, позволяет понять

ее в единстве сущности и существования. Принципиально важно отметить, что философское мировоззрение содержит не только рационально обоснованное знание об обществе, но и систему ценностей и идеалов, с помощью которых люди могут ориентироваться в социальном мире, оценивать его пригодность для своей жизни, соответствие или несоответствие человеческим потребностям и целям. Социальная философия строит и предлагает такую картину мира, в которой человек имеет надежные духовные ориентиры, позволяющие ему конструктивно мыслить и действовать. Значение мировоззренческой функции резко возросло в последние десятилетия. В современном мире сторонниками идеологии глобализма развернута широкомасштабная критика всякой устойчивой, национальной, духовной идентичности народов, которая расценивается как наиболее значимое препятствие на пути к общепланетарной интеграции, становлению «глобального человека» (А. Зиновьев). Причины данного процесса состоят в том, что народ способен перенести «любые испытания, любой натиск враждебной ему материи при условии, что ему присуща устойчивая идентичность и вера в свое призвание в мире. И напротив, даже в условиях относительного материального благополучия народ деградирует и погибает, если поражен его центральный нерв – осознание своей идентичности и призвания (исторической незаменимости)» [3, с. 142]. Этим объясняется стремление любой ценой сформировать комплекс неполноценности и уязвленное историческое самосознание у восточнославянских народов. Противостоять данной тенденции не представляется возможным без развития и широкой популяризации социогуманитарного знания, задача которого состоит, прежде всего, в выдвигании и обосновании ценностно-мировоззренческих ориентиров в развитии общества.

Следующей функцией социальной философии является *гносеологическая*. Социальная философия имеет необходимые средства для адекватного постижения социальной реальности, раскрытия причин, механизмов и характера происходящих в обществе процессов. Познавательная роль социальной философии заключается прежде всего в том, что она дает нам целостную картину общественной жизни, исследует общество как целостный организм, как особую устойчивую систему. Законами, изучаемыми ею, являются законы взаимосвязи всех сторон и звеньев общественного орга-

низма. Она поэтому открывает для нас возможность увидеть проблемное поле мира социума в целом и тем самым приблизиться к истинному пониманию его сущности. На такого рода познавательную функцию не в состоянии претендовать никакие другие социогуманитарные науки, исследующие в силу своей специфики лишь отдельные стороны и сферы общественной жизни. Именно по причине того, что философия выявляет логику движения социума, изучает общество как целостную систему и основные законы, по которым эта система функционирует и развивается, она выступает в качестве общей теории и метода для всех других наук, исследующих общество.

В условиях современности значение социально-философских знаний о мире также многократно увеличилось. Сложность общественной жизни достигла такого уровня, что осуществить верный исторический выбор путей дальнейшего развития можно только на надежной познавательной базе. Сегодня, когда резко возросла роль субъективного фактора истории, обнаруживая себя в форме усиления влияния различных идеологических доктрин, теоретических проектов и моделей общественного переустройства на судьбы народов и цивилизаций, принимать политические решения на основе интуитивных озарений, методом «проб и ошибок» чрезвычайно безответственно и опасно. Решения, которые не опираются на глубокое понимание происходящих в мире процессов, не имеют под собой теоретически выверенных оснований, солидной экспертной проработки, разве что случайно могут быть правильными и привести к каким-либо положительным результатам. Государственных деятелей, которые замыкаются лишь в пространстве политически актуального, оказываются в плену текущих и сугубо прагматических значимостей и не учитывают при этом ценностно-мировоззренческий фон в обществе и реальное состояние общественного сознания, не ориентируются при выработке тех или иных решений на «дальние горизонты», на всю палитру добываемых наукой знаний о специфике и характере современной социальной динамики, ждет незавидная судьба. В конечном счете, они, так или иначе, окажутся в ситуации, подобной той, которая врасплох застала в начале 90-х годов прошлого века кремлевских геронтократов.

Сущность *прогностической* функции состоит в том, что социальная философия, выяв-

ляя глубинные тенденции развития общества, может предвидеть их развертывание в будущем и построить более или менее приближенный к действительности его образ. Какие идеи и принципы социальной философии открывают такую возможность? Во-первых, социальная философия исходит из понимания общества в единстве его прошлого, настоящего и будущего. Прогнозирование будущего возможно лишь на основе верно понятой истории. История, по словам испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, – это «пророк наоборот», дающая нам «обратное», зеркальное отображение будущего. Исторический процесс определенным образом структурирован и допускает понимание со стороны глубокого и тонкого исследователя. Социальная философия, разрабатывая масштабные теории, объясняющие исторический процесс, тем самым подводит методологический фундамент под задачу рационального постижения будущего. Во-вторых, социальная философия исходит из убежденности в наличии законов общественной жизни, которые могут быть определенным образом трансформированы или искажены, но не могут быть отменены частной волей отдельных лиц. Наличие социальных законов, многие из которых действуют на значительных отрезках исторического времени, исчисляемых столетиями или даже тысячелетиями, позволяет проводить теоретически строгое исследование перспектив развития общества.

Сильной стороной социально-философского прогнозирования является способность к комплексному, интегральному анализу социальной реальности, выявлению в ней не одной или двух, а огромного количества взаимосвязанных тенденций. Философы в размышлениях о будущем опираются на многовековой опыт человеческой культуры, применяют в своей познавательной деятельности не только рационально-дискурсивные, но и интуитивные средства. В этом состоит существенное отличие социальной философии от частных наук, которые рассматривают лишь ограниченную область социальных процессов и обрабатывают данные о них с помощью компьютеров, не способных к творчеству, интуиции, фантазии, выходу за установленные пределы. Поэтому предвидения крупных философов (И. Канта, В. Соловьева, О. Шпенглера, Ф. Достоевского) оказывались гораздо более продуктивными, чем прогнозы, полученные с помощью сверхмощных современных компьютеров.

Верность прогноза может служить одним из критериев истинности социальной теории. На эту возможность оценки обществоведческих теоретических моделей обращают внимание российские исследователи В.И. Пантин и В.В. Лапкин. «В методологическом и научно-практическом плане чрезвычайно важным является то обстоятельство, что прогноз служит одним из основных критериев истинности и плодотворности теории, положенной в основу анализа. Если неверен прогноз, то в чем-то ошибочна теория, и ее необходимо корректировать, дополнять или пересматривать», – пишут они [4, с. 43]. Это утверждение имеет под собой реальное основание в том смысле, что фундаментальная теория действительно должна проверять себя в социальной практике, и прогнозирование общественного развития – один из самых сложных и показательных способов подобной проверки.

Еще одной важной проблемой, способствующей углублению представлений о проблемном поле обществоведения, является соотношение социальной философии и философии истории. Иногда эти отрасли философского знания отождествляются. С нашей точки зрения, в такой позиции есть определенный смысл, ибо их предметы весьма близки, иногда до неразличимости. Но, тем не менее, каждая из них сохраняет свою специфику и заявляет о праве на самостоятельное существование в философском знании. Рассмотрим проблемное поле философии истории и ее отношение к социальной философии.

Философия истории наряду с онтологией, философской антропологией и теорией познания является неперменной составной частью всякой цельной философской системы. В отечественной мысли до последнего времени ее проблематика либо ограничивалась рамками исторического материализма (его интерпретацией исторического процесса в соотнесении с формационным подходом), либо фокусировалась на изучении природы, средств и способов исторического познания. Поэтому философия истории, несмотря на пробудившийся к ней в последние десятилетия интерес, пока остается недостаточно исследованным проблемным полем. Тем самым необходимо определить специфику философско-исторического знания, сформулировать его основные проблемы и показать отличия от смежных отраслей науки, в частности, от истории.

Первой важнейшей проблемой философии истории является постановка общеметодологических проблем исторического познания. Задачей философа является определение концептуальных понятий нефилософской науки об обществе и истории. Именно философы продумывают понятие «история» в их диалектической связи с категориями «социум», «вечность», «время». Именно они решают проблему законосообразности исторического процесса – наличия в событийном пласте общественной жизни объективных, неслучайных связей, позволяющих историку считать себя ученым, объясняющим исторические события, а не только «понимающим» их мотивацию и т.п. Таким образом, философы во многом дают ответ на вопрос: как возможно историческое знание? В рамках собственно исторической науки подобные вопросы не ставятся, ибо историки, как правило, с недоверием относятся к широким обобщающим конструкциям и «генерализующим» методам познания, в которых теряется уникальность отдельных событий.

Разумеется, проблемное поле философии истории и ее задачи не сводятся лишь к методологическому обеспечению историографии. В процессе понимания истории как целостного объекта возникают проблемы, которых не может увидеть исследователь, занимающийся изучением развития отдельных народов или содержанием конкретных эпох. И вот здесь в первую очередь возникает проблема единства и целостности исторического процесса, механизмов и этапов становления и перспектив дальнейшего развития человечества как целостного интегрированного образования. В решении этой проблемы в научной литературе можно выделить два крупных подхода. Один из них, который мы условно назовем системным, реализует идею принципиального единства человечества, наличия у него общих глубинных оснований существования и развития. Эта идея развивалась на разных теоретико-методологических основаниях и теоретиками религиозной философии, и представителями Просвещения, и сторонниками материалистического понимания истории. Плюралистическое видение истории было создано позже, но довольно быстро завоевало популярность и утвердилось в социально-гуманитарном знании. Его базовой интуицией является тезис о несводимости друг к другу и обособленности отдельных цивилизаций и культур. Такой по-

дход сформировался в трудах Данилевского, Шпенглера, Тойнби. Вся история превращается в этом случае в совокупность изолированных друг от друга социально-исторических образований – цивилизаций, возникающих и развивающихся полностью автономно, а значит какие-либо отдельные стадии или эпохи в истории выделять не приходится.

Таким образом, основной проблемой философии истории является проблема становления всемирной истории человечества, анализ тернистого пути возможной интеграции людей в планетарную общность, прогноз судеб единого человечества, поджидающих его опасностей и альтернатив дальнейшего развития. Для решения этой крайне сложной проблемы философия истории нуждается в формировании особого методологического инструментария, сочетающего в себе методы «генерализующего» обществоведения, направленные на установление общих социальных законов, с методами «индивидуализирующего» понимания крупных исторических событий, имеющих определяющее значение для человечества.

Принятие идеи единства человечества ведет нас к решению следующей крупной проблемы философии истории – осмыслению процесса взаимодействия отдельных стран и народов. Подобное взаимодействие всегда имеет верхний пласт, обусловленный уникальными особенностями народов, ситуации и эпохи. Но за внешним пластом конкретных процессов скрывается более глубокий слой закономерностей межкультурного обмена, становящийся предметом философского рассмотрения. Именно философия истории способна установить источники, природу и функции таких форм взаимодействия, как война, торговля, культурный обмен. Только в рамках философско-исторического знания может быть четко поставлена и решена проблема выявления наиболее общих закономерностей трансмиссии культурных ценностей от обществ-доноров к обществам-реципиентам. Актуальность этой темы многократно возросла в последние десятилетия, когда под видом глобализации зачастую стала осуществляться «вестернизация» стран не-Запада. Для восточнославянских народов указанная проблема приобретает особую остроту в связи с поиском цивилизационных ориентиров развития и активно обсуждается в рамках дискуссии

«славянофилов» и «западников» вот уже два столетия.

Еще одной гранью темы единства мировой истории является проблема неравномерности исторического развития, эмпирически наблюдаемого и теоретически фиксируемого факта лидерства отдельных стран и народов. Одним из первых эту проблему поставил Г.В.Ф. Гегель, выделивший «исторические» и «неисторические» народы. Между «лидерами» и «аутсайдерами» складываются непростые отношения, в целом подчиняющиеся общим закономерностям «исторической корреляции» между более или менее развитыми в экономическом, социальном и политическом плане обществами. Именно на этой основе можно решать сложнейшую проблему осмысления таких неоднозначных явлений мировой истории, как империализм и колониализм.

Относительно новым предметом философии истории является сложный процесс интеграции отдельных народов в надэтническую и наднациональную общность, зримо проявивший себя во второй половине XX столетия. Именно философское мышление должно осмыслить содержание интеграционных процессов, сопряженных со множеством сложнейших проблем и конфликтов, оценить перспективы интеграции, степень ее обратимости или необратимости, задуматься над реальными опасностями, поджидающими соединенное человечество, – от экологических проблем до прискорбной потери «неконвертируемых ценностей» национальной культуры, утраты определенных степеней свободы в рамках привычного национального суверенитета и т.д.

Философия истории обладает потенциалом решения и вполне практических задач. Именно она может помочь обрести человечеству начала XXI века подлинные возвышающие идеалы, показать необходимость изменения привычных жизненных ориентиров и стереотипов социального поведения. Философия истории способна извлекать уроки из значимых исторических событий и предлагать сделанные выводы в качестве программы дальнейшего развития.

Заключение. Завершая рассмотрение проблемы границ и внутреннего единства тематического поля социальной философии и философии истории необходимо сделать некоторые выводы. Социальная философия и философия истории становятся полем пересечения

валюативной, ценностной и рефлексивной, сугубо научной ветвей философствования. Задачи духовной ориентации человечества, разъяснения сложившейся исторической обстановки и перспектив ее развития заставляют философа совмещать трезвый объективный анализ ситуации с поиском целесообразных путей поведения в ней. Все это требует обоснования того или иного идеала общественного устройства, который вдохновляет философа. Оно заставляет его размышлять о смысле и направленности человеческой истории, прогрессивном и регрессивном в ней, отстаивать свой идеал, хотя и отдавая себе отчет в его «неабсолютности».

Литература

1. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
2. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2000. – 477 с.
3. Зиновьев, А. «Глобальный человек» / А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1997. – 460 с.
4. Пантин, В.И. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития / В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – Дубна: Феникс+, 2006. – 448 с.

Поступила в редакцию 05.03.2015 г.

УДК [821.161.1-09+821.161.3-09]«19»

Сравнительное изучение русской и белорусской литератур: теория и практика

Крикливец Е.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова», Витебск*

Сравнительно-типологический подход к изучению национальных литератур – актуальное направление современной филологии. Подобный ракурс исследования позволяет сделать вывод о специфике литературных взаимосвязей, общих и особых чертах в отражении мира и человека.

Цель статьи – раскрыть основные этапы становления сравнительного метода в литературоведении; показать его значимость для российской и отечественной гуманитарной науки в настоящее время; обосновать необходимость усвоения навыков сравнительного анализа литературных произведений будущими специалистами-филологами; поделиться опытом подготовки методических рекомендаций, посвященных данной проблеме.

Материал и методы. *Методологическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений, а также разработки сотрудников филологических факультетов российских вузов, посвященные учебно-методическим аспектам преподавания дисциплины «Сравнительное литературоведение». Объектом рассмотрения выступает подготовленное автором статьи учебное издание «Русская и белорусская литературы второй половины XX века: теория и практика сравнительного анализа».*

Результаты и их обсуждение. *Становление сравнительного литературоведения происходило на протяжении XIX–XX веков. В современной филологии сформированы основные методы и приемы сравнительно-типологического анализа. Видится необходимым ввести в курс профессиональной подготовки специалистов-филологов дисциплину «Русская и белорусская литературы второй половины XX века: теория и практика сравнительного анализа». Она нацелена на углубление литературоведческих знаний, формирование представлений о формах и закономерностях межлитературного процесса, овладение практическими навыками сравнительного анализа художественных произведений, расширение гуманитарного кругозора. Учебно-методическое сопровождение дисциплины должно включать этап усвоения понятийно-терминологического аппарата, а также отработку полученных знаний и умений на практике.*

Заключение. *Сравнительное литературоведение следует рассматривать как область науки о литературе, в которой разработаны продуктивные методики изучения художественных произведений, необходимые для исследовательской деятельности профессионального филолога.*

Ключевые слова: *сравнительно-типологический анализ, русская литература, белорусская литература, методическая подготовка, методические рекомендации.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 127–132)

Comparative Study of Russian and Belarusian Literatures: Theory and Practice

Kriklivets E.V.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

Comparative and typological approach to studying national literatures is a topical direction of contemporary philology. This side of the research makes it possible to conclude on the specificity of literary interconnections, common and special features in the reflection of the man and the world.

The purpose of the article is to disclose basic stages of shaping the comparative method in literature studies; to show its significance for Russian and home humanitarian science at present; to justify the necessity of mastering the skills of comparative analysis of works of literature by would-be linguists; to share the experience of compiling guidelines on this issue.

Material and methods. *The methodological basis of the study is made up by works of home and foreign literature critics in the field of comparative and typological studies of literature phenomena as well as works by Philology Faculties workers of Russian Universities on aspects of teaching Comparative Literature Studies. The object under consideration is the educational edition «Russian and Belarusian Literatures of the Late XX Century: Theory and Practice of Comparative Analysis» prepared by the author of the article.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: kriklivec@mail.ru – Е.В. Крикливец

Findings and their discussion. *Maturation of comparative literature studies was going on during XIX–XX centuries. In contemporary philology basic methods and techniques of the comparative and typological analysis have been shaped. Introduction of the course of Russian and Belarusian Literatures of the Late XX Century: Theory and Practice of Comparative Analysis seems necessary in the professional training of Philology students. It is aimed at more profound literature studies knowledge, at shaping images of forms and laws of the interliterature process, mastering practical skills of the comparative analysis of works of fiction, widening of humanitarian outlook. The teaching and methodological accompaniment of the course should include the stage of mastering notion and terminology apparatus as well as practising the acquired knowledge and skills.*

Conclusion. *Comparative literature studies should be considered as a sphere of the science of literature, in which productive teaching methods of studying works of fiction are worked out which are necessary for a professional linguist's research.*

Key words: *comparative and typological analysis, Russian Literature, Belarusian Literature, methodological training, guidelines.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 127–132)

Сравнительное изучение литератур – одно из актуальных направлений современной филологии. Сравнительный подход позволяет выявить творческую неповторимость произведения и национальной традиции посредством раскрытия литературных и социокультурных связей, формирует открытость сознания к восприятию и критической интерпретации инонациональных культурных смыслов.

Цель статьи – раскрыть основные этапы становления сравнительного метода в литературоведении; показать его значимость для российской и отечественной гуманитарной науки в настоящее время; обосновать необходимость усвоения навыков сравнительного анализа литературных произведений будущими специалистами-филологами; поделиться опытом подготовки методических рекомендаций, посвященных данной проблеме.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений, а также разработки сотрудников филологических факультетов российских вузов, посвященные учебно-методическим аспектам преподавания дисциплины «Сравнительное литературоведение». Объектом рассмотрения выступает подготовленное автором статьи учебное издание «Русская и белорусская литературы второй половины XX века: теория и практика сравнительного анализа».

Результаты и их обсуждение. Становление сравнительно-исторического направления в науке о литературе произошло во второй половине XIX века, когда Т. Бенфеем в «Предисловии» к переводу «Панчатантры» – древнеиндийского сборника мифов – была выдвинута теория заимствований (миграции) сюжетов. По Бенфею, именно заимствования как

следствия межнациональных литературных контактов являются двигателем литературного развития; задача ученых при этом заключается в выявлении заимствований и контактов.

В конце XIX – начале XX века сравнительное литературоведение оформляется как самостоятельная область истории литературы. Появляются труды Х. Познета, Ф. Брюнетьера, Ж. Текста, Ф. Бальдансперже, П. Ван Тигема, А. Фаринелли. Родоначальником сравнительного литературоведения в России по праву считается А.Н. Веселовский. Он указал на несводимость сравнительного литературоведения в целом к теории заимствований, обосновал типологические параллели, выдвинул тезис о самозарождении сходных мотивов у разных народов «при сходстве или единстве бытовых и психологических условий» [1, с. 134].

Упрочение и развитие сравнительно-исторического подхода к литературе произошли в марксистском литературоведении благодаря деятельности Г.В. Плеханова, который в работе «Искусство и общественная жизнь» проследил возникновение сходных эстетических теорий во Франции и в России XIX – начала XX века [2].

Перспективы, открывающиеся перед сравнительным литературоведением, ставящим в центр исследования читательское восприятие, наметил Т.С. Элиот, размышляя о новом «чувстве истории», о видении всей европейской литературы как «единовременного ряда» [3, с. 52].

Во второй половине XX века непосредственное отношение к сравнительному литературоведению имели следующие школы и их представители: рецептивная эстетика (Х.Р. Яусс, В. Изер); новый историзм (М. Батлер); культурный историзм (А. Синфилд, М. Левинсон, К. Белси, С. Гринблатт). Фор-

мируются крупные центры сравнительного изучения литератур и культур в США (Р. Уэллек, В. Фридрих, Дж. Фрэнк, Д. Фэнгер, Ф. Фергюссон, Т. Уиннер), Германии (М. Кестинг, К. Вайс, К. Хамбургер, Г. Кайзер), во Франции (Кл. Пишуа, А. Гранжар). Следует отметить также румынскую (А. Дима) и словацкую (Д. Дюришин) школы.

В советской науке второй половины XX века результатом и продолжением сравнительного изучения литератур становится типологический подход. Обоснование понятий «типология» и «типологический принцип» дано в теоретических и историко-литературных работах В.М. Жирмунского. Ученый разграничил понятия типологических схождений и аналогии, влияния и заимствования, отметив при этом: «...мы можем и должны сравнивать между собой аналогичные литературные явления, возникающие на одинаковых стадиях социально-исторического процесса, вне зависимости от наличия непосредственного взаимодействия между этими явлениями» [4, с. 66]. Важным является положение В.М. Жирмунского о том, что «сравнение не уничтожает специфики изучаемого явления (индивидуальной, национальной, исторической); напротив, только с помощью сравнения, то есть установления сходств и различий, можно точно определить, в чем заключается эта специфика» [4, с. 67].

Идея единства и закономерности общественно-исторического процесса составила сущность понятия «всемирная литература» и была обоснована в отечественной науке 1970-х годов (М.Б. Храпченко, И.Г. Неупокоева и др.). Она получила свое развитие в трудах Н.И. Конрада, посвященных сопоставлению западных и восточных литератур.

В литературоведении второй половины XX века были сформированы основные приемы сопоставительного анализа:

- сопоставление произведения с его реальной основой;
- сопоставление героя с прототипом;
- сопоставление разных редакций художественного произведения;
- сопоставление разных произведений одного автора;
- сопоставление произведений разных авторов (представителей одной национальной литературы);
- сопоставление произведений разных авторов (представителей разных национальных литератур);

– сопоставление различных вариантов переводов.

Следует отметить, что в советский период сравнительно-типологические исследования проводились преимущественно на уровне советской и зарубежной (европейской, американской) литератур. Произведения (особенно на русском языке), появляющиеся в республиках СССР, включались в общую парадигму «советской литературы» и в ракурсе сравнительного анализа практически не изучались (тем более, произведения восточнославянских литератур).

Однако с распадом Советского Союза специфика национальных литератур становится более очевидной. Продуктивность сравнительно-типологического подхода к изучению русской и белорусской литератур активно проявилась в последней трети XX века. Об этом свидетельствуют работы как русских ученых (Г.В. Стадников, М.Н. Сперанский, Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская, М.В. Дмитриев и др.), так и белорусских (А.Н. Андреев, С.В. Букчин, В.В. Борисенко, В.В. Ивашин, Т.П. Казакова, М.А. Лазарук, Т.Н. Мельникова, В.П. Рагойша, М.А. Тычина, И.А. Черота, В.И. Черота, И.И. Шпаковский, И.Ф. Штейнер и др.).

Большой вклад в решение данной проблемы внесло российское литературоведение: сборники «Литературные взаимосвязи и типологические схождения. История и современность» [5], монография М.Н. Сперанского «Из истории русско-славянских литературных связей» [6], ряд статей Ю.А. Лабынцева и Л.Л. Щавинской [7], посвященных истории русско-белорусских литературных взаимосвязей.

В отечественной науке сравнительное изучение белорусской и русской литератур нашло отражение в следующих сборниках: «Адзінства і ўзаемаўзбагачэнне: пытанні ўзаемасувязей савецкіх літаратур» [8], «Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей» [9], «Беларуская літаратура ў кантэксце славянскіх літаратур XIX–XX стст.» [10], «Беларуская і руская літаратуры: тыпалогія ўзаемасувязей і нацыянальнай ідэнтыфікацыі» [11], «Славянство. Православие. Традиции русской и белорусской литературы» [12]. В них прослежен процесс взаимодействия белорусской и русской литератур от древности до наших дней, раскрыта специфика национального характера, уделено внимание проблеме художественного перевода. Существенно дополнили эти

исследования монографии М.А. Тычины «Аляксандр Пушкін і Якуб Колас» [13], И.А. Чероты «Пошук спрадвечнай існасці: Беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння» [14]; диссертационные работы Т.Н. Мельниковой («Русская и белорусская сатирическая проза периода 20-х годов XX столетия (М. Булгаков, М. Зощенко, К. Крапива, А. Мрый)») [15], В.П. Рагойши («Белорусская поэзия XX столетия в контексте восточнославянских литератур (типология, рецепция, художественный перевод)») [16], Т.П. Казаковой («Белорусская литература XV века и древнерусская письменность» [17] и др.).

Об актуальности сравнительного изучения славянских литератур, в том числе русской и белорусской, свидетельствуют регулярно проводимые международные научные конференции: «Сравнительное изучение славянских литератур» (Москва); «Культура и письменность славянского мира» (Смоленск); «Славянские литературы в контексте мировой» (Минск); «Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI веков» (Минск); «Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение» (Витебск) и др.

Учебные планы филологических факультетов российских вузов включают дисциплину «Сравнительное литературоведение», усвоение которой позволяет студентам сформировать представление о мировом литературном процессе, специфике национальной литературы и ее бытовании (рецепции) в пространстве другой культуры.

Нам представляется целесообразным продолжить данную традицию в отечественной методике и ввести в курс филологической подготовки магистрантов, обучающихся на специальности 1-21 80 10 «Литературоведение», дисциплину «Русская и белорусская литературы второй половины XX века: теория и практика сравнительного анализа». Эта дисциплина призвана раскрыть специфику русско-белорусских литературных взаимосвязей во второй половине XX века. Проблематика и поэтика произведений русских и белорусских писателей указанного периода имеют общие точки соприкосновения, обусловленные социокультурным пространством двух государств, общей картиной славянского мира, мировоззрением художников, их авторским мышлением в создании художественной концепции универсума. Сохраняя творческую индивидуальность, они демонстрируют на-

циональную ментальность и общечеловеческую позицию. Сопоставительный ракурс исследования позволит сделать вывод о взаимосвязях близкородственных литератур, их общих и особых чертах в отражении мира и человека.

Цель преподавания дисциплины – создать содержательное представление о сравнительном литературоведении как специальной области науки о литературе, в которой разработаны методологические принципы сравнительно-типологического анализа литературных явлений и продуктивные исследовательские методики изучения художественных произведений.

Задачи преподавания дисциплины:

- изучить категориально-понятийный аппарат сравнительного литературоведения;
- раскрыть принципы и приемы сравнительно-типологического анализа и пути их практического применения;
- сформировать навык исследования национальных литератур в их эстетическом, культурном, историческом взаимодействии.

Учитывая необходимость учебно-методического обеспечения новой дисциплины, мы разработали одноименное учебное издание, включающее в себя теоретическую и практическую части. Методические рекомендации «Русская и белорусская литературы второй половины XX века: теория и практика сравнительного анализа» знакомят обучающихся с основными проблемами, понятиями и терминами сравнительного литературоведения, с формами «диалога» между национальными литературами.

Цикл практических занятий разделен на две смысловые части: «Историко-теоретические аспекты сравнительного литературоведения» и «Русская и белорусская литературы второй половины XX века: практика сравнительного изучения». Первые несколько занятий, посвященные истории и теоретическим проблемам сравнительного метода, позволяют будущим специалистам проследить основные этапы становления сравнительного литературоведения, овладеть методиками сравнительного исследования литературных произведений.

Однако главная учебно-методическая задача видится в практической отработке навыков сравнительно-типологического анализа художественных произведений в историко-культурном контексте. Учебным материалом послужили произведения русских и белорус-

ских писателей второй половины XX века. Структура практических занятий, составивших вторую часть цикла, состоит из вступительной статьи, в которой обусловлена актуальность исследования, обозначены цель и объект сравнительного анализа, а также его ключевые аспекты. После этого обучающимся предлагаются вопросы и задания для исследовательской работы. Здесь приведем пример одного из занятий подобного типа.

Типология художественного метода в военных повестях В. Астафьева и В. Быкова

Писатели-фронтовики В. Астафьев и В. Быков вошли в литературу во второй половине 1950-х годов со своим видением военных событий. Предметом художественного осмысления в их произведениях становятся внутренний мир героя, движения его души, обусловленные реалиями военного времени. Подобный объект изображения требовал от писателей преодоления схематизма, выхода за рамки соцреалистического метода, расширения нравственно-этической проблематики.

Объект исследования – повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» и В. Быкова «Альпийская балада».

Цель занятия – определить специфику художественной системы военных повестей В. Астафьева и В. Быкова, выявить элементы синтеза реалистического метода с эстетикой сентиментализма и романтизма.

Аспекты сравнительного анализа:

- использование формальных и содержательных элементов, не типичных для реалистической парадигмы;
- обращение к жанровым формам сентиментализма (пастораль) и романтизма (баллада);
- творческая интерпретация сентименталистского конфликта: противопоставление «естественной» жизни природы и технократической цивилизации;
- осмысление проблемы нравственной деградации личности на войне и поиск духовных основ;
- наличие двух стилистических пластов: сентиментально-идиллического и натуралистического;
- использование различных способов художественной завершенности (модус трагического – в повести В. Астафьева, героический модус художественности – в повести В. Быкова).

Вопросы и задания:

1. Раскрыть жанрово-исторические особенности пасторали и баллады. При этом необходимо учитывать, что в XVII–XVIII веках пастораль и баллада композиционно и содержательно находились в оппозиции к тематике и формам классицизма, вызывая со стороны его представителей резкий отпор (это особенно отчетливо проявилось в западноевропейской литературе). Можно ли предположить, что специфика избранных жанровых форм помогает писателям выйти за границы нормативной эстетики и в литературе второй половины XX века?
2. Проследить мировоззренческую эволюцию В. Астафьева на примере разных редакций повести «Пастух и пастушка».
3. Раскрыть смысл названия повести В. Астафьева и его интерпретацию в контексте произведения.
4. Определить значение «рамочного» текста в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка», показать его связь с композиционными особенностями произведения.
5. Выявить эстетические принципы романтизма в «Альпийской балладе» В. Быкова, их обусловленность идейно-художественной концепцией произведения.
6. Показать роль пейзажа в повестях русского и белорусского писателей. Рассмотреть взаимоотношения человека и природы как интерпретацию одного из ключевых конфликтов предромантической и романтической литературы.
7. Определить специфику раскрытия экзистенциальной проблематики в военных повестях В. Астафьева и В. Быкова:
  - внутренний мир человека на войне: эволюция или деградация?
  - поиск духовной «опоры»: в чем она видится писателям?
  - любовь и война: антиномия сентиментализма и натурализма.
8. Раскрыть идейно-эмоциональную направленность анализируемых произведений русского и белорусского писателей.
9. Можно ли утверждать, что синтез с предромантической и романтической поэтикой позволил В. Астафьеву и В. Быкову преодолеть каноны норма-

тивной эстетики, заострить гуманистическую проблематику произведений, раскрыть сущность экзистенциальной трагедии человека на войне?

10. Считаете ли вы, что обращение к сентиментализму и романтизму обусловило жанровые особенности анализируемых произведений, нашло отражение на уровне композиции и образной системы, оказало влияние на стилистику повестей?

11. Может ли подобный сравнительно-типологический ракурс исследования быть применим к другим произведениям русской и белорусской военной прозы? Если да, назовите их.

Помимо теоретического и практического компонентов, учебное издание включает в себя темы для самостоятельного исследования, которые могут быть использованы как темы курсовых и дипломных проектов, а также магистерских диссертаций.

Заключение. Сравнительное изучение национальных литератур соответствует приоритетным задачам современной филологической науки. Дисциплина «Русская и белорусская литературы второй половины XX века: теория и практика сравнительного анализа» нацелена на углубление литературоведческой подготовки филологов, формирование представлений о формах и закономерностях межлитературного процесса, овладение практическими навыками сравнительного анализа художественных произведений, расширение гуманитарного кругозора. Учебно-методическое сопровождение данной дисциплины должно включать этап усвоения понятийно-терминологического аппарата, а также отработку полученных знаний и умений на практике.

Литература

1. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Наука, 1989. – 430 с.
2. Плеханов, Г.В. Литература и эстетика: в 2 т. / Г.В. Плеханов. – М.: Наука, 1958. – 2 т.
3. Элиот, Т. Традиция и индивидуальный талант / Т. Элиот // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. – М.: Наука, 1987. – С. 48–74.
4. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 348 с.
5. Литературные взаимосвязи и типологические схождения. История и современность / отв. ред. Г.В. Стадников. – СПб.: Лема, 2010. – 360 с.
6. Сперанский, М.Н. Из истории русско-славянских литературных связей / М.Н. Сперанский. – М.: USSR, 2011. – 280 с.
7. Лабынцев, Ю.А. Книжное наследие Древней Руси в практике униатской церкви на Брестчине (первая треть XVIII в.) / Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская // Древняя Русь. – 2007. – № 3(29). – С. 60–61.
8. Адзінства і ўзаемаўзбагачэнне: Пытанні ўзаемасувязей савецкіх літаратур / АН БССР, Ін-т літ-ры імя Я. Купалы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 288 с.
9. Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей: у 4 кн. / АН Беларусі, Ін-т літ-ры імя Я. Купалы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993–1995. – 4 кн.
10. Беларуская літаратура ў кантэксце славянскіх літаратур XIX–XX стст.: [зб. артыкулаў] / НАН Беларусі, Ін-т літ-ры імя Я. Купалы. – Мінск: Беларус. навука, 2006. – 373 с.
11. Беларуская і руская літаратуры: тыпалогія ўзаемасувязей і нацыянальнай ідэнтыфікацыі: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 18–19 красав. 2012 г. / Ін-т мовы і літ-ры імя Я. Купалы НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2012. – 420 с.
12. Славянство. Православие. Традиции русской и белорусской литературы / ОО «Белорусский славянский комитет». – Мозырь: Белый ветер, 2008. – 194 с.
13. Тычына, М.А. Аляксандр Пушкін і Якуб Колас / НАН Беларусі, Ін-т літ-ры імя Я. Купалы / М.А. Тычына. – Мінск: Бел. навука, 1999. – 167 с.
14. Чарота, І.А. Пошук спрадвечнай існасці: Беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння / І.А. Чарота. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 159 с.
15. Мельникова, Т.Н. Русская и белорусская сатирическая проза периода 20-х годов XX столетия (М. Булгаков, М. Зощенко, К. Крапива, А. Мрый): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Т.Н. Мельникова; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 1997. – 22 с.
16. Рагойша, В.П. Белорусская поэзия XX столетия в контексте восточнославянских литератур (типология, рецепция, художественный перевод): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / В.П. Рагойша; Рос. АН, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – М., 1993. – 91 с.
17. Казакова, Т.П. Белорусская литература XV века и древнерусская письменность (летописание, ораторская проза): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т.П. Казакова; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 1991. – 21 с.

Поступила в редакцию 05.05.2015 г.

УДК 811.161.3*282(476.5)

Чалавек праз прызму семантычных дыялектызмаў у гаворках Віцебшчыны

Дзядова А.С., Васільева Т.А.

Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Маішэрава», Віцебск

У народных гаворках паўночнай часткі Беларусі адну з самых вялікіх груп дыялектнай лексікі ўтвараюць семантычныя дыялектызмы. Мэта артыкула – выяўленне шляхам комплекснага аналізу спецыфікі значэння і функцыянавання семантычных дыялектызмаў, звязаных з характарыстыкай чалавека ў розных адносінах, у гаворках Віцебшчыны.

Матэрыял і метады. Даследаванне праведзена на матэрыяле “Рэгіянальнага слоўніка Віцебшчыны” (ч. 1, 2). Аб’ектам даследавання выступаюць семантычныя дыялектызмы, у значэнні якіх рэпрэзентуюцца розныя віды дзейнасці чалавека, яго фізічны і псіхічны стан, асаблівасці паводзін і ўзаемаадносін з іншымі людзьмі. Асноўныя метады – апісальны, супастаўляльны і метады кампанентнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Семантычныя дыялектызмы даследаваны ў межах наступных тэматычных груп: 1) назвы працоўнай дзейнасці і гаспадарчых заняткаў чалавека; 2) назвы, якія характарызуюць паводзіны чалавека, яго фізічны і псіхічны стан; 3) назвы фізічных дзеянняў чалавека; 4) назвы асоб; 5) назвы частак цела чалавека. Многія прааналізаваныя лексічныя адзінкі маюць матываванае значэнне і ўтвораны шляхам метафарызацыі, а гэта значыць, што ў іх семантычнай структуры дамінуюць вобразна-ацэначныя кампаненты. У семантыцы некаторых слоў прысутнічае канататыўны кампанент значэння, які выяўляе, як правіла, адмоўныя, негатыўныя адносіны суб’екта да іншай асобы.

Заключэнне. Даследаваныя семантычныя дыялектызмы ў гаворках Віцебшчыны ўяўляюць сабой дастаткова цікавы і арыгінальны лексічны матэрыял, які знаёміць з асаблівасцямі жыцця, працоўнай і гаспадарчай дзейнасці беларускага народа, выяўляе адметнасці яго матэрыяльнай і духоўнай культуры, пэўныя асаблівасці характару і ўнутранага свету, эстэтычныя погляды і маральныя прынцыпы.

Ключавыя словы: гаворкі Віцебшчыны, дыялектная мова, канатацыя, матываванае значэнне, тэматычная група, семантычны дыялектызм.

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 133–138)

Man Through the Prism of Semantic Dialectisms in Vitebsk Region Sayings

Dziadova A.S., Vasilyeva T.A.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

In sayings of the northern part of Belarus one of the biggest groups of dialect vocabulary is made up by semantic dialectisms. The purpose of the article is identification by means of complex analysis of the specificity of the meaning and functioning of semantic dialectisms which are connected with the characteristic of the man in different relations, in sayings of Vitebsk Region.

Material and methods. The study is carried out on the material of «Regional Dictionary of the Vitebsk Region» (Parts 1, 2). The object of the study is semantic dialectisms in the meaning of which different types of human activities are represented as well as his physical and psychological status, features of the behavior and relations with other people. Main methods of the research are descriptive, comparative and method of component analysis.

Findings and their discussion. Semantic dialectisms are studied within the following thematic groups: 1) names of jobs and economic activities; 2) names of human behavior, his physical and psychological status; 3) names of human physical activities; 4) personal names; 5) names of parts of human body. A lot of analyzed lexical units have a motivated meaning and are built up by metaphorization which means that in their semantic structures image and evaluation components dominate. In semantics of a number of words connotational component of the meaning is present which clarifies, as a rule, negative attitudes of the subject to another person.

Conclusion. The studied semantic dialectisms of sayings in Vitebsk Region are a rather interesting and specific lexical material which introduces features of life, job and economic activity of Belarusian people, identifies features of his material and spiritual culture, some features of character and inner world.

Key words: sayings of Vitebsk Region, dialect speech, connotation, motivated meaning, thematic group, semantic dialectism.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 133–138)

Ва ўмовах білінгвізму, які характарызуе сучасную моўную сітуацыю ў Беларусі, асабліва важнае значэнне набывае збор і вывучэнне народна-дыялектнай лексікі як аднаго з феноменаў нацыянальнай беларускай мовы. У айчынным мовазнаўстве да апошняга часу недастаткова даследаванымі заставаліся гаворкі Віцебшчыны, паколькі не быў створаны адзіны лексікаграфічны даведнік, які б аб'яднаў дыялектныя матэрыялы поўначы краіны – Беларускага Паазер'я.

Нягледзячы на тое, што лексіка паўночна-ўсходняга тэрытарыяльнага дыялекту Беларусі знайшла частковае адлюстраванне ў шэрагу лексікаграфічных прац ХХ – пачатку ХХІ ст. [1–3], праблема стварэння дыялектнага слоўніка Віцебшчыны заставалася да апошняга часу вельмі актуальнай, бо даўно наспела патрэба ў абагульненым лексікаграфічным выданні, якое ўвабрала б у сябе слоўны матэрыял гаворак з усіх раёнаў рэгіёна. Кафедра беларускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава прыклала значныя намаганні для стварэння такога выдання ў дзвюх частках, дзе ўпершыню ажыццёўлены максімальна поўны збор народнай лексікі поўначы Беларусі. “Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны” быў падрыхтаваны калектывам кафедры і выдадзены на працягу 2012–2014 гг. [4–5]. Як адзначае Г.А. Арцямёнак, “падрыхтаваны слоўнік натуральна ўключаецца ў кантэкст значных дыялектаграфічных набыткаў беларускіх мовазнаўцаў. У наш час беларуская дыялектаграфія склалася ў асобны практычны напрамак і тэарэтычны раздзел апісальнай дыялекталогіі і развіваецца ў напрамку падрыхтоўкі фундаментальнай зводнай працы, якая б адлюстравала ўсё багацце народна-дыялектнай лексікі беларускага этнасу” [6, с. 23].

Прадстаўленая ў слоўніку лексіка выразна выяўляе нацыянальную адметнасць гаворак паўночнай часткі Беларусі і дазваляе гаварыць пра выключнае семантычнае багацце і разнастайнасць дыялектнай мовы гэтага асаблівага ў гістарычным і этнаграфічным плане рэгіёна. Мэта артыкула – выявіць шляхам комплекснага аналізу спецыфіку значэння і функцыянавання семантычных дыялектызмаў, звязаных з характарыстыкай чалавека ў розных адносінах, у гаворках Віцебшчыны.

Матэрыял і метады. У гаворках Віцебшчыны адну з самых значных груп дыялектнай лексікі ўтвараюць семантычныя

дыялектызмы. Многія лексічныя адзінкі гаворак Падзвіння, якія супадаюць па сваёй знешняй форме са словамі беларускай літаратурнай мовы, але маюць іншае значэнне ў дыялектнай мове, уяўляюць сабой дастаткова цікавы і арыгінальны моўны матэрыял, які сведчыць пра самабытнасць жывой народнай мовы беларусаў і характарызуе яе як спецыфічную этнакультурную з'яву. Крыніцай даследавання паслужыў “Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны” [4–5]. Аб'ектам даследавання з'яўляюцца семантычныя дыялектызмы, у значэнні якіх рэпрэзентуюцца розныя віды дзейнасці чалавека, яго фізічны і псіхічны стан, асаблівасці паводзін і ўзаемаадносін з іншымі людзьмі. Асноўныя метады – апісальны, супастаўляльны і метады кампанентнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Дыялектная мова – гэта не толькі разнавіднасць нацыянальнай мовы, якая намінуе тыя ці іншыя прадметы, рэаліі і з'явы навакольнай рэчаіснасці, жыццёвыя факты. Яна служыць таксама “для выражэння пачуццяў, сацыяльных і індывідуальных ацэнак, абслугоўваючы тым самым сферу эмацыянальна-псіхічнай дзейнасці чалавечай свядомасці, сферу суб'ектыўнага ўспрымання свету і ўзаемадзеяння з ім чалавека” [7, с. 3].

Семантычныя дыялектызмы, якія функцыянуюць у гаворках Віцебшчыны, уваходзяць у склад розных тэматычных груп найменняў, сярод якіх варта назваць наступныя: 1) назвы расліннага і жывёльнага свету; 2) сельскагаспадарчая і земляробчая лексіка; 3) побытавыя найменні; 4) лексічныя адзінкі, якія семантызуюць прыродныя з'явы; 5) назвы, якія характарызуюць чалавека ў розных адносінах і інш. Надзвычайным багаццем у слоўнікавым складзе дыялектнай мовы беларусаў вызначаецца семантычны абсяг лексікі, якая дае пэўную характарыстыку чалавеку і рэпрэзентуе розныя віды яго дзейнасці. Заўважым, што лексічныя адзінкі паўночна-ўсходняга дыялекту, якія ўваходзяць у склад семантычнага поля „чалавек“, выконваюць не толькі намінальную функцыю, але і выступаюць у якасці крыніцы шматлікіх і разнастайных ведаў пра нацыянальную гісторыю і культуру нашага народа. Гэта словы даволі шырокага семантычнага дыяпазону: 1) назвы працоўнай дзейнасці і гаспадарчых заняткаў чалавека; 2) назвы, якія характарызуюць паводзіны чалавека, яго

фізічны і псіхічны стан; 3) назвы фізічных дзеянняў чалавека; 4) назвы асоб; 5) назвы частак цела чалавека.

У тэматычную групу назваў працоўнай дзейнасці і гаспадарчых заняткаў чалавека ўваходзяць семантычныя дыялектызмы **абграбаць** „зграбаць сена ў валы“: *Пойдем сена абграбаць, ужэ сухое.* (Кудзіны Гар.) [4, с. 22]; **адкінуць** „адняць цяля ад каровы“: *Я сёння адкінула цялёнка ад каровы, а то ён ужо вялікі.* (Лазы Тал.) [4, с. 35]; **біць** 1) „кляпаць, вастрывць касу малатком“: *Ты снедай, а я ўжо біць косы пайду.* (Замошша Брасл.); 2) „калоць дровы“: *Заўтра дровы біць будзем.* (Балаі Міёр.) [4, с. 83]; **браць** „капаць, выбіраць бульбу“: *Пара ўжо бульбу браць.* (Быцава Беш.) [4, с. 91]; **выматываць** „выветрываць“: *Я во тут адзежу выматываю.* (Абольцы Тал.) [4, с. 132]; **выжымаць** „мыць бялізну“: *Выжымала паўдня ўчора, сягоння рукі ломяць.* (Папшычы Глыб.) [4, с. 132]; **вылажыць** „спакладаць, кастрыраваць“: *Вылажылі свайго барана.* (Мар’янполле Брасл.) [4, с. 132]; **гадаваць** „жарміць (жывёлу)“: *Пайду гадаваць свайго свіннюка – крычыць ужо.* (Далуева Шум.) [4, с. 136]; **збіць** „скасіць“: *Збі ты траву каля плоту, ад людзей стыдна.* (Янкі Докш.) [4, с. 209]; **пярбіцца (пяркацца)** „упраўляцца па гаспадарцы“: *Пярбілася ўвесь дзень на дваре.* (Кулакова Віц.); *А бабуля мая ўсё пяркаецца і пяркаецца, то на гародзе, то ля печы.* (Сардыкі В.-Дзв.) [5, с. 115]; **прыкладаць** „прыводзіць у парадак што-небудзь“: *Перад Радаўніцай пойдзем магілкі прыкладаць.* (Воўкаўшчына Глыб.) [5, с. 188]; **спраўляцца** „выконваць штодзённую працу, упраўляцца па гаспадарцы“ [5, с. 275]; **сцябаць** „вастрывць“: *Бацька сцябаў дзедаву касу.* (Галбея Паст.) [5, с. 292]; **таптаць** „заганяць рыбу ў мярэжу“: *Таптаў рыбу – натаптаў цялае ядро.* (Плаўнік Чаш.) [5, с. 299]; **учыніць** „рашчыніць“: *А ён якраз гарэлку ўчыніў і паставіў пад яблыню.* (Белая Ліпа Сен.) [5, с. 317] і інш.

У склад тэматычнай групы назваў, якія характарызуюць паводзіны чалавека, яго фізічны і псіхічны стан, узаемаадносінны з іншымі людзьмі, уваходзяць дзеясловаўныя лексемны з самым розным значэннем. Напрыклад, фізічны стан чалавека рэпрэзентуюць у сваёй семантыцы такія найменні, як **абваліцца** „страціць прытомнасць“: *Як убачыла яго, так і абвалілася.* *Другі чалавек вярнуўся.* (Выгада

Сен.) [4, с. 21]; **сіпéць** „балець“: *Адну баразну толькі прапалола, а ўжо ў карку сіпéць.* (Спігальшчына Міёр.) [5, с. 257]; **стравіцца** „атруціцца“: *Хацела яна стравіцца, але дружска прышла, ні дала.* (Пышна Леп.) [5, с. 281]; **скласціся** „памерці“: *Ад такой жыцці скласціся можна.* (Станіславава Дубр.) [5, с. 261] і інш. Адметнасці псіхічнага стану чалавека – маўленчая дзейнасць, разумовыя здольнасці, эмоцыі і пачуцці – семантызуюцца ў дзеясловах тыпу **галасавіць** „голасна крычаць, гучна размаўляць“: *Чаго ты там галасуеш? Мы чуем цябе добра.* (Косарава Глыб.) [4, с. 138]; **ёкаць** „крычаць“: *Хопіць ёкаць, бо галава ад вас баліць.* (Фарынава Пол.) [4, с. 186]; **скарадзіць** „гаварыць абы-што, пустасловіць“: *Не скарадзі ты: праціўна слухаць тваі гаворкі.* (Канашы Гар.) [5, с. 259]; **жахнуцца** „страціць розум“: *Ад перажыванняў яна чуць ні жахнулася.* (Язна Міёр.) [4, с. 190]; **прыдумаць** „успомніць, прыгадаць, аднавіць у памяці“: *Зараз на розум што-небудзь прыйдзе, дык я вам прыдумаю, ці, як павашаму, успомню.* (Чарневічы Глыб.) [5, с. 186]; **спакусіць** „растлумачыць“: *Сама сябе спакусіла ды і зайграла, як па нотам.* (Машканы Сен.) [5, с. 272]; **екатаць** „гучна плакаць“: *Ну, хопіць ужо табе екатаць!* (Якубова Рас.) [4, с. 184]; **замлэць** „моцна захацець“: *Ці ты не знаеш, чаго ён так у горад замлэў?* (Ляхаўка Дубр.) [4, с. 202]; **ёрзаць** „забаўляцца, сваволіць, дурэць“: *Я іх пусціла ў сяннік, дык яны ёрзалі ўвесь дзень.* (Выхадцы Лёзн.) [4, с. 186]. Пэўныя ўзаемаадносінны з іншымі людзьмі выяўляюць у сваім значэнні семантычныя дыялектызмы **бранзаваць** „выказваць абурэнне каму-небудзь, лаяць за дрэнны ўчынак“: *Бацька бранзаваў яго, аднак што з распусніка возьмеш? Якім быў – такім застаўся.* (Празарокі Глыб.) [4, с. 90]; **павітаць** „запрасіць да сябе ў госці“: *Павітай іх к сабе калі-небудзь.* (Прудок Гар.) [5, с. 76]; **скуліць** „надакучаць размовамі пра адно і тое ж, ныць“: *Дзед скуліў, што няма добрага ўраджаю.* (Езярышча Гар.) [5, с. 263]; **спазнаць** „дазнаёміцца, здружыцца“: *Мы вельмі хутка спазналі адзін аднаго.* (Салавічы Віц.) [5, с. 272]; **спорваць** „спрачацца“: *Я з ім спорвала-спорвала, а патом кінула ўсё і больш не пашла да яго.* (Абольцы Тал.) [5, с. 275] і інш. У якасці структурных кампанентаў дадзенага тэматычнага аб’яднання выступаюць таксама семантычныя дыялектызмы-

прыметнікі тыпу **безуладны** „нерухомы, паралізаваны“: *Ляжыць, як безуладны*. (Бугаі Сен.) [4, с. 78]; **круты** „хуткі, рухавы, увішны“: *Што да работы, дык яна крутая*. (Пашкі Шарк.) [4, с. 264]; **мазольісты** „надакучлівы чалавек (звычайна пра дзіця)“: *Ну, мазольісты малы, мельцяшыць і мельцяшыць перад носам*. (Мазурына Шум.) [5, с. 14]; **слўшны** „даслухмяны“: *Мужык выціць любіў, але дужа слўшны быў*. (Селішча Уш.) [5, с. 266].

Тэматычная група назваў фізічных дзеянняў чалавека прадстаўлена лексічнымі адзінкамі тыпу **габляваць** „ісці напрасткі“: *Куды гэта баба так габлёе? Толькі спадніца відаць*. (Новы Пагост Міёр.) [4, с. 135]; **зЫбаць** „скакаць на ложку, канапе“: *Не зЫбай так, дзіван праломіш*. (Кухты Глыб.) [4, с. 215]; **лэпаць** „шлёпаць; утвараць шум, ідучы па вадзе“: *Па лужы лэпае нагамі*. (Слабада Паст.) [4, с. 297]; **пхнуцца** „прабірацца, прадзірацца праз што-небудзь“: *Цэлы час праз лес ды кусты пхнуліся*. (Зябкі Глыб.) [5, с. 203]; **разлапушыцца** „рассесціся“: *А яна як разлапушыцца на лаўцы, дык, кроме яе, ніхто туды больш не сядзіць*. (Старое Лядна Леп.) [5, с. 221]; **саўгануцца** „слізгануцца“: *Акуратна ідзі, а то як саўганешся – і ляснеш галавой аб лёд*. (Каты Шарк.) [5, с. 244]; **скарадзіць** „ісці, цягнуць ногі, ледзь валачыць ногі па зямлі, падымаючы пыл“: *Не скарадзі ты тут, а то пыл ідзець*. (Язвіна Шум.) [5, с. 259]; **счасіць** „уцячы, сысці“: *На гэтым сходзе нічога такога ініцэрэснага не казалі, і ўсе паціху счасілі адтуль*. (Сваташыцы Дубр.) [5, с. 292] і інш.

У склад тэматычнай групы семантычных дыялектызмаў – назваў асоб – уваходзяць словы, якія з самых розных бакоў і ў розных адносінах характарызуюць чалавека. Гэта лексічныя адзінкі тыпу **апёка** „гультай“: *Твой хлопец гэтка бальшы, але ж апёка*. (Баршчоўка Віц.) [4, с. 46]; **асялók** „неразумны, дурны чалавек“: *Мішка – асялók, гэта ўсе знаюць*. (Быцава Беш.) [4, с. 51]; **бáбка** „знахарка, шаптуха“: *Вельмі моцна захварэў Васіль, без бáбкі не абысціся*. (Мікалаёва Міёр.) [4, с. 58]; **барахóльшчык** „балбатун, манюка“: *Ну, барахóльшчык, і да чаго ж ты дагаварыўся?* (Лужкі Глыб.) [4, с. 70]; **брында** „неакуратная, брудная жанчына“: *Вунь паглядзі, якая брында пайшла. Сорам глядзець!* (Глазамічы Віц.) [4, с. 94]; **бўрбалка** „буркун; бурклівы чалавек“: *Яму не жонка папалася, а бўрбалка: вечна злая,*

пастаянна бурчыць. (Замошша Брасл.) [1, с. 99]; **бяляк** „светлагаловы чалавек“: *У Насці хлопец – бяляк*. (Арханова Міёр.) [4, с. 105]; **валакіта** „валацуга“: *Ну які з яго муж? Як быў змладау валакітай, дык ці ж яго пераробіш?* (Будавічы Паст.) [4, с. 109]; **галавач** „чалавек з вялікай галавой“: *На галавача шапку не падабраць*. (Далуева Шум.) [4, с. 138]; **жабрак** „злодзей“: *Гэты жабрак нарабіў нам шкоды!* (Круткі Паст.) [4, с. 187]; **кадзіла** „непрыгожая, знешне непрывабная жанчына“: *Не жонку выбраў, а кадзілу нейкую*. (Смалоўка Гар.) [4, с. 222]; **кадушка** „тоўстая непаваротлівая дзіўчына ці жанчына“: *Ого, якую кадушку сабе ў жонкі ўзяў!* (Міхалінава Лёзн.) [1, с. 223]; **кажán** 1) „дзіця“: *Суседаў кажán зноў у мой гарод лазіў*. (Колпіна Сен.); 2) „фізічна слабы, малога росту чалавек“: *Не мужчына, а кажán нейкі*. (Казловічы Гар.) [4, с. 223]; **калатоўка** „гаваркая, балбатлівая жанчына“: *Маўчы ты, калатоўка тая*. (Бачэйкава Беш.) [4, с. 227]; **камяк** „нязграбны чалавек“: *Такі ўжэ камяк: усё з рук валицца, за што не возьмецца*. (Відзы Брасл.) [4, с. 232]; **карóста** „назола, дакучлівы чалавек“: *Во карóста малая, усё ныйць і ныйць*. (Ноўка Гар.) [4, с. 239]; **касáч** „касец“: *Касáч зяго, канешне, абы-які*. (Лескавічы Шум.) [4, с. 242]; **ла́йба** „тоўсты чалавек“: *Такая ўжо ла́йба, рабіць нічога не можа*. (Драбаўшчына Глыб.) [4, с. 278]; **лізўн** „ласун“: *Эта ты, лізўн, у варэння лазіў?* (Бор Леп.) [4, с. 289]; **лунь** 1) „свагаловы чалавек“: *Ах, лунь стары! Да сівых валасоў дажыў, а не паразумнеў*. (Зялёнка Пол.); 2) „пра маруднага, пасіўнага, вялага чалавека“: *Ну што з табой? Ходзіш, як лунь*. (Валожанкі Шарк.); 3) „гультай, абібок“: *Ну і лунь! Разлэгся! Ранак на дварэ*. (Муляры Паст.); 4) „пра дурнаватага, зацоканага чалавека“: *Ён ніразумны чалавек, лунь*. (Кушлікі Пол.) [4, с. 294]; **ля́па** „чалавек, які гаворыць пустое, недарэчнае“: *Во дзе ўжо ля́па, ляпае німаведама што*. (Целякі Паст.) [4, с. 301]; **сква́рка** „жапрызны, надакучлівы, сварлівы чалавек“: *Во ты сква́рка які, ніяк табе не ўгодзіш, як большыя якой!* (Паўазер’е Беш.) [5, с. 260]; **склюд** „вельмі худы і высокі чалавек“: *Глянула на яго – і аж спужалася: склюд! Такі страшны шкілет зрабіўся*. (Турлы Паст.) [5, с. 261]; **слі́ва** „л’яны чалавек з пасінелым носам“: *Ну ты і слі́ва! Налізаўся пойла!* (Ульянавічы Сен.) [5, с. 264]; **спéшка** „хуткі, шпаркі чалавек“: *Пакуль я паела, дык ты ўжо і карову ўспела цыркануць. Во якая я спéшка!* (Папшычы Глыб.) [5, с. 273].

Сярод семантычных дыялектызмаў, якія характарызуюць чалавека, вылучаюцца разнастайнасцю свайго значэння назвы частак яго цела. Напрыклад, **арба** „горб“: *Старая жанчына з арбой, сагнуўшыся, ходзіць.* (Чарэя Чаш.) [4, с. 48]; **бабка** „карэнны зуб“: *У яе разбалелася бабка на ніжняй сківіцы.* (Закур’е Чаш.) [4, с. 58]; **дзіч** 1) „скула“: *Дзіч на руке села, рука красная, атухла.* (Ахрэмаўцы Брасл.); 2) „бародаўка“: *Вырасла на пальцы дзіч.* (Чарневічы Глыб.) [4, с. 175]; **калдун** „жаўтун, збытаны, збіты пук валасоў“: *Жывога места на галаве нет – адны калдуны.* (Дзёрнавічы В.-Дзв.) [4, с. 228]; **лупа** „губа“: *Што ты лупу адвесіў?* (Шантары Докш.) [4, с. 294] і інш.

Да ліку іншых семантычных дыялектызмаў, якія ў розных адносінах характарызуюць чалавека, адносяцца найменні тыпу **бабіць** 1) „хрысціць (дзіця)“: *Дачку бабіла суседка.* (Верамееўшчына Дубр.); 2) „пра першае купанне дзіцяці бабкаю“: *Апошні раз я бабіла гадоў пятнаццаць таму, дык і не памятаю, як гэта рабіць.* (Стараселле Леп.) [4, с. 58]; **гакнуць** „дтраціць, аддаць“: *Я ў магазіне гакнула ўсе грошы.* (Булахі Глыб.) [4, с. 137]; **прадзёрнуць** „драехаць, перамясціцца крыху ўперад“: *Прадзёрні ты метраў пяць на сваім трактары.* (Лужасна Віц.) [5, с. 167]; **фундаваць** „пасылаць, адпраўляць“: *Ён дацэ ў горад усё фундуе : і грошы, і мяса, і гародніну.* (Латышы Глыб.) [5, с. 319]; **спяліць** „спавіць, укруціць у пялёнкі“: *Цяжка жылося, не было чым спяліць малых дзетак.* (Рабцы Сен.) [5, с. 276] і інш.

Сярод даследаванага лексічнага матэрыялу звяртаюць на сябе ўвагу дзеяслоўныя і назоўнікавыя полісеманты **біць**, **бабіць**, **дзіч**, **кажан**, **лунь** і інш. Агульнасцю семантычнага кампанента аб’яднаны паміж сабой значэнні першых двух дзеясловаў. Як сведчыць семантычная структура двух апошніх мнагазначных назоўнікаў, пераносныя “дыялектныя” значэнні слоў **кажан** „дзіця“ і **лунь** „сівагаловы чалавек“ рэпрэзентуюць перанос значэння агульналітаратурных лексічных адпаведнікаў паводле знешняга падабенства: у беларускай літаратурнай мове *кажан* – гэта лятучая мыш, разнавіднасць млекакормячых жывёл, невялікіх па сваім памеры, а назоўнік *лунь* абазначае драпежную птушку сямейства ястрабіных з шаравата-белым апярэннем.

Шматлікія даследавання лексічных адзінкі маюць матываванае значэнне. У многіх

словах у аснову намінацыі носьбітамі пакладзена матываваная прымета, у выніку чаго план выражэння і план зместу лексемы арганічна спалучаюцца ў адно цэлае. Зазначым, што прадмет ці з’ява маюць патэнцыяльна незлічоную колькасць матывацыйных прымет, але адносна нязначная іх частка выдзяляецца чалавекам як аснова для намінацыі. Як правіла, найперш выкарыстоўваюцца знешнія, відавочныя прыметы рэаліі (колера, памер, абрысы) або такія прыметы, якія выконваюць важную для чалавека функцыю, вылучаюць прадмет ці з’яву сярод іншых, маюць пэўную сацыяльную значнасць. Напрыклад, выразнымі матывацыйнымі асновамі характарызуюцца словы **галасавіць** „голасна крычаць, гучна размаўляць“ (утварылася ад назоўніка *голас*), **бяляк** „светлагаловы чалавек“ (утварылася ад прыметніка *белы*), **галавач** „чалавек з вялікай галавой“ (утварылася ад назоўніка *галава*), **касаць** „касець“ (утварылася ад дзеяслова *касіць*), **бабіць** (утварылася ад назоўніка *баба*) і інш.

Шматлікія семантычныя дыялектызмы ў гаворках Віцебшчыны ўтвораны шляхам метафарызацыі, а гэта значыць, што ў іх семантычнай структуры дамінуюць вобразна-ацэнныя кампаненты, якія выступаюць у якасці асновы для выражэння пэўнага пазамоўнага зместу за кошт цэласнага народнага ўяўлення. Так, з’ява вобразнага пераасэнсавання паводле формы, уласцівасцей, функцый і іншых прымет назіраецца ў наступных семантычных дыялектызмах: **асялок** „неразумны, дурны чалавек“ (параўн. літ. *асялок* „тачыльны камень, брусок“), **кадушка** „тоўстая непаваротлівая дзяўчына ці жанчына“ (параўн. літ. *кадушка* „невялікая кадзь – драўляная пасудзіна з клепкамі, якія сцягнуты абручамі“), **калатоўка** „гаваркая, балбатлівая жанчына“ (параўн. літ. *калатоўка* „хатняя прылада ў выглядзе палачкі з прадаўгаватымі сучкамі на ніжнім канцы, якой таўкуць бульбу, збіваюць масла або размешваюць што-небудзь“), **кароста** „назола, дакучлівы чалавек“ (параўн. літ. *караста* „заразная хвароба скуры, якая суправаджаецца моцным свербам“), **сліва** „л’яны чалавек з пасінелым носам“ (параўн. літ. *сліва* „садавіна, плод слівы сіняга колеру“), **разлапушыцца** „рассесціся“ (параўн. літ. *разлапушыцца* „буйна, шырока разрасціся (пра расліны)“), **скарэдзіць** „гаварыць абы-што, пустасловіць“

(параўн. літ. *скарадзіць* „разрыхляць бараной зямлю“), *счасаць* „уцячы, сысці“ (параўн. літ. *счасіць* „зняць часаннем, вычасаць“) і інш.

Некаторыя семантычныя дыялектызмы даследаванага тэматычнага кола выкарыстоўваюцца носьбітамі як своеасаблівы сродак маўленчай экспрэсіі, утрымліваючы ў сваёй семантыцы пэўныя канатацыі – іранічную і нават з’едлівую ацэнку тых ці іншых псіхалагічных адзнак і паводзін чалавека. У іх семантыцы выразна выяўляюцца эмацыянальна-ацэнныя і экспрэсіўныя кампаненты, праз якія выражаюцца, як правіла, адмоўныя, негатыўныя адносіны суб’екта да іншай асобы. Так, з адмоўным канататыўным кампанентам значэння выкарыстоўваюцца наступныя назвы асоб: *асялёк* „неразумны, дурны чалавек“, *бурбалка* „буркун; бурклівы чалавек“, *кадушка* „тоўстая непаваротлівая дзяўчына ці жанчына“, *калатоўка* „гаваркая, балбатлівая жанчына“, *камяк* „нязграбны чалавек“, *кароста* „назола, дакучлівы чалавек“, *ла́йба* „тоўсты чалавек“, *сква́рка* „капрызны, надакучлівы, сварлівы чалавек“ і інш. Функцыянаванне прыведзеных лексічных адзнак у гаворках Віцебшчыны з адмоўнай канатацыяй пацвярджае, што ў моўнай карціне свету беларусаў асуджаюцца і ўспрымаюцца як адхіленні ад нарматыўных, агульнапрынятых у грамадстве такія асаблівасці характару і паводзін чалавека, як марудлівасць, непаваротлівасць, няўменне ці нежаданне працаваць, а таксама нізкі ўзровень разумовых здольнасцей, бурклівасць і балбатлівасць, капрызнасць, надакучлівасць і інш.

Заклучэнне. Даследаваныя семантычныя дыялектызмы выразна рэпрэзентуюць цесныя ўзаемасувязі паміж элементамі трыяды “мова – этнас – культура” і ў сілу сваёй намінацыйнай функцыі служаць адным з найважнейшых сродкаў для перадачы лінгвакраізнаўчай інфармацыі. Багаты ў семантычных адносінах слоўнікавы пласт прааналізаваных намінацый у гаворках Віцебшчыны знаёміць з асаблівасцямі жыцця, працоўнай і гаспадарчай дзейнасці беларускага народа ў мінулыя часы і сёння, выяўляе адметнасці яго матэрыяльнай і духоўнай культуры, пэўныя асаблівасці характару і ўнутранага свету, эстэтычныя погляды і маральныя прынцыпы –

усё тое, што фарміруе нацыянальную карціну свету беларусаў.

Думаецца, што зараз, калі беларуская мова ўжо шмат чаго страціла і страчвае са сваёй лексічнай адметнасці і самабытнасці, трэба не звужаць, а пашыраць абсяг ужывання жывога народнага слова, у тым ліку і такога, якое адначасова функцыянуе і ў межах літаратурнай мовы, але з іншым значэннем. У сувязі з гэтым прыгадаем словы Я. Лёсіка: “Кожнае адметнае слова, кожны асабісты выраз нашых беларускіх гаворак мы павінны з пашанаю сустракаць і з вялікай любасцю, як надзвычайную вартасць, далучаць у агульную скарбніцу нашай літаратурнай мовы, а не хавацца за паветалізм, не цурацца і не казаць неабачліва, што ў нас гэтак не кажучь” [8, с. 193].

Літаратура

1. Каспяровіч, М. Віцебскі краёвы слоўнік (матар’ялы) / М. Каспяровіч. – Менск: АРCHE, 2011. – 372 с.
2. Панюціч, К.М. Лексіка народных гаворак / К.М. Панюціч. – Мінск: Вышэйшая школа, 1976. – 128 с.
3. Слоўнік Сенненшчыны: у 3 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культ., мовы і літ-ры, філ. “Ін-т мовы і літ-ры імя Я. Коласа і Я. Купалы”; уклад.: Н.М. Бунько [і інш.]; рэд. В.М. Курцова, Л.П. Кунцэвіч. – Мінск: Беларуская навука, 2013. – Т. 1: А–К. – 295 с.
4. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / Л.І. Злобін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2012. – Ч. 1. – 304 с.
5. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / склад.: Г.К. Семянькова, Т.А. Грачыха, А.С. Дзядова [і інш.]; пад рэд. А.С. Дзядовой. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2014. – Ч. 2. – 358 с.
6. Арцямёнак, Г. “Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны” і беларуская дыялектная лексікаграфія / Г. Арцямёнак // Моўна-культурная прастора Брэсцка-Пінскага Палесся: зб. навук. артык. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна, каф. гісторыі беларус. мовы і дыялекталогіі; рэдкал.: М.М. Аляхновіч [і інш.]. – Брэст: Альтернатыва, 2013. – С. 21–24.
7. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Наука, 1986. – 210 с.
8. Лёсік, Я. Творы: Апавяданні, казкі, артыкулы / Я. Лёсік; уклад., прадм. і камент. А. Жынкін. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. – 335 с.

Пастуніў у рэдакцыю 25.03.2015 г.

УДК 81'271

Медиаконцепт «Славянский базар» в коммуникативном пространстве региональных и центральных газет Беларуси

Лавицкий А.А.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова», Витебск*

В современной лингвистике повсеместное распространение получило понятие «коммуникативное пространство», которое активно используется в составе различных терминологических сочетаний. Определение данного понятия расплывчато, что связано с его многоаспектностью и динамичностью. Мы считаем, что одно из центральных мест в коммуникативном пространстве занимает когнитивная сфера, что делает актуальным описание различных концептов.

Цель статьи – сравнительное описание медиаконцепта «Славянский базар» по публикациям региональной и центральной прессы Беларуси.

Материал и методы. *Практическим материалом исследования послужили тексты крупнейших (самых многотиражных) региональных (витебских) и центральных белорусских газет за 2010–2014 гг.*

В процессе работы были использованы такие лингвистические методы, как сплошная и выборочная выборка языкового материала, сравнительный, контекстуальный контент- и дискурс-анализ. Кроме того применялись математические методы, в частности моделирование.

Результаты и их обсуждение. *Статья построена на анализе реконструкций выбранного медиаконцепта в оппозиции региональной и центральной прессы. Согласно принятой методике в структуре медиаконцепта выделены важнейшие коннотативные сегменты, отражающие смысло-содержательное наполнение когнитивной единицы. Кроме того в исследовании рассмотрены особенности использования различных средств языковой выразительности, встречаемых в журналистских материалах при обращении к тематике «Славянского базара».*

Заключение. *Полученные результаты реконструкции ментальной единицы позволяют отметить идентичность в смысловом наполнении ядра медиаконцепта и значительные различия на его ближней периферии: включение коннотативных сегментов «финансы» и «безопасность» на центральнобелорусском уровне. В результате исследования также установлены важнейшие тропы и фигуры речи, раскрывающие смысловое и чувственное наполнение медиаконцепта.*

Ключевые слова: *коммуникативное пространство газет, концепт, медиаконцепт, «Славянский базар».*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 139–146)

The Media Concept of Slavianski Bazaar in the Communicative Space of Regional and National Belarusian Newspapers

Lavitski A.A.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

In contemporary linguistics the notion of communicative space has become widespread. It is actively used in various terminological combinations. The definition of communicative space is blurred which is connected with the multiaspect and dynamic character of the notion. We consider one of the central places in communicative space to be taken by cognitive sphere, which makes the description of different concepts topical.

The purpose of the article is comparative description of the media concept of Slavianski Bazaar on the basis of materials of regional and national Belarusian newspapers.

Material and methods. *Texts of biggest (with largest circulation) regional (Vitebsk) and national Belarusian newspapers between 2010 and 2014 became the practical material of the study.*

The linguistic methods of study such as all scale and in part selection of the language material, comparative, contextual content and discourse analysis were used in the research. Apart from this, mathematical methods, such as modeling were also used.

Findings and their discussion. *The article is built on the analysis of reconstructions of the chosen media concept in the opposition of regional and national press. According to the chosen methods most important connotation segments, which*

Адрес для корреспонденции: e-mail: anton_lavitski@mail.ru – А.А. Лавицкий

reflect sense and content filling of the cognitive unit, are singled out in the structure of the media concept. Besides, features of application of different means of language expressiveness, which are used in journalist materials addressing the topic of Slavianski Bazaar, are considered in the research.

Conclusion. The findings of the reconstruction of the mental unit make it possible to mark the identity in the sense filling of the media concept nucleus as well as considerable differences on its near periphery: inclusion of connotation segments of finance and security on the national Belarusian level. As a result of the research most important tropes and figures of speech, which disclose sense and emotion filling of the media concept are also identified.

Key words: communicative space of newspapers, concept, media concept, Slavianski Bazaar.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 139–146)

В современной лингвистике повсеместное распространение получило понятие «коммуникативное пространство», которое понимается как целостная коммуникативная среда, «в пределах которой происходит взаимодействие» [1, с. 14]. Расплывчатость формулировки термина связана с его динамичностью и многоаспектностью: в коммуникативном пространстве отражаются все дискурсивные практики языковой личности (ЯЛ). К важнейшим из таковых следует отнести когнитивную сферу, включающую ключевые концепты, формирование которых происходит в процессе социальной деятельности человека и зависит от опыта, приобретенного разными способами, прежде всего, в коммуникативной деятельности. Исходя из этого следует признать закономерным наличие на социально-институциональном уровне множества подсистем коммуникативного пространства. Одной из важнейших подсистем данного пространства являются СМИ, в частности газеты. Коммуникативное пространство газет отличается оперативностью и актуальностью, как в контекстуально-тематическом, так и языковом наполнении. Кроме того функционально газетный текст ориентирован на воздействие на массового читателя и его представления, мнения, что делает публицистический материал эффективным инструментом формирования когнитивных представлений ЯЛ.

В последние годы ученые отмечают наличие параллельного регионального варианта национальной модели ЯЛ (работы А.С. Зубцова, И.И. Просвиркиной, Т.П. Тарасенко и др.). Исходя из этого логичным представляется оппозиция коммуникативного пространства региональной и центральной прессы. В данной статье мы попытаемся исследовать, насколько глубокими и принципиальными могут быть различия когнитивной составляющей коммуникативного пространства местных и республиканских газет Беларуси. Решение поставленной цели возможно реализовать посредством сравнения смысло-содержательного наполнения ключевых еди-

ниц когнитивного сознания ЯЛ – концептов, реконструированных на материале различных газетных изданий.

Материал и методы. Практическим материалом исследования послужили тексты крупнейших (самых многотиражных) газетных изданий северо-восточного региона Беларуси (Витебщины) за 2010–2014 гг.: «Віцебскі рабочы» (ВР) и «Народнае слова» (НС) (с июля 2013 г. объединенные в одно издание «Віцебскія весті» (ВВ)), а также «Віцьбічы» (В). Центральная пресса в статье представлена публикациями газет «СБ. Беларусь сегодня» (СБ) и «Рэспубліка» (Р) (выходят пять раз в неделю), имеющих суммарный тираж около 450 000 экземпляров.

В процессе работы были использованы такие лингвистические методы, как сплошная и выборочная выборка языкового материала, сравнительный, контекстуальный контент- и дискурс-анализ. Кроме того применялись математические методы, в частности моделирование.

Результаты и их обсуждение. Решение поставленных исследовательских задач потребовало разработки специального плана, включающего три этапа: 1) теоретический (изучение понятий концепта и медиаконцепта, определение специфики их функционирования в текстах периодических печатных СМИ); 2) технологический (принятие методики описания выбранного концепта по материалам газетных изданий); 3) практический (реконструкция концепта «Славянский базар», представленного в коммуникативном пространстве региональных и центральных печатных СМИ, сравнительный анализ полученных результатов).

Следуя принятому плану, остановимся подробнее на теоретических вопросах функционирования и структуры понятия «концепт». В первую очередь, следует отметить, что в данной работе мы считаем необходимым рассматривать изучаемый концепт как отдельную и специфическую когнитивную единицу – медиаконцепт. Это связано как с практическим материалом, представленным медиатекстами, так и с содержательным на-

полнением рассматриваемой когнитивной единицы: концепт формируется в языковом сознании не только посредством личного опыта, но и под внешним воздействием, в частности со стороны газетных изданий. При этом медиаконцепт, по нашим представлениям, может быть первичен и лежать в основе формирования соответствующего концепта. Однако он всегда будет ограничен коммуникативным пространством СМИ, особенности которого играют ключевую роль в процессе приобретения медиаконцептом культурно значимых коннотаций. Смысло-содержательное же наполнение концепта ограничено более весомым и объемным понятием – пространственной картиной мира.

Между концептом и медиаконцептом существуют отношения структурно-видовой зависимости: в отличие от концепта, в структуру которого входят чувственный опыт, предметная деятельность, мыслительные операции, языковое общение и сознательное познание языковых единиц [2, с. 40], медиаконцепт формируется в значительно более суженной системе: чувственное восприятие ограничено зрительными возможностями ЯЛ, языковая деятельность осуществляется в коммуникативном пространстве СМИ, а предметная деятельность включает только взаимодействие с материально-техническими средствами и объектами, обеспечивающими реализацию коммуникативного взаимодействия (газеты, компьютер, радиоприемник, телевизор и др.).

Следующим этапом проведенного исследования стало принятие методики реконструкции медиаконцепта. Принятая нами модель включает три этапа: 1) изучение временных особенностей функционирования медиаконцепта в коммуникативном пространстве печатных СМИ посредством сплошной выборки практического материала и математического моделирования; 2) выявление важнейших *коннотативных сегментов* изучаемого концепта, представляющих собой элементы его ассоциативного осмысления; 3) изучение лексем-репрезентантов, содержательно реализующих лексико-тематическое наполнение коннотативных сегментов.

Ключевым и самым объемным среди выделенных этапов исследования является практическая часть, в которой нами был реконструирован концепт «Славянский базар» по материалам региональной и центральной прессы Беларуси. Первоначально мы установили временные особенности обращения редакций

к тематике международного культурного форума в публицистических текстах, что позволило не только выявить актуальность выбранного медиаконцепта для коммуникативного пространства газет, но и изучить отмеченную специфику в диахроническом аспекте. Кроме того, такой анализ дал возможность, с нашей точки зрения, отразить информационные запросы массовой аудитории, а следовательно, и важность медиаконцепта для ЯЛ.

Первичный анализ языкового материала позволил принять в качестве рабочей гипотезы о наличии темпоральной зависимости рассматриваемого медиаконцепта в коммуникативном пространстве местных газет Витебщины и центральных периодических изданий республики (возрастающий журналистско-редакторский интерес к «Славянскому базару» в период его проведения). Методами сплошной выборки публицистического материала и математического моделирования нами была выстроена диаграмма, подтверждающая выдвинутую гипотезу. Для более удобного моделирования период с конца мая до начала августа мы поделили на равные отрезки по 10 дней, а диахронический анализ за 2010–2014 гг. стал еще одним качественным верифицирующим показателем (рис. 1–2).

Как видно из представленных диаграмм (рис. 1–2), в коммуникативных пространствах региональных газет Витебщины и центральных периодических изданий страны наблюдается явная тенденция уменьшения интереса к изучаемому медиаконцепту. Кроме того, полученные результаты были использованы нами при дальнейшей выборке практического материала.

Следующим этапом нашего исследования стало выявление важнейших *коннотативных сегментов* медиаконцепта «Славянский базар», отраженных в контекстуальном содержании публицистических материалов витебских и центральных белорусских газет. Под коннотативными сегментами понимаются особые базовые смысловые элементы, возникающие у человека при обращении к определенному явлению (медиаконцепту). Иными словами, коннотативные сегменты ассоциативно наполняют содержательную структуру медиаконцепта и отражают тематические особенности газетных текстов, в которых показаны журналистские представления о том или ином явлении окружающей действительности. Количественный анализ обращения к коннотативным сегментам при этом дает возможность описать ядро и периферию медиаконцепта.

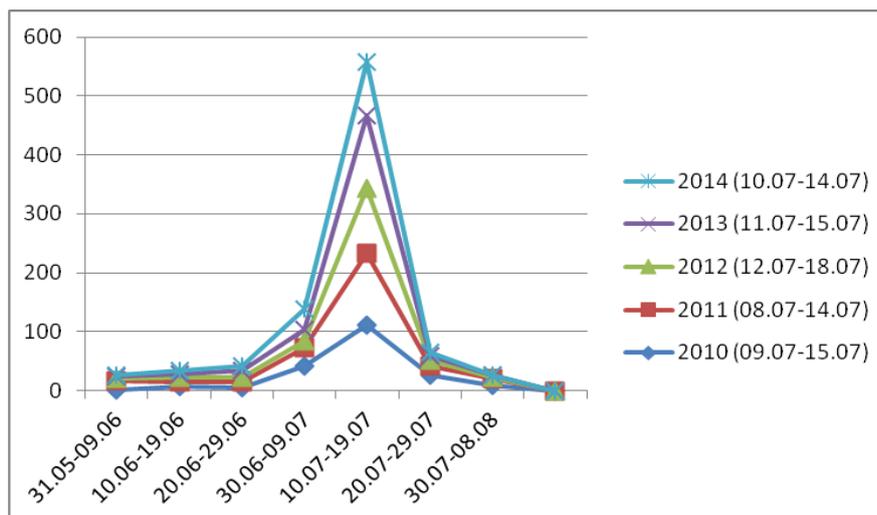

Рис. 1. Диаграмма количественных обращений к медиаконцепту «Славянский базар» в изучаемых региональных газетных изданиях Витебщины.

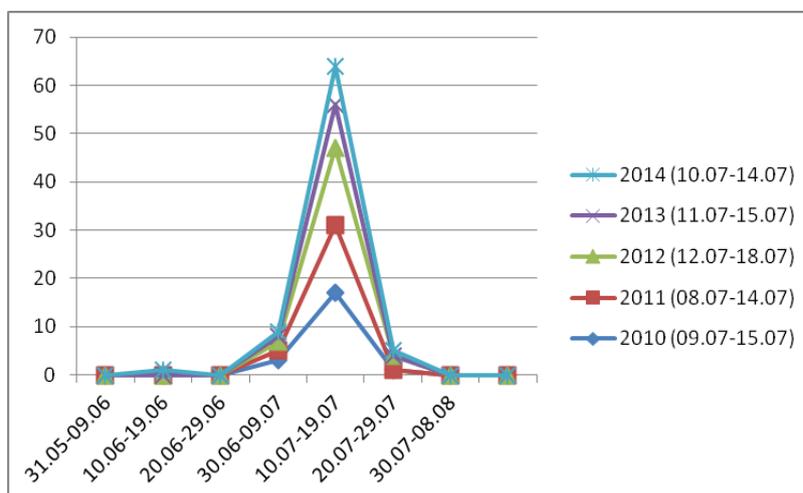

Рис. 2. Диаграмма количественных обращений к медиаконцепту «Славянский базар» в изучаемых центральных газетных изданиях Беларуси.

Таблица 1

Рейтинг коннотативных сегментов медиаконцепта «Славянский базар» (по материалам газетных изданий Витебщины)

Наименование коннотативного сегмента	Количество выявленных контекстов
Артисты	47
Летний амфитеатр	30
Концертная программа	27
Конкурс исполнителей эстрадной песни (конкурс молодых исполнителей)	25
Детский музыкальный конкурс	14
Фестивальная инфраструктура	12
«Город мастеров»	11
«Театральные встречи»	5
Эстрадная/популярная песня	5

Окончание табл. 1

«Сельские подворья»	5
«День молодежи»	3
Кино	3

Таблица 2

**Рейтинг коннотативных сегментов медиаконцепта «Славянский базар»
(по материалам центральных газетных изданий Беларуси)**

Наименование коннотативного сегмента	Количество выявленных контекстов
<i>Концертная программа</i>	39
<i>Артисты</i>	30
<i>Конкурс исполнителей эстрадной песни (конкурс молодых исполнителей)</i>	20
<i>Витебск</i>	11
<i>Инфраструктура</i>	10
<i>Безопасность</i>	10
<i>Финансы</i>	9
<i>Амфитеатр</i>	6
<i>Шагал</i>	3

Изучение контекстов публицистических материалов, опубликованных в 2010–2014 гг. в период проведения международного музыкального форума, позволило составить своего рода «рейтинг» коннотативных сегментов медиаконцепта «Славянский базар» (табл. 1–2). Следует отметить, что содержательное наполнение медиатекстов дает основание отнести их одновременно к нескольким коннотативным сегментам.

Сравнительный анализ представленных в табл. 1–2 результатов изучения особенностей коннотативной сегментации дает основания говорить о наличии отличий в структуре рассматриваемого медиаконцепта на региональном и центральном уровнях. Так, если ядро когнитивной единицы «Славянский базар» является довольно устойчивым (в местной и республиканской прессе его наполняют такие коннотативные сегменты, как *артисты*, *концертная программа*, *конкурс исполнителей эстрадной песни*; в ядро регионального медиаконцепта также входит *амфитеатр*), то уже ближняя периферия имеет дифференцирующее значение: общим является только коннотативный сегмент *инфраструктура*, а важные для витебской прессы сегменты *детский музыкальный конкурс* и *«Город мастеров»* в республиканских газетах отодвинуты *безопасностью* и *финансами*, которые не отражены даже на дальней периферии структуры изучаемого регионального медиаконцепта.

Схожие отличия находим и в сравнении с менее частотными по использованию в контекстах коннотативными сегментами (в местной прессе Витебщины – это *театральные встречи*, *эстрадная песня*, «Сельские подворья», «День молодежи» и *кино*, в центральных печатных СМИ страны – *амфитеатр* и *Шагал*).

С нашей точки зрения, среди указанных отличий самым значимым является включение в смысло-содержательную структуру медиаконцепта коннотативных сегментов **безопасность** (СБ: «Чтобы попасть в амфитеатр, некоторым придется преодолеть 3 кордона с контрольно-пропускными пунктами»; «<...> установлены самые современные камеры видеонаблюдения, которые уже помогли раскрыть несколько преступлений», Р: «Более 1,300 милиционеров будут обеспечивать безопасность гостей и участников «Славянского базара в Витебске»»; «115 видеокамер помогут вести наблюдение за концертными площадками»; «Чтобы попасть в Летний амфитеатр, зрителям придется пройти через установленные вокруг контрольно-пропускные пункты с рамками металлоискателей») и **финансы** (СБ: «По предварительным данным, 16,6 млрд рублей выручено от продажи билетов на мероприятия «Славянского базара в Витебске – 2012», что на 224% превышает прошлогодние показатели»; «На «Славянском базаре» уже продано билетов на 26 миллиардов рублей, сообщили

его организаторы на пресс-конференции, посвященной открытию фестиваля. В прошлом году, для сравнения, за все время его проведения их было реализовано на 22 миллиарда», Р: «2,5 миллиарда было выделено из специального фонда Президента в этом году на проведение фестиваля»; «Окупаемость фестиваля по сравнению с прошлым годом увеличилась с 55% до 67%»).

Более глубокие отличия медиаконцепта могут быть отмечены на уровне языковых единиц – лексем-репрезентантов, наполняющих смысловое содержание коннотативных сегментов. С нашей точки зрения, лексемы-репрезентанты наполняют общую полевою структуру коннотативной сегментации медиаконцепта, поэтому к таким элементам следует относить не только отдельные слова, имеющие ярко выраженное эмоционально-выразительное значение, но и словосочетания, крылатые выражения, фразеологизмы и другие языковые единицы, позволяющие определить чувственно-содержательное понимание коннотативного сегмента, а соответственно, и общее восприятие концепта в языковом сознании личности. Репрезентирующие лексемы создают особые интерпретационно-ассоциативные точки, формирующие для отдельных коннотативных сегментов содержательные стержни выражения личностных отношений к отдельным элементам окружаю-

щего мира. Функционально они способны не просто построить коммуникативно-ориентационную среду общего восприятия концепта в коллективном языковом сознании, но и указать на отдельные эмоционально-психологические особенности репрезентации концептосферы, так как включают в себя языковые единицы со значениями как положительной, так и отрицательной коннотации [3, с. 155].

В данной работе интерес для нас, в первую очередь, представляет вопрос использования в медиатекстах различных тропов, ориентирующих не на смысловое, а на чувственное (т.е. эмоциональное) содержание коннотативных сегментов. Следует отметить, что наиболее частотное применение различных средств языковой выразительности характерно в публицистических материях, связанных с ядерными сегментами концепта. Периферийные коннотативные сегменты чаще представлены текстами жанров сообщения, заметки, что предопределяет доминирование эмоционально-нейтральной лексики, канцеляризм и т.д. Поэтому мы остановились на выявлении тропов и фигур речи, наполняющих текстовую структуру публикаций, связанных с сегментом ядра медиаконцепта «Концертная программа». Сравнительный анализ примеров использования языковых средств выразительности представлен в табл. 3.

Таблица 3

Сравнительный анализ использования языковых средств выразительности в медиатекстах

Виды тропов и фигур речи	Примеры	
	Региональные газеты Витебщины	Центральные газеты Беларуси
Метафора	<i>На концертах глаза у зрителей горят искренней любовью к артистам (В); <...> на каждом концерте встретили лесом восторженных голосов (ВР); Палитра фестивальной программы удивляет <...> (ВР).</i>	<i>На концертах все вокруг просто «закипало» от энергии <...> (СБ); <...> такого накала страстей на концертах не помнят даже старожилы культурного фэста (Р); <...> провожала (концертная программа. – А.Л.) дождичком, словно плакала (Р); Концерты открытия и закрытия удались на славу. Оно-то и понятно, живой голос <...> (Р).</i>
Аллегория	<i>Не выявлено.</i>	<i>Крест православный (в значении вера. – А.Л.) играет не последнюю роль на фестивале (СБ); <...> за день «съел» три концерта и остался голодным <...> (СБ).</i>

Окончание табл. 3

Метонимия	<i>Весь амфитеатр с нетерпением ждал каждого концерта (НС); На мероприятиях «Славянского базара» представлены флаги всех континентов (ВР).</i>	<i>Концертная программа фестиваля, представленная в «ящике», не может передать тех эмоций <...> (Р); Журналистское перо просто не успевает описать все мероприятия концертной программы (Р); Концерт на Славянке – это событие рядовое, обыденное (СБ).</i>
Сравнение	<i>На мероприятиях фестиваля, как на новогоднем салюте, – бахает со всех сторон (В); Концерты для зрителей как волна оптимизма и позитива <...> (НС).</i>	<i>Концертная программа фестиваля – это не скучная проселочная дорога, где знаешь каждую кочку и каждый куст, а волнующий серпантин (СБ); Концертная программа Славянки – как те батарейки, которые постепенно разряжаются, разряжаются... (Р); Встречала нас концертная программа палящим солнцем и зноем, а провожала дождичком, словно плакала (Р).</i>
Фразеологизмы и прецедентные выражения	<i>После концертов многие хотели взять автографы у артистов, но, посмотрев на очередь к звездам «Евровидения», махнули рукой <...> (В); Зрители концертных программ в один голос говорили <...> (ВР).</i>	<i>Некоторые так прямо и говорили, что такие концерты нам не нужны (Р); Каким он (концерт. – А.Л.) был и каким останется в сердцах многотысячной аудитории участников и гостей (Р); А уж бить баклуши ведущим на концертах не пришлось <...> (СБ).</i>
Гипербола	<i>Многие артисты на концертах поразили всех зрителей своими голосищами, от которых <...> (НС); Аккомпанемент фестивальных концертов поражает – чтобы сыграть такую музыку, нужно иметь в запасе минимум десять нот, но никак не семь (В).</i>	<i>Днем на улице «жарят» семь солнц, которые вечером и ночью, наверное, «работают» на концертах фестиваля, ибо такого накала страстей <...> (Р); Чтобы побывать на мероприятиях фестиваля, из года в год они (зрители. – А.Л.) берут отпуска на время проведения праздника, итурмуют билетные кассы, обеспечивают аншлаговые выступления звездам и артистам астрономии помельче (СБ).</i>
Ирония	<i>С таким-то оборудованием попробуй сфальшивить (ВР).</i>	<i><...> пусть там и больше «экишена», но нам живой голос дороже электронных нот. Иронично замечено (СБ); Пусть попробуют организовать не один конкурс, а целый фестиваль такого уровня (Р).</i>
Каламбур	<i>Пройдя по концертам фестиваля, мы сполна насытились песнями, танцами и даже шашлыком (В).</i>	<i>Практически вся концертная программа прошла под девизом: «Шел дождь и концерты» (Р); Концерты «Славянского базара» бывают аншлаговые и традиционные (СБ).</i>
Игра слов	<i>ПоБазарили, так поБазарили <...> (НС); Хорошо фестивалить не запретишь (ВР).</i>	<i>Пришел, спел, сорвал овации, уступил сцену – алгоритм концертной программы Дня России на «Славянском базаре» (СБ).</i>

Таким образом, даже беглый анализ использования различных языковых средств в газетных материалах, тематически связанных со «Славянским базаром», показывает,

что центральная пресса Беларуси значительно больше тяготеет к их применению, нежели региональная витебская. Скорее всего, это связано с профессиональным уровнем журналистов и газетных изданий, а также жанровой спецификой публикаций: в региональных изданиях доминируют малые информационные жанры. Стоит также отметить нечастое использование в публицистических текстах как региональных, так и центральных газет синтаксических средств экспрессивности (парцелляция: *Многолюдные шумные улицы. Пестрота афиш. Аниелаги и аплодисменты. Веселье и улыбки. Музыка, танцы, песни. Конкурсные волнения и огорчения. Встречи с друзьями. Радость новых знакомств. Все это обязательно будет. Ведь «Славянский базар» снова в Витебске* (Р); эллипс: *День – ожидать. Вечер – наслаждаться. Ночь – отрываться. Вот так для меня как для зрителя выглядела концертная программа* (СБ); *Подумать, что программа фестиваля закончилась, даже не могу* (В)).

Как было отмечено выше, к лексемам-репрезентантам мы относим не только тропы и фигуры речи, но и слова с ярко выраженной эмоционально-чувствительной окраской. Подавляющее большинство таких слов, отражающих смысловое значение коннотативного сегмента «Концертная программа», имеет эмоционально положительную коннотацию. Наибольшее распространение получили прилагательные – великолепная, разнообразная, потрясающая, уникальная (о концертной программе. – А.Л.), а также различные авторские журналистские словосочетания и выражения: *оазис музыки и любви, сделано с душой, славянский калейдоскоп, атмосфера славянского единства* и др.

Заключение. Результаты проведенного исследования позволяют сделать несколько теоретических и практических выводов. На теоретическом уровне нами было обосновано

наличие различий в репрезентации концептов в медиапространстве региональных и центральных газетных изданий Беларуси. Кроме того, мы уточнили понятие медиаконцепта, а также его структуру в сравнении с концептом, формирующимся в языковом сознании естественным способом, т.е. в результате собственной активной работы психики человека и взаимодействия с различными предметами материального и духовного мира.

Практические результаты исследования отражены в рассмотренных нами особенностях функционирования медиаконцепта «Славянский базар», которые показывают на наличие значительных отличий в его внутренней структуре и языковом наполнении на уровне региональной прессы Витебщины и центральных газетных изданий Беларуси. Так, ближние периферийные позиции в смысло-содержательном наполнении выбранного концепта в общереспубликанских газетных изданиях занимают коннотативные сегменты «финансы» и «безопасность», не имеющие ключевых значений для региональной ЯЛ. При этом ядро концепта является идентичным. Кроме того, в центральной прессе журналисты активнее используют различные языковые средства выразительности, хотя их набор паритетен в рассматриваемых изданиях.

Литература

1. Шарков, Ф.И. Основы теории коммуникации / Ф.И. Шарков. – М.: Экзамен, 2005. – 244 с.
2. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
3. Лавицкий, А.А. Медиаконцепт «Витебск» в региональном газетном дискурсе / А.А. Лавицкий // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – 2014. – Т. 17. – С. 153–160.

Поступила в редакцию 06.05.2015 г.

УДК 821.161.1-1.09

«Василий Тёркин» в контексте жанра. К 105-летию А.Т. Твардовского

Здольников В.В.

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

Жанровой специфике поэм А.Т. Твардовского вообще и «Василия Тёркина» в частности явно недостаточно уделено внимания исследователи его творчества. Наиболее авторитетный из них А. Македонов, анализируя, например, военную поэму автора, приводит набор из пяти её определений, а «Литературный энциклопедический словарь» 1987 года называет её «лиро-эпической» [1].

Цель – «приписать» поэму к определённой жанровой форме, а именно: идентифицировать её как героический эпос Великой Отечественной.

Материал и методы. *Объектом литературоведческого анализа в статье является поэма Твардовского «Василий Тёркин», созданная в огне войны, и примыкающий к ней хронологически и тематически цикл стихотворений «Возмездие». Используются аналитический и сравнительно-исторический методы исследования.*

Результаты и их обсуждение. *Твардовский писал свою поэму, несомненно следуя идущей ещё от античности традиции содержательного и художественного построения героического эпоса, зафиксированного в эстетике классицизма как норма и обязательное правило для «жанров высоких», к каковым относилась и эпическая поэма. Но русский поэт двадцатого века обогатил классический жанр новыми художественными открытиями, связанными прежде всего с тем, что в ней нет так называемого пафоса исторической дистанции. Ведущей обычно к некоторой идеализации изображаемых событий и их участников.*

Заключение. *В веке двадцатом Твардовский возродил в наиболее «чистом» виде, соответствующем строгим правилам эстетики классицизма, героическую поэму, прародительницу всех последующих модификаций её. Обогатив при этом жанр новыми художественными достоинствами.*

Ключевые слова: *эстетика классицизма, «высокий» жанр, героическая поэма, национальный эпос, литературно-художественная традиция, «память жанра».*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 147–153)

«Vassily Terkin» in the Context of the Genre. On the Occasion of A.T. Tvardovski's 105th Anniversary

Zdolnikov V.V.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masharov», Vitebsk

Genre specificity of A.T. Tvardovski's poems in general and «Vassily Terkin», in particular, was obviously paid little attention to by researchers of his work. Most prominent of them A. Makedonov, while analyzing, for example, the war poem by the author uses a set of its five definitions, while the Literature Encyclopedia Dictionary of 1987 calls it the lyrical and epic.

The purpose of the article is to «assign» the poet to a certain genre form, namely, to identify it as heroic epos of the Great Patriotic War.

Material and methods. *The object of the literary studying in the article is Tvardovski's poem «Vassily Terkin», which was created in the fire of the War, as well as chronologically and thematically close to it cycle of poems «Revenge». Analytical as well as historical and comparative methods were used.*

Findings and their discussion. *Tvardovski wrote his poem, undoubtedly, following the antique tradition of content and artistic composition of heroic epos, which was fixed in the aesthetics of classicism as a norm and an obligatory rule for «high genres», to which the epic poem refers. At the same time, the XX century Russian poet enriched the classical genre with new artistic discoveries, which were connected, first of all, with the fact that it lacks the so called pathos of historical distance, which usually lead to some idealization of both described events and their participants.*

Conclusion. *In the XX century Tvardovski revived in the «pure» form, which corresponded to strict rules of the aesthetics of classicism, the heroic poem, which is the forefather of its all ensuing modifications. He enriched, thus, the genre with new artistic merits.*

Key words: *aesthetics of classicism, «higher» genre, heroic poem, national epos, literary and artistic tradition, «genre memory».*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 147–153)

Адрес для корреспонденции: e-mail: klit@vsu.by – В.В. Здольников

Восемнадцатом веке в русской литературе становится, условно говоря, модным новый для неё жанр – героическая поэма. Оговорка наша не случайна, ибо отечественный литературный процесс того столетия – это прямое или косвенное подражание, заимствование, перенесение на русскую почву опыта западноевропейской (французской особенно) литературы, в которой тогда господствовала эстетика классицизма, к «высоким» жанрам причислявшая героическую, или эпическую, поэму. В.К. Третьяковский весьма вольно обошёлся с романом Ф. Фенелона «Приключения Телемака», представив его русским читателям в своём переводе как героическую поэму «Тилемахида». Более того, он снабдил её издание небольшим теоретическим трактатом «Предызъяснение об ироической пииме» (1766). А уж М.М. Хераскова мы вправе называть отцом оригинальной русской героической поэмы: он в отечественной истории находил «предмет» для неё, его «Россиада» (1779) была «образцовой» для своего времени.

Когда теоретики классицизма XVII–XVIII веков выделяли героическую поэму как «высокий» жанр и формулировали присущие ему типологические признаки, то ссылались они в своих обобщениях прежде всего на античные образцы. Позднейшие европейские опыты в этом жанре либо были ещё не известны исследователям, как, например, героический эпос Средневековья, либо служили дополнительным эмпирическим материалом для выводов, как поэмы Л. Ариосто, Л. ди Камонса, А. де Эрсильи, Т. Тассо.

Понятие «образцовый» в эстетике классицизма напрямую связывалось с её нормативной частью и означало следование «правилам». В наиболее полном виде они изложены в трактате Н. Буало «Поэтическое искусство», уже переведённом на русский язык к моменту рождения отечественных героических поэм. Так что в своём «Предызъяснении об ироической пииме» русский автор систематизировал её типологические признаки, адаптируя для своих читателей терминологию и правила французского теоретика.

Согласно этим правилам, в переложении Третьяковского, темой героической поэмы должны быть важные события отечественной истории: «Эпопея воспевает не личность, не героя, а великое деяние». На этой основе должен строиться «узел» (сюжет), от «завязания» до «развязания» действия. Эти же элементы, считает Третьяковский, обязательны

в каждом отдельном эпизоде поэмы. Что касается характеров, они должны быть строго выдержаны, до конца «не изменять своей сущности». Для мотивации поступков персонажей автор может использовать «чудесности» (т.е. фантазию). Но как бы ни были они вымышлены, им следует всё же быть вероятными, «иметь вид истины», не выходить «за пределы естества». «Правила» классицизма всегда требовали от автора придавать произведениям высокий общественный, гражданский пафос. Согласен с подобным требованием и Третьяковский, но считает нужным подчеркнуть, что «нравоучение не должно быть навязчивым». Другие правила, желательные, но, по его мнению, не обязательные к соблюдению в «ироической пииме», касаются её композиционной структуры, стиля, языка, метрики стиха и др.

Цель статьи – «приписать» поэму к определённой жанровой форме, а именно: идентифицировать её как героический эпос Великой Отечественной.

Материал и методы. Используя аналитический и сравнительно-исторический методы в литературоведении, компаративистские приёмы анализа, мы исследуем поэму А.Т. Твардовского «Василий Тёркин» и прилегающий к ней по времени и тематике стихотворный цикл «Возмездие» на предмет их соответствия правилам классицизма, как они сформулированы в русской теоретической мысли восемнадцатого века, и художественной традиции жанра вообще.

Результаты и их обсуждение. Когда в начале XIX века классицизм окончательно оттеснён с литературной арены, поэма как его любимое детище не была отправлена в небытие. Напротив, у романтиков она приобрела новое звучание, воспевая не «великое деяние», а «героя-бунтаря», но утратила прежний эпический масштаб. В художественной практике реализма эпическое начало, традиционно характерное для героической поэмы, также сохранялось, но в жанре романа, а сама поэма оттеснена на литературную периферию. Отзвуки (всего лишь отзвуки) пристрастного интереса эстетики классицизма к жанровой природе произведения мы находим в истории русской критики XIX века дважды. Применительно к теме нашей статьи есть смысл о них напомнить.

Два произведения русской литературы XIX века вызвали у критиков-современников споры об их жанре, хотя эстетика реализма в отличие от таковой классицизма вопросы

жанровой идентификации отодвигала на второй план, предпочитая рассматривать «общую идею», «пафос» произведения. Первыми на критическом поприще вышли на проблему жанра журналы «Москвитянин» и «Отечественные записки» в 1842 году. Критик «Москвитянина» К. Аксаков в рецензии на первый том «Мёртвых душ» дерзнул сравнить их с гомеровским эпосом. Чем вызвал излишне полемическую реакцию критика «Отечественных записок» В. Белинского, который вдоволь поиронизировал, приводя в параллели гомеровским персонажам гоголевских: Ахиллесу – Чичикову, Аяксу – Собакевичу, Парису – Манилова и т.д. И следующий публицистический вердикт вынес: «Тут нечего и упоминать о Гомере и Шекспире, ... нечего и путать чужих в свои семейные тайны. “Мёртвые души” стоят “Илиады”, но только для России: для всех же других стран их значение мертво и непонятно» [2, с. 300]. Среди прочих мотивов в подтексте этого аргумента слышится и явно самоуничижительное: куда уж нам, русским, тягаться с ними. Так завязалась полемика по поводу «Мёртвых душ», а точнее – их авторской номинации. Для цели нашей статьи она имеет не только сугубо исторический интерес. Дело в том, что после публицистических колкостей Белинского полемика была перенесена (по инициативе Аксакова) на теоретический уровень. И здесь у Аксакова обнаружилось более серьёзные резоны в пользу того, чтобы «Мёртвые души» именовать национальным эпосом. Критик «Москвитянина» сравнивал гомеровскую «Илиаду» с гоголевскими «Мёртвыми душами» с позиции, как он выразился, «акта творчества». Возражая ему, Белинский использует аргумент весьма спорный: «Мерилом величия поэта принимается не акт творчества, а идея, общее». И далее конкретизирует это общее: «Там (в “Илиаде”. – В.З.) пафос утверждения, здесь (в “Мёртвых душах”. – В.З.) пафос отрицания». Так что по «акту творчества» они вообще несопоставимы. И в развитие этого тезиса добавляет, что «эпос нового мира», каковым ныне является роман, включает ещё и прозу жизни, «вошедшую в его содержание и чуждую древнеэллиническому эпосу». Короче, Аксаков как истинный славянофил, видел в «Мёртвых душах», и не без основания, на наш взгляд, национальный русский эпос подобно тому, каковым у греков является «Илиада». Белинский, сохранявший ещё остатки юношеского преклонения перед «образцами», античными и запад-

ноевропейскими, пиетета перед «Философией искусства» Ф. Шеллинга и философской критикой «архивных юношей», отказывал поэме Гоголя в этой роли последним, тоже спорным, аргументом: «Но это сходство (с эпосом. – В.З.) уничтожается в “Мёртвых душах” уже тем, что они проникнуты насковью юмором» [2, с. 323–324]. Критики обменялись двумя «объяснениями на объяснения», и собственно полемика закончилась. Для её современников – вроде победой критика петербургского прогрессивного журнала над московским консервативным. И неудивительно: Виссарион Григорьевич был на пике славы критика прогрессивного западнического толка и превосходил талантом полемиста своего оппонента из лагеря славянофилов. Но спустя более полутора столетий мы можем судить об этой полемике более беспристрастно. Да, «акт творчества» у Хомякова довольно расплывчатое понятие, но оно несомненно ближе к содержательной и эстетической составляющей в литературе, чем «пафос» или «идея».

Итак, «проза жизни» и «юмор», по Белинскому, противопоставлены эпосу. Хотя при внимательном чтении и у Гомера можно найти столь «низкие» для героического эпоса предметы и деяния. Достаточно прочесть хотя бы двадцать третью песнь «Илиады», не говоря уже об «Одиссее», где мелочи бытовые глядят почти с каждой страницы. Такой близорукости критика есть объяснение. Как теоретик натуральной школы, он в тех исторических условиях ратовал за «критический пафос», за развенчание в литературе «отживших форм жизни» и хотел видеть в Гоголе знаменосца нового этапа в движении русской словесности.

Во второй половине века XIX Ап. Григорьев первым усомнился видеть в «Горе от ума» только лишь комедию, в традиционном её понимании как жанра «низкого», в соответствии с правилами классицизма написанную. Разность взглядов на жанровую природу «Горя от ума» в русской критике обозначилась не в полемике, а в статьях, мотивированных, как правило, либо первым безцензурным изданием вещи Грибоедова (Ап. Григорьев, 1862), либо новой постановкой комедии в театре (И.А. Гончаров, 1872), либо столетним юбилеем её автора (М.О. Меншиков, 1895). Первые двое «перекрестили» её в драму, третий – в трагедию [3]. Примечательная деталь: редкие случаи обращения критиков XIX века к проблеме жанра произведения связаны с од-

ним понятием. Аксакова и Белинского к такому разговору «подталкивало» данное Гоголем имя своему детищу, авторов, писавших о «Горе от ума», – намерение Грибоедова называть свою вещь тоже поэмой, о чём он сообщал в частном письме [3].

О «предмете» поэмы (согласно правилам) почвы для дискуссии вообще нет: Великая Отечественная война 1941–1945 годов была для народа судьбоносным испытанием, прочно вошедшим в его историческую память «великим деянием». В соответствии с ним сюжетная канва «Тёркина» простирается от «рокового» сорок первого до «победного» сорок пятого годов. По масштабу и значимости описываемых событий даже самые ортодоксальные блюстители правил не могут отказать поэме в близком жанровом родстве с самой «Илиадой».

Для античной и более поздней традиции в героической поэме описанию событий и персонажей предшествует обязательный «зачин», авторское изложение целей и задач предпринятых трудов. Хрестоматийное обращение автора к богине, открывающее «Илиаду», – это не только просьба благословить на поэтический труд. «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына // Грозный, который ахеенам тысячи бедствий соделал: // Многие души могучие главных героев низринул // В мрачный Аид...» [4, с. 23]. Поставим рядом строки, открывающие его «Одиссею». «Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который // Странствуя долго со дня как святой Илион им разрушен, // Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь // Жизни своей и возврате в отчизну сопутников» [4, с. 19]. В них мы видим и обозначение «предмета», и цель обращения к поэтическому его изображению, и, частично, авторскую оценку давно прошедших событий и их участников.

Гесиод свою эпическую поэму начинает уже не просьбой к музам, а почти призывом: «Вас, пиерийские Музы, дающие песнями славу, // Я призываю: воспойте родителя вашего Зевса!» [5, с. 169]. Древнеримский классик Вергилий немного меняет порядок зачина, начиная его с «предмета» своей «Энеиды»: «Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои – // Роком ведомый беглец – к берегам приплыл Лавинийским...». И только затем прибегает к традиционной просьбе: «Муза, поведай о том, по какой оскорбилась причине // Так царица богов, что муж, благочестием славный, // Столько по воле её претерпел пре-

вратностей горьких» [6, с. 123]. Почитатель и ученик Вергилия итальянский поэт Данте в «Божественной комедии» апеллирует сначала к обитательницам Парнаса: «О Музы, к вам я обращаюсь с воззванием: // О, благородный разум, гений свой // Запечатлей моим повествованием. // А к земной своей музе обращается тремя страницами ниже: «О Беатриче, помоги усилью // Того, который из любви к тебе // Возвысился над повседневной былью» [7, с. 84].

В семнадцатом веке английский автор Дж. Мильтон в зачине своей эпической поэмы «Потерянный рай» объявляет сначала о «предмете» её, затем взывает о помощи: «О первом преслушанье, о плоде // Запретном, пагубном, что смерть принёс // И все невзгоды наши в этот мир, – // Пой, Муза горняя! Сойди с вершины... Я зову // Тебя оттуда в помощь» [8, с. 28]. Отец русской героической поэмы М.М. Херасков в зачине к своей «Россиаде» предельно краток: он «поёт Россию ... от варваров освобождённу...», т.е. событие всенародно-исторического значения.

Следуя идущей от античности традиции, так же пафосно мог с полным правом представить читателям свою поэму «Василий Тёркин» русский поэт XX века. Тем более, что и событие, ставшее «предметом» изображения, иного масштаба. А главное: все вышеназванные авторы создавали свои шедевры с некоей, разной величины, исторической дистанции. У Александра Трифоновича поэма рождается прямо в огне битвы и поэтому уже заслуживает эпитета «героическая». Это поэтическая хроника вражеского нашествия, сопротивления ему, а также обращения его вспять, приведшего героя поэмы к стенам вражеской столицы. Подобные обстоятельства, казалось бы, оправдывали (а может быть и требовали) толику патетики, тех стилистических красот, что обязательно присутствуют в «зачинах» названных выше образцов жанра. Однако же Твардовский в «зачине» своей поэмы следует почти буквально совету теоретика: «Пусть начинается без хвастовства рассказ. // Пегаса оседлав, не оглушайте нас, // На лад торжественный заранее настроив: // “Я ныне буду петь героя из героев!”» [9, с. 88]. И начинает поэму с вопроса о самых «низких» для традиционного эпоса вещах – о «доброй пище фронтовой», о «шутке самой немудрёной», без которой на войне не прожить «одной минутки». Прозаичнее некуда, особенно на фоне предшествовавших ему авторов эпических

поэм, которые непременно ставили себе целью «петь», «воспеть» избранный «предмет». У русского поэта цель заявлена в ответе на вопрос: «Без чего на войне не прожить наверняка?». И звучит он достаточно категорично. Прожить нельзя на фронте «без правды сущей, // Правды, прямо в душу бьющей. // Да была б она погуще, // Как бы ни была горька» [10, с. 310].

Такова творческая сверхзадача автора, и следует ей он неукоснительно в любой изборождаемой ситуации, в любой отдельной главке, на разных уровнях поэтики текста. Но прежде всего и преимущественно создавая характер главного персонажа. Он предстаёт перед читателем в разных ситуациях военного времени: на привале, когда «врёт весело и складно», рассказывая о разных видах сабантуя, в госпитале, философствуя о наградах, мечтая, как заявится он на вечерку после войны, на постое в доме старого солдата, когда спорит с ним о преимуществах и недостатках валенок и сапог, отвечает на его вопрос о «простой шутке», и когда утешает старого солдата, потерявшего кисет с махоркой, и когда в санбате «отдыхает», используя таким образом объявленный генералом недельный отпуск за сбитый из винтовки самолёт. Здесь он весельчак, балагур, шутник, оптимист – а ведь это первые два года войны, самые тяжелые.

Читатель видит Тёркина и в самых трагических ситуациях любой войны: как отступали на восток, оставляя родную землю оккупантам, как выходили из окружения, на переправе под огнём противника, в разведке за языком, в рукопашном поединке с немцем, в тяжелейших боях за населённый пункт Борки. Собственно боевых сюжетов о смертельной солдатской работе в поэме меньше, чем сюжетов о фронтовом быте, буднях. Но нет ни в тех, ни в других и налёта риторики, даже малой толики идеализации ни ситуаций, ни героя. Исследователь В.М. Акаткин справедливо подметил, когда писал применительно к творчеству раннего Твардовского о его «нарочитом натурализме»: «Твардовский намеренно удерживает себя на уровне бытовой достоверности..., дабы не уйти в риторику, не приукрасить реальных мук и тревог людей» [11, с. 44]. Ученый говорил так о поэме «Страна Муравия»; ещё большее подтверждение находит мысль эта в «Василии Тёркине».

Война начала отсчёт четвёртого года, она повернула на Запад и вот уже бьёт «Берлину у заставы судный час». Вот сейчас бы «разой-

тись» балагуру и шутнику Тёркину. Но нет; теперь у автора Тёркин уже другой: «любимец взводный в шутки не встречал, думой занятый своей». Да и в самой поэме, вернее в пяти её последних сюжетах-главах, всё трагичнее подтекст, физическое почти ощущение тяжелейшей ноши, возложенной на солдатские плечи, – нравственного бремени возмездия: «Грозен час, страшна расплата // За миллионы душ и тел». Когда солдат, исполняя долг расплаты, вынужден причинять страдания другим. Вот почему в победный этап войны Тёркин вступает «страдальчески счастливым», более того – именно сейчас впервые заплакал. Что вообще разрушает традиционные требования поэтики классицизма к характеру эпического персонажа. Впрочем, у Гомера варварски жестокий Ахиллес в финале поэмы тоже заплакал. Интуиция ли, художественный ли вкус подсказали древнегреческому барду закончить «Илиаду» не картиной жестокой расплаты за поруганную честь Эллады, о чём читаем у Вергилия в «Энеиде». А трогательным сюжетом встречи Ахиллеса с отцом убитого им Гектора, троянским царём Приамом.

Не та ли «память жанра» (М. Бахтин) подсказала поэту двадцатого века закончить свою героическую поэму не торжеством победителей, не знаменем Победы над рейхстагом, что вполне соответствовало бы святой правоте Великой Отечественной. Вот бы сейчас и подняться можно до патетических высот справедливости. А поэма заканчивается самым бытовым событием, сценой в бане, нарочито почти натуралистичной. Поэт «ведёт речь похвальную бане». Куда уж приземлённее и по лексике концовка. Здесь «голый люд» «кости прогрел», «спины трёт», «мозоли мочит», «моет платочек носовой», «надевает новые подштанники». Какая благостная картинка, а ведь это мстители пришли, будем помнить, несущие, как обет, тяжёлое бремя возмездия.

Высокий этический пафос, свойственный эпосу по определению, благородство русского характера, ненавязчиво подчёркиваемое в каждом эпизоде поэмы, не позволили Твардовскому закончить свою героическую сагу победным апофеозом, неизбежно жестоким со стороны победителей. Ведь герой её пришёл на вражескую землю, «двойною, тройною ношей» нагружен. Он и жертва, и освободитель, и мститель. Первые две ипостаси героя художественно воплощены в главах «Про

солдата-сироту» и «По дороге на Берлин». Тёркина-мстителя мы не видим в поэме: русский поэт-эпик не опускается до ветхозаветного «око за око». Вот почему финальный акт Великой Отечественной отражение нашёл не в поэме, а в двух стихотворениях, объединённых в цикл «Возмездие», написанных осенью сорок четвёртого. Когда кровавый вал войны «выкатился» за пределы наших границ. Структурно они не включены в поэму, но в морально-этическом аспекте общего её замысла несомненно завершают её. Картины мщения в поэме нет; закономерный её финал допишет автор в «Возмездии», где характер Тёркина не в режиме прямого диалога представлен. Это его внутренний монолог, оформленный как авторский текст: ведь самому Тёркину органически не свойственна малейшая пафосность выражения. Но по сути эти два стихотворения есть диалоги Тёркина с вражеским солдатом, с немецкой матерью, исполненной скорбей от пришедшей на её порог войны. «Да, мы иных, чем ты, кровей // Иных знамен солдаты, // И мы сегодня по твоей // Земле идём с расплатой // ...И мы тревожим чуждый кров // Священной мести ради» [10, с. 130]. Да мсть жестока, беспощадна. Но за что мстит русский солдат? В «Возмездии» дан потрясающий перечень этих «за что», объясняющий и почему Тёркин «тройною ношей нагружен», и почему «места нет пощаде».

«И не у нас её проси, // Мы будем мёртвых глуше. // Проси у тех, чьи на Руси // Сгубил безвинно души. // Проси у тех, кого ты сжёг, // Зарыл в земле живыми // ...Проси у тех, кого раздел // В предсмертный час постылый. // Проси у девочки у той, // Что в дула ружей глядя, // Спросила с детской простотой: // – Чулочки тоже, дядя? – // Проси пощады у неё, // А мы щадить не в праве» [10, с. 131].

Этими обжигающими строками из «Возмездия» по сути и заканчивается эпос о Великой Отечественной, начатый «Василием Тёркиным», хотя оно и не включено в композиционную структуру поэмы. Точно так и не иначе думал русский солдат, вступая на вражескую землю. Да сказать не мог: горло перехватывает от боли и не слепой и безрассудной, а благородной ярости. Таков подлинно эпический размах и высокий этический пафос поэмы, созданной буквально в пламени тяжелейшей войны. Очевидно не случайно так мало писал о ней поэт в послевоенные годы, всего несколько стихотворений, в том числе и

потрясающие «Я убит подо Ржевом» и «Жестокая память». Тема исчерпана полностью, в пределах, по крайней мере, художественных возможностей жанра героической поэмы.

Заключение. Давний спор XIX века о жанре поэмы не нашёл завершения и поныне: роман как ведущий представитель эпического рода отвлек силы теоретиков. И сейчас в «Литературном энциклопедическом словаре» перечисляется с десятком жанровых разновидностей поэмы – от героической до лиро-эпической и дидактической. А известный литературовед А. Аникст в эпическую поэзию внёс ещё две разновидности поэмы – естественную, органическую и искусственную, книжную. Собственно не выработаны и критерии классификации столь многоликой жанровой формы эпического рода литературы [12, с. 6]. Жанровой специфике поэм Твардовского вообще и «Василия Тёркина» в частности явно недостаточно уделили внимания исследователи его творчества. Наиболее авторитетный из них А. Македонов, анализируя, например, военную поэму автора, использует целый набор её определений: «нового типа эпическая поэма», «эпос бегущего дня», «эпос народной битвы», «новый небывалый в истории поэзии жанр», «синтез героического и бытового» [13, с. 224–229]. Эти определения имеют основания; но, на наш взгляд, термин «героический эпос», как его понимали теоретики классицизма, включает в себя все перечисленные выше. И «Василий Тёркин» может быть по праву удостоен этого звания. А. Твардовский возродил в наиболее «чистом» виде, соответствующем строгим правилам классицизма, героическую поэму, прародительницу всех последующих жанровых модификаций её. Автор воскресил в веке двадцатом жанрового первенца эпического рода литературы, классическим образцом которого считается «Илиада». Его поэма с примыкающими к ней несколькими стихотворениями может быть заслуженно поставлена рядом с нею по масштабу и событий, нашедших в ней художественное воплощение, и характера главного героя – воина, защитника Отечества. Это действительно национальный героический эпос Великой Отечественной 1941–1945 годов. В славе и скорби первых послевоенных десятилетий современники, естественно, не могли заметить таких достоинств поэмы. Дети тёркиных уже в веке XXI, слава Богу, начинают постигать новаторство и всю глубинную мощь поэтического гения её авто-

ра. С. Куняев, назвав «Василия Тёркина» наряду со «Страной Муравией» «великим эпосом современной русской литературы» [14], обозначил новый вектор исследований творчества А. Твардовского. И дал ответ на сетования поэта старшего поколения по поводу того, что якобы «промчался век эпических поэм».

Литература

1. Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.
2. Белинский, В.Г. Собр. соч.: в 3 т. / В.Г. Белинский. – М., 1948. – Т. 2.
3. «“Век нынешний и век минувший...”». Комедия А.С. Грибоедова “Горе от ума” в русской критике и литературоведении». – СПб., 2002.
4. Гомер. Илиада. Одиссея / Гомер. – М., 1967.
5. Гесиод. О происхождении богов / Гесиод. – М., 1990.
6. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Вергилий. – М., 1971.
7. Данте, А. Новая жизнь. Божественная комедия / А. Данте. – М., 1967.
8. Мильтон, Дж. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец / Дж. Мильтон. – М., 1976.
9. Буало, Н. Поэтическое искусство / Н. Буало. – М., 1957.
10. Твардовский, А. Стихотворения. Поэмы / А. Твардовский. – М., 1972.
11. Акаткин, В.М. Дорога и память / В.М. Акаткин. – Воронеж, 1989.
12. Жаков, А.Г. Современная советская поэма / А.Г. Жаков. – Минск, 1981.
13. Македонов, А. Творческий путь Твардовского. Дома и дороги / А.Б. Македонов. – М., 1981.
14. Куняев, С.Ю. И бездны мрачной на краю... / С.Ю. Куняев // Наш современник. – 2014. – № 8. – С. 226.

Поступила в редакцию 14.05.2015 г.

УДК 821.161.1-21.09

Образ вечного Рима в «Римских элегиях» и «Письмах римскому другу» Иосифа Бродского

Шевцова Л.И., Яцына А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова», Витебск

В статье рассматривается тема Рима в творчестве Иосифа Бродского как одна из ведущих тем его поэзии. Интерес к Риму возник у поэта еще в юные годы, и вечный город стал неизменным спутником его размышлений и творений.

Цель – выявить образы и мотивы, в которых нашла реализацию тема Рима в поэзии Иосифа Бродского.

Материал и методы. *Материалом для анализа послужили тексты лирических циклов стихотворений И. Бродского «Римские элегии» и «Письма римскому другу». Методы исследования – биографический, культурно-исторический, сравнительный.*

Результаты и их обсуждение. *Представление о «вечности» Рима, воспетой в древности, прошло сквозь века и дошло до наших дней. Вполне можно предположить, что именно этим настроением и был пленён Бродский. Отдельное внимание уделяется авторской концепции «вечного времени». На примере циклов стихотворений «Римские элегии» и «Письма римскому другу» выясняется, какие образы и мотивы использует И. Бродский, чтобы донести до нас своё видение таких философских понятий, как время и личная свобода человека.*

Заключение. *Циклы стихотворений «Римские элегии» и «Письма римскому другу» дают нам возможность увидеть отношение Бродского к культуре, истории «вечного города» Рима, к самому себе.*

Ключевые слова: Рим, город, время, вечность, мироздание, история, культура.

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 154–161)

The Image of Eternal Rome in «Roman Elegies» and «Letters to Roman Friend» by Joseph Brodsky

Shevtsova L.I., Yatsina A.A.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

The topic of Rome in the creative work of Joseph Brodsky as one of his leading topics is considered in the article. Interest in Rome emerged in the poet's youth and the Eternal City always accompanied his thoughts and creativity.

The purpose of the article is studying images and motifs in which the topic of Rome found its implementation in Joseph Brodsky's poems.

Material and methods. *The material for the analysis on the topic was texts of the lyrical cycle of J. Brodsky's poems «Roman Elegies» and «Letters to Roman Friend». The methods used are the biographic, the cultural and historical and the comparative ones.*

Findings and their discussion. *Image of the «eternity» of Rome, glorified in antiquity, went through centuries and modern times. It's quite possible to assume that it was this mood that fascinated Brodsky. Special attention is paid to the author's concept of eternal time. On the example of the cycles of the poems «Roman Elegies» and «Letters to Roman Friend» it is found out which images and motifs J. Brodsky uses to bring to us his vision of such philosophical notions as time and personal freedom of the man.*

Conclusion. *The cycles of the poems «Roman Elegies» and «Letters to Roman Friend» make it possible for us to see Brodsky's attitude to the culture, history of the Eternal City of Rome, to himself.*

Key words: Rome, city, time, eternity, universe, history, culture.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 154–161)

Адрес для корреспонденции: e-mail: milash8mail.ru – Л.И. Шевцова

Рим – одна из главных тем в творчестве Иосифа Бродского. С одной стороны, это можно понять, если обратиться к биографии поэта и узнать, что он жил некоторое время в «вечном городе» и приезжал туда несколько раз. Но, с другой стороны, путешествовал он вообще очень много, так почему же именно Рим?

Как говорила советский и российский искусствовед, историк культуры Паола Волкова, «Рим – это мы, это наше зеркало. Иосиф Бродский был последний русский человек, который так соединился с Римом. Он чувствовал себя частью того мира. У него два отечества – Древний Рим и Россия» [1].

Сам же Бродский выразился предельно лаконично и метафорично:

*Я, пасынок державы дикой
с разбитой мордой,
другой, не менее великой
приемши гордый, –
я счастлив в этой колыбели Муз, Права, Граций,
где Назо и Вергилий пели,
вещал Гораций [2, с. 415].*

Знакомство с творчеством Бродского дарит читателю не только поток эмоций поэта, но и много географических и исторических подробностей – из одних только циклов про Рим можно почерпнуть много интереснейшей информации. Принято считать, что тему города вообще, а не только Рима, Бродский после изгнания пронёс через всю свою жизнь, несмотря на то, что больше не жил на родной земле. Он и сам подтверждал, что урбанистический пейзаж для него очень важен. «Когда тебя оставляют в покое, ты становишься частью пейзажа» [3, с. 14]. Рим же Бродский называет «центром мироздания и циферблата» [3, с. 14]. Творчество его проникнуто стремлением туда, и даже путевые стихотворения и заметки создают впечатление, что свои странствия по Европе он воспринимал как путешествие в Рим. Известно, что один из первых визитов поэта в этот город состоялся через несколько лет после изгнания, в 1979 году, в чём немалую роль сыграла Американская академия искусств и наук.

Несколько месяцев поэт провёл в здании самой академии Villa Aurelia. Это место возникает в творчестве Бродского как образ Пьяцца Маттеи в одноимённом стихотворении «Пьяцца Маттеи». Здесь же упоминания его знакомства с «двумя молодыми брюнет-

ками», одна из которых была внучкой известного итальянского учёного Бенедетто Кроче. Но это, конечно, не только биографические детали, а восприятие «вечного города» самим поэтом. У многих, кто изучает его творчество, создаётся впечатление, что именно Рим Бродский считает эталонным городом, восхищается его красотой и в какой-то мере даже сожалеет, что родился в «дикой державе». Бродский интересовался античной историей и искусством, а творчество многих греческих и римских поэтов неподдельно восхищало его. Нетрудно предположить, что, когда советский период в его жизни закончился, Бродский больше не обращался ни к Москве, ни к Петербургу, и его мысленный взгляд, как магнит, притянул именно Рим – древнейший город Европы, некогда центр могущественной империи Древнего мира.

Цель исследования – выявить образы и мотивы, в которых нашла реализацию тема Рима в поэзии Иосифа Бродского.

Материал и методы. Материалом для анализа послужили тексты лирических циклов стихотворений И. Бродского «Римские элегии» и «Письма римскому другу». Методы исследования – биографический, культурно-исторический, сравнительный.

Результаты и их обсуждение. Тема человека и Города, тема сиюминутного и вечного, уязвимого и несокрушимого – это частые противопоставления в творчестве Бродского, и нередко в качестве Города выступает именно Рим. Бродский бывал, помимо советских городов, в Стамбуле, Нью-Йорке, Венеции, Вене и многих других, но ни один город не упоминается так часто, как Рим. Проследить, как именно поэт применяет реальные географические и исторические сведения, можно на примере двух произведений, где Рим упоминается даже в названиях, – «Римские элегии» и «Письма римскому другу».

Тема Рима – центральная в этих лирических циклах Иосифа Бродского. В «Римских элегиях» поэт говорит, обращаясь в равной степени к образам Рима современного и древнего, переплетая их между собой, а в «Письмах римскому другу» создает образ лирического героя – жителя Рима времён империи, без прямых обращений к современности.

«Римские элегии» Бродского представляют собой лирический цикл. В каждом из стихотворений цикла можно выявить собственную микротему, в полной мере раскрытую через выразительные образы и иносказания, ис-

пользуемые поэтом. Во всех без исключения стихотворениях так или иначе присутствует образ «вечного города». Кое-где Рим проступает на фоне, на заднем плане, а где-то – явно и недвусмысленно. Обратимся к конкретным примерам.

В первом стихотворении «Пленное красное дерево частной квартиры в Риме...» «Римских элегий» Бродский сразу же чрезвычайно ёмко и точно характеризует детали пространства, указывая, что квартира располагается в Риме. Задаётся мотив «частности», скрытости происходящего. Бродский встраивает своего лирического героя в квартиру, а саму квартиру – в образ Рима. Если посмотреть более глобально, проследивая в дальнейшем описание Рима в произведении, то станет очевидно, что и Рим не изолирован: он часть мира, но притом – весьма обособленная.

Бродский создает в этом стихотворении образ героя, который говорит о происходящем в первом лице, хотя и нельзя точно сказать, в каких именно событиях он участвовал, является ли он жителем Рима или иностранцем, какое положение занимает в городе и занимает ли вообще.

В стихотворении Бродский намечает мотив статичности. Становится ясно, что всё описываемое подолгу существует без вмешательства человека. Лишь потом лирический субъект как бы материализуется – Бродский передаёт это через строку, которая отсылает читателя к римским статуям, традиционно изображающим людей обнажёнными или полуобнажёнными. Материализация происходит даже не через человека как такового – через тело, которое «ставит босую ногу на красный мрамор» [2, с. 428]. Делая шаг в будущее, чтобы одеться, лирический герой выходит из неизвестного прошлого – древнеримской эпохи – в современность. На этом поэт фиксирует внимание читателя.

При этом материализованный образ нельзя назвать полностью живым – он подобен римской статуе, поскольку мог бы замереть, если бы ему крикнули «замри». Сразу же после этого упоминается, что «этот город замер от счастья в детстве», то есть Рим, несмотря на все прошедшие века, остался для людей неизменным. Можно предположить, что Бродский обращает внимание на пик культурного развития – эпоху, когда процветала Римская империя.

*Ставя босую ногу на красный мрамор,
тело делает шаг в будущее – одеться* [2, с. 429].

И именно по этой эпохе люди помнят и узнают Рим, а вовсе не по всему, что произошло в городе потом и что в нём есть сейчас. Бродскому дорог именно Рим древний, оставшийся в прошлом. Этот древний город проникнут духом идеальности, безупречности – именно к нему ещё не раз будет обращаться в следующих оставшихся стихотворениях автор «Римских элегий».

*Крикни сейчас «замри» – я бы тотчас замер,
как этот город сделал от счастья в детстве* [2, с. 429].

Однако лирический герой не говорит о своей готовности замереть – это лишь условная мысль.

Нельзя не обратить внимание, однако: диалог лирического героя ведётся не иначе как с самим городом, поскольку именно к нему он обращается, и при том больше ему говорить попросту не с кем.

*На ночь глядя, синий зрачок пощипет
свой хрусталик слезой, доводя его до сверканья...* [2, с. 429].

Можно обратиться к неоплатоническому настроению Бродского, чтобы лучше понять, почему речь идёт именно о наготы и о складках, а также о «детстве» Рима. Ведь образ этого города, застывшего в своей идеальности, ни много ни мало символизирует совершенство, а вот современность, точно так же, как и необходимость тела одеться, – несовершенство по сравнению с изначальной наготой и чистотой идеи.

Позже поэт обращается к образам римских статуй. Это идеальные лица, лишённые индивидуальности, но не по какой-то причине, а потому лишь, что они воплощают идеальное представление о самом человеке. Но особенно его волнуют «нагота и складки»:

*Мир состоит из наготы и складок.
В этих последних больше любви, чем в лицах* [2, с. 429].

Дальнейшие размышления лирического героя переключаются с пространственными деталями: образ пустой площади без фонтана, так же, как образ люстры в самом начале стихотворения, – символ остановившегося, замершего времени. Читатель вновь возвращается к представлению о том, что время остановилось и мир неизменен.

*И луна в головах, точно пустая площадь:
без фонтана. Но из того же камня* [2, с. 429].

Таким образом, первое стихотворение «Римских элегий» – вводное и потому очень важное. Лирический герой ведёт диалог с миром, который воплощён в образе Рима – вечного города, застывшего в вечном совершенстве. Элегический мотив – размышление человека о своей смертности, скорбь по вечному, и осознание смертности передано через оживление одной из застывших во времени римских статуй.

Во втором стихотворении «Месяц замерших маятников...» мы узнаем о лирическом герое гораздо больше. Становится однозначно ясно, что он принадлежит миру Рима и при этом он – старый, истрёпанный и измождённый человек. Бродский подчёркивает это, вводя такие детали, как «дряблые мышцы» и «седые подпалины». Духовная принадлежность к римскому миру подчёркнута в строке «...ничего нет ближе, чем вид развалин» [2, с. 429]. То есть развалины Древнего Рима – это и есть то, что для лирического героя ближе всего. Важно отметить параллелизм и взаимное узнавание лирического героя и руин, на которые он смотрит. Лирический герой, от имени которого ведётся повествование, признаёт себя частью застывшего в вечности города, а руины «узнают себя» в его речи. Образы слюнного раствора, высохшего графина, скреплённых осколков, возможно, намёк на синтез смертного и вечного. Именно руины, несмотря на свою неподвижность, символизируют несокрушимость вечных идей. Им противопоставлено переменчивое Время, у которого «варварский взгляд», то есть Время – варвар, пытающийся разрушить Рим.

*Да и они в ломаном «р» еврея
узнают себя тоже; только слюнным раствором
и скрепляешь осколки, покамест Время
варварским взглядом обводит форум* [2, с. 429].

Можно предположить, что поэт стремится показать читателю, что слова людей и их память – единственное, что они могут противопоставить разрушительному воздействию Времени. Используя «слюнный раствор», т.е. создавая этот образ в слове, артикулируя, можно скрепить вместе осколки и не дать варвару разрушить Рим. Речь является связующим звеном между современностью и вечным Римом: только через слово, вечные идеи разрушающиеся от времени материаль-

ные памятники могут быть оживлены и реализованы.

Далее в стихотворении возникает образ воды, струи, потока. Лирический герой говорит о своём желании оказаться в этом потоке, быть вовлечённым в ход событий, несмотря на разрушительное воздействие времени. Мотив воды оживает в этом цикле. Вообще, Рим – это вода. Вода, заключённая в фонтаны, водопровод, использующаяся в римских банях.

Рим воссоздан и в третьем стихотворении «Черепица холмов, раскаленная летним полднем...». Здесь лирический герой смотрит как снизу, так и сверху. С одной стороны, он обращает внимание на черепицу холмов, то есть отмечает сходство между городским пейзажем и миром вокруг. С другой стороны, он наблюдает за теньями, которые отбрасывают облака, и находит их схожими с ангелами. Сходство между раскалённой землёй и раскалённой черепицей на крышах домов – это сходство Рима с миром вокруг.

Черепица холмов, раскалённая летним полднем.

Облака вроде ангелов – в силу летучей тени [2, с. 429].

Здесь возникает ещё несколько деталей образного мира, который описан в «Римских элегиях». Мы видим, в частности, образы незрячих цезарей – в одном ряду со счастливым булжником, в который не может превратиться лирический герой, пока скрывается от солнца. Само солнце в этом мире, освещающее руины Рима в их неизменности, символизирует вечное счастье и вместе с тем уничтожает противоречивость жизни. Именно солнце, если обратить внимание на мир «Элегий», навязало цезарям желание остаться бессмертными, остаться вне времени. Можно понять, что изначальный призыв Рима «замереть» – это предложение идеального мира остаться навсегда совершенным, непогрешимым, неизменным. Согласившись, лирический герой мог бы оказаться в одном ряду с этими цезарями, которых освещает солнце вечного счастья.

*Я, певец дребедени,
лишних мыслей, ломаных линий, прячусь
в недрах вечного города от светила,
навязавшего цезарям их незрячесть...* [2, с. 429].

Это внутреннее противоречие пронесено через четвёртое стихотворение «Две молодых брюнетки в библиотеке мужа...» в пятое

«Звуки рояля в часы обеденного перерыва...». Бродский создает образы туч на небе, он передает попытку лирического героя сделаться бессмертным в мире идей, при этом сохранив память о себе. Именно этой цели служили «каменные вещи», созданные цезарями Рима.

*Я не воздвиг уходящей к тучам
каменной вещи для их остротки.
О своем – и о любом – грядущем
я узнал у буквы, у черной краски [2, с. 430].*

Лирический герой пытается узнать себя в образах окружающего римского пейзажа, одновременно ища ответ на вопрос: может ли он сам рассчитывать на возможность быть увековеченным. При этом подчеркивает, что узнаёт будущее у буквы, у «чёрной краски», тем самым соотнося свою судьбу с судьбой других людей, фактически всего человечества, которое познаёт что-то не через собственный опыт, а через сохранённую увековеченную память.

*Так задремывают в обнимку
с «лейкой», чтоб, преломляя в линзе
сны, себя опознать по снимку,
очнувшись в более длинной жизни [2, с. 431].*

Во втором стихотворении мы видели упоминание похожих образов – это всё тот же «слонный раствор», который позволяет идеям оживать, всё тот же мостик, находящийся между переменчивым человеческим миром и бессмертным миром идей.

Бродский старается передать это настроение сразу через несколько образов, обобщая их и усиливая друг другом. Засыпающие «в обнимку» с фотоаппаратом, впадают в жизнь-сон, мимолётную, может быть, бессмысленную, ту, что зовется реальностью. В то же время жизнь вещей (а также книг и фотографий) – это замерший в своём неизменном величии Рим со своими площадями и статуями. В этом идеальном мире запечатлены отдельные моменты, но они отныне бессмертны и навсегда остались в вечности.

Новую особенность взгляда, которым лирический герой смотрит на Рим, мы узнаём из шестого и седьмого стихотворения «Римских элегий» «Обними чистый воздух, а ля ветви местных пиний...» и «В этих узких улицах, где громоздка...». Герой обращает внимание на переходные состояния между взвинченностью и бессилием, между постоянством и переменчивостью. Каждый раз ощущается, что

время безудержно утекает сквозь пальцы, что его никак нельзя удержать. Именно поэтому так полны переживаниями все мгновения, которые лирический герой проводит в Риме.

*Тело обратно пространству, как ни крути
педали.*

И несчастны мы, видимо, оттого же.

.....
*В этих узких улицах, где громоздка
даже мысль о себе, в этом клубке извилин
прекратившего думать о мире мозга,
где то взвинчен, то обессилен [2, с. 431].*

Цезарей Бродский сравнивает со сбежавшей от жизни собакой: «Это и есть Карузо для собаки, сбежавшей от граммофона» [2, с. 432]. Римские правители не только освещены солнцем вечного счастья – они ослеплены им, и увидеть жизнь они уже не могут. Точно так же, как собака сбежала от жизни, цезари укрылись от переменчивости в своём идеальном мире. Можно предположить, что собака-поводырь в образном мире Бродского – это и есть проводник в мир идей, реализованный в конкретном образе призыв отринуть всё изменчивое и вступить в бессмертный мир идей.

Откровение о природе человека и об устройстве мира – это настроение лирического героя, подчёркиваемое в восьмом стихотворении «Бейся, свечной язычок, над пустой страницей...». Острое ощущение каждого мгновения подчёркнуто и усилено ощущением того, как сменяются эпохи, и здесь снова в качестве неизменного фона выступает Рим.

*Впрочем, в ихнем ряду ты обретаешь имя;
вечным пером, в память твоих subtilных
запятых, на исходе тысячелетья в Риме
я вывожу слова «факел», «фитиль», «св
тильник»,
а не точку – и комната выглядит как в нача
ле [2, с. 432].*

Здесь же становится понятно, для чего лирический герой вообще завёл свой диалог, для чего он ступил в мир и для чего говорит с гордом. В память он выводит слова о «subtilных запятых» жизни, о переменчивых событиях. Проще говоря, становится ясно: главное, что старается сделать лирический герой, – это запечатлеть собственный опыт. Это очередное подтверждение того, что он стремится остаться в римском мире идей, при этом сохранив память о своей переменчивой жизни.

*(Сочиняя, перо мало что сочинило).
О, сколько света дают ночами
сливающиеся с темной чернилами!* [2, с. 432].

В девятом стихотворении «Скорлупа куполов, позвоночники колоколен...» возникает образ Севера, который сопоставлен с Римом. Тёплый и раскалённый Юг – это Рим с его «скорлупой куполов» и «позвоночниками колоколен». Не нужно искать тайные смыслы, чтобы увидеть здесь определённую параллель с первым стихотворением, где речь шла о рыбе, живущей в потоке, с её чешуёй и остовом.

*Скорлупа куполов, позвоночники колоколен.
Колоннады, раскинувшей члены, покой и нега.
Ястреб над головой, как квадратный корень
из бездонного, как до молитвы, неба* [2, с. 432].

С самого начала можно подумать, что Бродский желает противопоставить Рим Северу. В то время как на Юге царят вечные покой и нега, солнце освещает статуи римских цезарей, а момент расцвета империи запечатлён навсегда в своей неизменности – на Севере «пробегают пальцы пианиста». Но на фоне этого лишь усиливается новое впечатление: оказывается, что всё, что казалось прежде идеальным и непогрешимым, всё-таки подвергается воздействию Времени, и о полной неизменности говорить нельзя.

*Север! в огромный айсберг вмерзшее пианино,
мелкая оспа кварца в гранитной вазе,
не способная взгляда остановить равнина,
десять бегущих пальцев милого Ашкенази* [2, с. 432].

Бескрайнее пространство Севера находит своё отражение в Риме, если обратить внимание на параллелизм между движениями пальцев пианиста и движением вообще, становится понятно, что на самом деле Север – фрагмент мира, такой же, как и сам Рим, и через совершенно противоположные образы он выражает всё то же.

Север противопоставлен Риму лишь как холодный творческий мир – это обратная сторона вечно спокойного солнечного Рима. Вполне вероятно, что Бродский через лирического героя намекает на свою покинутую родину, на которую ему не придётся вернуться, и подчёркивает, что всё, что он теперь может делать, это создавать «когорты» букв, находясь на Юге, в Риме.

*Только буквы в когорты строит перо на Юге.
И золотистая бровь, как закат на карнизе
дома,
поднимается вверх, и темнеют глаза подруги* [2, с. 432].

К одиннадцатому стихотворению «Лесбия, Юлия, Цинтия, Ливия, Микелина...» становится ясно, что лирический герой очень переживает о своей смертности и стремится как можно яснее сохранить память о себе в идеальном мире Рима. Чтобы проиллюстрировать подобную возможность, Бродский прибегает к образам женских статуй, которые также находятся в Риме. Они существуют и сейчас, в то время как нет уже и самих женщин, которые служили вдохновительницами скульпторов, и самих скульпторов тоже нет.

*Вы – источник бессмертья: знавшие вас нагими
сами стали катуллом, статуями, трояном,
августом и другими. Временные богини!* [2, с. 433].

Поэт отмечает, что женщины «принимают вечность», решив остаться непогрешимыми и безупречными в мире Рима, но при этом и те, кто «знал их нагими», то есть скульпторы, сами желают прославиться и оставить в Риме что-то на память о себе, что-то такое, что сделает их вечными, непогрешимыми, безупречными, как и весь римский мир идей.

*...летним вечером я, самый смертный
прохожий,
среди развалин, торчащих как ребра мира,
нетерпеливым ртом пью вино из ключицы;
небо бледней щеки с золотистой мушкой...* [2, с. 433].

Таким образом, когда-то переменчивые женщины стали прототипами совершенных статуй, не подверженных воздействию времени, идеальных во всех смыслах. Именно они и олицетворяют своим присутствием возможность смертного человека обессмертить себя и занять своё место в бессмертном Риме.

Анализируя римские мотивы стихотворений Бродского, нельзя не обратить внимания и на цикл «Письма римскому другу». Сам по себе этот цикл стихотворений – небольшой, но вместе с тем каждые два четверостишья действительно передают столько же мыслей и эмоций, сколько содержится обычно в письме. Всего их девять.

Рим в этом произведении представляется фоном, на котором происходят события в жизни адресата письма. Сам лирический герой, автор этих писем, живёт не в Риме, а в окраинной провинции, откуда и шлёт письма. Ответных писем нет, но воображение может дорисовать того, кому они адресованы, так же, как можно дорисовать и столичный уклад жизни.

Обращаясь к своему римскому другу, лирический герой одновременно разговаривает и с читателем. В произведении используется образ исключительно Древнего Рима – без отсылок к современности. Бытовые, военные, лирические и политические особенности римской жизни всплывают, подхваченные словами пишущего письма. Через них Бродский сообщает о своих собственных взглядах на экзистенциальные вопросы. Он напоминает читателю о том, что жизнь будет скучной и бесцветной, если занимать её тем, чтобы добывать богатство, созерцать мимолётную красоту. В то же время можно и получить немало удовольствия от жизни, если любоваться красотой вечной, природной, не связанной с бурной политической жизнью.

*Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемена у подруги [4, с. 284].*

В стихотворении Бродский отсылает нас к римскому поэту Марциалу, и это ещё одна важная деталь, взятая им из римского мира. Правда, произведение Бродского самостоятельно, оно не является переводом или пересказом творений Марциала. Хотя и он занимался тем, что иронизировал над стремлением людей к богатству и праздности.

Сначала может показаться, что лирический герой тоскует по Риму и желает оказаться там всей душой. Сам он находится в глуши, а его друг живёт в шумной и вечно живой столице огромной империи.

Однако это впечатление развеивается при чтении дальнейших строк.

*Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство [4, с. 284].*

Можно предположить, что адресат письма – человек властный и вхожий в высший свет.

Персонаж – автор писем – принимается убеждать его в том, что в мире полно мимолётной суеты, что Рим – далеко не самое красивое, что есть в мире, что осенняя листва может быть куда красивее, чем платья римских модниц. Обманчивость и лицемерие людей из римского высшего света противопоставлены честности и чистоте природы.

*Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных –
лишь согласное гуденье насекомых [4, с. 284].*

Цезарь, фигурирующий в произведении, выступает в качестве образа верховной власти. Можно увидеть в этом некоторый намёк Бродского на своё собственное общение с властью имущими, но никаких конкретных сравнений не даётся. Поэт ограничивается тем, что наместник в провинции, хотя и ворует, не так плох и ужасен, как правитель империи – кровопийца и тиран.

*И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники – ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца [4, с. 285].*

В то же время Рим явно представлен средоточием порока и интриг. Герой намекает, что не стоит рассказывать об этих интригах хотя бы потому, что они и так известны всем даже в провинции.

В произведении есть немало иронических моментов, построенных и обыгранных на основе сведений об известных римских реалиях. В частности, две эпитафии, посвящённые двум покойникам: купец жил спокойно и строил большие планы, но совершенно внезапно умер от болезни; а вот легионер всю жизнь был близок к смерти и ждал её в любой момент, но при этом дожил до глубокой старости и умер в тишине.

Создает Бродский и образы гетер. Так, пишущий письма римскому другу сообщает о гетере, которая когда-то была ему знакома, а потом стала жрицей и теперь «общается с богами» [5, с. 286]. Переменчивость статуса здесь отчасти преувеличена Бродским. Но, как и в случае с купцом и легионером, он с помощью древнеримского образа жизни маскирует то, что мог бы сказать, возможно, немного иными словами о своих современниках. Это довольно очевидные мысли о продажности

нравов, о переменчивости статуса, о вероломстве и о «внезапной смертности» человека.

Предчувствуя собственную смерть, герой просит своего друга откопать клад с деньгами на похороны, а потом отослать его гетерам. Вновь используя их образ, Бродский иронизирует, подмечая, что только гетеры, если им заплатить, как за их обычный труд, будут скорбеть по умершему искреннее, чем кто-либо ещё.

Герой отсутствует в последнем «письме». Очевидно, что он умер, однако оставленный томик Плиния Старшего, римского поэта и философа, – последняя отсылка Бродского, завершающая характер составителя «писем». Очевидно, что он человек далеко не глупый, поэтому все его слова, написанные прежде, происходят явно не от незнания. Напротив, он предельно много знает о мире и поэтому берётся так рассуждать. Он философ:

*Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря*
[4, с. 285].

Заключение. Таким образом, Рим – центральный образ в обоих рассмотренных нами произведениях. В «Римских элегиях» Бродский обращается к современному Риму, в котором статуи и площади застыли, воплощая вечный и идеальный мир идей. Этот древний город в произведении застыл в идеальном прошлом, в своём «детстве». Никакая современность с ним не идёт в сравнение. Более того, поэт показывает нам, что в древности существовали в Риме люди, которые смогли решить проблему, мучающую лирического героя, – они смогли сделать что-то такое, что увековечило их имя в истории и позволило им войти в мир идей, став бессмертными.

В «Письмах римскому другу» Рим совсем другой. Ни о какой современности речи не идёт: там перед нами предстаёт Древний Рим как он есть (точнее, каким его видит лирический субъект), без сравнений во времени и без вопросов, касающихся сохранения чего-то вечного. Напротив, всё вечное в этом произведении никак с Римом не связано – это красота природы и мира. Ну, а Рим – это собрание всего суетного, мимолётного, бессмысленного и праздного.

Можно увидеть, насколько разные образы Рима создает Бродский. Этот город становится в его произведениях и как воплощение величественного прошлого, в котором гений нации создал империю и увековечил ее в архитектуре и статуях, и как средоточие всего мелкого, суетного и бессмысленного.

Многие современники Бродского подтверждали, что поэт равнодушен к Риму в большей степени, чем к другим городам, и древнеримская культура привлекает его куда больше многих других. Однако обличая кровожадность или слепоту римских цезарей, он намекает на современность: эпохи тирании повторяются. Вообще, мало что изменилось со времен Римской империи. Находясь в реальном пространстве современного Рима, лирический герой «Римских элегий» не ощущает временной разницы, время сжимается до точки в пространстве и превращается в бесконечное. Так возникает мотив вечного времени, Рим вечен именно во времени. Это время уже не историческое, а культурное, сквозное. Поэтому легко переместиться во времени и представить, что мог написать римскому другу некто, живущий в провинции у моря, так же, как легко перенести эту ситуацию в современность. Призрачны грани веков [6].

Литература

1. Открытый университет Сколково (ОтУС). Беседы об искусстве с Паолой Волковой – Лекция № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=Ib1WansHC1k>. – Дата доступа: 20.05.2015.
2. Бродский, И.А. Малое собрание сочинений / И.А. Бродский. – СПб.: «Азбука», 2014. – 880 с.
3. Ахапкин, Д.Н. Иосиф Бродский после России. Комментарии к стихам И. Бродского / Д.Н. Ахапкин. – СПб.: ЗАО «Журнал “Звезда”», 2009. – 132 с.
4. Бродский, И.А. Сочинения в четырех томах / И.А. Бродский. – М.: «Третья волна», 1992. – Т. 2. – 479 с.
5. Бродский, И.А. Сочинения в четырех томах / И.А. Бродский. – М.: «Третья волна», 1992. – Т. 1. – 479 с.
6. Лосев, Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии / Л.В. Лосев. – 5-е изд. (Жизнь замечательных людей: сер. Биогр.; вып. 1319) / Л.В. Лосев. – М.: «Молодая гвардия», 2011. – 447 с.

Поступила в редакцию 26.05.2015 г.

Порядок следования компонентов в моделях, состоящих из двух глаголов

Барбук С.Г.

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
Минск

В работе рассматриваются конструкции «глагол+глагол», «глагол+союз И+глагол». При всей простоте этих конструкций они представляют определённую сложность в двух отношениях: при обучении иностранцев русскому языку, при машинной обработке текстов.

Целью исследования является выяснение факторов (грамматических параметров и семантики компонентов данных конструкций), которые позволяют или не позволяют компонентам занимать правую или левую позиции.

Материал и методы. *В качестве исходного материала для анализа избран текстовый материал большого объёма (художественная литература 2-й половины XX в., классическая русская литература). Методы – системный подход, лингвистического наблюдения и описания.*

Результаты и их обсуждение. *Левизна, правизна, лево/правизна или право/левизна материальных объектов давно вызывают интерес у исследователей.*

Не существует материальных объектов иных, чем D, L, DL. Поэтому любая теория о правом и левом автоматически становится теорией всех материальных объектов, хотя и в терминах «правого» и «левого». Анализ данных моделей из двух глаголов представляет интерес с этой точки зрения. Он заключается в том, что: а) композиция состоит из двух глаголов, т.е. является симметричной по классу; б) композиция является асимметричной по позициям и, как правило, по семантике составляющих.

Левизна/правизна в отношении к языку касается порядка следования элементов в композиции. При допущении свободного порядка слов можно ожидать: 1) равновероятного появления левых и правых элементов композиции; 2) наличия элементов, занимающих только правую позицию; 3) наличия элементов, занимающих только левую позицию.

Заключение. *Нами было чётко выявлено доминирование одних форм перед другими: 2-го лица глаголов над 1-м и 3-м, настоящего времени над прошедшим и будущим. При этом позиции по отношению к союзу И у разных категорий различны. При анализе категорий были выявлены возможные позиции приоритета.*

Ключевые слова: *сочинительные конструкции, левизна, правизна, порядок слов, симметричность.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 162–166)

Order of Components in Models Consisting of Two Verbs

Barbuk S.G.

Educational establishment «Belarusian State Economic University», Minsk

The paper deals with constructions «verb+verb» «verb+conjunction AND+verb». Despite the simplicity of these constructions, they represent a certain complexity in two ways: in teaching Russian to foreigners, with machined texts.

The aim of the study is to analyze the grammar and semantics of the parameters of the components which make it possible or don't for the components to take either right or left position.

Material and methods. *Material for the study was obtained from a continuous sample of texts of fiction, newspapers, magazines. Among the methods used by us the method of linguistic observation and description is distinguished, as well as the system approach.*

Findings and their discussion. *Leftism, rightism, leftism/rightism or rightism/leftism of material objects are of interest for a long time for researchers.*

There are no material objects other than D, L, DL. Therefore, any theory of right and left automatically becomes the theory of all material objects, although in terms of «right» and «left». Analysis of these two verb models is of interest from this point of view. It consists in: a) the construction comprises two verbs, i.e. is symmetrical in class; b) the composition is asymmetrical in the positions and, as a rule, in semantics of the components.

Leftism/rightism in relation to the language concerns the order of the elements in the composition. Assuming the free word order one can expect: 1) equiprobable appearance of the left and right elements of the composition; 2) the presence of elements occupying only the right position; 3) the presence of elements occupying only the left position.

Conclusion. *We have clearly identified the dominance of one form over the other: 2nd-person verbs over the first and third, the present tense over the past and future. At the same time the positions towards the conjunction AND differ in different categories. In the analysis of categories possible priority positions were identified.*

Key words: *coordinative structures, leftism, rightism, word order, symmetry.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 162–166)

Адрес для корреспонденции: e-mail: svetlanabar@tut.by – С.Г. Барбук

В статье рассматриваются модели «глагол+союз И+глагол» и «глагол (в личн. ф.)+глагол (инфинитив)». При всей простоте этих конструкций они представляют определенную сложность в двух отношениях: при обучении иностранцев русскому языку, при машинной обработке текстов. Тема актуальна также для исследований, посвящённых семантике ситуаций, семантическим свойствам актантов и связи этих характеристик с синтаксическими свойствами лексем [1–2]. В работах С.В. Кадзасова, Е.Н. Савиной, Н.М. Лацфера рассматриваются проблемы сочинительных конструкций. Исследованы общие черты сочинения, а также категория числа. Однако не решены вопросы опорного элемента в сочинительных конструкциях, левизны/правизны, частотности грамматических показателей, их связи с семантикой.

Целью исследования является выяснение факторов (грамматических параметров и семантики компонентов данных конструкций), которые позволяют или не позволяют компонентам занимать правую или левую позиции.

Материал и методы. В качестве исходного материала для анализа избран текстовый материал (художественная литература 2-й половины XX в., классическая русская литература). Материал для исследования получен сплошной выборкой из текстов художественной литературы, газет, журналов. Методы – системный подход, лингвистического наблюдения и описания.

Результаты и их обсуждение. Левизна, правизна, лево/правизна или право/левизна материальных объектов давно вызывают интерес у исследователей. Наиболее четкое обоснование этих свойств объектов в теоретическом плане содержится в работе Ю.А. Урманцева «О природе правого и левого» (основы теории диссфакторов). Согласно его теории «любые материальные, пространственные и (или) пространственно-представимые объекты по отношению к зеркальному отражению разделяются на два класса: диссимметрический D и L меняют D на L, L на D; недиссимметрический D и L одновременно не изменяют свою конфигурацию» [3, с. 180]. Это означает, что не существует материальных объектов иных, чем D, L, DL. Поэтому любая теория о правом и левом автоматически становится теорией всех материальных объектов, хотя и в терминах «правого» и «левого». Отсюда понятна фундаментальная значимость природы правого и левого.

Лингвистический аспект этой фундаментальной проблемы обобщён в монографии «Язык как система» [4]. Добавим только, что, не имея возможности говорить о зеркальных отражениях, мы вынуждены говорить о левых, правых и право-левых или лево-правых позициях.

Анализ модели из двух глаголов, один из которых выражен личной формой, а второй инфинитивом, представляет интерес с этой точки зрения. Он заключается в том, что: а) композиция состоит из двух глаголов, т.е. является симметричной по классу; б) композиция является асимметричной по позициям и, как правило, по семантике составляющих.

В качестве гипотезы можно предполагать, что наличие групп глаголов, занимающих только левую или только правую позицию, связано с деятельностью левого и правого полушарий мозга. Левизна/правизна в отношении к языку касается порядка следования элементов в композиции, или порядка слов. При допущении свободного порядка слов можно ожидать: 1) равновероятного появления левых и правых элементов композиции; 2) наличия элементов, занимающих только правую позицию; 3) наличия элементов, занимающих только левую позицию. Условно левыми мы будем считать элементы, занимающие первую позицию, условно правыми – вторую, так в композиции «хочу есть» «хочу» является левым элементом, а «есть» – правым. Теоретическая возможность подтверждается большим фактическим материалом. Было проанализировано 2 500 композиций. Данные по встречаемости позиций сведены в табл. Из нее видно, что в этой композиции преобладают глаголы, занимающие условную правую позицию. Они отмечены большим разнообразием семантики и сочетаемости.

Семантика глаголов, употребляемых преимущественно в левой позиции, такая:

1) модальные глаголы *хотеть, мочь, желать*;

2) глаголы говорения с каузативным или обратнo-каузативным значением: *просить, умолять, велеть, советовать, предлагать, отказываться, обещаться*. Здесь же можно выделить как подгруппу глаголы активного побуждения к действию: *дать, давать, ступать* и т.д.;

3) фазовые глаголы: *начинать, перестать (кончить), стать (начать)*;

4) глаголы со значением физических и психических состояний: *бояться, осмелиться, надоесть, устать*;

5) глаголы эмоционального отношения к действию: *благоволить, любить, разлюбить*;

Левизна, правизна и лево-правизна в модели

Позиции	Элементы	Валентность
LD/DL	30	478
L	114	994
D	563	1148

6) глаголы со значением положения или перемещения в пространстве: *приходить, приезжать, плыть, пойти, сесть, лечь; нести, подать, поднимать*;

7) глаголы со значением интеллектуального состояния: *решишь, вздумать, мечтать*;

8) глаголы со значением умения, способности: *уметь, суметь*;

9) глаголы со значением необходимости выполнения действия, обусловленной извне: *рекомендуется, стоит, следует, планируется, намечается, требуется*;

10) глаголы со значением подготовки к действию: *учиться, готовиться, пробовать, пытаться*;

11) отношение другого субъекта к действию: *мешать, помочь, вынудить, принудить, заставить*;

12) глагол будущего времени «*быть*».

Глаголы, употребляемые преимущественно в правой позиции, имеют более конкретную семантику:

1) глаголы со значением конкретного действия, времяпрепровождения: *работать, торговать, читать, считать, управлять, писать, стрелять, играть, купаться, танцевать, курить*;

2) конкретного действия, доведённого до результата: *выбить, выплеснуть, достроить*;

3) речи (некаузативные): *сообщить, сказать, говорить, рассказать, повторить*;

4) глаголы восприятия: *видеть, смотреть, послушать, поглядеть, взглянуть*;

5) глаголы со значением принятия пищи: *пить, обедать, ужинать, жрать, закусить*;

6) природные процессы: *светать, смеркаться, темнеть*;

7) глаголы со значением изменяющегося состояния: *худеть, разбогатеть, заболеть*;

8) глаголы со значением взаимонаправленного действия: *шепаться, целоваться, знакомиться, дружить*.

Обычным в композиции с двумя глаголами следует признать следующий порядок: первым элементом является глагол в личной форме с одним из модальных оттенков – начинательности, возможности, желательности действия, называемого вторым элементом

композиции – глаголом-инфинитивом, т.е. первый элемент обладает формами изменения, а второй примыкает к нему. Изменение обычного порядка слов, как правило, меняет синтаксический строй фразы в целом, придавая композиции вопросительный характер. Кроме того, композиция с инфинитивом на первом месте употребляется очень редко.

Рассмотрим конструкции «глагол+союз И+глагол». Глагол имеет систему форм, обслуживающую процесс общения говорящего и слушающего. Эта система личных форм и значений представляет собой категорию лица в глаголе. Речь идет о чисто морфологической категории, так как она обнаруживает себя только в словоизменительных формах. Следуя традиции, мы считаем, что глаголы в современном русском языке, как и местоимения, содержат 3 грамматических лица – 1-е, 2-е, 3-е: я, ты, он. Неслучайно три лица являются принадлежностью каждого языка. «Все языки, – заключает Дж. Гринберг, – имеют местоименные категории, включающие, по крайней мере, 3 лица и 2 числа» [5, с. 141].

В результате исследования выявлено глаголов 1-го лица с общим значением «участия говорящего» 174, из них 120 обозначает «участие говорящего без участия адресата», что соответствует форме 1-го лица единственного числа, а 54 – «действие говорящего совместно с другим лицом или лицами», т.е. 1-го лица множественного числа. Глаголов 2-го лица – 288. Общее значение, их объединяющее, – «выражать отношение действия к адресату». Из них 186 глаголов в форме единственного числа, выражающих действия адресата, и 102 – 2-го лица множественного лица, которые выражают участие адресата и не выражают участия говорящего. Общее количество глаголов 3-го лица – 260. Все они обозначают действие субъекта (лица или предмета) без отнесения к говорящему или адресату. Из них 202 глагола – в единственном числе и 58 – во множественном.

Чаще всего употребляются конструкции с глаголами в форме 2-го лица. Это во многом объясняется стилистикой публицистического жанра. Формы 2-го лица выражают воззвание, призыв, они используются как «средство акти-

визации внимания собеседника» [6, с. 189]. Например: *берите и уходите, встань и иди* и пр.

Преобладают конструкции, в которых действие автора выражается совместно с другим лицом или лицами, и только на втором месте конструкции, обозначающие действие самого говорящего.

Глаголов в сингулярной форме в данной модели больше, чем в плюральной. Это связано с тем, что формы единственного числа семантически менее определённы: их значения не всегда связаны с реальной единичностью и могут выступать в расширительном употреблении, например: *посеешь и пожнёшь, просясь и заплывёшь* и пр.

Категория наклонения указывает на отношение действия, обозначаемого глаголом, к действительности, т.е. категория наклонения показывает, каким должно быть действие в глаголе: реальным (изъявительное наклонение), желаемым в будущем (повелительное наклонение), возможным при известных условиях (сослагательное наклонение). Категория наклонения, как и категория лица, – трёхчленная, но более широкая по объёму. Она охватывает все спрягаемые формы, как личные, так и безличные, тогда как категория лица содержится, как правило, только в системе личных форм.

В результате исследования выявлено 246 глаголов в форме повелительного наклонения, все остальные глаголы – в форме изъявительного наклонения и 7 конструкций, объединяющих глаголы обоих наклонений: *поели и идите, спел и молчи, сел и сиди, одевайся и пойдём, живешь и живи, поговорил и спи, поел и бей*.

Формы повелительного наклонения обладают различными оттенками значений, выражающих большую или меньшую степень повеления – от категорического приказа до просьбы. В «Стилистике русского языка» отмечается: «Значение формы повелительного наклонения и её эмоционально экспрессивная окраска во многом обусловлены видом глагола» [6, с. 112]. Рассмотрим некоторые примеры в наших конструкциях. Глаголы несовершенного вида обозначают «менее категоричное приказание, часто они имеют значения просьбы или совета, обозначенное ими действие мыслится как длительное повторяющееся» [6, с. 113]. Например: *сиди и слушай, ешь и молчи, люби и помни, сиди и дыши* и пр.

Глаголы совершенного вида в повелительном наклонении «обозначают категоричную просьбу или приказ, действие представляется конкретным, однократным» [6, с. 112–113], например: *выпей и иди, выйдите и посмотрите, съдьте и обождите* и пр.

Изъявительное наклонение представляет процесс как реальный в прошлом, настоящем и будущем. Эти значения представлены в формах настоящего, прошедшего и будущего времени.

Осознание человеком течения времени и направления его течения только вперёд сформулировало в языке три понятия – настоящего, прошедшего и будущего времени как основных векторов, создающих трёхмерный образ времени.

За основу для анализа комбинаторных вариантов времени были взяты формы глагола в изъявительном наклонении. Категория наклонения, как и категория лица, трёхчленная (наст., прош., буд.). Временная парадигма зависит от такой категории, как вид. Несовершенный – определяет присутствие трёх времён, совершенный – двух.

Рассмотрим конструкции, в которых глаголы имеют форму настоящего времени. Настоящее время сочетается с прошедшим, при этом всегда занимает позицию справа, например: *встали и стоим, скорчился и сижу, упала и крестится* и пр. Прошедшее время, сочетаясь с настоящим и формой инфинитива, всегда занимает позицию слева от союза И. Прошедшее время способно выражать значение настоящего вневременного или регистрирующего, одновременно употребляясь с настоящим временем, например: *встали и стоим, скорчился и сижу, спрятался и подслушивает* и пр.

Кроме обычного прошедшего несовершенного, выражающего длительное в прошлом действие (так называемое «прошедшее описательное» по терминологии А.В. Бондарко, 1971) [7], например: *судили и сравнивали, строили и отстраивали, уединялся и думал* и др.; и прошедшего совершенного с результативным значением, например: *пронеслось и скрылось, поел и поговорил* и др., формы этого времени могут выражать множество значений «осуществлённого намерения» – *хотел и побежал, взял и прыгнул, взял и побежал* и др.

Рассмотрим композиции, в которых оба глагола в форме будущего времени: 51 композиция, в которой оба глагола в форме будущего времени (например: *вылью и лягу, рожу и умру, отслужу и вернусь* и пр.); 9 композиций, в которых глагол в будущем времени занимает позицию слева от союза И (например: *смогут и посадить, сможем и помолчать, соберутся и зовут* и др.). Только в сочетании с настоящим временем и инфинитивом глагол будущего времени занимает позицию слева от союза И.

В «Русской грамматике» отмечается, что, «выражая одно и то же значение следования за точкой отсчёта, формы будущего времени

глаголов разных видов конкретизируют и уточняют это значение» [8, с. 626].

Формы будущего времени глаголов совершенного вида обозначают процессы как законченные с оттенком результативности, например: *потрясёт и отпустит, похнычет и перестанет, поговорит и попрощается* и пр. Форма 2-го лица будущего времени выражает дополнительный оттенок долженствования, например: *позвонишь и придёшь, прислужишь и пригодишься* и пр.

Вид глагола в современной грамматике рассмотрен достаточно подробно. Противопоставление несовершенного и совершенного вида распространяется практически на все глаголы. Существует не только противопоставление членов видовых пар, но и всех образований одного вида всем образованиям другого вида, поэтому и непарные глаголы не остаются вне видовой системы, все они включаются в неё как равноправные члены. Средства выражения любых видовых различий крайне неоднородны.

В результате исследования выявлены 1181 глагол несовершенного вида и 1041 глагол совершенного вида. Среди них несовершенный вид чаще занимает позицию слева от союза И (604 глагола). Соответственно справа от союза И – 577 глаголов. Совершенный вид распределяется следующим образом: слева от союза И 534 глагола, справа – 507. Как видим, имеется тенденция к левизне или правизне в связи с категорией вида.

Выявлены такие виды конструкций: «несов. вид И несов. вид» – *судили и сравнивали, строили и отстраивали, уединялся и думал и др.* (283), «сов. вид И сов. вид» – *поскучают и забудут, приедут и заберут, посмеются и перестанут* и др. (248). Они обозначают конкретный единичный факт, наступление этого факта (терминология А.В. Бондарко). Чаще всего это последовательные, сменяющие друг друга действия. 38 конструкций «несов. вид И сов. вид» и «сов. вид И несов. вид». Контраст совершенного и несовершенного вида используется для подчёркивания предшествующего факта на фоне последующей длительности, например: *найдут и хохочут, соберутся и зовут, напьёмся и петь* и пр. И наоборот: *благодарю и воспользуюсь, ползу и поползу* и пр. При этом глагол в форме совершенного вида чаще занимает позицию слева от союза И, например: *отскочил и поглядывает, сказал и ждёт, повернулся и уходит, отвернулся и сизу* и др.

Так, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что в данной конструкции переста-

новки не всегда возможны. Это связано, прежде всего, с семантикой сочетаемых глаголов:

1. Когда 1-й элемент имеет значение каузальности, а второй имеет значение следствия: *упал и разбился, наклонился и упал, испугался и убежал, прислужишь и пригодишься* и т.д.

2. Когда 2-й элемент имеет значение результата действия, обозначенного 1-м элементом: *думать и надумать, ползу и поползу* и т.д.

3. Когда отмечается последовательность действий, логически обоснованная семантикой глагола, что иногда выражается грамматически временными формами, ср.: *поели и идите, рожу и умру, одевайся и пойдём*.

Заключение. Сочинение есть способ текстуального отражения сходства, симметричности языковых единиц. Одновременно это эффективный способ компрессии средств выражения. Нами было чётко выявлено доминирование одних форм перед другими: 2-го лица глаголов над 1-м и 3-м, настоящего времени над прошедшим и будущим и пр. При этом позиции по отношению к союзу И у разных категорий различны. При анализе категорий были установлены возможные позиции приоритета. Обычным в композиции с двумя глаголами следует признать следующий порядок: первым элементом является глагол в личной форме с одним из модальных оттенков действия, называемого вторым элементом композиции – глаголом-инфинитивом, т.е. первый элемент обладает формами изменения, а второй прижимается к нему.

Литература

1. Моделирование процессов функциональной категоризации глагола / под общ. ред. Н.Н. Болдырева. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 172 с.
2. Летучий, А.Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты: автореф. ... дис. канд. филол. наук / А.Б. Летучий. – М., 2006. – 36 с.
3. Урманцев, Ю.А. О природе правого и левого (основы теории диссфакторов) / Ю.А. Урманцев // Принцип симметрии. – М., 1978. – С. 180–195.
4. Карпов, В.А. Язык как система / В.А. Карпов. – Минск: Выш. школа, 1992. – 224 с.
5. Гринберг, Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике: в 5 т. – М., 1970. – 141 с.
6. Стилистика русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – Л.: Просвещение, 1989. – 224 с.
7. Бондарко, А.В. Вид и время русского глагола / А.В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971. – 240 с.
8. Русская грамматика. – М.: Наука, 1982. – 783 с. – Т. 1.

Поступила в редакцию 15.05.2015 г.